

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

БРАВО
-
БРАВИССИМО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виталий Ерёмин

Браво-брависсимо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67689779

SelfPub; 2022

Аннотация

По форме, с чисто внешней стороны, это пьесы. А стало быть они должны представлять интерес только для театральных режиссеров. Но эти пьесы читаются, как рассказы, или как небольшие повести. В них много захватывающего действия, а персонажи привлекают своими характерами и смыслами, которыми живут. Чтение для интеллектуалов и эстетов, театралов и киноманов

Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	4
Эмансипе	7
Любимый вождь нашего племени	82
Реабилитация Мазарини	162
Двое и ещё четверо	236
Страдалки	316
Я полюбил свои страдания	405

Виталий Ерёмин

Браво-брависсимо

От автора

«Эмансипе»

История любви бывшей возлюбленной Достоевского Аполлинаруи Сусловой и молодого писателя Василия Розанова. Она – пострадавшая от своеобразной сексуальной природы великого писателя. Он страдает более чем оригинальным представлением о настоящей любви. Каждый из них двоих во взаимном чувстве – жертва и истязатель.

«Любимый вождь нашего племени»

Политическая драма. 30-е годы. Талантливый молодой человек, став помощником Сталина, становится как бы его двойником. Не во внешности, а при подготовке проектов государственных решений. Интеллектуальным двойником. Но это маска, обманчивая видимость. На самом деле он быстро разочаровывается в вожде и принимает решение уйти в отставку. Но не тут-то было...

«Реабилитация Мазарини»

Совсем другой Джулио Мазарини. Не тот, каким мы знаем его по романам Александра Дюма. При этом автор ничего не сочиняет. Характер знаменитого кардинала именно та-

кой, каким был на самом деле. Это Дюма-отец его искажил. Так что версия автора – самая настоящая реабилитация, то есть освобождение знакомого образа от напраслины. В этой пьесе совсем другие не только характер и деяния кардинала, но и любовные отношения Мазарини и французской королевы Анны Австрийской. Подлинная любовь, которой можно только удивляться.

«Двое и еще четверо»

Лирическая мелодрама. Писатель-детективщик решает сменить тему – написать о любви. Но прежде хочет влюбиться, чтобы написать о любви с натуры – с себя и вовлеченной в эту авантюру интереснейшей партнерши, матери четыре детей. Только в финале детективщик начинает понимать, что эта чудная женщина – тоже любительница экспериментов – все четверо ее детей не от бывшего мужа, а от разных мужчин.

«Страдалки»

Криминальная мелодрама. В женскую колонию для особо опасных рецидивисток приезжает криминолог, специалист по женской преступности. С ним – американка, мастер художественной фотографии. В колонии проводится конкурс красоты. Криминолог добивается освобождения победительницы. Но не может помочь той женщине, которая особенно нуждается в этом, и гибнет.

«Я полюбил свои страдания»

Историческая драма. Противостояние Сталина и хирур-

га-виртуоза Войно-Ясенецкого, демонстративно ставшего епископом в пору яростных гонений православной церкви. Невероятные страдания и любовь к молодой женщине, от которой епископ отрекается, вынужденный исполнять обет монашества.

Эмансипе

Любовная драма

Василий Розанов – учитель, писатель, литературный критик

Аполлинария Сулова – бывшая возлюбленная Достоевского

Михаил Голдин – друг Розанова, продавец его книг, учитель музыки

Софья Голдина – мачеха Михаила

Таня Щеглова – учительница

Большая квартира Михаила Голдина.

Точнее, квартира его отца, живущего с молодой женой Софьей, мачехой Михаила. Здесь Розанов снимает комнату.

Розанов в своей комнате. Он в творческом процессе: много курит, ходит туда-сюда, что-то бормочет себе под нос. Потом бросается к столу и что-то пишет.

В другой комнате. Михаил Голдин со своей молодой мачехой Софьей.

С о ф ь я. Если бы ты только знал, Мишенька, какие мы были с Полиной эмансипе. Как мы куролесили! Таскали по очереди впереди демонстрантов красный флаг, пели Марсе-

льезу, кричали «Долой царя!», казаков задирали, обзывали всячески. Нас хватали, мы визжали, отбивались, нас колотили, тащили в участок, сажали в клетку вместе с проститутками, мы дрались с ними. Потом жандармы нас допрашивали, говорили, какие же мы дуры...

Лицо у Михаила вытягивается. Софья понимает, что перебрала и начинает отыгрывать назад.

С о ф ь я. Мишенька, ты только не подумай, что мы были совсем уж оторвами. Прости за подробность, но нам с Полькой было уже за двадцать, а мы были еще девами непорочными.

Софья подходит к Михаилу и с нежностью гладит его по щеке.

С о ф ь я. Ну, перестань осуждать меня. Сейчас Полина придет, а у тебя надутый вид. Интересно, какая она сейчас. Почти пятнадцать лет мы не виделись, для женщины – срок ужасный. Хотя... они там в Европе умеют ухаживать за собой.

Входит горничная.

Г о р н и ч н а я. Аполлинария Прокофьевна Суслова.

С о ф ь я. Проси.

Входит Суслова. Ей под сорок, но выглядит она, если не приглядываться, на тридцать.

Женщины раскрывают объятия, целуются, разглядывают друг друга. У Сусловой короткая стрижка, и одета она во все черное.

С о ф ь я (*не без зависти*). Полинька, ты до сих пор нигилистка с головы до ног, но как же ты изысканна! Что значит пожить в Европе. Тебе сейчас, наверное, все так чуждо здесь у нас.

С у с л о в а (*голос у нее грудной, речь несколько медлительная*). Ах, Соничка, у русских две родины – Россия и Европа. Так что я везде у себя дома. К тому же в России я уже почти три года.

С о ф ь я (*в крайнем удивлении*). Как? Как можно, Поля, не дать знать?

С у с л о в а. Сидела у родителей в деревне, в маленькой комнатке с низким потолком, как в келье.

С о ф ь я. Это после Парижа, Рима, Берлина, Женевы!

С у с л о в а. В Европе мне говорили, что я не русская душой. Но и своей не считали.

С о ф ь я. Ты как раз очень даже русская. У любой русской, самой веселой и даже самой ветреной в глазах можно увидеть печаль. Посмотри на свои глаза в зеркале.

С у с л о в а. Я теперь не ветренная, я теперь эмансипированная. Почему француженки не так быстро стареют? Они сами выбирают и сами предлагают. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я... И никто их за это не осуждает.

М и х а и л. Как интересно.

С о ф ь я (*подводя Михаила*). А это мой пасынок, Михаил.

С у с л о в а. Очаровательный мальчик. Сколько тебе, Мишенька?

М и х а и л. Уже семнадцать. Только не надо с мной, как с дитяткой. Я давно уже бреюсь.

С у с л о в а. И на фоно играешь?

М и х а и л. С пяти лет.

С о ф ь я. Миша учится в консерватории и преподает.

С у с л о в а. Ужасно жалею, что папенька не нанял для меня учительницу музыки. Музицирование так скрашивает одиночество.

С о ф ь я. Как же ты стерпела свое заточение в деревне?

С у с л о в а. Читала рыцарские романы, изучала историю Средневековья. Восхищалась Бланкой Кастильской, мечтала отбить у нее Филиппа VIII. Что за судьба у этой Бланки! Выйти замуж в 12 лет, родить 13 детей. Раздеться донага перед пэрами Франции, чтобы показать, что не беременна от приписываемого ей любовника.

С о ф ь я. Думаю, этого маловато для восхищения. Тебе, по-моему, больше нравится та эпоха, XVIII-й век. Рыцари, трубадуры, стихи о прекрасной даме. То, чего даже близко не было у нас.

С у с л о в а. Как же ты меня знаешь.

С о ф ь я. Наверное, много писала?

С у с л о в а. Представь себе, ни строчки. Из чего заключила, что я все-таки не графоманка.

С о ф ь я. Такая богатая впечатлениями жизнь... Я тебя не понимаю.

С у с л о в а. Я сам себя не понимаю. Болтаюсь по жизни.

Ничего из меня не получается. Трачу только деньги папеньки. (*Михаилу*) Мишенька, сыграйте нам что-нибудь.

Михаил мнется.

С о ф ь я. За стенкой наш квартирант работает, Васенька Розанов.

С у с л о в а. Розанов? Тот, что пишет о Достоевском?

М и х а и л. Он его страстный поклонник.

С у с л о в а. Интересно! Так давайте помешаем ему.

Комната Розанова.

Р о з а н о в * В у с т н о й р е ч и Р о з а н о в а и с п о л ь з о в а н ы н е к о т о р ы е е г о в ы с к а з ы в а н и я и з а п и с и. (*зрителю*). Бог послал меня с даром слова и ничего другого не дал. Вот отчего я несчастен и постоянно пишу. Литературу я чувствую, как штаны. Так же близко и вообще, как своё. Штаны бережешь, ценишь, всегда в них, так и я постоянно пишу. Мой канон – благодари каждый миг бытия и каждый миг увековечивай. Но в мышлении моем всегда какой-то столбняк. Или от мути во мне нечистой крови. Или от пустоты и бессмысленности жизни. Страшная пустота жизни, как она ужасна. Нужно, чтобы о ком-то болело сердце. Но о ком? Таня такая правильная, такая благополучная. Это у нее обо мне болит...

Михаил идет в комнату Розанова, Суслова и Софья, остаются у двери и прислушиваются.

М и х а и л (*входя*). Творишь? Вынужден тебя прервать. С тобой изъявила желание познакомиться прекрасная женщина. Она за дверью. (*Розанов смотрит с крайним удивле-*

нием). Это... *(делает паузу)*.

Р о з а н о в. Не томи же!

М и х а и л. Это бывшая возлюбленная Достоевского...

Р о з а н о в *(ошарашен)*. Неужели Сулова? *(Михаил подтверждает взглядом)* Но зачем? Это невозможно.

М и х а и л. Она не захотела ждать. У нее к тебе какие-то важные вопросы. И ей все равно, захочешь ты отвечать или не захочешь.

Р о з а н о в. Боже милостивый! Как можно так внезапно? У меня столбняк.

С у л о в а *(решительно входя в комнату)*. Розанов, какой столбняк? Какие церемонии могут быть между нами, нигилистами?

Р о з а н о в. Но я сейчас уже не совсем нигилист.

С у л о в а. Хорошо, между нами, агностиками.

Р о з а н о в. Но я люблю Бога. Ближе Бога у меня никого нет.

С у л о в а *(с притворной досадой)*. Что ж такое! Кто же вы?

М и х а и л. Он гений в потенции, в перспективе. Немного терпения, мадам. Сейчас он придет в себя.

С у л о в а *(насмешливо)*. Что-то не заметно. Розанов, как вам помочь? Ну, хорошо. Скажите, что вы думаете о моем друге Герцене, царство ему небесное?

Р о з а н о в. Герцен написал много, но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет де-

вушка. Не заплачет, не замечтается и даже не вздохнет.

С у с л о в а (в том же тоне). Какая лирическая критика. А о Гоголе что скажете?

Р о з а н о в. Интересна его половая загадка. Он, бесспорно, не знал женщины, у него не было физиологического аппетита к ней.

С у с л о в а (с интересом). Что же, по-вашему, было?

Р о з а н о в. Поразительна яркость кисти везде, где он говорит о покойниках. Красавица-колдунья в гробу. Мертвецы, поднимающиеся из могил. Утопленница Ганна. Везде покойник у него живет удвоенной жизнью. Покойник нигде не мертв, тогда как живые люди словно куклы, аллегории пороков. Он ни одного мужского покойника не написал, точно мужчины не умирают. Бездонная глубина и загадка, этот Гоголь.

С у с л о в а. Живописно. А как вам Достоевский? Насколько мне известно, вы его поклонник, что-то пишете о его творчестве

Р о з а н о в. Трудно сказать о нем то, чего вы не знаете. А говорить, что знаете, смешно. Иногда мне кажется, что он будто вечно пьяный, только не от вина.

С у с л о в а. Дерзко. И как-то странно высказываетесь. Не как поклонник.

Р о з а н о в. На любой предмет я стараюсь смотреть с тысячи точек зрения.

С у с л о в а. Бросьте! Просто у вас такой характер: семь

пятниц на неделе. Я вас насквозь вижу, Розанов.

Р о з а н о в. Достоевский великий писатель, но без отточенной техники. Он в большей степени пророк, чем прозаик.

С у с л о в а (*Михаилу*). Что ж, неплохо.

М и х а и л. Завтра у нас литературный кружок. Будем рады.

С у с л о в а. Ох уж эти кружки! Абстрактные темы, пустые споры. Болтлив русский человек. Но я обожаю вращаться среди молодежи. Обязательно приду. (*Розанову*) До свидания, Розанов!

Суслова скрывается за дверью. Софья уводит ее в свою комнату.

М и х а и л (*взволнованному Розанову*). Ты заметил, каким тоном она сказала тебе «до свидания»? Она – давняя подруга моей мачехи. Она читала твои заметки. Да что с тобой? С чего вдруг ты так взбудоражился?

Р о з а н о в. Она ушибла меня.

Квартира Голдиных. Большой самовар на длинном столе. Заварной чайник. Чашки. Сладости. Все участники кружка – совсем молодые люди. Шутки смех.

Розанов сидит в одном торце стола. Заядлый курильщик, он прикуривает одну папиросу от другой. Курит и непрерывно ест сладости. Рядом с ним его девушка – Таня Щеглова

М и х а и л. О социализме мы сегодня рассуждать не будем.

Р о з а н о в. И правильно. Социализм пройдет, как дис-

гармония, как буря, ветер, дождь. Хотя, возможно, не скоро. И если придет, то тоже не скоро. Хотя предпосылки есть. Самая почва нашего времени испорчена, отравлена.

Щеглова. Вася, ну зачем же так мрачно?

Михаил (*добродушно*). Апокалиптик ты наш. (*Щегловой*) Ну, что с него возьмешь?

Открывается дверь, входит Суслова. Михаил устремляется ей навстречу.

Суслова (*осматриваясь*). Узнаю Россию. Какой разговор по душе без самовара.

Щеглова (*Розанову*). Вася, это кто?

Розанов (*вполголоса*). Суслова, бывшая подруга Достоевского.

Щеглова. Та самая?

Розанов. Та самая. (*Себе*) Поразительное сочетание кокетства и недоступности.

Михаил усаживает Суслову напротив Розанова – на противоположном конце длинного стола. Их разделяет несколько метров.

Михаил. Господа, позвольте представить вам нашу гостью. Суслова Аполлинария Прокофьевна. (*неожиданно мнетя*) Писательница, известная нигилистка. Любит молодежь.

Щеглова (*вполголоса и с усмешкой – Розанову*). Молодежь или молодых людей?

Михаил. Господа, тема нашего сегодняшнего литера-

турного вечера – любовь, брак и семья (*с иронией*), и прочие пережитки прошлого. Для завязки дискуссии выступит Василий Розанов. Покорно прошу, Василий. Тебе слово.

Р о з а н о в. Господа, давайте сначала предоставим слово Аполлинаруи Прокофьевне. Она столько лет провела за границей. Так любопытно послушать ее.

С у с л о в а. Ой, прекратите, Розанов! Не смейте под меня подделываться. Вам предоставили слово – извольте говорить.

Р о з а н о в. (*справляясь с волнением*). Господа, боюсь, я скажу то, что вам не понравится. Я глубоко убежден в том, что мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете. Это мой главный канон. А канон второй: не выходите, девки, замуж ни за писателей, ни за ученых. И писательство, и ученость – эгоизм. Выходите, девки, за обыкновенного человека, чиновника, конторщика, купца, лучше бы всего за ремесленника. Нет ничего святее ремесла. И такой муж будет вам другом. Третий мой канон: замужество – это второе рождение. Где недоделали родители, доделывает муж. Он довершает девушку просто тем, что он – муж.

Щ е г л о в а (*с сарказмом*). Да уж, он довершит. Василий, ты говоришь так, будто тебе в обед сто лет.

Р о з а н о в (*себе*). Иногда мне кажется, что мне тысяча лет.

Девушки и юноши смеиваются.

Щеглова. Василий, если писательство – эгоизм, зачем ты постоянно пишешь?

Розанов. Писательство – есть несчастье, рок. Это мое второе мнение, но есть и другие.

Слова. К примеру?

Розанов. Счастье писания – есть счастье рождения.

Слова. А рок в чем, Розанов?

Розанов. Боюсь, наша литература погубит нас своим злословием и пустотой.

Слова. Тоже метите в пророки?

Щеглова. А кто еще пророк?

Слова (*будто отмахивается от Щегловой*). Какая назойливая муха! Однако, вы свернули с главной темы, Розанов. Вернитесь.

Розанов молчит.

Слова. Розанов, что с вами? Говорите же, мне интересно. Чем вы заняты? Как вам не стыдно? Зачем вы не дадите мне покоя? Зачем ласкаете мне ногу под столом?

Общее замешательство, потом смехи.

Розанов (*в смятении*). Помилуйте, как можно?

Михаил. Не обращай внимания, Василий. Это всего лишь розыгрыш. Не так ли, Полина Прокофьевна?

Щеглова. Мадам, у нас серьезная дискуссия, а вы устраиваете балаган.

Слова. Деточка, тебе же сказали, что это всего лишь

розыгрыш.

Щеглова. А когда вы ударили по щеке мужчину почтенного возраста, который подарил вам комплимент, это тоже был розыгрыш?

Слова. Это когда же? Кого я ударила. *(Вспоминает)*
Ах, вот ты о чем!

Щеглова. Вспомнили? Преподаватель в институте сказал вам, что вы прелестны, как богиня Афродита, а вы залепили ему пощечину.

Слова. Ах, деточка, чего с меня взять. Я – дочь бывшего крепостного крестьянина. Мне вообще нет места в цивилизованном обществе. Но зачем ты сократила комплимент профессора? После слов о богине Афродите он сказал, зачем мне политика и ученость. Он оскорбил меня. А потом смел прикоснуться к моему лицу.

Щеглова. Погладил, что ли? Так ему, наверное, понравилась ваша нежная кожа.

Розанов. Профессор потрепал Аполлинарию Прокофьевну по щеке. Вот она ему и съездила. По-моему, заслуженно.

Слова. Василий, вы поступили сейчас, как рыцарь. Я при всех хочу сказать вам, чтобы вы пришли ко мне сегодня ночью, я буду ждать. Я помогу вам исполнить любовь, чтобы вы не маялись на том свете.

Немая сцена. Все потрясены. Раздаются смешки. А потом и хохот.

Щеглова (*тоже смеясь*). Слушайте, это неслыханно!
(*Сусловой*) Мадам, как вы можете говорить об этом вслух?

Суслова. А что, на ухо шептать? Чего тут стыдного?
Странное возмущение для нигилистки.

Щеглова. Тут не все нигилисты. Я точно старомодна.
(*Розанову*). Василий, почему ты молчишь?

Розанов. А ты, Таня, могла бы так прямо сказать?

Щеглова. Ты в своем уме?

Щеглова выбегает из комнаты.

Михаил. Вася, это уже слишком.

Михаил выбегает следом за Таней.

Розанов (*вслед*). Прости, дружище, я что-то не в себе.

Квартира Сусловой. Много книг. Входят Суслова и Розанов. Розанов помогает даме снять верхнюю одежду. Склоняется, чтобы помочь снять обувь. Суслова помогает ему снять шубу. Розанов страшно волнуется.

Суслова. Василий, неужели у тебя, в твои двадцать два года, еще не было женщины?

Розанов. Отчего ж? Была. Но как же прав Федор Михайлович: красота – страшная сила.

Суслова. У тебя все еще столбняк? Ой, я знаю, что мне и с тобой не повезет. Но интересно, до какой же степени.

Розанов. Вам не везет, а мне наслаждение.

Суслова (*принимая томную позу*). Так насладись. Потрогай меня. Нет, не через одежду. Обними меня без тряпок. А вот целоваться мы не будем. Ну, если только не в губы.

Яркость освещения сцены уменьшается. Розанов приближается к Сусловой. Хочет прикоснуться к ней и не решается.

Суслова подходит к буфету. Достает бутылку с надписью «Хлебная водка». Наливает в два стакана. Отрезает ломоть черного хлеба. Переламывает надвое. Протягивает стакан Розанову. Розанов робко берет.

С у с л о в а. Черный хлеб – самая здоровая закуска при употреблении хлебной водки. Пей, голубчик, набирайся мужского духу.

Чокается с Розановым и выпивает полстакана одним махом до дна. Смотрит испытующе. Под ее взглядом Розанов выпивает водку без лихости. Видно, что делал он это раньше не часто.

Р о з а н о в. Вы повторяете Федора Михайловича. Голубчик – его словечко. Вам осталось только назвать меня, как он называл вас. Чрезвычайно любопытным существом.

С у с л о в а. А что? Ты очень любопытное существо. Будет тебе ревновать раньше времени.

Суслова делает вид, что водка ударила ей в голову. С пьяным смехом она обнимает Розанова и падает вместе с ним на постель. Розанов с блаженством осыпает поцелуями ее обнаженные места.

С у с л о в а. А ты только с виду диковатый, Василий, а на самом деле, гляди, какой сладострастный. Давай я буду звать тебя на французский манер Базилем, а то Василий звучит

как-то совсем простецки. Совсем не для любви.

Р о з а н о в. Я распушенности не чужд. (*Целует ей грудь*)
Я докажу. Я докажу.

На сцене становится совсем темно.

Г о л о с С у с л о в о й. А вот этого не надо. Давай обойдемся без этого. Лучше вот сюда поцелуй. А теперь сюда. Вот, хорошо.

Р о з а н о в. Как же? Я хочу детей. Много детей. Чего вы боитесь? Они все будут похожи на вас.

С у с л о в а. Детей я не хочу, даже гениальных. Феденьку тянуло к молоденьким. А у тебя, получается, все наоборот?

Р о з а н о в. Ну, что вы, Полинька, вы совсем не...

С у с л о в а (*шутливо*). Договаривай, негодник. Хотел сказать, совсем не старая?

Р о з а н о в. Вы словно юница: грудь, руки, живот...

С у с л о в а. Грудь, руки, плечи, живот – сама знаю. А лицо? Вся моя порочность – в лице, этого ничем не скрыть, никакими румянами. У тебя раньше были только проститутки. Ну, признайся же.

Р о з а н о в (*себе*). Как она угадала?! Я целую ее, но не перестаю бояться. Есть подарки судьбы, от которых душа горит и зябнет.

С у с л о в а. Что ты там мычишь? Как разгорелся-то! Ну, гори, гори.

Р о з а н о в (*в зал*). И я любил эту женщину и, следовательно, любил весь мир. Женщина эта была близко. Я близко

подносил лицо к её животу, и от живота дышала мне в лицо теплота этой небесной женщины. Тёплый аромат ее тела – вот сейчас моя стихия и вся моя философия. И звёзды пахнут. Господи, и звёзды пахнут. И сады. Всё теперь пахнет её запахом.

Улица. Розанов и Щеглова идут из школы.

Щеглова. Вася, как же так быстро вышло? Что с тобой?

Розанов. Видишь ли, Таня... Не знаю даже, как сказать.

Щеглова. Пусть об этом у тебя будет одна точка зрения.

Розанов. Таня, человека тянет к тому, чего ему особенно недостает. Чего он жаждет. А я – человек жаждущий.

Щеглова. Ты о какой духовной жажде, что ли?

Розанов. Отчасти. Ты очень хорошая, Таня. Ты слишком хорошая для меня. Зачем мне делать тебя несчастной?

Щеглова. Туман. Тень на плетень. А не отчасти в чем жажда? *(Видя, что Розанов напряженно молчит, продолжает с отчаянием)* Чем такие берут ваш сильный пол? И Миша туда же.

Розанов. Куда туда же?

Щеглова. А ты что же, не видишь, как он смотрит на нее?

Розанов. Таня, это как приворот. Я – это вроде не я.

Щеглова. Васенька, она ж тебе в матери годится.

Розанов. Таня! Я понимаю, я смешон. Я понимаю, что и тебя ставлю в смешное положение. Но это выше моих сил.

Щеглова. Господи, что ж такое с тобой! А может, это

пойдет? Ты ж такой переменчивый. Раньше это меня беспокоило, а сейчас обнадеживает. Ты ж такой понятливый. Ты ж сам установил канон, что женщина без детей – грешница. А ведь она уже не может иметь детей.

Р о з а н о в. Таня, нам с тобой еще работать вместе. Зачем ты драматизируешь? Эх, Таня! Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет: и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй только по морали. Нет, я ей говорю: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Щ е г л о в а. К вечеру жизни? Точно, я не узнаю тебя. Ты – это уже не ты. Что-то вроде этого я читала у Ницше.

Р о з а н о в. Ах, Таня, тогда я тебе иначе скажу. Добродетель так тускла, а порок так живописен, а страдание – такое наслаждение.

Щ е г л о в а. Что ты считаешь страданием?

Р о з а н о в. Когда я получаю незаслуженное.

Щ е г л о в а (*осеня Розанова крестным знаменем*). Это в тебе тщеславие забродило. Порок не живописен, а противен и мерзок, Вася.

Р о з а н о в. Я должен это испытать, через это пройти.

Щ е г л о в а. Через что «это», Вася?

Р о з а н о в. Я должен испытать свою порочность, Таня. И поэтому тоже хочу пройти через унижение. Это сделает меня сильнее. Мне надоела бесконечная моя слабость.

Щеглова. Знаешь, как это в медицине называется?

Розанов. Знаю, Таня. Ну, мазохист я, наверное.

Щеглова (*шутливо*). Ну что, мне поработать над собой?

Ладно, стану садисткой, так и быть.

Розанов. Неужели сможешь? Клеветешь на себя.

Щеглова (*сдерживая слезы*). А что мне остается?

Розанов. У тебя Миша в резерве.

Щеглова. Не ожидала от тебя. Ты, оказывается, можешь быть и циником. Не боишься окончательно меня разочаровать?

Розанов. Боюсь. Бог не простит мне этого.

Щеглова. Если у тебя на все предметы тысяча взглядов, то на Бога сколько?

Розанов. Ты вот поповна, дочь попа, а попов не любишь. Так и я. Люблю Бога в своем личном отношении к нему. А все, что о нем написано, не признаю и не люблю.

Щеглова. Ладно, ты свободен, и я не вправе осуждать тебя.

Розанов привлекает к себе Щеглову, но это с его стороны братское объятие.

Розанов. Будем, как брат и сестра.

Квартира Голдиных.

Михаил сидит за фортепиано, перебирает клавишами.

Розанов расхаживает туда-сюда с папирсой. Он возбужден переменой в жизни.

Михаил. Я знал, что ты увлечешься ею. И я рад за тебя.

Р о з а н о в. А мне страшно. Ей нельзя верить. Мне кажется, она сама себе не верит. Она какая-то больная. Но я не могу отказаться. В какой-то момент я понял: если бы она предложила мне совершить покушение на императора, я бы не отшатнулся в ужасе, не бросился бы прочь. Я бы ее выслушал. Какой же у нее стиль!

М и х а и л. Что ты называешь стилем?

Р о з а н о в. Лицо, голос, жесты, позы во всех сочетаниях и в комплексе. Она завораживает. Она соглашается жить со мной “так”, но ты знаешь наш мальчишеский героизм, я потребовал венчания. Хотя вижу: её стиль – для гостиных, лекций, вообще для суеты; и никакой способности к семейной жизни. Хочу семью, освященную в церкви. Хочу детей. Она может родить красивых, умных детей. Но она против категорически. Хотя... я пока тоже против. Будут говорить, что я женился на деньгах. Она – дочь купца, а я – сирота почти нищенская.

М и х а и л. Тебя никогда точно не поймешь. Не понимаю, зачем тебе венчание при ее отношении к религии? Она ж безбожница. И она просто боится иметь детей. В ее возрасте умирают при родах.

Он играет что-то бравурное, как бы заглушая какую-то свою печаль.

Р о з а н о в. Не понимаю. И мне теперь не будет покоя, пока не пойму. Решительно не понимаю, как мог отказаться от нее Достоевский.

М и х а и л. А я не понимаю, что ее привлекло в Достоевском. Про таких, как он, в народе говорят – шибздик. Бороденка, бородавка на щеке. Папиросы не выпускает изо рта, прикуривает одну от другой. Так о нем говорят.

Р о з а н о в. Совсем как я. Частое курение – это нервное.

М и х а и л. А его падучая? Как можно полюбить эпилептика?

Р о з а н о в. Из жалости можно и эпилептика полюбить, если он – талант. А талант – это душа.

М и х а и л. Душа у Достоевского?! (*саркастически усмехается*) Согласен, русская женщина может влюбиться в талант. Еще как может! Она одна в этом мире и может. Но душа у него темная, Василий, преступная даже.

Р о з а н о в. У него только чувство преступности. Он хотел, но не мог. За него совершали его герои. Если я пойму, зачем ей был Достоевский, то станет ясно, зачем ей я. Что она нашла во мне? Как мне вести себя с ней?

М и х а и л. Василий, ты всерьез влюбляешься в эту старуху! Опомнись! Это невозможно.

Р о з а н о в. Поздно, у меня уже горячка. А ты лукавишь, брат. Сам-то какими глазами смотришь на нее.

М и х а и л. Ну, нравится она мне, не скрою. Историческая женщина. Любуюсь ею, как экспонатом.

Р о з а н о в. А она, думаешь, не видит это, не чувствует?

М и х а и л. Вася, Бог с тобой! Ты ревнуешь? Прекрати. Это невозможно.

Р о з а н о в. Миша! Это как раз возможно, потому что ты красив, как бог Дионис. *(После паузы)* В мужчине должно быть что-то оправдывающее его недостатки. То, за что можно простить все дурное, даже невзрачную внешность. Оправдание это у Достоевского было. Он был ее первым мужчиной, с которым у девушки, отдавшейся ему, образуется особая связь. А я у нее не первый. И я не вижу в себе никаких оправданий. Если меня не за что любить, если меня нечем оправдать, то зачем я ей? Что она задумала?

М и х а и л. Боже милостивый! Да все просто. Ты много моложе, и ты – талант. Вот и все объяснение. Ваша связь – это как ее связь с Достоевским. Только он был много старше ее, а теперь она много старше тебя.

Р о з а н о в. Неужели она видит во мне его?

Розанов подходит к большому зеркалу, всматривается в свое изображение.

Р о з а н о в. Сколько я гимназистом простаивал перед большим зеркалом в коридоре, и сколько тайных слез украдкой пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся, не сухая. Волосы прямо огненного цвета и торчат кверху, но не благородным «ежом», а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо, и как я не видал ни у кого. Помадил я их, и все – не лежат. Потом домой приду, и опять зеркало – маленькое, ручное: "Ну кто такого противного полюбит". Просто ужас брал. В душе я думал: женщина меня никогда не полюбит, никакая. Что же остается? Уходить в

себя.

М и х а и л. Так внешняя непривлекательность стала причиной самоуглубления.

Р о з а н о в. Но меня замечательно любили товарищи...

М и х а и л. И я тебя люблю.

Р о з а н о в. И я всегда был коноводом против учителей, особенно против директора. В зеркало, ища красоты лица до выпученных глаз, я, естественно, не видел у себя взгляда, улыбки, вообще, жизни лица и думаю, что вот эта сторона у меня – жила, и пробуждала то, что меня все-таки замечательно и многие любили, как и я всегда, безусловно, ответно любил.

С детства я любил худую, заношенную одежду. Новенькая меня всегда жала, теснила, даже невыносима была. Просто я не имею формы. Какой-то комок или мочалка. Я наименее рожденный человек, как бы еще лежу в утробе матери и слушаю райские напевы, вечно как бы слышу музыку – это моя особенность. На кой черт мне интересная физиономия или еще новое платье, когда я сам в себе бесконечно интересен, а по душе – бесконечно стар, опытен, точно мне тысяча лет, и вместе – юн, как совершенный ребенок...

Михаил подходит к Розанову, обнимает его.

М и х а и л. Ты в самом деле так бываешь похож на дитя.

Квартира Суловой.

Сулова сидит с книгой. С улицы входит Розанов. Снимает верхнюю одежду.

Р о з а н о в. Эти заспанные лица, немощные улицы. Русская жизнь так грязна, так слаба.

С у с л о в а. Вчера ты говорил, что она тебе противна.

Р о з а н о в. Слаба, противна, но как-то мила. Не милы только болтуны. Русский болтун – теперь самая главная сила в нашей истории. Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет. На этом просторе и разгулялся русский болтун. Воображать и чесать языком – легче, чем работать. На этом и родится ленивый русский социализм.

С у с л о в а (*с иронией*). Зато мы – духовная нация. Что-то ты все чаще ругаешь русских.

Р о з а н о в. Но при этом ненавижу всякого, кто тоже их ругает. Кроме русских, единственно и исключительно русских, мне вообще никто не нужен, не мил и не интересен.

С у с л о в а. Уж не побывал ли ты в какой-то редакции?

Р о з а н о в. Побывал и еще раз убедился: главный лозунг нашей печати: проклинай, ненавидь и клеветчи.

С у с л о в а. Не взяли статью?

Р о з а н о в. Надо писать только для себя. Не напечатают – не беда. Если написано хорошо, рано или поздно кто-нибудь оценит. А значит, написанное не пропадет.

С у с л о в а. Ты стал логически тянуть мысль. Раньше были одни полумысли.

Р о з а н о в. Хочешь, сказать – благодаря тебе? Отчасти, да. Подчиняюсь. Но мне это не нравится. Мне больше нравятся полумысли, почувства, догадки в двух словах.

С у с л о в а. Ну, понятно, мысли скачут или наоборот, как ты говоришь, столбняк в мышлении. Начал сейчас с лиц и улиц, а что на самом деле в голове?

Р о з а н о в (*не сразу решаясь*). Вот скажи мне на милость, Полиночка, сколько ты встречалась с испанцем Сальвадором? Три недели? А сколько других людей встретилось тебе в Европе? А сколько лет прошло с тех пор? Почти пятнадцать. Столько страстей и переживаний. У тебя так удалась биография. Для писателя это первое условие. Но твоя биография остается у тебя в голове, не ложится на бумагу. В голове не укладывается.

С у с л о в а. Надо же, о чем у тебя болит.

Р о з а н о в. Да, душа болит за тебя. За твой талант. Талант должен развиваться. Я хочу быть нужным тебе.

С у с л о в а. У меня до сих пор такое ощущение, будто я погрузилась с Достоевским в тину нечистую. И никак не могу выбраться.

Р о з а н о в. Это я понимаю. Когда девушка теряет девство без замужества, то она теряет все и делается дурною. Совокупление без замужества есть гибель девицы.

С у с л о в а. Как ты можешь так говорить? Это жестоко.

Р о з а н о в. Полинька, а ты потерпи. Это ведь как горькое лекарство.

С у с л о в а. Ты просто залезаешь мне в душу, причем, уже не первый раз. Твои слова, что женщина без детей – грешница, теперь постоянно у меня в голове. От чего ты хочешь ме-

ня вылечить? А тебе не приходила мысль – вдруг я неизлечима? Если ничего не пишу – значит, больна. Если не пишу столько лет – значит, больна неизлечимо. Тебя вот в гении уже записали. Как же ты тогда не понимаешь?

Р о з а н о в. Я тебе не про себя, а вообще скажу: гении бывают не очень большого ума.

С у с л о в а. Что ж ты себя жалеешь? Просто дураками бывают.

Р о з а н о в. Секрет писательства в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только сделать из себя писателя. Но он не писатель.

С у с л о в а. Если ты все так знаешь, зачем делаешь вид, что у тебя болит за меня?

Р о з а н о в. А меня манят писатели безвестные, оставшиеся незамеченными. Я так радуюсь, когда встречаю у них необычную и преждевременную мысль.

С у с л о в а. Опять семь пятниц. Иди к себе. Дай мне читать.

Р о з а н о в. Не обижайся, Полиночка. Твой незабвенный Федор Михайлович тоже пишет без музыки в душе, длинно, путано, повторяясь. Говорят, любит оправдываться тем, что он единственный из писателей живет на свои гонорары, и потому ему все время приходится спешить.

С у с л о в а. Это все отговорки. Даже если бы он был миллионер, он все равно писал бы непомерно длинные монологи и все тем же неряшливым слогом. Так уж его устроил Бог.

Р о з а н о в. Можно тебя спросить, почему у вас не сложилось?

С у с л о в а. Он предчувствовал, что и после смерти жены не женится на мне. И тем не менее воспользовался, затащил меня в постель.

Р о з а н о в. Поля, подумай о себе строже. Тебе тогда было уже, сколько мне сейчас, 23 года. Ты берегла себя не просто так, абстрактно. Ты берегла себя для такого брака, который бы тешил твое самолюбие. Разве не так? И вот знаменитый писатель. Ты сама смотрела в писатели. Значит, не могла не думать, что он тебе поможет.

Розанов умолкает. Суслова насмешливо смотрит на него.

С у с л о в а. Продолжай, я внимательно слушаю. Это неизбежный разговор.

Р о з а н о в. Я тайком прочел твои наброски. *(Умолкает в нерешительности)*

С у с л о в а. Говори же.

Р о з а н о в. Просто не знаю, с какой оценки начать. Как ты переживаешь... Значит, нет самодовольства. Отвратительное человека начинается с самодовольства. У писателя – особенно. Писательское целомудрие – это не смотреться в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим и отличаются: смотрятся в зеркало, или не смотрятся в зеркало.

С у с л о в а. Но женщина не может не смотреться в зеркало.

Розанов. Тебе как раз удаются те места, когда ты не любишь себя, а пишешь откровенно, списываешь с того, что было в жизни, хотя выглядишь при этом не очень приглядно. Ты признаешься в самом страшном для своего самолюбия – в том, что твой второй мужчина, Сальвадор, мало тебя любил, меньше, чем ты его. Это так привлекает. И когда ты дразнишь Достоевского, которому изменила с Сальвадором, ты тоже удивительно интересна. Но...

С у с л о в а. Да что ж такое?

Розанов. Есть люди, которые рождаются «ладно» и которые рождаются «не ладно». От этого у меня нет никакого интереса к реализации себя. Я – самый нереализующийся человек. Полинька, я не смогу помочь тебе. Мои руки висят.

Квартира Голдиных. Там Сулова и Софья.

С у с л о в а (взвинченно). Я как мумия. Во мне нет желаний. Я совершенно не могу чувствовать любовь. Она мне почти не нужна. Я не испытываю счастья в наслаждениях. Ласки напоминают мне об оскорблениях во время любви. Такой знаток души, Федор никогда не понимал меня. С самого начала не понимал. Он подумал, что я увлеклась им не только как знаменитостью, но и как женщиной. С чего он это взял? Даже его интеллект меня не возбуждал. Какая нелепость думать так. Я всегда возбуждалась только когда сама удивляла своим интеллектом. Мне просто нравилось быть в его кругу общения, среди знаменитых умных мужчин. Я начиналась их мыслями, а потом изрекала их в своем прежнем студен-

ческом кружке и выглядела необыкновенной.

Но он тоже начинался мной. Иногда он прямо говорил, что опишет меня в своих героинях. То есть, что я для него материал. Но это не обижало меня. Наоборот, он как бы соблазнял меня этим. Разжигал во мне женское тщеславие, и это ему удавалось.

Но когда женщина видит, что мужчина в нее влюблен, что он ее хочет, перед ней встает выбор: либо отвергнуть мужчину, либо отдаться ему. Отвергнуть я не могла. Я уже вжилась в его круг и даже в него самого, в его жизнь. Я стал там своей. К тому же он все так обставлял... Он был очень умелый драматург. Он ставил сцены, как в театре. Он разжигал во мне страсти. Он говорил, что с одним рассудком люди недалеко бы ушли. Мол, нужны безумства. А я видела, что это постановка, и все же подыгрывала ему. Он раздраживал во мне желание играть вместе с ним. Я просто не могла не доиграться.

Он гениален, как писатель, но не мог понимать элементарных вещей. Он хотел завести детей, но как я могла родить от него? Падучая – болезнь наследственная. Он писал моей сестре, что я невозможная эгоистка. Чего он тогда добивался, зачем в жены звал? Зачем ему такая жена? Либо у него не хватало ума понять это, либо все его предложения руки и сердца – тоже постановки с предсказуемым концом – я откажу ему, и тогда у него будет основание обвинять меня в эгоизме. Притворство его бывало гомерическим. А ведь он

еще самоубийством угрожал, если я не выйду за него.

Это были припадки истерики. Он вообще не знал, что такое сдержанность. Он был несдержанным, как простая баба. Он не стыдился своей истеричности. Он не понимал, что он истерик.

Он считал, что он лучше Сальвадора. Он считал, что Сальвадор – этот молодой, красивый зверь – меня обманул, а в его отношении не было никакого обмана. Он обличал и обвинял меня, что я ему якобы изменила, хотя безусловно догадывался, что я никогда, ни одной минуты не любила его. Да, в какой-то момент я потребовала, чтобы он ставил свою первую жену. Но он и здесь разыгрывал спектакль, изображал благородного мужа. Будто бы совесть не позволяет ему оставить ее, смертельно больную. А сам в сущности бросил, отправил в другой город, где сам появился только однажды, уже перед ее смертью. Не угрозы совести мешали ему, а страх за свою репутацию, страх Божий, если хотите.

Розанов подходит к другой стороне двери и прислушивается.

С у с л о в а. Однажды мы обедали в гостинице. За соседним столиком сидели молодые французы. Они, конечно, сразу заметили наш мезальянс, и стали насмешливо на меня посматривать. Федора это взбесило, он делал страшные глаза, чем не смутил, а только еще больше развеселил молодых французов. Но что еще он мог сделать? Мне было очень обидно. Федор в ту минуту как-то упал в моих глазах окон-

чательно.

С о ф ь я. А что он мог сделать, в сущности, больной человек?

С у с л о в а. Ну да. Развлекаться с девушкой в меблированных комнатах – был здоров, а защитить девушку – больной.

Р о з а н о в (*входит, не скрывая, что подслушивал*) Говорят, он болен и совсем плох. Эмфизема легких – это серьезно. Император наверняка оплатит его долги. Это у нас теперь традиция со времени Пушкина.

С у с л о в а. О, сколько было у него рулеточных долгов!

Р о з а н о в. Значит, и они будут плачены. Семья должна жить спокойно. Это по-христиански... Между прочим, его повесть «Игрок» я несколько раз перечитал.

С у с л о в а. Чем он мог тебя заинтересовать? Ты же сам не игрок.

Р о з а н о в (*цитирует по памяти*) Как любовно он свою героиню обрисовал. «Красавица первостепенная, что за бюст, что за осанка, что за походка. Она глядела пронзительно, как орлица, но всегда сурово и строго, держала себя величаво и недоступно. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мне кажется, ее можно всю в узел завязать и перегнуть надвое. Следок ноги у нее узенький и длинный, мучительный. Именно мучительный. Волосы с рыжим оттенком. Глаза настоящие кошачьи, но как гордо и высокомерно умеет она ими смотреть».

С у с л о в а. Ну, нарисовал, как с натурщицы, и еще моим именем назвал. Хотел таким манером меня подкупить, вернуть, но номер не прошел. А что ты еще наизусть знаешь?

Р о з а н о в. Сцену из твоих набросков. «Вдруг он внезапно встал, хотел идти, но запнулся за башмаки, лежавшие подле кровати, и так же поспешно воротился и сел. «Ты куда ж хотел идти?» – спросила я. – «Я хотел закрыть окно», – ответил он. – «Так закрой, если хочешь». – «Нет, не нужно. Ты не знаешь, что сейчас со мной было!» – сказал он со странным выражением. – «Что такое?» – я посмотрела на его лицо, оно было очень взволновано. – «Я сейчас хотел поцеловать твою ногу». – «Ах, зачем это?» – сказала я в сильном смущении, почти испуге и подобрав ноги. – «Так мне захотелось, и я решил, что поцелую».

С о ф ь я. Я вас оставлю ненадолго.

Софья выходит. Розанов резко меняет интонацию и запальчиво продолжает.

Р о з а н о в. Не понимаю! Зачем было ему вскакивать и врать про окно? Почему было не поцеловать твою ногу? Зачем тебе не сказать: ну, мол, хочешь поцеловать, ну и целуй. Зачем тебе было пугаться, подбирать ноги?

С у с л о в а. Как же ты, однако, дотошный. Как волнуют тебя мелочи.

Р о з а н о в. Мелочи меня как раз всегда и волнуют. В них правда. Или неправда. Все величественное мне чуждо. А мелочи – мои боги. Нет, конечно, если раньше он целовал

тебе ноги, а теперь, когда узнал про испанца, ты не хотела, чтобы он тебя касался, это другое дело. Но этого нет в тексте. И получается совсем другой смысл.

С у с л о в а. Как же тебе хочется знать, целовал ли он мне ноги!

Р о з а н о в. Уже не хочется. *(Целует ей ступню ноги)* Совсем не хочется. *(Целует другую ступню)* Теперь мне уже все равно.

С у с л о в а. Какой ты все-таки идеалист. Разве можно быть таким опрометчивым с женщиной? Представляю, что с тобой будет, когда я и тебя кину.

Р о з а н о в. Полинька, как ты шутишь! Зачем ты хочешь сделать мне больно?

С у с л о в а. Людям свойственно так поступать с людьми, как поступали с ними. Это может произойти против моего желания и воли. Потому, что так предначертано. А сказать тебе об этом я обязана, ибо это – правда. А правда – это... Ну, вспомни, что ты сам о правде написал.

Р о з а н о в. Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды – он не Бог, и небо трясина, и солнце – медная посуда. А ты знаешь, что он хотел тебя убить?

С у с л о в а. Конечно, знаю. А как ты догадался?

Р о з а н о в. Из твоих слов. Ты писала, что сказала ему, что он сегодня какой-то нехороший. А он как раз боролся с желанием убить тебя. А ты не боишься, что я тебя убью,

если ты меня кинешь?

С у с л о в а (*смеется*). Ты?! Ты тем более не способен.

Р о з а н о в (*с интонацией оскорбленного мужчины*). Я сомневался, а теперь понимаю, что прав. Женщина послана в мир животом, а не головой.

С у с л о в а. Bravo! Наконец-то в тебе проклюнулось что-то муштинское.

Улица. Розанов идет из школы. Его нагоняет Щеглова.

Щ е г л о в а. Вася, нам надо поговорить. Ученики тобой недовольны. Насмехаешься, даже издеваешься. Это так на тебя не похоже. Или ты легко можешь быть таким нехорошим? Старшеклассники тёмную тебе хотят устроить.

Р о з а н о в. Это откуда ж такие сведения? Уж не придумала ли?

Щ е г л о в а. Вася, ты разочаровался в учительстве?

Р о з а н о в. Когда я шел в университет, то знал, что иду в рабы. В древнем Риме-то педагогами были рабы. А что с тех пор изменилось? Учителя у нас за версту видно по изможденному виду. А что такое школа, я знал по своему ученичеству. Всему, чему я хотел научиться, я научился сам. Школой для меня стала моя природа. Если ребенок исключителен, значит и пути развития его должны быть исключительны. А наша школа – канцелярия. Но я чувствую, что буду мучиться на этом поприще лет десять, не меньше. Пока не найду для себя другого способа прокормиться. Ну, и совсем интимное. Я некрасивый, Таня. А некрасивых учителей де-

ти не любят. А когда тебя не любят, трудно быть хорошим учителем. Без телесной приятности нет и духовной дружбы. А хороший учитель обязательно должен духовно дружить с учениками. *(С иронией)* Не выйдет из меня учителя – буду писать статьи о воспитании и образовании.

Щеглова произвольным движением берет Розанова под руку.

Щеглова. Уже, наверно, пишешь?

Розанов. А что мне еще остается? Я пришел к выводу, что истинных русских интеллигентов и вообще хороших людей вырабатывает не школа, не государство, а цельная, крепкая, счастливая семья.

Щеглова. Вася, ты очень, очень милый человек. И, как видишь, остаешься таким для меня, несмотря ни на что. И будешь оставаться, несмотря ни на что. И я буду надеяться, сколько бы времени ни прошло.

Суслова видит их, идущих под ручку. Подходит к ним. Они останавливаются в оторопи. Какое-то время она смотрит на них. Потом начинает нервно смеяться.

Суслова *(Розанову)*. Что скажешь, ласковый теленок?

Розанов хочет что-то сказать, но – не может, так он растерян.

Суслова. О, Боже! Как же ты жалок и смешон! *(Щегловой)* Как вы оба смешны!

Щеглова. Мадам, не будьте... *(Осекается)*

Суслова. Ну, договаривай! Как ты хотела назвать меня,

дрянь?

Щеглова. Как вы смеете?!

Суслова. Я еще не то посмею!

Суслова бьет Щеглову по щеке. Хочет ударить еще раз, но Щеглова прячется за спиной у Розанова.

Суслова (Розанову). Дай мне ударить эту дрянь. Одного раза ей мало. И мне мало.

Розанов. Поля, ты переходишь все границы.

Суслова. А ты? Ты позволил этой дряни спровоцировать меня.

Розанов. Поля, так нельзя. Это недостойно.

Суслова. Замолчи, или я ударю тебя. Не смей больше приближаться ко мне.

Квартира Сусловой. Вспыхнувший на улице скандал продолжается

Розанов. Полинька, но это невозможно. Как я без тебя? Я не смогу.

Суслова. Ненадолго же тебя хватило. Ты такое же ничтожество, как и твой кумир. Даже хуже, потому что ты повтор его. Но я для тебя – то же, что и для него. Материал для твоих писанин. Источник вдохновения.

Розанов. Полинька, ты для меня совсем не то, что была для него. Я боготворю тебя не как модель, а как удивительную женщину.

Суслова. Прекрати! На меня эти комплименты не действуют. И давай оставим эти объяснения. Они бессмыслен-

ны. Женись на какой-нибудь курице, вроде Анны Сниткиной, заводи детей. Щеглова как раз для этого подходит.

Р о з а н о в. Полинька, я давно вынашиваю идею. Если мы сделаем это, у нас начнется новая жизнь. Что, если мы обвенчаемся?

С у с л о в а. Как же мне везет на ненормальных. Как только тебе в голову пришло!

Р о з а н о в. Бог, наверно, подсказал. И потом... я много думал. Мне не надо детей. А такой, как Сниткина, тем более не надо. Мне нужна ты

С у с л о в а. Извини, я тебе по-простому, как бывшая крестьянка, скажу: на кой хрен я тебе сдалась?

Р о з а н о в. Питаться будем друг другом. Это так прекрасно – делиться мыслями, жить мыслящим духом, подпитывать друг друга и питать других.

С у с л о в а (*передразнивая*). Питаться. Ты предлагаешь мне сделку со своей только пользой. Тебе сейчас 23, но мне-то почти вдвое больше. Даже если мы проживем вместе десять лет, ты успеешь потом завести детей, а я уже точно не смогу найти подходящего мужа. Кому я буду нужна, старая старуха?

Р о з а н о в. Мне, Полинька. Мне! Для меня ты никогда не будешь старой. Ну, посмотри, какое у тебя молодое тело. И таким оно и останется. И лицо уже не изменится. Лицо обычно меняется от несправедливой жизни. От дурного нутра. А у нас все будет божески. Мы будем совершенствоваться.

Ведь мы будем призывать к совершенству других людей. Мы должны будем быть примером. Это не наивное прекраснодушие! Я давно уже думаю – нужно жить правильно. Но светский тип семьи не дает правильности. Церковный тип семьи выше светского типа.

С у с л о в а. Слушаю тебя и думаю: что же он это провозглашает мне? Почему не Щегловой? Щеглова – твоя судьба, Розанов, дочка попа и попадьи, а не я, дочь раскольника. Не может быть у нас той семьи, которая тебе мечтается. Тогда к чему сейчас эта твоя блаженная проповедь? Кому ты морочишь голову? Не себе ли, в первую очередь?

Р о з а н о в. Я не могу без тебя, Полинька. Мне тяжело без тебя. Везде скучно, где не ты. Любовь ведь вовсе не огонь, как принято считать. Любовь – воздух. Без нее нет дыхания, а при ней дышится легко. Ты это испытаешь, когда у нас появится ребеночек. Бог обязательно даст нам ребеночка. *(Суслова хочет что-то сказать)* Молю, не прерывай меня, пожалуйста. Я знаю, что ты скажешь. Но Бог служит человеку более, чем человек – Богу. Бог может дать нам ребеночка, если мы будем вместе любить Его.

С у с л о в а. Что за бред! Я нигилистка, и умру нигилисткой. Я ни во что не верю, и особенно во все святое. *(После паузы, но уже не так яростно)* Ведь для венчания нужно еще *(С иронией)* духовное приготовление: покреститься, причаститься. Но это же смешно, а я не могу быть смешной, даже в собственных глазах.

Квартира Голдиных. Там Софья и Суслова.

С у с л о в а. Я сказала ему, что могу увлечься. И что тогда? Он поклялся, что стерпит и не попрекнет ни словом.

С о ф ь я. Щеглова все еще надеется вернуть его. Что, если вдруг переманит?

С у с л о в а. О, на этот счет он интересно выразился: собака не замурлычет – Розанов не изменит. Говорит, что верен мне ноуменально. Это такой философский термин, означает непостижимость. То есть измена с его стороны непостижима, невозможна. Он понимает, что уж я-то ему точно не прощу. Знаешь, Соня, я много раз была оскорблена теми, кого любила, и теми, кто меня любил. *(Софья изображает удивление)* Да, как ни странно, с мной это случалось. Поэтому негодование против мужчин сидит по мне глубоко. Убеждение, что я осталась в долгу перед ними, не выходит у меня из головы.

С о ф ь я *(с иронией)*. То есть – берегись Розанов!?

Женщины смеются.

С у с л о в а. Конечно, он странный. Он влюблен в меня не как в реального человека, а как в литературных героинь Достоевского, в которых нарисована частица меня. Он любил меня и платонически и чувственно задолго до того, как я появилась в его жизни. Но меня живую он боится, стесняется. Просто трепещет. Это какая-то болезнь. Недаром он говорит про сердечную горячку. Это-то меня и беспокоит больше всего. Человек не может долго оставаться в таком неесте-

ственном состоянии.

С о ф ь я. Ты говоришь так, будто совсем холодна к нему.

С у с л о в а. Ну, почему же? Но понимаешь, гении такие идиоты в обычной жизни.

С о ф ь я. Ты в самом деле считаешь, что он гений?

С у с л о в а. Еще нет, но станет. А гениальность мужчины – все равно, что красота для женщины. Для меня, по крайней мере. К тому же, он гениален и в интимной жизни. В нем та же половая маниакальность и сладострастие, что и в Федоре, но он умеет быть рабом в постели, даже наслаждаясь этим. Когда я отдалась Феде, он решил, что всё! Теперь я – его раба. Он, верно, думал: дочь бывшего крепостного, рабская наследственность, с ней все можно. А когда понял, что я могу быть только госпожой, было уже поздно.

С о ф ь я. Но я так и не понимаю, что же ты в конце концов решишь.

С у с л о в а (*совсем доверительно*). Соня, ну, сколько же можно мне перебирать? Пора остановиться. Но боюсь, гражданский брак с Розановым меня не остановит. Моя постоянная амплитуда: гений – зверь, гений – зверь. Так может, венчание это остановит? Ну и каких только чудес не бывает. Вдруг все-таки вера поможет мне. Вдруг Бог даст ребенка.

С о ф ь я. Ты готова поверить в Бога? Разве это само по себе возможно? Как можно заставить себя поверить?

С у с л о в а. Ну, во-первых, я ушла от полного атеизма. Я – агностик. Я сознаю, что все сущее не могло появиться из

ничего. А, во-вторых... Да. Я готова заставить себя поверить в Бога еще больше. Есть из-за чего. Мне... уже столько лет, Соня. Кому-то удавалось и в этом возрасте родить.

С о ф ь я. Миша тоже убежден, что Розанов гений, а я, убей, не могу понять, в чем это проявляется.

С у с л о в а. Он создает новую литературную форму. Это самое сложное в писательстве. Даже Федору это не очень удавалось. Розанов показывает вещи с самых разных точек зрения, в исповедальной манере, обнажая перед читателем свою душу. С ним мне интересно. Но мне этого мало. Живя за границей, я думала: вот вернусь и поеду жить в деревню. Ну, если не в деревню, так в губернский город, заведу свой кружок, буду первой девкой. А как приехала, как пожила неделю, и перестало чего-то желаться. Обратно захотелось, к этим меркантильным, бездуховным европейцам. Лучше бы я не выезжала в Европу, не знала о соблазнах тамошней жизни.

С о ф ь я. То есть ты готова вернуться в Париж?

С у с л о в а. Ах, Сонечка, есть тоска по родине, а есть тоска по чужбине. И еще не известно, какая сильнее.

Церковь. Венчание.

С в я щ е н н и к (*вопрос к Розанову*) Не обещался ли еси иной невесте?

Р о з а н о в. Не обещахся, честный отче.

Щ е г л о в а (*негромко*) Еще как обещахся.

С в я щ е н н и к. Даруй им плод чрева, добродетель, еди-

номыслие в душах... И да узрят они сыновей от сынов своих... Господи Боже наш, славою и честью венчай их! Славою и честью венчай их! Венчай их!

Щ е г л о в а (с болью). Венчай их скорее. И поскорее развенчай.

Квартира Сусловой (совмещение двух мест действия.)

Розанов и Полина лежат в постели. Розанов ласкает венчаную жену. Припадает к ее груди.

Р о з а н о в. Полинька, а ты знаешь, что кормление ребенка грудью возбуждает женщину?

С у с л о в а. Первый раз слышу. Какой ты, однако, знаток.

Р о з а н о в. Я теперь буду писать исключительно на темы пола, брака и семьи. С тысячи точек зрения. Об этом никто не пишет. Стесняются, боятся. А у меня мысли об этом появились. И все благодаря тебе. Ты еще будешь гордиться мной. Религиозный человек выше мудрого. Кто молится, превзойдет всех.

С у с л о в а. Ладно, давай спать. Я устала. Только отодвинься на свою сторону. А то еще начнешь трогать меня во сне.

Р о з а н о в. Как же не трогать, Полинька? Без этого ребеночек не родится.

С у с л о в а. Ты что же, хочешь прямо сейчас начать?

Р о з а н о в. А чего тянуть? Это же священный акт, Полинька.

Розанов громоздится на Суслову, пытаясь изготавиться

к совокуплению. Суслова ерзает, но все же позволяет ему занять классическую позу. Свет на сцене гаснет. Слышится возня и пыхтение Розанова.

С у с л о в а. Мне больно. И мне противен твой фаллос.

Р о з а н о в. Полинька! Как же без фаллоса ребеночка зачать?

С у с л о в а. Я как представляю... И семя твое тоже противно мне.

Возня стихает. Слышен плач.

С у с л о в а. Вася, ты плачешь? Ну, прости. Ну, вот такая я противная. Мне Федя больно сделал. И вот с тех пор такое у меня несчастье.

Р о з а н о в. Так зачем тогда? Зачем тогда? Семья – от слова семя, Полинька.

С у с л о в а. Вася, ты так настаивал на венчании. Как я могла отказать? Давай спать.

Свет гаснет. Но загорается прожектор, высвечивая лицо Сусловой.

С у с л о в а (себе). Где ты сейчас, мой красивый зверь? От твоих ласк мне тоже было больно, но я терпела с восторгом. С упоением.

Г о л о с Р о з а н о в а. Ты что-то сказала? Я не расслышал.

С у с л о в а. Я сказала – спи, супруг мой первый... и уж точно единственный. (После паузы) Нет, я не могу спать. Лучше почитаю, а ты спи.

Софья читает рукопись. Розанов подглядывает.

С у с л о в а. Вот зачем ты это записал? «Женщина входит запахом в дом мужчины. И всего его делает пахучим, как и весь дом».

Р о з а н о в. А чего тут особенного?

С у с л о в а. Каждое слово особенное. Разве я так резко пахну?

Р о з а н о в. Что ты, Полинька, Бог с тобой. Ты очень волнительно пахнешь. Парижский парфюм – это амбра.

С у с л о в а. Похоже, ты не знаешь, что такое амбра. Это отрыжка кашалота. Не пытайся меня запутать. Ты что-то другое имел в виду. Эти слова про запах – это не только про запах.

Р о з а н о в. По-моему, ты придираешься. Ты еще упрекни, что я написал, что женщина входит в дом мужчины, тогда как я вошел в твой дом. Мои записи нельзя понимать буквально. Я не всегда пишу про себя.

С у с л о в. Тогда делай оговорку. Я не хочу, чтобы эти слова о запахе женщины ты опубликовал, когда мы когда-нибудь разойдемся.

Р о з а н о в. Ты меня пугаешь. Неужели это возможно?

С у с л о в а. Все невозможное возможно, Васенька. Но ты согласен, что писать об этом мужчине как-то не комильфо? Или ты это не улавливаешь?

Р о з а н о в. Опять ты о женском в моей психике. Ну, таков я уродился. Как я могу переделать себя? Никак.

С у с л о в а. Но ты даже не пытаешься, даже ради меня,

зная, что я ненавижу это в тебе. Как я презирала и ненавидела это в Федоре, хотя в нем этого было намного меньше. Что-то я снова стала думать о нем.

Суслова поднимается с постели и одевается. Розанов с ужасом наблюдает.

Р о з а н о в. Полиночка, что с тобой, голубка моя?

С у с л о в а. Не смей за мной следить.

Суслова выходит из дома.

Розанов нервничает в своем кабинете. Много курит и поедает свой любимый королевский чернослив. Открыв дверь, замечает горничную.

Р о з а н о в. Не пришла барыня?

Г о р н и ч н а я. Нет, барин, не появлялася.

Р о з а н о в. Немедля доложи, как появится.

Г о р н и ч н а я. Я помню, барин. Будет исполнено-с.

Розанов закрывает дверь кабинета.

Г о р н и ч н а я (*прислушивается к входной двери*). Кажись, пришли-с.

Входит Суслова. Горничная помогает ей снять пальто.

Г о р н и ч н а я. Барин тревожили-с.

Суслова входит в кабинет. Розанов бросается к ней. Целует руки. Сусловой ласки супруга неприятны.

Р о з а н о в. Полинька, я уж думал, ты...

С у с л о в а. На тебе лица нет. Что ты там придумал? Ну же!

Р о з а н о в. Что ты в речку бросилась.

С у с л о в а. Спасибо, подсказал мне концовку повести.

Р о з а н о в. Я думал, ты только переводами занимаешься.

О чем же будет повесть?

С у с л о в а. Все о том же.

Р о з а н о в. Ясно. Как же он в тебя вошел! Неужели ты была у него?

С у с л о в а. Умеешь ты предчувствовать. Я ему простила. Я была сейчас у него. Он меня поначалу не узнал. Представляешь, я откинула вуаль, и он меня не узнал!

Р о з а н о в. Как можно тебя не узнать! Или были свидетели?

С у с л о в а. Его старшая дочь.

Р о з а н о в. Вот! Он не хотел, чтобы она знала тебя.

С у с л о в а. Он все такой же трус! Но теперь совсем старый и тяжело больной. Разрыв легочной артерии. Но все такой же. У жены заплаканные глаза. Хлебом не корми – терзать и терзаться. Я пришла для последнего «прости». В конце концов, он узнал меня, справился с собой и даже назвал меня другом вечным.

Р о з а н о в. При дочери?

С у с л о в а. Нет, когда прогнал ее.

Р о з а н о в (*задумчиво – себе*). Друг вечный...

С у с л о в а. Интересно. На столе у него все тот же королевский чернослив. Скоро его не будет, а его пристрастия останутся с тобой.

Р о з а н о в (*в тон ей*). Как и его судьба, связанная с тобой.

Ты будешь только принимать от меня ласки.

С у с л о в а. Хочешь сказать – без взаимной отдачи?

Р о з а н о в. С меня не убудет. Я умею ставить тебя выше себя. С легкостью и даже с ощущением счастья. Хотя ты меня не любишь и даже презираешь.

С у с л о в а. Как и его. Ну, уж извини, чего заслуживаете. Аз воздам.

Р о з а н о в (*с несвойственной ему решимостью*). Это прощальный разговор? Что ж, может, это и к лучшему. Какое-то время я буду никому не нужен, но это только закалит меня.

С у с л о в а (*передразнивает*) Никому не нужен. Ну, чего ты все ноешь? Нельзя же быть таким нытиком. Ты не нужен тем, кому ты хочешь быть нужным. Но кому не хочешь – их просто пруд пруди. Что же касается твоей угрозы, что станешь лучше писать... Я бы сказала о тебе словами Белинского о Некрасове: «Что за топор его талант!»

Р о з а н о в (*удрученно*) Я сам чувствую: что-то противное есть в моем слогe.

С у с л о в а. Но ты будешь читаем. Это надо признать. И чем дальше, тем больше. Людям нравится, когда автор раздается перед ними, смотрясь при этом в зеркало.

Р о з а н о в. Вот ты не можешь не унижать.

С у с л о в а. Правда всегда унизительна. Но ты сам же поставил ее, правду, выше Бога. Тебе судьбу благодарить надо, что кто-то рядом каждый день говорит тебе правду. А ты хнычешь, обижаешься. Единственное, что тебя извиняет –

все пишущие такие. Все, кто что-то изображает. В каждом сидит обидчивая, капризная бабенка.

Р о з а н о в. Ты хочешь, чтобы я терпел твою правду. Почему бы тебе не терпеть женское во мне? Все умное и благородное, что есть в моих писаниях, вышло не из меня, как мужчины. Я умею только, как женщина, воспринять это умное и благородное и выполнить на бумаге. Все это принадлежит гораздо лучшему меня человеку.

С у с л о в у. Ой, этот твой стиль. Ведь ты можешь говорить и писать правильно. Что ж ты искажаешь себя же?

Р о з а н о в. В этой неправильности и заключено художественное. Странно, что ты этого не понимаешь.

С у с л о в а (озадаченно). Мог бы раньше это сказать. В самом деле... Если ты так специально...

Суслова отходит от Розанова. Свет на сцене гаснет. Прожектор высвечивает одну Суслову.

С у с л о в а (в зал). Я в самом деле хочу оставить его. Я привыкла жить одна. Спать одна. Вставать одна. Завтракать одна. Гулять одна. Это как болезнь, от которой трудно, наверное, невозможно излечиться. Но мне нужны мужские ласки. Ведь это нормально. Это извинительно. Но я никак не могу совместить эту потребность с необходимостью жить бок о бок с женщиной. Ну, никак не получается. Я уж думала, Бог поможет. Нет, и у него не получается. Или он меня не видит и не слышит. А ведь я иногда прошу его, есть грех. Что же делать?

После паузы.

С л о в а. Но я не всю правду сейчас сказала. Вся правда в том, что меня преследуют видения «красивого сильного зверя». Мне нужны ласки молодого, пылкого мужчины. И вот я прочла заметку Розанова о связи пола с Богом. Маленькую такую заметочку, где эта тема никак не раскрыта, а только заявлена. Но я поняла. Точнее, меня это заинтриговало. Я почувствовала обещание непередаваемой неги и улады. Розанов как бы забросил удочку, а я клюнула. Сама пришла к нему. Потом сама позвала к себе. Вот теперь и мучаюсь. Его красивая нега оказалась слюнявым сладострастием. Но это не его обман. Сам он в этом никак не виноват. Во всякой идеализации больше виноват тот, кто идеализирует. Виновата я. Но чем я могу утешиться. Правильно. Только приключением с настоящим «красивым и сильным зверем». Этот «зверь» совсем рядом. Я вижу его почти каждый день. Он хорошо чувствует меня. Но я не могу переступить, несмотря на весь мой нигилизм. Несмотря на способность делать то, что хочу. Это мучительно. И он не может. Розанов для него кумир. Как это все ужасно. Но как же это волнует кровь...

Спустя несколько лет

На пустой сцене Розанов и Михаил.

Р о з а н о в. Шесть лет мы прожили вместе. Шесть лет я страдал от нее. Но когда Полина от меня уехала, я плакал и месяца два не знал, что делать, куда каждый час времени девать. С женой жизнь так ежесекундно слита и так глубоко

слита, что образуется при разлуке ужасное зияние пустоты, и искание забвения вот на этот час – неминуемо.

М и х а и л. Василий, друг мой, почему же спустя четыре года, как она тебя покинула, ты все еще отказывал ей в выдаче вида на отдельное жительство? Скажи, как на духу.

Р о з а н о в. Нет уж уволь, не буду я говорить о своей боли, Миша.

М и х а и л (*в зал*). После многих лет Василию все же повезло. По крайней мере, он сам так считает. Но он не может жениться на этой женщине. Полина не дает ему развода. Если раньше я думал, что он не нужен ей, а только она нужна ему, то сейчас я уже сомневаюсь. Они даже переписываются.

Слова и Розанов – на противоположных сторонах пустой сцены.

Диалог как бы озвучивает их переписку.

Р о з а н о в. Ах, Полинька! Как Бог меня любит, что дал мне Вареньку! Теперь я люблю без всякой примеси идейного, и без этого же полюбило меня это доброе, хорошее и чистое существо. Мы рассказали друг другу свою жизнь, со всеми ее подробностями, не скрывая ничего, и на этой почве взаимного доверия, уважения и сочувствия все сильнее и сильнее росла наша дружба, пока не превратилась в любовь.

С у с л о в а. Словом «теперь» на меня намекаешь? По моему, ты путаешься. Нельзя любить в постели идейно. И жизнь свою со мной ты не мог рассказать во всех подробностях. А если рассказал, то дурак. Твоя простая Варенька тебе

это припомнит. И дружба у вас непонятно какая, если она не идейная.

Р о з а н о в. Позволь, Полинька, сказать тебе банальную вещь. Любовь есть совершенная отдача себя другому. Любовь есть чудо. Нравственно чудо. А мамочка моя – нравственный гений. И от этого я так к ней привязался, и такая у меня от нее зависимость. Она бы скорее умерла, нежели бы произнесла неправду, даже в мелочи. Она просто этого не смогла бы, не сумела. Ей никогда в голову не приходит возможность сказать не то, что она определенно думает.

С у с л о в а. Подожди, какая мамочка? Ты так свою Вареньку зовешь?

Р о з а н о в. У нее есть дочка от первого брака. А теперь есть дочка от меня. Вот я и зову ее, как зовут мужья во множестве других семей, мамочкой. Муж ее, Бутыгин, из священнического рода, умер рано, внезапно ослепнув, оставил ее с двухлетней дочкой. А она любила его с 14 лет. И я влюбился в эту ее любовь, и в память к этому человеку, такому несчастному, и в бедность ее, в страдание ее. Но я – по твоей милости – ей не законный муж, что ее страшно мучает. Жить с женатым мужчиной для нее тяжкий грех. В общем, я все-таки надеюсь, что ты дашь мне развод.

С у с л о в а. Это как же? Ты сколько пел мне сладко, что брак церковный – вечный. А теперь хочешь пойти против Господа? Ты вынудил меня обмануть Бога и сам его обманул, а теперь хочешь, чтобы я помогла тебе освободиться от

своей лжи. Нет, Васенька, что Бог сочетал, того человек не разлучает.

Р о з а н о в. Не ради себя прошу, Полинька, ради детей. Детки растут незаконнорожденными. Это стыдно, и для них вредно. И ведь остальных детей ждет та же участь. Мамочка еще рожать хочет.

Собрание декадентов.

Здесь, помимо прочих, Сулова и Софья. Отдельно от всех сидит Розанов.

З и н а и д а Г и п п и у с (*читает свои стихи*).

Единый раз вскипает пеной

И рассыпается волна.

Не может сердце жить изменой,

Измены нет: любовь – одна.

Мы негодуем иль играем,

Иль лжем – но в сердце тишина.

Мы никогда не изменяем:

Душа одна – любовь одна.

Однообразно и пустынно,

Однообразием сильна,

Проходит жизнь...

И в жизни длинной

Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном – бесконечность,

Лишь в постоянном – глубина.

И дальше путь, и ближе вечность,

И всё ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,

Но верная душа – верна,

И любим мы одной любовью...

Любовь одна, как смерть одна.

С о ф ь я (*Сусловой*). Зина, как она ни на кого не похожа!

С у с л о в а. Говорят, она часто подписывается мужскими псевдонимами. Антон Крайний, Лев Пушкин...

С о ф ь я. Это теперь называется мистикой пола.

С у с л о в а. И при этом живет с литератором и философом одной семьей. Знаем мы эту мистику. (*С горькой иронией*). Вот я и думаю сейчас: не станет ли Вася в этой чудной семье третьим мужчиной? Представляешь, какая у них будет творческую атмосфера и какая писательская продуктивность.

С о ф ь я. Ты считаешь, он на это способен?

С у с л о в а. А ты читала его «распоясанные письма» к Зине? Они гуляют по рукам в списках. Я несколько раз перечитала, могу воспроизвести. (*будто читает*) Зиночка, милая Козочка с безмолчным выменем, ну, как поживают твои сосочки? Это наш Вася пишет! Как грудки? Какая тоска, если их никто не ласкает. Сегодня в час ночи я прилечу мысленно к тебе и поцелую, крепко поцелую, как захочу, груди твои. Хотя, признаюсь, грубое «титьки» волнует меня более, чем «груды». Считаешь, что это безумие? Что меня надо пороть? Ну, дери-дери меня за уши. Дери целые сутки. Что ж, заложу

письмо твое в Карамзина. Это мой способ прятать бумаги. Или сразу истреблю. Очень уж ответственное содержание. Когда пишу бабе – ну, не умею воздержаться от этих глупостей. Там, на том свете (как ты грозишь) – хоть распори-порю меня, а на этом свете хочется поиграть белыми грудями. Да и не только грудями – а больше. Прости, миленькая, прости, губастенькая, тягучие у тебя губки, прости остренькая. Я знаю, что ты меня любишь, и все мне извинишь. Так-то, Зиночка. Всех вас троих я люблю, за то, что вы – свободные люди. Ничего нет лучше свободы, ничего нет счастливее свободы, ничего нет благороднее свободы. И все потому, что в ней одной может вырасти безгранично индивидуальность. (Смачно) Твою мать! Теперь мне понятно, зачем ему Зина Гиппиус. Надо ж как-то разгонять скуку мамочки.

Суслова подходит к Розанову, садится рядом.

С у с л о в а. В Карамзина, значит, прячешь свой блуд. Подальше храни свои распоясанные письма. А то найдет твоя мамочка. Она ж у тебя простая. Ты ж и защититься толком не сможешь. Забьет тебя скалкой.

Р о з а н о в. Порочен я, а таланты наши, Полинька... это моя любимая мысль, как-то связаны с пороками, как добродетели – связаны с бесцветностью.

С у с л о в а. Выходит, мамочка твоя – бесцветность? (Розанов молчит) Путаник ты, Вася. Путаник и заумник. Три четверти тобой написанного я бы выкинула, а одну четверть отдала бы тебе на доработку. Но читателю в зауми мерещит-

ся гениальность. А на самом деле гениальность в простоте и краткости. И ты это без меня отлично знаешь. Знаешь и морочишь голову людям. И кто ты после этого?

Р о з а н о в. До встречи с домом, откуда я взял Варю, мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь, такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. И вдруг я встретил этот домик, где все благородно. В первый раз в жизни я увидел благородных людей и благородную жизнь. И жизнь эта очень бедна, и люди бедны. Но никакой тоски и жалоб. И никто никого не обижает в этом благословенном доме. Тут нет совсем «сердитости», без которой я не помню ни одного русского дома. Тут нет и завидования, почему другой живет лучше. Почему он счастливее нас, как это опять-таки решительно во всяком русском доме. И я все это полюбил. И с этого началась моя новая жизнь.

С у с л о в а. Если у тебя все так складно, зачем ты продолжаешь писать мне?

Р о з а н о в. Я привык делиться с тобой своими мыслями и впечатлениями, и мне уже трудно обходиться без этого.

С у с л о в а. А знает ли об этом твоя «мамочка»?

Р о з а н о в. Зачем ее огорчать? Разврат мой, что я люблю всех, и без того измучил ее. «Что ты все облизываешься возле дам? Все-то целуешь у дам ручки. Как это противно!» – выговаривает она мне.

С у с л о в а. Ну, вот. Ты ж сам писал, что любовь исклю-

чает ложь. Что первое «я солгал» означает, что «я уже не люблю» или «я меньше люблю». А гаснет любовь – гаснет и истина... Тебе не кажется, что ты заврался?

Г о л о с. Господа, а теперь мы предоставляем слово Василию Васильевичу Розанову. Он выскажет свой взгляд на нашу литературу.

Р о з а н о в. Русская литература несравненно колоритна. Какие характеры, какое чудачество. Какая милая чепуха. Дневник лишнего человека. Записки праздного человека. Заметки из подполья. «Герой нашего времени» такой же фат, как и Грушницкий. Достоевский художественно показал нам ненаказуемость порока и безвинность преступления. *(Саркастически)* Какой пример для читающего народа!

Чему я враждебен в литературе? Тому же, чему враждебен в человеке: самодовольству. Самодовольный Герцен мне в той же мере противен, как полковник Скалозуб. Грибоедов, счастливый успехами в литературе, в женитьбе, в службе – тот же полковник Скалозуб.

Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса». Целое издательств – «Скорпион». Посмотрите театр. Почти сплошное злословие. И все жалят Россию. Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол. И в середине всего, распоясавшись, сам русский ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины.

Р е п л и к а. А чего б тебе, Вася, не себя не посмотреть.

Р о з а н о в. А я и смотрю. Несу литературу, как гроб мой, несу литературу, как печаль мою, несу литературу как отвращение мое.

Д р у г а я р е п л и к а. Господа, сегодня этот разноликий Янус решил превзойти самого себя.

Р е п л и к а. А что ты, Розанов, сейчас делаешь? Разве не жалишь родину свою?

Р о з а н о в. Не родину жалею, а писак зловредных. Достоевский, как пьяная нервная баба вцепился в сволочь и стал пророком ее. Толстой прожил глубоко пошлую жизнь. Никакого страдания, никакого тернового венца, никакой героической борьбы за убеждения и даже никаких особо интересных приключений. Полная пошлость.

Р е п л и к а. Вася, что с тобой? И Гоголь у тебя – пошлость. И другие. Откуда эта ненависть?

Р е п л и к а. Вы нравственно неменяемая личность, Розанов.

Ж е н с к и й г о л о с (*это Гиппиус*). Ах, оставьте, господа, ваши обличения. Не прошибете вы Василия с его махровой душой. В другой раз, когда он будет в другом настроении, у него будет о нашей литературе прямо противоположного мнения. Браво, Вася!

Квартира Голдиных. Здесь Софья, Михаил и Суслова.

С о ф ь я. Что-то ты сегодня, как в воду опущенный? Что-то случилось?

М и х а и л. Случилось, но не со мной. Не знаю даже, го-

ворить – не говорить? В общем, Василий кое-что задумал. (Сусловой) Только вы, Полина Прокофьевна, можете ему помочь.

С у с л о в а. Я так и знала, что он тебя подошлет. Не дам я ему согласия на развод.

М и х а и л. Он не подсылал меня. Я сам.

С у с л о в а. Тебе, как ходатаю, я тоже откажу.

М и х а и л. Полина Прокофьевна, Василий собирается венчаться тайно.

Суслова и Софья ошарашены. Немая сцена.

С у с л о в а. Совсем сбрендил со своей мамочкой. (Софье) Он просто шантажирует меня. Мол, я узнаю, это меня возмутит, я не захочу, чтобы он зашел так далеко, и дам ему развод. Интересно, кто это придумал: он или его мамочка?

М и х а и л. Разве это имеет значение?

С о ф ь я. Не имеет.

С у с л о в а. Не имеет. Пусть венчается. С Богом! Сомневаюсь, что это его идея. Мамочке это нужно больше, чем ему. Хотя...

М и х а и л. Он считает, что семья – создание религиозное.

С у с л о в а. Миша! Какая тут религия, если он готов второй раз идти под венец без развода? Это же двурушничество, ложь Богу. Если это он придумал, а мамочка только согласилась с ним, это тоже не красит ее. Она же дочь попа и бывшая жена учителя слова Божия. Если эта ложь исключительно ради детей, то какими вырастут дети? Они ж ра-

но или поздно узнают, что родились от фиктивно венчаных сожителей. Стыд и срам. Соня, у тебя есть водка и черный хлеб? Надо выпить за двоеженца.

Софья звенит колокольчиком. Возникает горничная.

С о ф ь я. Водочки нам с хлебушком.

Горничная исчезает и появляется с подносом. На подносе графинчик, рюмочки и ломти хлеба. Ставит на стол, наливает в рюмочки.

С у с л о в а. Ух, напьюсь сегодня. (*заметив, что Михаил поглядывает на нее осуждающе*) Не смотри на меня так, Мишенька. Я не драме Розанова радуюсь. Я свою печаль хочу залить. Давайте сначала выпьем, а потом уж объясню.

Выпивают.

С у с л о в а (*продолжает*). У меня с пятнадцати лет была мечта. Папенька мой к тому времени давно уже эмансипировался от графа Шереметева и стал купцом, потом фабрикантом. Я с сестрой воспитывалась гувернантками, языки изучала и разные науки, но по крови, по психологии была крестьянской девочкой. Но папенька хотел, чтобы я была теперь просвещенной барыней. Отдал меня с сестрой в женский пансион для благородных девиц. Вот там я и стала мечтать. Вот бы создать такой пансион не в городе, а в деревне, и исключительно для крестьянских девиц.

Суслова хочет налить себе сама, но Михаил не дает ей сделать это. Наливает сам и всем. Все снова выпивают.

С у с л о в а. А потом, после школы, я все пыталась продол-

жить образование. Но барышень в институты тогда еще не брали. И даже высмеивали за такое стремление, как тот профессор, которому я заехала по физиономии. А как без высшего образования создавать свою школу? Потом с Достоевским закрутилась. Потом старовата стала для студенческой учебы на учителя. В общем, исполнение мечты откладывалось и откладывалось. И вот только год назад я сказала себе: сейчас или никогда! Прошла учительские курсы, выпросила у папеньки денег и открыла школу в деревне.

С о ф ь я. А я-то думала, ты снова в Европу укатила.

Михаил нервно наливает только себе и выпивает.

С у с л о в а. Думала позвать вас, когда все устроится. Два месяца все шло хорошо. Я была счастлива. Сколько лет я мечтала найти свое назначение, приобщить к полезному делу. И вот, кажется, это состоялось. Меня боготворили родители девиц. Я буквально купалась в их любви. Но появился жандармский вахмистр. Хам и черт! «Как вы смеете воспитывать девиц, если Господа Бога нашего не признаете, в церковь не ходите?»

(После паузы) Обыск мне учинил. Хорошо, я это предчувствовала – уничтожила все письма Федора.

С о ф ь я (потрясенно). Как??

С у с л о в а (мстительно). В печь бросила.

С о ф ь я. Зачем? Как ты могла? Ты ж вместе с письмами себя сожгла. Или ты этого хотела?

С у с л о в а. Возможно.

С о ф ь я. Погоди. Ты ж раньше говорила, что письма его сожгла еще в Париже, когда готовилась к самоубийству.

С у с л о в а. Сожгла, но только те письма, которые были там. *(После короткой паузы)* А не закусить ли нам как следует?

С о ф ь я. Сейчас распоряжусь.

Софья выходит. Суслова и Михаил напряженно смотрят друг на друга.

С у с л о в а *(игриво)*. Что, Мишенька? Жалко тебе меня? Но Розанова жалко больше? Угу?

М и х а и л. Нет, вас гораздо больше жалко.

С у с л о в а. О, я этого не люблю.

М и х а и л. Просто это для вас непривычно. Не с кем вам было отвыкнуть.

С у с л о в а. Давай уточним: отвыкнуть – от чего?

М и х а и л. От постоянного стремления быть сильной.

С у с л о в а. Меня угнетает в моей силе только моя инициативность.

М и х а и л. Полина Прокофьевна, я давно уже чувствую то, чего никак от себя не ожидал. Но сейчас – особенно.

С у с л о в а. Как мы с тобой совпадаем. Но это невозможно. Соня мне не простит. Сыграй что-нибудь.

Михаил садится за фортепиано. Берет несколько нот.

С у с л о в а. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия». Уж Пушкин знал в этом толк.

Михаил не успевает ответить. Софья возвращается с горничной, которая катит сервировочный столик. Сулова смотрит в глаза подруге и неожиданно встает, чтобы уйти.

Сулова (Софье). Я, пожалуй, пойду. Что-то расхотелось. Прости. Не провожайте меня.

Сулова выходит.

Михаил. Как жаль. При изумительном умственном блеске, она имеет, однако, во всем только полуталанты. И меркнет, меркнет неудержимо.

Софья. Мишенька, это ж Розанов сказал, только о другой женщине, о художнице Башкирцевой.

Михаил. Но будто о Полине... Прокофьевне.

Софья. Мишенька, что произошло, пока меня сейчас не было? Или это произошло не только сейчас?

Михаил (поднявшись со стула). Наверное, Полина Прокофьевна расчувствовалась.

Софья подходит к Михаилу, кладет ему руки на плечи.

Софья. Расчувствовалась, говоришь? *(Михаил отчужденно молчит)* Что ж, это следовало ожидать. Странно только, что это не произошло раньше. Бедняжка, сколько же она терпела.

Улица. Розанов и Михаил прогуливаются.

Михаил. Ходит слух, что Полина давно уже пишет автобиографическую повесть. И что дневник ведет. Ты видел? Читал?

Р о з а н о в. Она что-то записывала. Но читать не давала. Правда, иногда я пользовался ее отсутствием. Был грех. Хороший литературный язык, с милыми неправильностями, что я особенно люблю, но без полных откровений, что, конечно, крайне обидно. Хорошая такая литературщина.

М и х а и л. Софья уверяет, что у Полины есть описания ее отношений с Достоевским. Она сама ей призналась. Почему бы это не опубликовать? Неужели она совсем лишена писательского тщеславия?

Р о з а н о в. Хочешь заработать на ней? Ну, так сам и обратись.

М и х а и л (*после паузы*). Вася, я должен кое-что тебе сказать. Я считал себя благородным. И я продолжал считать себя благородным, даже после того, что произошло у меня... с Софьей. Хотя я так виноват перед отцом... Но теперь... Ты вправе презирать меня.

Р о з а н о в (*нервно*). И до тебя добралась? Что ж, ты – красивый, сильный зверь. И в этом нет никакой твоей вины. Ты нужен ей, как был нужен испанец Сальвадор. А я был нужен, как был нужен Достоевский. Вот, собственно, и все. И никто не виноват. Эта женщина нуждается в двух наслаждениях. От мужского ума и от мужских ласк. И эти две нужды у нее чередуются: нужда половая и нужда духовная, умственная. Чередуются, потому, что в одном мужчине обычно не совмещаются.

М и х а и л. Но сколько при этом обид, терзаний, мести.

Она же так мстит тебе, через меня.

Р о з а н о в. Мстит. Но ведь я тоже даю повод. Рано или поздно она узнает, что я обвенчался тайно...

М и х а и л. Как?! Уже обвенчался?

Р о з а н о в. Мама уговорила друзей отца, тоже священников. Ей не терпелось. *(После короткой паузы)* Ты можешь сообщить об этом Полине. Но знай: она меня не тронет, пока она с тобой. И, возможно, она даст мне развод, пока она с тобой. То есть ты меня сейчас очень порадовал.

М и х а и л. Но, Вася...я вовсе не собираюсь... с ней... всерьез...

Р о з а н о в. Это понятно. Но потяни с ней, сколько можешь.

М и х а и л. Конечно, я кину ее, как только Таня что-то заподозрит. Или даже раньше. Или даже у меня с ней ничего не будет. Я еще не знаю, смогу ли я противиться ей. В ней есть что-то колдовское.

Розанов издает стон. И тут же нервно смеется.

Р о з а н о в. Как же к тебе бабы льнут. Я знал, что Таня в конце концов будет твоей.

М и х а и л. А может, и Тане тоже нужен то гений, то зверь? Я этого уже боюсь.

Р о з а н о в. Нет, Таня слишком разочаровалась во мне. *(Улыбается своей мысли)* Полина нас с тобой породнила, мы теперь, как братья.

М и х а и л. Тогда я тебе по-братски скажу. Ты, Вася, лич-

ность уже историческая. Тебя покупают, тебя читают. Я, как продавец твоих книг, уже за твой счет живу. Я вроде бы помалкивать должен. Ну, как хочется тебе жить, так и живи. Но я думаю: его ведь потомки судить будут. Почему он это не учитывает?

Р о з а н о в. Вот, чтобы не осуждали, подскажи Суслихе, чтобы дала мне развод. Тогда и нечего будет стыдиться.

М и х а и л. Вася, неужели еще раз под венец пойдешь? Или незаконное венчание станет законным? *(Розанов озадаченно молчит)* Вот она уже Суслихой для тебя стала. Зачем же так, Вася? Ты ж любишь, когда тебя барином считают. А барин не будет вот так любимую женщину, пусть даже бывшую... Ты уж прости, что я тебе выговариваю. Но ты ж сам любишь правду. Или любишь в зависимости от обстоятельств?

Р о з а н о в. Экий язычок у тебя отрос! Жалишь. Кусаешь. А как ты ведешь себя по отношению к Тане? *(после паузы)* Молчишь? То-то же! Запомни, Мишенька: никто никого и никогда не имеет права осуждать и тем более презирать, ставить ниже себя. Кто так делает, тот намного хуже того, кого осуждает и презирает.

М и х а и л. Сколько лет прошло, а до сих пор не могу понять, зачем ты настоял на венчании? И как она могла согласиться? Это, как ты говоришь, ноуменально. Непостижимо.

Р о з а н о в. Знаешь, правильно говорят, женщину невозможно переубедить, но ее можно уговорить. Вот я и угово-

рил. И отчасти запугал. Я говорил, что женщина без детей – грешница. И за это ее душа обязательно поплатится. Я внушал ей элементарное, чем обычно пугают попы. Что нас постоянно окружают бесы, мешая задумываться о своей душе, единственно выделяющей нас, людей, из всех живых существ. Бесы же мешают человеку различить добро и зло. А после причастия все это проходит.

Полина говорила мне, что у нее нет ни малейшего желания причаститься. А я говорил в ответ, что это как раз признак того, что ей мешают бесы. Она говорила, что не сможет исповедаться священнику. Да и каяться ей не в чем. Ну, однажды хотела убить человека. Но ведь не убила же.

М и х а и л. Это она испанца Сальвадора хотела убить?

Р о з а н о в. Не только. Она пришла к Достоевскому. Хотела, чтобы он помог ей справиться с соблазном убийства. А он начал ей выговаривать. Мол, она загрязнилась этим чувством к испанцу. Уму непостижимо, как можно было такое сказать?! И вот после этого у Полины место Сальвадора, как жертвы, занял Достоевский. Он поселил в ее душе беса убийства, хотя бы тем, что сам хотел убить ее, она это чувствовала и видела. Прочти в его романе «Игрок», как главный герой Алексей Иванович, этот альтер эго автора, говорит о своем чувстве к Полине. «И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть лучше сказать, опять, в сотый раз ответил себе, что я ее ненавижу. Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты,

что я отдал бы полжизни, чтобы задушить ее...»

Р о з а н о в (*продолжает*). И она это, повторяю, чувствовала и даже видела, потому что он не умел это ловко прятать. И ловко хитрить тоже не умел. Он же после истории с Сальвадором предлагал ей быть братом и сестрой, а сам постоянно домогался. Чего он добивался этой отвратительной игрой, тут можно строить разные предположения. Но я повторяю, именно он поселил в ее душе беса. Я выведал у нее, она поведала мне все свои приключения, все свои интрижки, все увлечения и разочарования. Не было ничего, даже приблизительного ее отношениям с Достоевским. Но с каждым новым мужчиной ее бес становился все бесцеремоннее и злее.

М и х а и л. Ты хочешь запугать меня?

Р о з а н о в. Думай, что хочешь. Я устал.

М и х а и л. Я предложу ей назвать ее автобиографические записки «Годы близости с Достоевским». И попрошу, буду умолять ничего не скрывать. (*после паузы*) Вася, как же ты до сих пор любишь ее. И как она любит тебя.

Р о з а н о в (*в зал*). Неужели вся жизнь легкомыслие? Наверное, только перед смертью человек бывает по-настоящему серьезен, когда все уже позади?

Как же меня начинает томить моя неправильная жизнь. И не в смысле, что мало насладился, это совсем не приходит на ум, а в смысле, что не сделал должного.

И ведь не для кого-то не сделал должного, а для себя. Для себя! А все почему? Потому что мужского у меня – только

брюки? «Я смешон и гадок», – писал о своей молодости Достоевский. Я в точности такой же. А кто не такой?

Но хотел ли бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Н чего бы я ни за что не хотел бы – это быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть.

Один умный человек сказал мне: не в намерениях моих, не в идеях, но как в человеке во мне есть что-то нехорошее, что-то мутное в крови.

Ну, правильно. На мне и грязь хороша, потому что это я, подумал я тогда.

Может, это оттого, что благородное у нас всегда в унижении. Свинство почти всегда торжествует. Оскорбляющее свинство.

Поэтому удобнее не быть только благородным. Не выделяться.

М и х а и л. Вася, а вот если бы Сусллова сказала тебе, что она жить без тебя не может. Если бы предложила сойтись? Как бы ты поступил?

Р о з а н о в. Это невозможно. Суслиха – бес в юбке. Зачем мне бес?

М и х а и л. Для электричества.

Р о з а н о в. Какого еще электричества?

М и х а и л. Ты ж с Варей, как при лампаде живешь. Нет, при лучине! Вон Мережковский с Гиппиус, как с электричеством живет.

Р о з а н о в. Ага. А Толстой со своей Софьей, если тебя

послушать, жил при лучине. А сколько сделал!

М и х а и л (*шутливо*). Софья – керосиновая лампа.

Р о з а н о в. Вот зачем тебе этот разговор?

М и х а и л. Томит меня твоя неправильная жизнь.

Р о з а н о в. Это только я так могу сказать о себе.

М и х а и л. И я – на правах друга. Вася, мы так устроены. Нас обижают и оскорбляют одни, а вымещаем мы свою обиду на других. Кто ближе, на ком безопаснее это выплеснуть.

Р о з а н о в. Хочешь сказать, я должен был все стерпеть от нее. Я и терпел. О, сколько я терпел!

М и х а и л. Но ведь при этом добавлял обид! Скажи, как на духу, разве ты ни разу не изменил ей? Ну, скажи! И положи руку на сердце, и перекрестись! (*Розанов виновато молчит*) Ну, вот. Теперь посчитай, сколько бесов ты ей добавил.

Р о з а н о в. Душа есть страсть. А талант нарастает, когда нарастает страсть. То есть и талант есть страсть.

М и х а и л. И что ты с этой ее страстью сделал? Она ж наверняка хотела вырасти в писательницу.

Р о з а н о в. Да, она втайне завидовала Достоевскому, и он это отмечал. И мне завидовала. И до сих пор завидует. И это тот случай, когда зависть оправданна. И все же ты не целиком прав. В ней много дурного. Дурное в нас есть рок наш. Но нужно знать меру этого рока. А она меры не знает.

М и х а и л. Она женщина.

Р о з а н о в. Чего ты от меня сейчас хочешь?

М и х а и л (*с расстановкой*). Ни-че-го. Хотя нет. Хочу,

чтобы ты перестал на нее злиться. Вот совсем. И чтобы она это почувствовала. Ты как-то сказал, что душа твоя сплетена из грязи, нежности и грусти. Вот перестанешь злиться, и грязь сойдет, и останется только нежность и грусть. *(После паузы)* Думаешь, я на нее не злюсь? Кого она во мне видит? Игрушку? Но я не игрушка.

Квартира Голдиных. Здесь Михаил и Софья.

С о ф ь я. Мишенька, отчего Полина перестала бывать у нас? Я скучаю. Скажи ей, что я редкая подруга, я не ревную.

М и х а и л. Как я могу сказать? Я тоже не знаю, куда она пропала.

С о ф ь я. Как странно. И даже немножко страшно.

М и х а и л. Мне тоже. Героиня ее автобиографических записок утопилась.

С о ф ь я. Она уже передала тебе рукопись?

М и х а и л. Нет, мне Василий сказал. Он читал. Он тоже в тревоге.

С о ф ь я. Притворщик, я ему не верю.

М и х а и л. Зачем ты думаешь о нем плохо? Он искренне переживает.

С о ф ь я. Ну да. Он в самом противоположном искренен. Не хочу о нем говорить. Хотя подозреваю, что она из-за него, а не из-за тебя исчезла. Он – проклятие ее.

Г о л о с С у с л о в о й. Отчасти ты права.

Суслова входит неожиданно в открытую дверь, ошеломляя Михаила и Софью.

С у с л о в а. Ты, Сонечка, права, но это проклятие, кажется, повернулось на него.

На сцене легкий гвалт. Михаил и Софья говорят вразнобой, Софья им отвечает. Наконец, возникает пауза.

С о ф ь я. Ну, рассказывай же!

С у с л о в а. Я съездила в Брянск, где раньше жила его мамочка. Бутягины там известны. Мамочка, оказывается, будучи еще тринадцати с половиной лет, влюбилась во взрослого, годящегося ей в отцы Бутягина. Родителям пришлось увезти ее в другой город. Но она все же добилась их благословения и вышла за него. А через два года он, никогда и ничем не болевший мужик, неожиданно ослеп, лишился дара речи и умер.

Софья и Михаил с нетерпением ждут продолжения.

С у с л о в а. Вот, собственно, и все. Хочу знать, что вы об этом думаете.

Софья и Михаил озадаченно молчат.

С о ф ь я. Не знаю даже, что сказать. Ты видишь в этом какой-то рок?

М и х а и л. Василий знает об этом. Он мне говорил. Не понимаю, в чем тут рок.

С у с л о в а. Разве симптомы вам ни о чем не говорят? В некоторых губерниях целые деревни этим болеют. Эта мамочка опасна для Васи. У меня нехорошее предчувствие.

М и х а и л. У меня сейчас одно в голове. Зачем вы поехали в Брянск, Полина Прокофьевна? Какая у вас была цель? За-

чем вы в следователя обратились? Лучше бы рукопись свою завершали.

То, что говорит пасынок, нравится Софье. Она не без злорадства следит за выражением лица Суловой.

С у с л о в а (*переходя на вы*) Михаил, не пойму, в чем вы подозреваете меня.

М и х а и л. Ответа у вас нет. Точнее, есть, но вам неловко признаться. Тогда я скажу прямо. После этого вашего сообщения, я просто обязан сделать выбор между вами и моим другом Розановым. Я выбираю моего друга.

С о ф ь я (*делая вид, что хочет его остановить*) Михаил! Михаил с непреклонным видом выходит из комнаты.

С о ф ь я. Поля, я очень сожалею.

С у с л о в а. Да, конечно. Мне пора. (*На выходе из квартиры*) Ну, вот и все. Теперь я совсем одна. Отлично! Замечательно! Как это волнует кровь! Одна против всего мира. Мегера. Фурия. Они ничего толком не поняли, но я в их глазах фурия. Прекрасный зверь ничего не понимает, но сердцем он не со мной. Ну и ладно. Хорошо, что это определилось сразу сейчас, хуже, если бы потом. Кому Миша сделал плохо? Не мне, а ему. Я-то уже хотела, уже уговорила себя дать ему развод. Но теперь – никогда! Пусть рожает еще. Но ни один не будет носить его фамилию. Никогда! И пусть меня судят, осуждают, презирают. Презренье всего мира мне – по колено.

Дом Розанова. Розанов говорит с женой Варварой. Но во-

все не обязательно ее появление на сцене. Достаточно ее силуэта и ее голоса.

Р о з а н о в. Ну, Варя, сажусь писать.

В а р в а р ы. Бог благословит! Бог благословит! Бог благословит!

Большим крестом она кладет три православных пальца на лоб, грудь и плечи мужа.

Р о з а н о в (в зал). И когда вот так, выходит лучше, выходит весело, и хорошо на душе.

Розанов доволен своей судьбой, но чего-то не должно хватать зрителю в этой, вроде, благостной картинке его быта.

Громкий стук в двери. Голоса.

М у ж с к о й г о л о с. Именем закона. Отворяйте немедленно!

Розанов открывает с испуганным видом. Входят жандармы.

Ж а н д а р м. Кто будете? Розанов?

Р о з а н о в (нервно). Так точно-с. Розанов. А что за оказия?

Ж а н д а р м. Имею поручение провести досмотр бумаг. Извольте предъявить.

Р о з а н о в. Что ж. Прошу-с в мой кабинет.

Вводит жандармов в свой кабинет. Варвара остается в коридоре. Осеняет себя крестным знаменем. И прислушивается, кто тому, что происходит в кабинете.

Ж а н д а р м. Извольте показать вашу переписку.

Розанов кладет на стол перед жандармом пачки писем.

Ж а н д а р м. Покажите письма Голдина.

Розанов показывает.

Ж а н д а р м (*читая письма, что-то находит глазами*).

Ну, вот. Стало быть, никакого навета. Неподобающие слова. Критика высочайшего имени. Крамола. А вы, Розанов, стало быть, укрыватель крамолы. Детей хотите осиротить?

Р о з а н о в. Господин Голдин критиковал систему образования, а не лично Его величество. Да ведь и когда это было. Сколько лет прошло.

Ж а н д а р м. А система образования у нас чья, господин писатель? Не пытайтесь меня заморочить. Собирайте вещички и прощайтесь с супругой, с детками.

Варвара устраивает громкий плач.

Розанов и Сулова – по разные стороны сцены.

Р о з а н о в. Ах, Полинька! Ну, зачем же так? Чего ты этим хочешь добиться?

С у л о в а. За тебя тревожилась. Болезнь-то нехорошая. Страшная и неизлечимая. Может, ты заразился уже, только еще не знаешь. Но как сказать теперь? Ведь не поверишь. А вот скажу, если оттолкнешь от себя дружка своего, зверя красивого.

Р о з а н о в. Полинька! Это в тебе хищная женщина заговорила. Или простая русская баба. В любом случае это очень плохо, и прежде всего для тебя. Нет, Полинька, не бывать этому. Я хоть и слизняк в твоих глазах, но через дружбу не

переступлю. И никакие бесовские хитрости тебе не помогут.

После достаточно долгой паузы.

Р о з а н о в. Меня выпустили на другой день. Но Варя не встретила меня. Она не говорила, плохо понимала, что ей говорят, и ничего не могла делать. Только сидела в кресле, свесив голову, или лежала без движения, парализованная. Я бы суеверно подумал, что это ты наслала порчу, но точно такие же симптомы были, по рассказу Вари, у Бутягина. (*После паузы*). Боже, зачем ты забыл меня? Не дай погибнуть им! Поддержи их! Поддержи и укрепи! Я за Варю и за тебя молюсь, Полиночка.

Р о з а н о в (*продолжает*). Сильная любовь одного делает ненужной любовь многих. Так я раньше думал, так писал об этом. Конечно, я кривил душой. Любя Варю, я в тайне от нее продолжал любить тебя. Мне нужна была моя любовь к тебе. И это спасло меня, спасло мою жизнь. Болезнь, которая перешла к Варе от Бутягина, не затронула ни меня, ни наших детей. Это чудо. Неверующая, ты молилась за меня. Молилась, я знаю. И Бог услышал тебя.

Розанов (*продолжает*) Больше всего к старости начинает томить неправильная жизнь, и не в смысле, что мало наслаждался, но что не сделал должного. Ты помогла мне стать тем, кто я есть, и кем еще буду, а... я не смог. Я не смог помочь тебе стать той, какой ты рождена была стать. И Достоевский не помог, наверно, даже не помыслил об этом. Но, несмотря на это, тебе будет воздано должное. Найдутся люди, которые

всему найдут возвышающее тебя объяснение. *(после паузы)*
Что выше, любовь или история любви? Ах, все истории любви все-таки не стоят кусочка «сейчас любви». Я теперь пишу историю, потому что счастье мое прошло

Любимый вождь нашего племени

Политическая драма

БОРИС ВАЖАНОВ – 32 года, помощник Сталина.

АЛЕНА СМОРОДИНА (АНДРЕЕВА) – 26 лет, сотрудница секретариата Сталина.

СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ – генеральный секретарь ВКП(б).

АЛЛИЛУЕВА НАДЕЖДА – супруга Сталина.

ЖБЫЧКИНА ВАЛЕНТИНА – подавальщица Сталина.

ПАУКЕР КАРЛ – начальник охраны Сталина.

КАННЕР ГРИГОРИЙ – секретарь Сталина «по темным делам».

ТОВСТУХА ИВАН – секретарь Сталина «по полутемным делам».

ЯГОДА ГЕНРИХ – заместитель председателя ОГПУ.

МОЛОТОВ ВЯЧЕСЛАВ – секретарь ВКП(б).

ПЕРЛ – ЖЕМЧУЖИНА ПОЛИНА – нарком рыбной промышленности, супруга Молотова.

ЛЮДВИГ ЭМИЛЬ – немецкий писатель

АСТОР НЭНСИ – английская журналистка

НЭЛЬСОН ДОНАЛЬД – американский бизнесмен

ДЭВИС ДЖОЗЕФ – американский дипломат
ШНЕЙДЕРОВИЧ – личный врач Сталина.
ЛЬВОВА НАТАЛЬЯ – ясновидящая.

Сотрудники охраны Сталина.

1932-й год. Москва. Секретариат Политбюро ВКП(б).

Большой зал.

Письменных столы, за которыми сидят женщины в
красных косынках. В зале деловое

движение. Одни сотрудницы что-то ищут в шкафах.
Другие печатают на пишущих

машинках. Третьи говорят по телефонам.

На стенах висят старые плакаты, посвященные револю-
ционному Эросу. Вот

призывы «Каждый комсомолец может и должен удовле-
творять свои

половые стремления», «Каждая комсомолка обязана ид-
ти ему навстречу, иначе она

мешанка». Вот короткий рекламный стих Маяковского
«Прежде чем пойти к невесте,

побывай в Резинотресте». Вот агитплакат – счастливая
девушка под руку с парнем в

пиджаке с красным бантом, а в сторонке отставной ка-
валер и стишок внизу «Я

теперча не твоя, я теперча Сенина, он меня в Совет водил
слушать речи Ленина».

Среди сотрудниц секретариата выделяется своей яркой

аристократической

красотой АЛЕНА СМОРОДИНА. Она вскрывает большой конверт, вынимает

фотографши, рассматривает их и меняется в лице. На снимках крайне изможденные

люди, их тела похожи на скелеты. Алена читает вложенное в конверт письмо и в

панике смотрит в сторону кабинета Важанова. Важанов, который стоит у

остекленной стены-окна и смотрит, как работают его подчиненные, замечает

метания Алены и делает ей знак зайти. Алена идет к нему.

Небольшой, хорошо обставленный кабинет Важанова. Алена входит.

Важанов ждет ее у двери и сразу заключает в объятия. Алена

отстраняется.

АЛЕНА. Боря, давай как-нибудь потом.

ВАЖАНОВ. Что у тебя стряслось?

АЛЕНА (протягивая конверт). Вот. Только что пришло. Важанов перебирает фотографши. Видно, что они потрясают его не меньше, чем

Алену.

ВАЖАНОВ (читает вслух письмо). «Мы тут уже начали

поедать друг друга.

Пирожки с человеческой печенью продаются открыто». Ни фига!

АЛЕНА. Письмо из Саратова.

ВАЖАНОВ. Вижу. Еще не зарегистрировала?

АЛЕНА. Нет. Я ж говорю, только что пришло.

ВАЖАНОВ. И не надо регистрировать. Пока.

АЛЕНА. Как это? Ты представляешь, что со мной будет?

ВАЖАНОВ. Пока письмо у меня, ничего не будет.

АЛЕНА. Что ты задумал? Может, скажешь?

ВАЖАНОВ. Конечно, скажу. А пока сам не знаю. Это уже не первый сигнал с мест. Но впервые – такое доказательство.

Алена нервно прохаживается по кабинету. Останавливается перед стеной-окном.

АЛЕНА (*показывая на увешанные плакатами стены*) А это что за выставка появилась? Под Петеньку моего копаете?

ВАЖАНОВ. Петенька твой неплохой парень, но... на берегу Москвы-реки, в пяти минутах от Кремля снова появился нудистский пляж. Снова пошли призывы установить кабинки любви. (*ядовито*) Туалетов в Москве наперечет, а кабинки любви должны быть на каждом шагу. Но больше всего Сталина

разозлил агитплакат «Я

теперча не твоя, я теперча Сенина...»

АЛЕНА. И что теперь?

ВАЖАНОВ. Члены политбюро зайдут, полюбуются и примут решение. Думаю,

пожурят твоего Петю. Все знают его заслуги перед революцией.

АЛЕНА. Петенька-то тут при чем? Вы бы лучше катехизис революционера подредактировали.

ВАЖАНОВ. Не понял. А катехизис тут при чем?

АЛЕНА. Тебе процитировать? Перед командировкой в Германию меня в срочном порядке в партию принимали. Пришлось зазубрить.

ВАЖАНОВ. Ну-ка.

АЛЕНА (*с сарказмом*). Революционер – человек обреченный. Он в глубине

своего существа разорвал всякую связь со всеми законами, приличиями,

общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он презирает общественное

мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю

общественную нравственность. Все изнеживающие чувства родства, дружбы, любви,

благодарности и самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега – успех революции.

ВАЖАНОВ. Холодная страсть, говоришь... Ну-ну. Ладно, это все мелочи жизни.

Что у тебя с переводом?

АЛЕНА. Закончила. Мы с национал-социалистами, конечно, антиподы.

Но я не понимаю их хитростей. Взяли наше красное знамя, наш призыв

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

ВАЖАНОВ. Гораздо непонятней, почему мы это скрываем. Они ведь еще друга друга товарищами называют. А лично об авторе, камараде Гитлере, что думаешь?

АЛЕНА. Он хочет истребить тех, кто у нас в каждом кабинете. И чего он на них взъелся?

ВАЖАНОВ (*понижив голос*). По-моему, Сталину, это как раз и нравится в товарище Гитлере. Знаешь, а мне нравится, как ты муженька своего бывшего защищаешь.

АЛЕНА. Я благодарна ему.

ВАЖАНОВ. Интересно, как ты ему объяснила, откуда три языка знаешь...

АЛЕНА. Сказала, что родители были гувернерами.

ВАЖАНОВ. Красота ослепляет. А любовь ненасытна.

Важанов встает из-за стола, закрывает дверь на ключ и подходит к Алене с

явным желанием наброситься на нее. Она тоже смотрит на него распаленно. Они

заходят за шкаф и предаются торопливой страсти.

АЛЕНА. Прямо в Кремле, рядом с кабинетом самого Сталина... Как это

стыдно!

ВАЖАНОВ. Как это возбуждает!

Пылко отдавшись друг другу, они приводят себя в порядок. Важанов

проворачивает ключ в замке двери.

ВАЖАНОВ. Сталин хочет, чтобы ты сама вручила ему перевод. Видно, слышал,

какая ты красotka.

АЛЕНА. Как вести себя с ним?

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин любит абсолютное подчинение, но... не

терпит его. Редко говорит, что нужно конкретно делать. Только дает понять, и нужно

правильно догадаться. Требуется, чтобы ему смотрели в глаза, но сам при этом только

поднимает взгляд и тут же опускает. Но этот взгляд как раз и нужно выдержать, не отводить глаза. Товарищу Сталину не нравится, когда люди скрывают свои естественные слабости и недостатки. *(после короткой паузы)* То, что он поручил тебе перевод, для меня загадка. Насколько я знаю, ему уже перевели «Майн кампф». Твой перевод – это, как минимум, всего лишь предлог...

Коридор в Кремле. К секретариату подходят двое молодых мужчин и женщина около 40 лет. По виду иностранцы. Заглядывают.

ДЖОЗЕФ ДЭВИС. Интересно, как отбирают сюда людей. Наверно, здесь только дети пролетариев. Но эта работа требует, как минимум, грамотности.

НЭНСИ АСТОР. Не смешите меня, Дэвис. Вы все-таки неисправимый идеалист. Бьюсь об заклад, здесь большинство – детки чекистов и самых фанатичных большевиков. Это такая большая секта. Зачем им грамотность? Им вполне достаточно преданности своей безумной идее.

Важанов и Алена сталкиваются в коридоре с этими иностранцами. Важанов останавливается, а Алена идет на свое рабочее место.

ДЭВИС. О, Борис! А мы вас поджидаем. Пришли чуть раньше назначенного времени. Это Нэнси Астор. Она ...

ВАЖАНОВ. Кто же не знает мисс Астор!

ДЭВИС. А это мистер Нэльсон. Бизнесмен.

ВАЖАНОВ (*Нэльсону*). Хотите первым открыть свой бизнес в СССР?

ДОНАЛЬДНЭЛЬСОН. Хотелось бы. Но у меня к вам конфиденциальный разговор. Три минуты, не больше.

ВАЖАНОВ. Это потом, а сейчас – к товарищу Товстухе. Давайте сюда. Вот его кабинет.

Важанов и зарубежные гости входят в приемную Товстухи.

ВАЖАНОВ. Иван Павлович, американцы хотят...

ТОВСТУХА. Ясно, чего они хотят. Пора, господа янки, давно пора. Но мы дольше ждали. Так что придется подождать.

ДЭВИС. Время – деньги, товарищ Товстуха.

ТОВСТУХА. А вот у товарища Сталина нет времени. Побеседуйте пока вот... с его помощником, товарищем Важановым. Вождь прочтет запись беседы и, возможно, уделит вам пять минут, если сочтет нужным. Иначе никак.

НЭНСИ АСТОР. Ну, понятно. Мы для товарища Сталина – не тот уровень.

ДЭВИС. Наш уровень – товарищ Важанов. Хорошо. Мы согласны. (*Важанову*) Назначайте время, Борис.

ВАЖАНОВ. Можно сегодня вечером.

ТОВСТУХА (*Важанову*). Борис, звонил Паукер. Твой доклад товарищу Сталину переносится на завтра.

ВАЖАНОВ (*иностранцам*). Тогда давайте поговорим прямо сейчас.

Важанов идет с иностранцами в свой кабинет. Алена возвращается на свое рабочее место. Снимает трубку телефона.

АЛЕНА (*в трубку*). Важанов почему-то не дал мне зарегистрировать письмо из Саратова. (*выслушав ответ*) Хорошо, иду.

Алена направляется к кабинету Товстухи. Входит. Садится у телефона, надевает наушники. Товстуха садится рядом.

Важанов и иностранцы входят в кабинет Важанова. Важанов зажигает примус, ставит на него чайник, достает из шкафа кусковый сахар и сушки. Садится за стол, открывает блокнот, берет ручку.

ДЭВИС (*по-английски*). Я однажды видел близко Сталина во время какой-то демонстрации. Он стоял возле мавзолея. У него карие глаза и необычайно добрый, даже кроткий взгляд. Будь я ребенком, я бы захотел забраться к нему на колени.

Алена в кабинете Товстухи переводит сказанное Дэвисом.

НЭЛЬСОН (*по-английски*). Согласен. Мистер Сталин – простой парень и, кстати, очень дружелюбный. И он, похоже, человек слова и дела. С ним приятно иметь совместный бизнес. Вы не забыли о моей просьбе, мистер Важанов? (*Важанов в ответ склоняет голову*)

Алена в кабинете Товстухи переводит сказанное Нэльсоном.

НЭНСИ АСТОР (*Важанову на ломаном русском, саркастически*). Я тоже очарована вашим вождем. Будь он американцем, он легко выиграл бы президентские выборы. А позвольте узнать, Борис, как вы стали самым первым помощником Сталина?

ВАЖАНОВ. Господа, по заведенному правилу, я буду вести запись нашей беседы и прошу вас говорить по-русски.

АЛЕНА (*Товстухе*). Я больше не нужна?

ТОВСТУХА. Нет, побудь на всякий случай. Вдруг они снова заговорят не по-нашему.

ВАЖАНОВ. Итак, мой ответ на вопрос мисс Астор. Я написал новую редакцию партийного устава. Показал Кагановичу. Каганович повел меня к Молотову. Тот заинтересовался еще больше. Пошли к Сталину. Сталин прочел устав и тут же позвонил Ленину. Сказал, что устав партии устарел, надо менять. Ну, и завертелась работа.

НЭНСИ АСТОР (*с усмешкой*). Как, оказывается, легко у вас проникнуть в святая святых. Нет, тут что-то не так, Борис. Вы чего-то недоговариваете.

ВАЖАНОВ. Не думаю, что выдам какой-то секрет. Просто старый устав помогал партии придти к власти, а новый устав помогает эту власть удерживать.

НЭНСИ АСТОР. Теперь понятно – вы сработали за дьявола.

ДЭВИС (*укоризненно по-английски*). Ну, мисс Астор...

НЭНСИ АСТОР. Ну, вот такая я невозможная. Но я вижу, мистер Важанов, не обиделся. Зачем вы это сделали, Борис?

ВАЖАНОВ. Это было в голодный тысяча девятьсот двадцать третий год...

НЭНСИ АСТОР (*Дэвису и Нэльсону*). Как у них все просто: проголодался – пошел и продал душу. (*Важанову*) Тотто, я смотрю, вы даже манерами и стилем речи похожи на своего хозяина.

Важанов делает над собой усилие, чтобы пропустить мимо ушей этот грубый выпад.

ДЭВИС. Почему ваш босс всегда побеждает?

ВАЖАНОВ. Я сам об этом думал. Видимо, тут не обходится без магии.

НЭНСИ АСТОР. Я ж говорю, у них все просто. Магия. А откуда у мистера Сталина такая ненависть к Европе, вы можете объяснить?

ВАЖАНОВ. Это чисто бедняцкая неприязнь к сытым и богатым.

НЭНСИ АСТОР. То есть вы всегда будете ненавидеть нас?

ВАЖАНОВ. Ну, почему? Станем богатыми, может, и любим.

НЭНСИ АСТОР. Передайте вашему боссу, Борис. Как творец вашей новой жизни, он никогда не сделает вас богаче нас. Это невозможно. Да это и не нужно ему. Ему нужно, чтобы вы все время боролись, все время преодолевали труд-

ности и происки врагов. Так вами проще манипулировать. Странно, что даже вы это не понимаете? Или вы только делаете вид, что не понимаете?

ДЭВИС. Нэнси, прекрати. На самом деле ты сама кое-чего не понимаешь. Коммунисты, действительно, магически мыслящие люди. Они живут своим идеализированным будущим. Им нравится быть первопроходцами и героями нового строя. Для них повседневность – это борьба, которая напоминает бескровную войну...

НЭНСИ АСТОР. Ну почему же бескровную? Сколько людей они уже отправили на тот свет ради своих прекрасных идеалов? Причем, лучших людей своего времени, которые посмели пойти против них. Простите, Дэвис. Продолжайте. Я забыла, что до того, как заняться дипломатией, вы были практикующим психиатром.

ДЭВИС. Итак, мистическая идея... Мистическая власть... Значит и вождь – личность мистическая. Все сходится.

НЭНСИ АСТОР. Скоро в Германии к власти придет еще один мистик-романтик. Может, лучше им посотрудничать, а нам посмотреть, что из этого получится?

НЭЛЬСОН. Нэнси, какая муха вас сегодня укусила?

НЭНСИ АСТОР. А я уже не американка. Я – гражданка Великобритании. А «англичанка всегда гадит». Так, кажется, говорят, русские.

ВАЖАНОВ. Мисс Астор! Боюсь, что ваша русофобия и

стала причиной того, что товарищ Сталин не принял вашу делегацию.

НЭНСИ АСТОР (*зло*). Тогда передайте ему, что я его раскусила. Он никакой не интернационалист. Он обычный русский шовинист, только от его русского шовинизма больше всех страдают и будут еще сильнее страдать как раз русские. Конечно, он изображает из себя интернационалиста. Вдруг получится стать вождем всемирного пролетарского государства.

ВАЖАНОВ. Господа, по-моему, вам давно пора сообщить мне о том, что вы хотели сказать товарищу Сталину, о чем спросить его.

НЭНСИ АСТОР. У меня к нему один вопрос. Я хочу сказать: господин Сталин, когда вы прекратите убивать своих людей?

ВАЖАНОВ (*Дэвису*). А вы, сэр? У вас какой вопрос?

ДЕВИС. Борис! Мы, американские демократы, считаем, что республиканцы засиделись в Белом доме. Через год мы их точно вытурим оттуда. И наш Франклин Рузвельт, став президентом, еще через полгода возобновит с Россией дипломатические отношения. Думаю, это хорошая новость для товарища Сталина, которую я готов изложить ему более подробно.

ВАЖАНОВ. Я понял вас, мистер Дэвис. (*Нэльсону*) А вы, мистер Нэльсон? Вы настаиваете на конфиденциальном разговоре?

НЭНСИ АСТОР (*Дэвису*) Выйдем Джозеф.

Дэвис и Астор, а следом и Алена, выходят.

НЭЛЬСОН. Мистер Важанов, я уполномочен передать мистеру Сталину информацию о судьбе царского фонда индустриализации России. Иными словами, о русских активах в швейцарских банках. Речь может идти о миллиардах в любой из западных валют. Ведь вам крайне нужны деньги для вашей индустриализации, не так ли? Вот письмо с предложением посредничества. (*подает красивый конверт*) Как видите, я уложился в одну минуту, и вторая минута едва ли потребуется. Хотя... Еще десять секунд. Чуть не забыл: независимо от реакции Сталина, вам гарантируется поддержка, всемерная и всесторонняя, поскольку вы отныне посвящены в секрет мировой важности. Если вам будет грозить опасность, сообщите вот по этому телефону или по этому адресу. Но если вы вдруг исчезнете, не успев предупредить, наши люди немедленно отреагируют на дипломатическом уровне.

Важанов дописывает сказанное Нэльсоном. Нэльсон протягивает Важанову что-то вроде визитки. Важанов кладет в карман.

ВАЖАНОВ. Этак вы превращаете меня в своего агента.

НЭЛЬСОН. Агент работает против интересов своего государства. О вас, я уверен, это никак нельзя сказать. Я не ошибаюсь?

Товстуха в своем кабинете силится понять, что могут означать последние слова американца.

ТОВСТУХА. Я не слышу ответа Бориса.

АЛЕНА. Я тоже.

Дача Сталина в Зубалово. Ночь. Где-то далеко лает собака. Но обитатели дачи безмятежно спят. Свет горит только в одном окне. Это кабинет Сталина. Вождь что-то пишет. Встает, ходит по комнате, посасывая трубку, и снова садится, чтобы что-то написать. Его знобит, он обматывает шею шарфом. Ему мешает сосредоточиться лай собаки. Он крутит ручку патефона и ставит пластинку с его недавним выступлением.

ГОЛОС СТАЛИНА. Товарищи! Слишком много говорят у нас о заслугах вождей. Им приписывают почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. (*появляется крупное изображение выступающего Сталина, голос его усиливается*). Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так остался?» с тем же равнодушием ответили: «чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть. И тут же один стал торопиться, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, он ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать

можем. А вот кобылу ... попробуй-ка сделать кобылу».

Оживление в зале. Угодливый смех.

СТАЛИН. Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод в области людей (*дословное воспроизведение фрагмента речи Сталина, В.Е.*) и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, – мы должны, прежде всего, научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Кадры решают все.

Бурные аплодисменты, выкрик «Да здравствует любимый Сталин!» Лицо Сталина искажает гримаса – не нравится ему этот выкрик. Нервным движением он закрывает крышку патефона. Лай собаки усиливается.

СТАЛИН. Паукер! (*открыв дверь*) Паукер, едри твою мать!

Появляется Паукер, поправляющий на себе мундир.

СТАЛИН. Ты слышишь?

ПАУКЕР. Слышу отлично, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Почему не принимаешь меры? Чья это собака?

ПАУКЕР. Яковлева.

СТАЛИН. Яковлева? Кто такой?

ПАУКЕР. Нарком земледелия. Отец у него – старый, ослепший большевик. Это собака-поводырь, товарищ Ста-

лин.

СТАЛИН. Знаем мы этих заграничников, теоретиков, старых большевичков. Сидели годами в Парижах и Женевах, перемывали косточки царской власти и Ленину, а нестарые большевики в это время околевали в ссылках и добывали денежки им на пиво и кофе. Почему я должен терпеть этот лай, Паукер?

ПАУКЕР. Понял. Будет исполнено, товарищ Сталин.

Паукер исчезает. Сталин пытается работать, но мысль не идет. Ложится на тахту, но и заснуть не получается. Наконец, доносится звук выстрела. Сталин наливает себе бокал вина и выпивает. Ложится на тахту, не снимая сапог и укрывшись шинелью. Входит на цыпочках Паукер. Он смешон в каждом своем движении. Осторожными движениями снимает с ног Сталина сапоги.

СТАЛИН (не зло.) Мудак!

ПАУКЕР (вытягиваясь). Так точно, мудак, ваше велич... товарищ Сталин.

СТАЛИН. Ты кого играл в театре? Королевского слугу? Эка в тебя въелось. Чего глаза-то бегают? Хочешь что-то сказать, а не решаешься. Давай уж, рожай.

ПАУКЕР. Собственно, ничего особенного. Просто, будучи в Ленинграде у родителей, Надежда Сергеевна освятила в церкви кулич.

СТАЛИН. Молилась при этом?

ПАУКЕР. Извините, не уточнил.

СТАЛИН. Хреново нацеливаешь агентуру. Агенты не знают, на что обращать внимание. Кому я доверяю себя... Ну, а что после Ленинграда?

ПАУКЕР. Вы имеете в виду поездку Надежды Сергеевны в Германию? Там дело похуже.

СТАЛИН. Говори.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна вернулась из Германии с дамским браунингом. Кажется, ей подарил брат Павел, сотрудник торгпредства. Надежда Сергеевна хранит оружие под матрасом. Я заменил патроны на холостые. По совокупности соображений, для вас угрозы нет, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Много на себя берешь, Паукер. Это я должен соображать, а не ты.

ПАУКЕР. Изъять браунинг?

СТАЛИН. Верни боевые патроны в обойму. Вдруг на Надежду Сергеевну кто-нибудь нападет. Как же она будет защищаться? Уйди.

Паукер идет к двери.

СТАЛИН. А ты почему в тапочках?

ПАУКЕР. Так ведь... боюсь вас разбудить, когда хожу по коридору.

СТАЛИН. Ходи в сапогах, которые скрипят. И остальным вели – никаких тапочек, только скрипящие сапоги.

ПАУКЕР. Слушаюсь, товарищ Сталин.

Паукер выходит на носках, но сапоги все равно скрипят. Сталин, наконец, засыпает. Зритель может услышать его

посапывание и легкий храп.

Дача Сталина в Зубалово. Балкон на втором этаже дачи. Утро. Слышен звон пилы и стук топора. Сталин сидит на веранде, просматривает свежие газеты. Надежда подходит на цыпочках. В руке у нее открытка. Заглядывает через голову мужа в газету.

СТАЛИН. Татка, ты меня пугаешь. Я когда читаю, ничего не слышу. Вот, послушай, что Горький пишет: *нос у него вздрогнул*. Ты когда-нибудь видела, чтобы у кого-то вздрогнул нос?

НАДЕЖДА. Это чей нос?

СТАЛИН. Сразу видно, что не читала очерк Горького «Владимир Ильич Ленин». Ленина нос, Татка. А вот тут точно сказано. «Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти». И вот здесь точно, где Горький приводит слова Ленина о себе: «Мало я знаю Россию. Саратов, Казань, Петербург – ссылка и – почти все». Не почти, а все.

НАДЕЖДА. Как же мне нравится вид отсюда, со второго этажа. Только вот...

СТАЛИН. Что только? Что опять не так?

НАДЕЖДА. Вот нашла твою давнюю открытку. (*читает*) «Здесь природа скудна до безобразия, и я до жути истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге». Помнишь, ты писал мне это из Курейки, и я послала тебе открытку с видами Грузии?

СТАЛИН. И что?

НАДЕЖДА. Теперь по твоему повелению природу, которой тебе так не хватало в Курейке, вокруг нашей дачи вырубают.

СТАЛИН. Хочешь попасть в прицел снайпера? Или для тебя природа важнее жизни?

НАДЕЖДА. А еще... Раньше, когда ты был революционером, ты носил шляпу, костюм, туфли. Это тебе так шло. А теперь эта шинель до пят, френч, сапоги... трубка. Зачем тебе такая длинная шинель?

СТАЛИН. У Паукера спроси. Он считает, что в длинной шинели я смотрюсь выше. Стельки мне утолстил. Беспокоится человек, как я выгляжу в глазах врагов. Считает это важным делом.

НАДЕЖДА. Почему только в глазах врагов?

СТАЛИН. Паукер так считает. Что я могу поделывать?

НАДЕЖДА. Ты-то сам так не считаешь?

СТАЛИН. Что я, пугало какое? Хотя без страха тоже нельзя. Политика – это кто кого больше или меньше боится.

НАДЕЖДА. Ну, да как же без страха. *(осматривает одежду мужа)* Обшлага у френча и шинели обремкались. Хотела починить, не нашла ни иголки, ни ниток.

СТАЛИН. Скажи Паукеру – он распорядится, починят. Занимайся детьми, Татка.

НАДЕЖДА. Занимаюсь.

СТАЛИН. Ни хрена ты не занимаешься.

НАДЕЖДА. Снова болят зубы?

СТАЛИН. Причем тут зубы?

НАДЕЖДА. Дантист Шапиро обточил тебе вчера сразу восемь зубов. Сегодня будет ставить коронки.

СТАЛИН. Откуда такие сведения?

НАДЕЖДА. Что за страсть делать секрет из всякой мелочи?

СТАЛИН. Зубы – не мелочь. Здоровье вождей – совсем не мелочь, Татка.

Входит Паукер. В руках поднос с мыльницей, щеткой и опасной бритвой. На плече полотенце.

НАДЕЖДА (*сухо.*) Карл Викторович, дайте нам договорить.

Паукер ставит поднос на стол и скрывается за дверью.

СТАЛИН. Ну, что у тебя еще?

НАДЕЖДА. Иосиф, я нашла хорошего ритора-логопеда.

СТАЛИН. Это еще зачем? У детей нет проблем с речью.

НАДЕЖДА. Для тебя, Иосиф. Мне надоело читать в зарубежной прессе, что у тебя невнятная речь. Но это дело поправимое. Несколько занятий и буржуи перестанут тебя третиловать.

СТАЛИН (*наливаясь злостью*). Ты все-таки дура, Татка. Причем, дура конченная. Плевал я, что обо мне пишут на Западе. Чем больше меня третируют, тем больше это выглядит, как клевета. Иди к детям.

Надежда удаляется. Вошедший Паукер намыливает щетки Сталину и начинает бритье.

СТАЛИН. Какого черта срубили все деревья перед домом?

ПАУКЕР. Так ведь вы сами...

СТАЛИН. Мало ли что я... Заставь дурака богу молиться... Верни хотя бы несколько деревьев.

ПАУКЕР. Слушаюсь. Будут еще какие-то пожелания?

СТАЛИН. Найди мне другого брадобрея.

ПАУКЕР (*в страшной обиде*). Товарищ Сталин...

СТАЛИН. Слушай, ты меня порезал.

ПАУКЕР. Так ведь вы такое сказали. Рука дрогнула. Чем я не угодил?

СТАЛИН. К тебе претензий нет. Но ты не должен отвлекаться от непосредственной работы. Найди бабу, которая умеет гладко брить. И еще... От еды из кремлевской столовой мы отказались. Значит, требуется свой повар. Вот я и думаю: а почему не совместить функции повара, подавальщицы и парикмахера?

ПАУКЕР. Какого возраста требуется совместитель...ница?

СТАЛИН. Мы можем относительно доверять только тем, кто родился после Великой Октябрьской революции. (*после паузы*) Теперь слушай внимательно. Открепи от Надежды Сергеевны шофера. Пусть водит сама и сама платит за бензин. Подыщи ей старенький форд, подкрась его. Она и этому подарку будет довольна.

ПАУКЕР. А может, все-таки новый?

СТАЛИН. Ни в коем случае! Слушай, а ведь вчера ты чего-то недоговорил о Надежде. Ну-ка, выкладывай.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна попала под чистку рядов. У нее отобрали партбилет. Впереди комиссия.

СТАЛИН. Если комиссия узнает, что она ходит в церковь, ее тем более не восстановят в партии. Может, она как раз этого и хочет?

ПАУКЕР. И еще. Сторонники Рютина дали Надежде Сергеевне прочесть манифест против вас. Она принесла его домой. Хранит в тумбочке. Изъять?

СТАЛИН. Зачем? Пусть читает. Не то говорит? Пусть говорит. Иначе как узнать, что у человека в голове?

ПАУКЕР. С однокурсниками, который побывали летом в Поволжье, обсуждала проблемы с продовольственным снабжением.

СТАЛИН. Этим Ягода уже занимается. Смойвай мыло. Что у нас дальше?

ПАУКЕР. Шнейдерович уже здесь, товарищ Сталин.

Впускает лечащего врача Шнейдеровича.

СТАЛИН (*врачу*). Сегодня я снова бегал ночью. Когда вы это прекратите? Может, у вас есть задание тихонько уморить меня?

ШНЕЙДЕРОВИЧ. Товарищ Сталин, вы же знаете – у вас уже лет пять как неладно с желудком и кишечником. Вам нужно совсем прекратить пить спиртное, заедая соленой рыбой.

СТАЛИН. Какая хрень! Муссолини совсем не пьет спиртного и не ест соленую рыбу, но у него желудочные колики и кровавая рвота. Ну, эскулапы хреновы! Давай, давай, свои таблетки и убирайся к едреней матери!

Дача Сталина. Столовая. Семья Сталиных обедает. Вася шалит со Светланой. Бросает в нее хлебные шарики.

НАДЕЖДА. Васо, прекрати бросаться хлебом! Это безобразие.

ВАСЯ. Папка бросается – почему мне нельзя? Мама, а правда, что наш папка раньше был грузином? (*сестре, строя страшную рожицу*) Светка, грузины ходили в черкесках и резали всех кинжалами.

НАДЕЖДА. Папа грузин, только он никого не резал. Ешь молча. Когда я ем, я глух и нем.

ВАСЯ. Мама, мы в школе пишем: мы не рабы, рабы не мы. Как правильно писать слово «не мы»? Слитно или раздельно? Это рабы немые или мы – не рабы?

СТАЛИН (*входя в столовую*). Надо же, какие вопросы! А с виду такой дундук.

НАДЕЖДА. Значит, я тоже дундук. Я тоже не понимаю, как правильно писать «не мы». Поэтому и объяснить ребенку не могу. Объясни, если знаешь.

Сталин набирает в рот дым из трубки и пускает в глаза сыну. Вася плачет. Сталин смеется.

НАДЕЖДА. Ну и шуточки у тебя, Коба...

СТАЛИН. Это у тебя, Татка, последнее время что-то с

чувством юмора... Как у Ленина.

Сталин наливает бокал вина, ставит перед Васей.

СТАЛИН. Пей, Васо. Пей сынок.

НАДЕЖДА. Иосиф, ну это уже слишком. Ты его алкоголиком сделаешь.

СТАЛИН. Пусть привыкает. Все-таки он наполовину грузин. А дети у нас привыкают пить вино с детства.

В дверях появляется Важанов. Не решается пройти в комнату. Деликатно кашляет.

СТАЛИН. А, товарищ Важанов! Что там у вас? В Германии разразилась антифашистская революция? Загнулся от цирроза печени Пилсудский? Кого-то шлепнули? Нет? Тогда все другие новости – не новости. Садитесь, товарищ Важанов. Когда происходит что-то хорошее, нужно выпить бокал хорошего вина. Когда ничего не происходит, тоже нужно выпить бокал вина.

ВАЖАНОВ. Вы же знаете, товарищ Сталин, я не пью и никогда не пил.

СТАЛИН. Чем существенно усложняете наши и без того непростые отношения. Это же кахетинское, мое любимое. Доверьтесь моему вкусу, товарищ Важанов.

ВАЖАНОВ. Не могу, товарищ Сталин. Я как выпью, так голова болит.

СТАЛИН. Кто меня окружает... У Надежды такая же канитель.

НАДЕЖДА (*Важанову*). Позавтракаете с нами, Борис?

ВАЖАНОВ. Нет-нет! Я только что из кремлевской столовой.

СТАЛИН. Врете. Ну да ладно. Что-то срочное, Важанов?

ВАЖАНОВ. Завтра политбюро. Хотел показать проекты ваших решений. И еще...

СТАЛИН. Ох, Татка, мне иногда кажется, что Важанов читает мои мысли.

НАДЕЖДА. Твои мысли?! Это невозможно.

СТАЛИН. У меня только два по-настоящему ценных сотрудника: Важанов и Молотов. Но Молотов сегодня уехал. И он... слишком свой. А рядом надо держать еще и чужого. Ведь вы же чужой, товарищ Важанов. Точнее, отчасти свой и отчасти чужой. Ладно, давайте ваши решения от моего имени.

Важанов кладет папку перед Сталиным.

СТАЛИН (*просматривая бумаги*). Товарищ Важанов, вам уже который раз предлагают квартиру в Кремле. Почему вы так упорно отказываетесь? Неужели в общежитии лучше?

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин, жить в Кремле... это ведь... как жить в аквариуме.

СТАЛИН. А как я живу? Ну, занимайте дачу Маяковского. До сих пор свободна. Все боятся его духа, который якобы бродит там по ночам. Но вы не робкого десятка.

ВАЖАНОВ. Нет, я так не могу. Мне вообще не нужна дача. Я хочу заниматься научной работой.

СТАЛИН. Ах, вот в чем дело! Вам надоело работать со

мною? Вы устали от меня? Вы устали быть частью меня? Но это- дезертирство, Важанов!

НАДЕЖДА. Иосиф, мне пора. Чуть не забыла. Сегодня «Большой» дает «Аиду». Я купила билеты.

СТАЛИН. Купила? Это не ко мне. Это к Паукеру. Кто из нас настоящий театрал? Паукер.

НАДЕЖДА. То есть мы никогда уже никуда не ходим, как все люди, не побудем среди народа? Только в особой ложе, под присмотром Паукера и его головорезов?

СТАЛИН. Эй, Татка, выбирай слова. «Аида» мне нравится. Там такой триумфальный марш победителей. (*напевает этот марш*) Конечно, ходим, Татка, но только вместе с Паукером. Он наш начальник.

НАДЕЖДА. Тогда скажи своему начальнику, что ты должен бывать не только в особой ложе в театре, но и на заводах и фабриках, в больницах и школах, в тюрьмах, наконец. Неужели тебе не интересно сравнить, как ты сидел, и как теперь сидят, при твоей власти. Кстати, ты так и не прочел роман Вересаева «В тупике».

СТАЛИН. Политически вредное название.

НАДЕЖДА. Там сравнивается отношение к политическим заключенным. Как было при царе, и как сейчас.

СТАЛИН. Не надо мне рассказывать. Прочел. И даже негласно разрешил издать. (*Важанову*). Видите, товарищ Важанов, какой оппозицией я окружен в личной жизни? А вы не хотите составить нам компанию – сходить на «Аиду»?

Приведите вашу девушку на «Аиду», познакомьте меня с ней.

ВАЖАНОВ. Нет у меня девушки, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Странно. Не пьете. Девушки нет... Как я могу вам доверять? А что у вас с той переводчицей, которую вы рекомендовали?

ВАЖАНОВ. Алена? Она выполнила ваше поручение товарищ Сталин. Вот ее перевод.

Важанов кладет на стол перед Сталиным папку с переводом «Майн кампф».

ВАЖАНОВ. Вы велели ее привести, товарищ Сталин. Я ее привез на всякий случай.

СТАЛИН. Пусть войдет.

Паукер впускает Алену. Девушка входит робко, глядя на Сталина с деланным страхом.

СТАЛИН. Алена помогите мне понять товарища Важанова. Почему он не считает вас своей девушкой?

НАДЕЖДА (*укоризненно*). Иосиф!

СТАЛИН. Паукер, отправь Надежду Сергеевну.

Надежда и Паукер выходят.

СТАЛИН (*Алене*). Я не хотел говорить при Надежде. Я тоже однажды отбил девушку у своего товарища. У Молотова. Вы ведь ушли от вождя комсомола Смородина? Все по-честному? Ну, так чего стесняться? Чего скрывать? (*после паузы*) Вы бегло говорите по-немецки?

АЛЕНА. После командировки в тысяча девятьсот два-

дцать третьем, можно сказать, свободно владею.

СТАЛИН (*смачно шутливо*). Насобачилась?

АЛЕНА (*в тон*). Насобачилась.

СТАЛИН. Я слышал, и французский знаете?

АЛЕНА. Лучше, чем немецкий. Но английский хуже. Он не в моде.

СТАЛИН. Не обижает вас, товарищ Важанов? Если обидит... обращайтесь... я с ним поговорю. А перевод ваш сравню с другим. Позвоню вам. Ладно, еще встретимся на «Аиде». Паукер! (*Паукер возникает в дверях почти мгновенно*). Молодые люди идут с нами на «Аиду».

ПАУКЕР. Будет исполнено, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Что у меня дальше?

ПАУКЕР. Осмотр эскизов ваших скульптур. Вучетич уже здесь.

Паукер скрывается за дверью и тут же снова появляется с гипсовым эскизом скульптуры Сталина. Следом возникает Вучетич с другим гипсовым эскизом. Сталин рассматривает свои изображения.

СТАЛИН. Слушайте, Вучетич, а вам не надоел этот, с усамми? (*Вучетич не может вымолвить ни слова*) А мне надоел. Уберите, а то расколочу. Все, Паукер! Едем в Кремль. Важанов, вы как-то странно на меня посматриваете...

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин, я должен передать вам крайне странное письмо. Вот.

Важанов протягивает конверт. Сталин берет. Вскрывает.

ет. Читает. Не может скрыть удивления.

СТАЛИН. А что? С Рузвельтом мы можем поладить. Евреи Америки сочувствуют нам. Обсудим это вечером на даче. *(после паузы довольно зловеще)* А больше вам ничего мне показать?

ВАЖАНОВ *(после некоторой паузы, по-военному)*. Никак нет, товарищ Сталин.

Москва, Кремль. Левое крыло Потешного дворца. Коридор на втором этаже, где раньше жила прислуга, а теперь обитают члены Политбюро. Надежда входит в свою кремлевскую квартиру. Из своей квартиры, что рядом, выходит жена Молотова Полина Жемчужина со свертком в руках.

ЖЕМЧУЖИНА. Доброе утро. Надюша.

НАДЕЖДА. Доброе утро, соседка. Что это от тебя копченой рыбой пахнет?

ЖЕМЧУЖИНА. *(протягивая сверток)* Как хорошо, что я тебя встретила. Вот, передай Иосифу. Его любимая таранка. Из Азова прислали. Пусть полакомится.

НАДЕЖДА. Да нельзя ему таранку! Он в свое время ее переел. У него сейчас новое увлечение – селедка «габель-биссен» немецкого посла. От нее, наверное, и мучается. *(всматривается в лицо Полине)* У тебя-то все ладно?

ЖЕМЧУЖИНА. *(убитым тоном)* Сегодня Слава в отпуск поехал, а Иосиф его не проводил. Хотя всегда провожал.

НАДЕЖДА. Ему ночью собака спать мешала. Вот он и

поздно встал.

ЖЕМЧУЖИНА. Правда? Ой, у меня от сердца отлегло. Сейчас отправлю Славе телеграмму. Он тоже, наверное, места себе не находит. Какая же ты счастливая, Надюша.

НАДЕЖДА. Ага, счастливая... Отобрали партбилет, вызывают на комиссию. Сидят старые большевики. Ну, как водится, первый вопрос про стаж. Ну что, буду я им рассказывать, как Ленину постель стелила, а потом у окна стояла, караулила? Но особенно старикам не понравилось, что у меня мало общественных нагрузок. Ну что мне, рассказывать, что Сталин велит только детьми заниматься?

ЖЕМЧУЖИНА. И про царицынский фронт ничего не сказала? Мама дорогая, это ж такое пекло было! Мне до сих пор стыдно: я-то клубом заведовала, за десятки километров от передовой. Так неужели, тебя вычистили?

НАДЕЖДА. Представь, не вернули партбилет.

ЖЕМЧУЖИН. Кошмар! Хочешь, я это поправлю? Надо просто подсказать председателю комиссии, чья ты жена.

НАДЕЖДА. Паукер уже вмешался.

ЖЕМЧУЖИНА. Паукер – хороший мужик. Детки твои его любят.

НАДЕЖДА. Ну, как клоуна не любить.

ЖЕМЧУЖИНА. Да, очень смешной. Даже не верится, что когда-то воевал. И совсем не похож на идейного коммуниста. А ты что невеселая?

НАДЕЖДА. Раньше жила как в скорлупе, а теперь знаю,

что в стране происходит. Чему радоваться?

ЖЕМЧУЖИНА. Ну, у нас положение лучше, чем в Европе и в Америке. Там жуткий кризис, а у нас рост, правда, небольшой, но скоро так рванем – дух захватит.

НАДЕЖДА. О чем ты, Поля? Шерстяных тканей производим полметра на душу. Женщины даже зимние платья шьют из ситца. Сотрудники наркоматов лампочки домой уносят – боятся, что ночью украдут. Основная еда у людей – ржаной хлеб да картошка. Махорки только вдоволь.

ЖЕМЧУЖИНА. Зря ты, Надюша, так смотришь на жизнь... У других не такое было. Вспомни судьбу Софьи Толстой. После первой брачной ночи она прочла в лёвушкином дневнике его впечатление о ней: «Не то». Представляешь, каково жить с мужчиной, который сказал о тебе, что ты «не то»?

НАДЕЖДА. Это ты к чему?

ЖЕМЧУЖИНА. Так ведь тебя-то Иосиф как любит! А потом Софья рожала по ребенку в год и всех кормила своей грудью – Толстой не разрешал заводить кормилиц... Бывали, Надюша, у жен великих судьбы тяжелей. Что делать, любят мужья повелевать.

НАДЕЖДА. Ты тоже считаешь Иосифа великим?

ЖЕМЧУЖИНА. А как же? Я Сталина люблю.

НАДЕЖДА. Ах, Полечка. Ты любишь вождя Сталина, а вождь Сталин...

ЖЕМЧУЖИНА. Тебя?

НАДЕЖДА. Твою таранку. (*смеются*) О, господи! И смех, и грех. Раньше-то вожди были только у диких племен. И вдруг... (*заходится в нервном смехе*) и вдруг... и вдруг эти вожди у нас... и еще мавзолей... главный вождь лежит, а другие вожди стоят на нем... Ну, почему? Почему? Почему?

ЖЕМЧУЖИНА (*с гримасой ужаса*). Надюша, тебе надо показаться докторам.

НАДЕЖДА. Иди, Полечка, отбивай телеграмму своему Славику. Все не так плохо. Куда же верховный вождь без Славы Молотова?

Надежда уходит.

ЖЕМЧУЖИНА. Боже...

Непроизвольно делает движение рукой, как бы осеняя себя крестным знаменем. Из соседней двери появляется Паукер.

ЖЕМЧУЖИНА. Ну, вот, ты все слышал.

ПАУКЕР. Молодец, товарищ Жемчужина. Хорошо работаешь. Надоела тебе, наверное, рыба. Не женское это дело. Потерпи еще немного. Скоро доверим тебе парфюмерию в стране.

Москва. Кремль. Комната для совещаний рядом с кабинетом Сталина. За длинным столом два молодых человека, Каннер и Вазанов. Входит Сталин.

СТАЛИН. Ну что, молодежь, чего новенького в почте?

КАННЕР. Писатель Крымов, сбежавший в 17-м, пишет вам из Германии. «Русская революция сделала уже ко-

лоссально много. Но эксперимент затягивается, нужны какие-нибудь реальные результаты...» Дает советы, как управлять Россией. «Прежде всего, армия... Все должны знать о ней *преувеличенное*. Чем больше всяких военных демонстраций, тем лучше...И еще: побольше музыки, бодрых песен, смешных и героических фильмов». Писатель этот Крымов нукудышный и советчик тоже не ахти.

СТАЛИН. (*сдерживая раздражение*). Товарищ Каннер, вы можете просто дочитать до конца?

КАННЕР. «Не нужно лжи, но нужны две правды, и о большей умолчать на время и тем заставить верить в меньшую, а когда понадобится, малая отступит перед большой». Это как-то совсем мудрено. Лично я не понял.

СТАЛИН. Положите это письмо в папку для повторного прочтения. Вот ведь как! Был Крымов врагом, но пожил в Европе и превратился в сочувствующего. Стиль, действительно, корявый, но некоторые мысли здравые. Мне только непонятно, почему он ни слова не написал про омоложение крови партии – ее кадров. Ведь кровь – это дух. Чьи слова?

КАННЕР. Ницше, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Почему в моей библиотеке только дореволюционное издание Ницше? Мы его не издаем, что ли?

КАННЕР. Крупская включила Ницше в перечень книг, вредных для детей и молодежи. Вместе с Кантом, Шопенгауэром, Платоном, Достоевским и сказкой «Аленький цветочек».

СТАЛИН. Совсем из ума выжила старая ведьма. Ну, ладно Достоевский, я сам не вижу от него пользы, но сказки-то зачем?

КАННЕР. Минпрос считает, что в сказках много мистики.

СТАЛИН. Какова попадья, таков и приход. А что еще есть остренького?

Каннер и Важанов молча переглядываются.

СТАЛИН. Не разочаровывайте меня, ребята. Большевизм в свое время начинался с молодых людей. Мы не боялись резать друг другу правду-матку в глаза. Ну, выкладывайте, что там у вас в загашнике? Хотя... погодите. Сначала я выложу. Это что еще за новый выкрик какого-то дуралея: «Да здравствует любимый Сталин!»? Ты у нас отвечаешь за клаку, товарищ Каннер. Это твое новшество?

Каннер в замешательстве.

СТАЛИН. Любимый Сталин – это перебор, товарищ Каннер. Ты отлично знаешь, что мне вполне достаточно, когда меня называют товарищем. Не надо так усердствовать. Когда кого-то не в меру превозносят, это воспринимается, как насмешка. Ты хочешь, чтобы надо мной смеялись, товарищ Каннер? И еще. Сколько минут по твоим нормативам скандирует клака?

КАННЕР. Когда речь заканчивает член цэка – две минуты. Когда член политбюро – пять минут. Когда вы, товарищ Сталин – десять минут.

СТАЛИН. Эх, не жалко тебе людского времени. Установи предельную норму в пять минут. Ладно, продолжай, что еще новенького?

Каннер явно боится сказать.

ВАЖАНОВ. Вы вот не любите Достоевского, товарищ Сталин, а он был бы на нашей стороне. Он, например, писал, что счастье не в самом счастье, а в его достижении. Или вот: страданием своим русский народ как бы наслаждается.

СТАЛИН. Достоевский написал: «как бы», или вы не улавливаете? Тонкая игра писательского ума. В политике все проще и грубее. А вы невысокого мнения о русском народе, товарищ Важанов. Ну и хитрец – специально затягиваете доклад. Бойтесь сказать какую-то новость?

ВАЖАНОВ (*решается*). В Горьковском пединституте раскрыта организация студентов-террористов. Планировали покушение на вас, товарищ Сталин, во время первомайской демонстрации. Готовили плакаты.

Важанов теребит в руках фотографии плакатов, не решаясь показать. Сталин выхватывает у него их. Рассматривает.

СТАЛИН (*читает*). «Долой мучителя и убийцу народа! Каждый честный человек должен прикончить «чудесного грузина»! Его существование подрывает веру в социализм».

Сталин черной тучей выходит из комнаты.

Кабинет Сталина. Сталин сидит за своим столом. В руках у него телефонная трубка. Но он ни с кем не разговари-

вает. Он подслушивает разговор своих сподвижников, членов политбюро Зиновьева и Каменева. Слышит и зритель.

ГОЛОС (это Зиновьев). Коба всегда был большим мастером чисток. Не случайно Ильич поставил его во главе рабкрина и оргбюро. Я задницей чую, он готовит нечто... И Ильич чуял. Помнишь его слова? Этот повар будет готовить только острые блюда.

ДРУГОЙ ГОЛОС (это Каменев). Не поднимется у него рука на нас. Он вообще очень неуверенный в себе человек. Его решительность, категоричность – всего лишь маска. Он ни на минуту не забывает, что он нерусский.

ГОЛОС (Зиновьев). Позволим расправиться с Рютиным – потом и с нами расправится. Рютина нельзя сдавать ни в каком случае. Старый революционер, совесть партии.

ДРУГОЙ ГОЛОС (Каменев). Вот Кобе и надо, чтобы мы растоптали эту совесть. Продавит он нас. Политбюро всегда право, но Сталин всегда правее. Иэх, слушают, наверно, нас сейчас. Даже Молотов прослушку у себя обнаружил.

Стук в дверь. Сталин поспешно прячет трубку в ящике стола. Входит Товстуха.

ТОВСТУХА. Разрешите, товарищ Сталин?

СТАЛИН (едва сдерживая раздражение). Знаешь, Иван Павлович... В детстве у меня был приятель – козел, очень на тебя похожий. Только он не носил пенсне. Когда я смотрю на тебя, то думаю: это, очевидно, хороший человек, ему можно довериться, с ним можно работать, ведь недаром он

так похож на моего приятеля детства.

Лицо Товстухи расплывается в угодливой улыбке...

СТАЛИН. А еще я думаю: ну, почему меня окружают люди с такими фамилиями? Паукер, Ягода, Каннер, Товстуха? Не можешь объяснить? Ладно, что говорят графологи?

ТОВСТУХА. По одной или нескольким линиям, то есть по самому густому зачеркиванию, почерк человека определить практически невозможно.

СТАЛИН. Говённые у тебя графологи, Иван Петрович.

ТОВСТУХА. Товарищ Сталин, но может быть другое решение. Участник съезда при голосовании может вычеркнуть кого угодно, но должен при этом вписать вместо вычеркнутой фамилии ту кандидатуру, которую предлагает он. И тогда по его почерку...

СТАЛИН. *(перебивает)*. Не надо мне разжевывать, товарищ Товстуха. Сам придумал или Каннер подсказал?

ТОВСТУХА. Обижаете, товарищ Сталин. Каннер работает над другими идеями.

СТАЛИН. Если придумал ты, то я в тебе не ошибся, товарищ Товстуха. Теперь мы выявим всех скрытых врагов социалистической демократии. Иди и так же продуктивно работай. Там Ягода должен быть в приемной. Скажи ему, пусть входит.

Товстуха удаляется, возникает Ягода. По жесту Сталина садится за приставной стол. Сталин принимается расхаживать по кабинету.

СТАЛИН. В чем, товарищ Ягода, самое своеобразие текущего момента? Мы непоправимо теряем Германию. Для немецких рабочих интересы своей нации оказываются ближе идеи пролетарского интернационализма. Об этом политически вредно заявлять открыто, но наши советские люди и без нас уже понимают, что ждет нас всех впереди. А вы понимаете, товарищ Ягода?

ЯГОДА. Национал-социализм рано или поздно начнет войну против нашего интернационального социализма.

СТАЛИН. А коли так, то какова наша главная задача?

ЯГОДА. Подготовиться и достойно встретить врага.

СТАЛИН. Я не буду спрашивать вас, в чем состоит наша подготовка в смысле военном. Мне интересно знать, понимаете ли вы, в чем должна заключаться наша морально-психологическая подготовка. *(Ягода напряженно думает)* Эх, как же туго вы соображаете. Или вы пытаетесь понять, что я хочу от вас услышать? Ладно, пусть будет так. И чего я хочу?

ЯГОДА. Вы хотите избавиться от своих врагов, товарищ Сталин.

СТАЛИН. *(с гримасой досады)*. Не от своих, товарищ Ягода. Это неверная постановка вопроса. А от врагов партии и государства, которые, конечно, и мои враги. Наши с вами, товарищ Ягода, враги. Но здесь я опять-таки хочу узнать ваше мнение: в чем своеобразие борьбы с этими врагами? Если допустить, что человек может изменить нашему делу, нашей стране... Если на это подозрение наводят какие-то его

поступки или высказывания... Надо ли в этом случае ждать, когда такой человек открыто выступит против нас и причинит непоправимый вред?

ЯГОДА. Очень правильная логика, товарищ Сталин. Лучше опередить его действия.

СТАЛИН. И у вас хватит характера проводить эту линию? Смотрите мне в глаза.

ЯГОДА. Так точно, товарищ Сталин, проведем со всей *(от волнения язык у него заплетается)* непоколебимой большевистской прямоотой и беспощадностью.

СТАЛИН. Не-по-ко-ле-бимой, Ягода. Что у вас с русским языком? Впрочем, другого ответа я от вас и не ожидал. Успехов вам, товарищ Ягода, в этом трудном, но крайней ответственном государственном деле. Хотя, погодите. Чего-то мы с вами недоговорили, чего-то недопоняли. Хочу еще знать ваше мнение: что мы должны, прежде всего, учитывать в работе с кадрами: убеждения или готовность к максимально активной работе?

ЯГОДА *(в полном замешательстве)*. Наверное, не знаю. Объясните мне, неразумному.

СТАЛИН. Убеждения человека – довольно зыбкая штука, товарищ Ягода. Убеждения могут изменяться под воздействием разных причин. А вот страх... Страх плохо сделать свою работу – величина постоянная. И напоследок еще один вопрос. Товарищ Ягода, я думал, что за ваши заслуги мы дадим вам звание генерального комиссара безопасности,

равного званию маршала. И в качестве премии – квартиру в Кремле. Но последнее время вы стали небрежно работать. Вы знаете, что в Горьковском пединституте завелись террористы?

ЯГОДА. Мы в курсе, товарищ Сталин. Сопляки решили выстрелить во время демонстрации из пистолета. Ну, это же несерьезно. А вот в их химической лаборатории в принципе можно изготовить бомбу. Вот над этим сейчас работаем. Работаем над более серьезным умыслом террористов. И еще... Я снова по поводу Важанова. Коллегия НКВД настаивает на своем предположении, что Важанов скрытый контрреволюционер.

СТАЛИН. Я уже слышал эту байку про камикадзе Важанова. Будто он должен устроить теракт, используя соединение азотной кислоты и глицерина, во время заседания Политбюро, где он сам постоянно и неотлучно присутствует. То есть должен подорвать самого себя. Идите работайте, товарищ Ягода. У вас прорва других, куда более важных, а главное *реальных* дел.

Ягода выходит. Появляется Товстуха.

ТОВСТУХА. Немец прибыл, товарищ Сталин. Гостинец взял. Правда, сначала отбрыкивался. Но ему внушили, что таков закон русского гостеприимства. Ну и, конечно, уловил запах балыка и черной икры. Не устоял.

СТАЛИН. Сдался, значит, немец? Ладно, так и быть – проси.

Входит немецкий писатель Эмиль Людвиг (с ним переводчик). Сталин поднимается из-за стола, идет навстречу. Обмен рукопожатиями. Людвиг оглядывает кабинет.

ЛЮДВИГ (*через переводчика*). Так вот где делается история.

СТАЛИН. Да, отсюда, из Кремля, все видится и все понимается иначе. Чувствуется присутствие какого-то особого духа. Не подпасть под воздействие этого духа невозможно.

ЛЮДВИГ. Вам с вашим религиозным опытом виднее. А можно для примера хотя бы одно дуновение духа в виде мысли?

СТАЛИН. Каждая страна имеет свои особенности, но Россия...

ЛЮДВИГ. Самая особенная?

СТАЛИН. Заметьте, не я это сказал. Но я с вами согласен.

ЛЮДВИГ. В чем же ее особая особенность?

СТАЛИН. В размере и в народе. Достоевский назвал русских народом всечеловеческим. То есть способным ужиться с любым другим народом, не стремясь поработить его.

ЛЮДВИГ. И поэтому России можно расширяться бесконечно?

СТАЛИН. И этого я вам не сказал. Но опять-таки согласен. Ибо... ибо это путь к всеобщему миру без народов-господ.

ЛЮДВИГ. Не иллюзия ли это? Не самообман ли?

СТАЛИН. Возможно. Я не настаиваю на развитии этой

темы. Будем считать, что мы ее вообще не затрагивали.

ЛЮДВИГ. Мне сказали, что от Красноярска до Туруханска езды от станка к станку полтора месяца. Майн готт!

СТАЛИН. Согласен. Майн готт!

ЛЮДВИГ. Говорят, вы там три года совсем мало читали. Не изучали, в отличие от других ссыльных, иностранных языков. Больше ловили рыбу, охотились.

СТАЛИН. В основном капканы ставил. Не полагалось ссыльному иметь ружьё.

ЛЮДВИГ. Скажите, а какое самое сильное впечатление осталось у вас от царской России?

СТАЛИН. Смерть Столыпина. Никому не было жалко этого деятеля. Ни царю, ни правящему классу, ни простому народу. Я сделал из этого свои выводы. Но какие – не скажу.

ЛЮДВИГ. Меня охватывает удивительное ощущение. Мне кажется, что вы никогда не переставали верить в бога.

СТАЛИН. Между прочим, грузины раньше русских приняли православие, чем очень гордятся. Что же касается веры... Если человек благоговеет перед богом, этой непостижимой творческой силой мироздания, значит он должен презирать церковников, которые придумали грандиозному богу примитивное объяснение, чтобы шкурно им пользоваться. И значит человек этот должен редко бывать или вообще не бывать в церкви, а значит, менее других считаться верующим. *(после секундной паузы)* Но и эти слова попрошу в текст беседы не включать.

ЛЮДВИГ (*с отчаянием*). Но это же самое интересное!
Сталин делает жест, означающий, что так надо.

ЛЮДВИГ. Что вас когда-то толкнуло на оппозиционность, герр Сталин?

СТАЛИН. Духовная семинария, где я учился. Я стал революционером из протеста против издевательского режима и иезуитских методов.

ЛЮДВИГ. Разве вы не признаете положительных качеств иезуитов?

СТАЛИН. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство.

ЛЮДВИГ. Многим на Западе кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает страх перед советской властью. Мне хотелось бы знать, какое душевное состояние создается у вас лично при сознании, что для укрепления власти надо внушать страх.

СТАЛИН. Неужели вы думаете, что можно удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методам запугивания и устрашения? Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы власти одного лица.

ЛЮДВИГ. Но вы сами сказали однажды, что Россия – страна царей. Что русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек.

СТАЛИН. Вы передергиваете. Дальше я сказал – и этот человек должен выполнять волю коллектива. Например, по-

литбюро.

ЛЮДВИГ. Благодарю вас за гостинец, герр Сталин. Я обязательно угощу копченой рыбой и икрой своих коллег, немецких писателей и журналистов, когда мы будем пить баварское пиво, когда я буду рассказывать о встрече с вами.

Сталин протягивает Людвигу руку. Людвиг и переводчик выходят. Дверь за ними закрывается.

СТАЛИН. Мелкий взяточник. *(нажимает скрытую кнопку – Паукер появляется мгновенно)* Глаз не спускать с немца. Никаких контактов. Не приведи господь, если узнает, что у нас в Сибири, в Поволжье, на Украине. Головой ответишь. Что дальше по распорядку дня?

ПАУКЕР. Сейчас у вас обед, а потом, перед театром, зубки подлечим у Шапиро.

СТАЛИН. Это правильно, Паукер. Зубастее мне надо быть. Зубастее.

ПАУКЕР *(многозначительно)*. Товарищ Сталин, а ведь они беседуют...

Паукер исчезает за дверью. Сталин подносит к уху трубку подслушивающего устройства.

ГОЛОС *(Зиновьев)*. В общем, или сейчас, или никогда. Сместить его через время будет уже невозможно. Время работает на него...

Неожиданно голос в трубке пропадает.

СТАЛИН. Паукер! *(тот появляется мгновенно)* Звук пропал. Давай сюда чеха.

ПАУКЕР. Так ведь нет чеха.

СТАЛИН. Как нет? Уехал на родину?

ПАУКЕР. Так ведь это же совсекретное устройство. Вдруг разболтал бы.

СТАЛИН. Вы что... его?

ПАУКЕР. Он чистосердечно написал, что сделал это в целях шпионажа.

СТАЛИН (*взрываясь*). Какого шпионажа? Да ты сам враг, актеришка безмозглый!

Большой театр, «ложки блещут». Правительственная ложа.

Здесь Сталин, Надежда, Паукер, Важанов и Алена. На сцене – последняя минута оперы «Аида».

...Занавес опускается. Зрители, а это в основном рабочая молодежь, неистово аплодируют. Неожиданно все другие голоса перекрывает издевательский выкрик.

ВЫКРИК. Ура фараону!

В зале воцаряется жутковатая тишина. Оцепеневшие зрители смотрят на Сталина. Сталин мгновенно находит выход из положения – принимается аплодировать еще сильнее. И вот уже заходится в овации весь зал.

СТАЛИН (*своему окружению в ложе*). Я кое-что понимаю в голосах. По-моему, исполнение посредственное, но как хлопают! И не жалко им ладошек. А ведь могли бы не хлопать, а кричать, свистеть. Да, опера сегодня не очень... Разве что марш... Марш победителей хорош! (*Важанову*).

Жду вас, товарищ Важанов, вечером на даче. Паукер пришлет за вами машину. *(Алене)* Извините, Алена, но у нас будет вечерник, то бишь мальчишник. Хорошо, что я увидел вас. Мне стало немного спокойнее за товарища Важанова. Паукер, машину!

Сталин и Надежда, окруженные охранниками, идут к выходу. Важанов и Алена остаются на своих местах.

АЛЕНА. Что ты решил с письмом?

ВАЖАНОВ *(с заметным притворством)*. Я уже забыл. Хорошо, что напомнила.

АЛЕНА. Ну, напомнила, и что? *(Важанов молчит)* Не вздумай сделать что-нибудь не так. Этим ты ничего не изменишь, а себе и мне сделаешь плохо.

ВАЖАНОВ. Ты права. В таких случаях надо немного и о себе подумать.

АЛЕНА. Ты о спасении души, что ли? Не пытайся, Боря, жить в прошедшем времени.

ВАЖАНОВ. Я тебя не узнаю и не понимаю.

АЛЕНА. Нельзя вести двойную жизнь, Боречка. Я с этим завязываю. А ты зачем-то начинаешь. И при этом о душе думаешь. Так что я тоже тебя не понимаю.

ВАЖАНОВ. Ты заметила, как на тебя смотрела Надежда?

АЛЕНА. А как же? Ревниво смотрела. Не знаю, что на меня нашло. Женщине нравится нравиться.

ВАЖАНОВ. Отчасти я тебя понимаю. Он умеет быть обязательным.

АЛЕНА. Но ты ведь тоже не мог не заметить: ему это было ни к чему. Но у него насчет меня какие-то свои планы. Неудивительно: в бюрократии так мало образованных. Именно этого я и боюсь себе испортить – перспективу. А ты почему-то не боишься, хотя твоя перспектива куда шире.

ВАЖАНОВ. Я вот думаю: может, ты и от Смородина ушла, потому что должность помощника Сталина...

АЛЕНА (*прерывает*). Вполне может быть, если тебе так хочется думать. Кто помощник Сталина и кто вождь комсомола. Смородин мог не защитить меня, если бы всплыло, кто мой отец. А ты... точнее, твой хозяин... если бы ты за меня попросил Сталина, он бы тебе не отказал.

ВАЖАНОВ. Тебе надо бы подумать о другом покровителе. Я буду соскакивать с этого чертова колеса.

Дача Сталина. В надетой на голое тело шубе возждь ходит по комнате, пыхтя трубкой. На столе батарея винных бутылок и стакан. Заводит патефон. Ставит пластинку. Зритель слышит задорный голос Кирова.

ГОЛОС КИРОВА. Мы покончили навсегда и бесповоротно с нищетой в деревне, с постоянной угрозой голода, которая при царе и помещиках висела над десятками миллионов крестьян...

Сталин в раздражении сбивает мембрану на конец пластинки. Слышится конец выступления Кирова.

ГОЛОС КИРОВА. Я знаю, что мы будем иметь трудности при практическом проведении намеченной перестройки. Но

мы во что бы то ни стало должны это сделать, если хотим работать по-сталински. Я говорю о товарище Сталине потому, что метод его работы – образец для нас всех...

СТАЛИН (*желчно*). Любимец партии, едри твою мать.

Прихожая дачи. Входит Киров. Ему навстречу идет Надежда, кутаясь по своему обыкновению в шаль. Они тепло здороваются за руку. Киров преподносит Надежде большой букет ромашек.

НАДЕЖДА. Буржуазно, но приятно!

КИРОВ. Рад, что порадовал. Ну, как ты?

НАДЕЖДА. Вспоминаю Тютчева. Живя, умей все пережить:/ печаль и радость и тревогу./ Чего желать, о чем тужить?/ День пережит – и слава богу. Пушкина вспоминаю. Сердце в будущем живет;/ настоящее уныло; / Все мгновенно, все пройдет. / Что пройдет, то станет мило.

КИРОВ. Где же наш Коба мог простыть? Сидит с утра до вечера в своих кабинетах. Гуляет мало.

НАДЕЖДА. Вот и я удивляюсь, как он жил в Туруханске целых три года, и уцелел!

КИРОВ. Стальной! Стальной наш Сталин!

Идут к кабинету Сталина. Надежда катит перед собой сервировочный столик, положив на него букет ромашек. Приоткрывает дверь.

НАДЕЖДА. Иосиф, к тебе можно?

СТАЛИН. Можно, только осторожно.

Надежда вкатывает сервировочный столик в кабинет.

Киров остается в коридоре.

НАДЕЖДА. Да я уж всегда осторожна. Ну, как твое сибирское средство, помогает? Пропотел?

Сталин издает нечленораздельный гортанный звук. Похоже, он крепко выпил.

НАДЕЖДА. Привезла тебе меду и малинового варенья.

СТАЛИН. Морошки бы.

НАДЕЖДА. И морошки привезла.

СТАЛИН. Надо же! Откуда? *(разглядывает морошку)*
Янтарная, болотная морошка. Арктическая малина. Откуда?

НАДЕЖДА. Я ж знаю, что ты ей лечился. Температуру мерил?

СТАЛИН. Температура чуть выше 37, но что ж меня так трясет? Почему не говоришь, откуда морошка?

НАДЕЖДА. Знакомые геологи привезли.

СТАЛИН. Какие еще на хрен геологи?

НАДЕЖДА. Только что вернулись из тундры. Бывшие сокурсники Важанова.

СТАЛИН. Не притронусь я к этой морошке. Что ж меня так трясет? Будто не простуда, а что-то нервное.

НАДЕЖДА. Тогда тебе надо просто поднять настроение.

СТАЛИН. Судя по цветам, Мироныч за дверью, дамский угодник.

Надя открывает дверь, в кабинет врывается Киров.

КИРОВ *(раскрывая объятья)*. Коба, брат мой, у меня для тебя приятный сюрприз. Сейчас ты вмиг поправишься.

Обнимая Кирова, Сталин делает Надежде небрежный жест ладонью, мол, выметайся.

Надежда выходит.

Спальня Сталина на даче. Входит Надежда. Берет шпатель, осматривает обилага. Внимание ее привлекает второй, новенький, недавно установленный телефонный аппарат. Она снимает трубку, собираясь кому-то позвонить, но неожиданно слышит в трубке разговор Сталина и Кирова. Слышит и зритель.

ГОЛОС СТАЛИНА. Нет, нет, нет. Пей все, до дна, тогда сравнишься со мной.

ГОЛОС КИРОВА. Коба, дорогой, как можно хоть в чем-то сравняться с тобой?

ГОЛОС СТАЛИНА. Ладно тебе лукавить. На меня это не действует. Пей! Пей с горла. Давай, давай, до дна.

ГОЛОС КИРОВА. Ох, и хорошо твое кахетинское!

ГОЛОС СТАЛИНА. Блевать не будешь?

ГОЛОС КИРОВА. Ну, о чем ты, Коба? Когда это большевики блевали?

СТАЛИН. А Роман Малиновский – разве не блевотина? До сих пор не могу понять, как Ильич не разобрался в нем. Столыпин и Малиновский – вот две фигуры, которые многому меня научили. Столыпин – какой надо делать Россию, Малиновский – не верить никогда и никому. Кто меня сдал, кто отправил в последнюю ссылку? Он, сволота!

КИРОВ. Погоди, Коба. Давай о политике чуть позже. Да-

вай я все же доложу тебе, что поручение твое выполнил. Львову привез. Она в моей машине. И готова осмотреть твою дачу. Ну и с тобой побеседовать, если пожелаешь. Вылечить тебя.

СТАЛИН. Паукер! *(появляется Паукер)* Слышал?

ПАУКЕР. Так точно!

СТАЛИН. Проведи женщину по даче. Выясни, какие у нее пожелания, Все исполни.

ПАУКЕР. Будет сделано, товарищ Сталин.

Надежда у подслушивающего аппарата в кабинете Сталина.

ГОЛОС СТАЛИНА. В чем особенность текущего момента, Мироныч? Особенность момента в том, что, если между нами, большевиками, будет и дальше раздрай, мы слетим со страшным позором. А если будем монолитом, то все склонят перед нами головы, и мы победим – на века. Так что думай и выбирай.

ГОЛОС КИРОВА. Умеешь же ты взять за горло, Коба. *(после паузы)* До меня дошел слух, что мелкие подразделения перешли на сторону крестьян. Это правда?

СТАЛИН. Ну, так, а кто сейчас в армии? Дети крестьян.

КИРОВ. Аэропланы применяем...

СТАЛИН. Все это бредни троцкистов. Не применяются аэропланы. А вот паспортную систему вернуть придется. Нельзя допускать, чтобы классовые враги свободно разъезжали по стране и сеяли смуту.

КИРОВ. Но это же возвращение в царизм.

СТАЛИН. Люди все поймут правильно, если им объяснять в доверительном тоне.

КИРОВ. А что сегодня произошло у цэка комсомола?

СТАЛИН. Метростроевцы пришли и побросали комсомольские билеты.

КИРОВ. Куда же Смородин смотрел? Много их было?

СТАЛИН. Человек восемьсот. Они, видите ли, работают по колено в воде, а их сверстники, дети чиновников, прожигают жизнь. Кто это прожигает? Мой Васька? Или моя Светка? Или мой приемный сын Артёмка? Накрутил кто-то комсомольцев. Я ж говорю – по мере продвижения в социализм классовая борьба будет нарастать.

КИРОВ. А чего Молотова не проводил? Все-таки предсовнаркома...

СТАЛИН. За старых большевиков вздумал вступиться. Ленина тут мне цитировал: *(издевательским тоном)* золотой фонд партии, старая гвардия... Все это слова. А на деле старые маразматика, полные олухи в строительстве социализма. Знают только козырять старыми заслугами. А если разобраться, какие у них заслуги, в чем эти заслуги? Опять одни слова.

Стук в дверь. Появляется Молотов. В каждом его движении оцепенелость и в то же время готовность услужить, внешне сохраняя достоинство.

СТАЛИН *(с усмешкой)*. Садись, Вячек. Выпей, закуси с

дороги.

Чувствуется, Молотов в самом деле проголодался. Проворно накладывает себе в тарелку. Наливает вина. Выпивает и начинает закусывать.

КИРОВ. Мужики, пока не забыл. Деликатная и злободневная тема. Я о новых достижениях в области телефонии. Коба, дал бы ты по башке Ягоде. Ну, нельзя так. Скоро он и до тебя доберется.

МОЛОТОВ. Я точно знаю, что меня слушают. Ну и что? Это не повод для истерики. Чего мне волноваться, если я за собой ничего не числю? Моя партийная совесть чиста. Раньше надо было за голову хвататься. Помнишь, Ленин в 21-м году выступил против фракций внутри партии. Дзержинский начал исполнять. Но некоторые партийцы отказывались давать показания против фракционеров. И что тогда сделал Феликс? Потребовал от политбюро вынести решение, что донос на агитаторов против руководства партии есть долг каждого партийца. И политбюро это решение вынесло. Хорошего в этом мало, но не мы это когда-то начали.

КИРОВ. Ну, да. Ленин и Дзержинский, стало быть, виноваты. На мертвых валить тоже, знаешь, не есть хорошо. Вязнем мы, мужики. Вязнем!

МОЛОТОВ. Обобщения всегда чреватые.

КИРОВ. Меня начали пугать слова «интересы партии». Прикрываясь этими интересами, можно оправдать все, что угодно. Уже доработались... На крестьянство опоры нет. На

интеллигенцию – почти нет. На рабочий класс – тоже очень даже частично. Опираемся по сути только на свое понимание подлинных интересов рабочих, которые сами рабочие не понимают, а только когда-нибудь поймут. Ведь это же мистика, мужики. Вдумайтесь! Обладание властью оправдывается не реальным авторитетом партии, а неким политическим пророчеством. Мол, потерпите, в будущем поймете, что мы были правы и все жертвы оправданны. Самая настоящая мистика!

СТАЛИН. Мироныч, тема отвлеченная. Куда важнее решить, как реагировать на выпад группы Рютина? Эта сволота будто не видит наших успехов. Днепрогэс, Магнитка, Турксиб, Кузнецк... Вся страна в великих стройках. Но невозможно добиться окончательной победы социализма, когда в деревнях идет гражданская война. А в городах что творится... Ударников и стахановцев травят, избивают. В Харькове рабочие Тракторосроя пытались зарубить ударника Марусина. Снова брожения в Закавказье... А Рютин предлагает уступить кулаку. Плюс к тому предлагает свернуть строительство заводов. Вы за это?

КИРОВ. Я не за это. Но я против обвинения Рютина в попытке насильственного свержения нашей власти. Большевики не должны проливать кровь большевиков.

СТАЛИН. А кровь беспартийных, значит, проливать можно? И это не злодейство? Беспартийные крестьяне гибнут и высылаются с семьями, пока мы тут рассоливаем. А если

поставить на Рютине свинцовую точку, все сразу поймут, что с властью нашей шутки шутить вредно.

КИРОВ. Но что скажут старые большевики? Они почти все за Рютина.

СТАЛИН. Откуда такие сведения? Ну, да. Ты ж с ними вась-вась. Они у тебя, где только не устроились на теплые места. Смотри, не преврати колыбель революции в ее морг. Запомни, Мироныч: Россия развалится когда-нибудь только от предательства. Это ее ахиллесова пята. Причем, предательства самих русских при власти – вот что противно и не-про-сти-тель-но! А что у нас товарищ Молотов помалкивает? Ну да, ведь молчать – безопасно и красиво.

МОЛОТОВ. Коба, ты знаешь, я всеми фибрами за тебя, но кровопускание... В общем, я разрываюсь, Коба.

СТАЛИН. Ну и разрывайся. Только знай: есть заповедь прощать врагам, но нет заповеди прощать друзей.

МОЛОТОВ. Права или не права партия, но это моя партия. А символ партии ты, Коба. Значит, я за тебя.

КИРОВ. Мужики, ну так рассуждать нельзя. Мы все-таки соратники. Ну и... Я могу быть преданным другом, но не могу быть преданной марионеткой.

СТАЛИН (*наливая Кирову вино*). А кто тебя неволит? Никто. На все твоя святая воля. Однако пора сделать перерыв. Раз Паукер заглядывает, значит уж он-то точно сюрприз приготовил. (*громко*) Паукер!

Паукер распахивает дверь и выпускает трех молоденьких

девиц, которые вкатывают столики, уставленные в два этажа аппетитными кушаньями. Девушки становятся перед Сталиным. Вождь оценивающе разглядывает их. Его внимание привлекает девушка со смеющимися глазами.

СТАЛИН. Ты всегда такая веселая?

ДЕВУШКА. А чего печалиться-то зря?

СТАЛИН. Как звать?

ДЕВУШКА. Жбычкина я. Валентина. Можно просто Валюшка.

СТАЛИН. Какого года?

ЖБЫЧКИНА. Семнадцатого. Седьмого ноября.

СТАЛИН. Во как!

ЖБЫЧКИНА. Вот так угодили маманька с папанькой новой власти.

СТАЛИН. Замужем, хохотушка?

ЖБЫЧКИНА. Готовлюсь выйти за Ваню Истомина.

СТАЛИН. Не будет Ваня против твоей службы здесь, в звании сержанта НКВД?

ЖБЫЧКИНА. Гордиться должен.

СТАЛИН. Как же приятно с тобой говорить, Валюшка Истомина! *(обращаясь ко всем)* Как там писал Толстой... «Если девице минуло пятнадцать лет и она здорова, ей хочется, чтобы ее обнимали, щупали». Но щупать я тебя, Валюшка, не буду, а вот в тугую щечку чмокну.

ЖБЫЧКИНА *(подставляя щеку)*. Ой, неделю умываться не буду.

Сталин целует Жбычкину в щеку.

СТАЛИН (*негромко ей на ухо*). До меня будешь кушать и после меня.

ЖБЫЧКИНА (*с восторгом*). Хорошо.

СТАЛИН (*громко*). Вот какие женщины нужны нашей стране! А модные сегодня балерины... Не понимаю, чего в них хорошего. Поддержаться не за что.

Возбужденный Сталин скрывается за ширмой. Паукер – следом. Слышится кряхтенье.

СТАЛИН. Ну, как там ведьма?

ПАУКЕР. Ходит по дому с обручем на голове.

СТАЛИН. Покорми ее хорошо.

ПАУКЕР. Предлагал – отказывается.

СТАЛИН. Значит, должна работать на голодный желудок. Это ж настоящая ведьма, Паукер.

Сталин появляется одетым. Садится за пианолу. Ему нравится этот послушный инструмент.

СТАЛИН (*Молотову*). Вячек, ты тут единственный, кто может мне подпеть. Русский духовный гимн помнишь? «Коль славен наш господь в Сионе».

Сталин начинает высоким чистым голосом. Молотов берет октавой ниже. И они поют слаженным дуэтом.

СТАЛИН и МОЛОТОВ (*поют*). Коль славен наш Господь в Сионе, Не может изъяснить язык. / Велик он в небесах на троне, В былинках на земле велик. / Везде, Господь, везде Ты славен, В ночи, во дни сияньем равен. / Тебя Твой агнец

златорунный В себе изображает нам; Псалтырью мы десяти-струнной. Тебе приносим фимиам. / Прими от нас благодаренье, Как благовонное куренье. Ты солнцем смертных освещаешь, Ты любишь, Боже, нас как чад, Ты нас трапезой насыщаешь. И зиждешь нам в Сионе град. / Ты грешных, Боже, посещаешь И плотию Твоей питаешь. О Боже, во твое селенье Да внидут наши голоса, И взыдет наше умиление. К тебе, как утрення роса! / Тебе в сердцах алтарь поставим, Тебе, Господь, поем и славим!

Сталин выглядит просветленным.

СТАЛИН (*Молотову*). А вот скажи нам, Вячек, какая страна Россия?

МОЛОТОВ. Ты знаешь мое мнение, Коба. Варварская у нас страна. Трудно нам будет в кратчайшие сроки догнать и обогнать передовые нации.

Сталин ставит пластинку. Патефон играет немецкий вариант марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». После исполнения первого куплета Сталин ставит другую пластинку – с записью советского варианта марша.

СТАЛИН. Ну и чье исполнение лучше?

Общее оживление. Все соглашаются, что наш марш лучше.

СТАЛИН (*Молотову*). Вот тебе ответ на твое сомнение. (*Жбычкиной*). Ну что, Валюшка? Пелятку-то привезла? В сметане?

ЖБЫЧКИНА. В сливках.

СТАЛИН. Подавай! Эх, до чего ж хороша рыба пелядь... пелятка... И что интересно. Рыболовы говорят, что она хвостом совсем не крутит. Слышишь, Мироныч, даже рыбы есть, которые не крутят хвостом! (замирает, принимает озадаченную позу) А где Надежда? Куда пропала?

Осененный догадкой, Сталин быстрым шагом идет к своей спальне. Он буквально врывается в нее. И видит перед собой жену у секретного аппарата-прослушки.

СТАЛИН. Аяй!

НАДЕЖДА. Это я тебе должна сказать аяй. Это кого же ты отсюда слушаешь? Не меня же. Шпионишь за своими же соратниками? Красавец! И меня же стыдишь!

СТАЛИН. Как ты смеешь, муха ты зеленая?! Психопатка. Вся в мать.

НАДЕЖДА. Ну, правильно. Разве может нормальная баба отчитывать божество?

СТАЛИН. Слушай, чего ты хочешь? Для чего-то же устраиваешь эту истерику?

НАДЕЖДА. Освободи ребят, Иосиф.

СТАЛИН. Каких на хрен ребят?

НАДЕЖДА. Двое ребят, которые ездили в Сибирь и на Украину, и рассказали мне, что там творится в деревнях. Как там уже начинают есть друг друга. Мы общались втроем – они исчезли, а я на свободе. Хоть вешайся от такого позора.

СТАЛИН. Зачем тебе вешаться? Можно...

НАДЕЖДА. Что, и пистолетик нашли? Чего ж не изъяли?

А-а! Решили не мешать? Отпусти ребят, Иосиф, или я точно застрелюсь.

СТАЛИН. Нашла чем испугать. Неблагодарная.

НАДЕЖДА. О, ну как же без этого попрека. Ну, так я человек, а не твоя собачка. Помнится, ты сам однажды назвал благодарность собачей слабостью.

СТАЛИН. Знаешь, почему я на тебе женился?

НАДЕЖДА. Знаю. Ты думал, что я всегда буду за тебя несмотря ни на что. Знаешь, я тоже думала, что мы будем лежать на погосте рядом. Но ты решил, что обычный погост тебя не достоин.

СТАЛИН. Что ты мелешь?

НАДЕЖДА. Неужели ты в самом деле хочешь, чтобы тебя выставили на всеобщее обозрение? Неужели не со мной хочешь в земле лежать, а с Ильичем? Но он не хотел для себя такой участи. Это ты его уложил. А себя хочешь уложить сам. И это проявление гениального ума?

СТАЛИН *(усмехается и продолжает примирительно)*. Ладно, Татка, муж и жена одна сатана. Я прямо завтра составлю завещание, чтобы меня ни в коем случае не положили рядом с Ильичем.

НАДЕЖДА. Похороны верховного вождя по-человечески.

СТАЛИН. А вот этого не обещаю.

НАДЕЖДА. Ну, понятно. Племя не поймет.

СТАЛИН. Ох, Татка, не будь ты моей женой, матерью мо-

их детей...

НАДЕЖДА. Даже не сомневаюсь. Сгноил бы. Ты бы и Ильича сгноил. Бог вовремя его прибрал. И вагон опломбированный подшил бы к делу, и происхождение его вытащил бы на потеху антисемитам на свет божий, и венчание главного безбожника с главной безбожницей Надеждой...

СТАЛИН. Ну, хватит. *(вынимает из ящика стола пистолет)* Я тебя, контру, прямо сейчас...

НАДЕЖДА. Ну, давай. Ну, стреляй, чего у тебя рука-то ходуном ходит? Рад бы, да вдруг даже тебя привлекут? И – тогда конец твоей власти. А ты не бойся. Скажешь, что я сама себя. Тебе поверят. Пусть только кто-нибудь попробует тебе не поверить.

СТАЛИН. Изыди, сатана!

Сталин выходит из кабинета. Появляется Паукер.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна, ну как же так?

НАДЕЖДА. Да вот так, Карл Викторович. Надо бы выпустить ребят. Ради меня.

ПАУКЕР. Нет уже этих ребят, Надежда Сергеевна. Это все тюремные повара. Кишечная инфекция...

Надежда теряет сознание и падает. Паукер зовет своих людей. Крепкие чекисты, готовые унести Надежду. Но входит Сталин. Движением руки выгоняет всех. Склоняется над женой. Шлепает ей ладонью по щекам. Надежда приходит в себя.

СТАЛИН. А ведь ты мне так и не сказала, на кой черт в

церковь ходишь.

НАДЕЖДА. А ты меня не спрашивал.

СТАЛИН. Ну вот, спрашиваю.

НАДЕЖДА. Как же богу не помолиться, когда на смерть идешь?

СТАЛИН. Ты о какой смерти разглагольствуешь?

НАДЕЖДА. Каждый аборт – это хождение на смерть.

СТАЛИН. Ну и рожала бы. Разве я против? Я только за.

НАДЕЖДА. Нет! Не дай бог! Плодить уродов...

СТАЛИН. Эй, ты кого считаешь уродами? Васо? Светку?

НАДЕЖДА. Я тебе не «эй». И запомни. Не надо меня кремировать. Не надо замуравывать мой прах в кремлевскую стену. Похорони меня по-человечески. И мой тебе, тоже человеческий, совет. Если хочешь, чтобы прошла твоя медвежья болезнь, прекрати мучить народ. Тогда и пройдет твой животный страх за свою жизнь.

СТАЛИН (*сплевывая, направляется к двери*). Пропади ты пропадом, дура!

Киров и Молотов что-то обсуждают. Видно, что оба много выпили. Входит Сталин. Наливает себе полный бокал, выпивает. Киров и Молотов многозначительно переглядываются.

ПАУКЕР. Привезли Важанова, товарищ Сталин.

Паукер открывает дверь. Чекисты вводят Важанова.

СТАЛИН. Заходите, Борис. Извините, что не называю вас товарищем.

КИРОВ. Что предпочитаешь, Борис? Вино? Водку?

СТАЛИН. Борис не пьет. Он будет только закусывать. Можете начать с морошки, Борис.

Важанов набирает полную ложку морошки и отправляет себе в рот. Сталин напряженно наблюдает. И отправляет в рот свою ложку морошки.

СТАЛИН (*Важанову*). Я вот думаю, как с вами поступить. Ведь вы носитель чувствительной информации. Если вас не устраивает должность первого помощника генсека, давайте сделаем вас секретарем цэка.

ВАЖАНОВ. Я хочу заниматься только наукой и техникой, товарищ Сталин.

СТАЛИН (*как бы благодумно*). Какой вы, однако, тяжелый человек. Не пьете, работа наша вам не нравится. Мы делаем поистине великое историческое дело – строим первое в мире народное государство рабочих и крестьян. Считаем великой честью для себя заниматься этим. А вы как бы брезгуете. Наука, техника – это все отговорка. На самом деле вам просто что-то очень не нравится в нашей работе. Давайте уж выкладывайте. Вдруг мы чего-то не видим, чего-то не понимаем. Помогите нам. И тогда я прямо здесь подпишу вам заявление.

ВАЖАНОВ. Я слышал, в юности вы переписали от руки весь «Капитал».

СТАЛИН. Я еще живой, а сколько уже придумано. Враки это, Важанов. Я сделал всего лишь краткий конспект. Но

давайте предположим, что переписал. Что из этого следует? Вы-то сами читали «Капитал»?

ВАЖАНОВ. Прочел, с усилием.

СТАЛИН. Ну и что? И что?

ВАЖАНОВ. По Марксу, только рабочие создают ценности и товары, и двигают вперед экономику. Маркс почему-то ничего не пишет об ученых, изобретателях, инженерах, организаторах производств, которые работают не руками, а головой. А ведь развитие экономики и улучшение благосостояния людей зависят в первую очередь от мозгов этих интеллигентных людей, это они – соль и совесть нации. Значение рабочих вторично и второстепенно. А как назвал эту соль нации товарищ Ленин? Говно. Идею социализма дала миру интеллигенция, а ее называют говном. Разве это правильно?

НАДЕЖДА (*слушает в кабинете Сталина*). Боже, зачем? Ну, как так можно?!

Далее зритель видит Надежду, слушающую разговор Сталина с гостями.

ВАЖАНОВ. Я хорошо помню первый день моей работы у вас в Кремле. Это было 23 августа 1923 года. Обсуждался вопрос о революции в Германии. Решили мобилизовать всех коммунистов немецкого происхождения и говорящих по-немецки и поставить над ними зама Дзержинского Уншлихта. Выделили огромные средства. Через наши представительства в Германии пошли партии оружия. Переворот в Берлине назначили на 9 ноября 1923 года. Красные отря-

ды Уншлихта должны были занять телеграф, вокзалы... Как нам была нужна культура труда немцев, качество их изделий, их военный дух и выучка тоже бы не помешали. Наконец, их кредиты... Но! Немцы не пошли за своим гениальным Марксом и за нашим Уншлихтом. И тогда мне стало ясно – никто не пойдет в Европе нашим путем. Никто и уже никогда.

Сталин и Киров многозначительно переглядываются. Киров наливает рюмку водки и выпивает одним махом. Сталин размеренными движениями набивает трубку табаком, изображая невозмутимость.

СТАЛИН. Продолжайте, товарищ Важанов, продолжайте.

ВАЖАНОВ. Меня стали интересовать наши перспективы. И мне нужно было понять, на самом ли деле Ленин гениален. Маркс-то для меня точно никакой не гений. Если бы Ленин был здоров, я бы попытался поговорить с ним и удостовериться лично. Но... увы, он уже был разбит параличом. И тогда я пошел к тем, кому Владимир Ильич мог доверять свои мысли. Не буду называть их фамилии.

СТАЛИН. И не надо. И без того ясно. Это Гляссер и Фотиева.

ВАЖАНОВ. Но они отказывались от откровенного разговора, считая меня вашим человеком. И только потом, много позже, когда поняли, что я ничей...

СТАЛИН. Я начинаю понимать, почему вы совсем не пьете, Важанов.

КИРОВ. Продолжайте, Борис.

ВАЖАНОВ. Короче, Ленин считал, что мы провалились. Он так и сказал – мы провалились. После стольких лет борьбы за социализм в России он вдруг сделал для себя открытие, что переменить психологию людей и навыки их жизни по щучьему велению не получится. Он так и сказал – по щучьему велению. Далее он сказал: можно, конечно, загонять в новый строй силой, но это значит устроить мясорубку с десятками миллионов жертв... Здесь он, видимо, ставил вопросительный знак. Сомневался, сможет ли он пойти на это. И начал читать...кого бы вы думали? Нет, не Маркса, а Густава Лебена, его книгу «Психология толпы». Что не удивительно. Маркс ничего не писал о психологии крестьян. Он их просто не знал. Как, впрочем, не мог знать и русских рабочих.

СТАЛИН. Важанов, а вы думали, почему в Германии не получилась революция, а в России – получилась? Все дело – в народе, Важанов. Плевать немцам на мировую революцию. А русским – не плевать. Не пошли немцы на всеевропейскую революцию, потому что она потребовала бы лишений и жертв. А русские не побоялись новых лишений и жертв, хотя жили хуже немцев и положили миллионы в первой мировой. Немцам не нравились их вожди. И русским нравились не все их вожди. Но они пошли за ними. Потому что сердцем чувствовали, что идея социализма – идея правильная, может быть, единственно правильная.

МОЛОТОВ (*очень эмоционально*). Коба, как ты можешь?

Я нне мммогу! Я нне мммогу больше слушать эту галиматью! Зачем вы ннам все это вкручиваете, Вважанов? Чего вы ддо-биваетесь?

СТАЛИН. Ты не все знаешь, Вячек. Важанов надумал дезертировать. Вот и идет ва-банк, чтобы наверняка уволили. А если я не подпишу вам заявление, товарищ Важанов?

ВАЖАНОВ. Но мне, с моими взглядами, нельзя доверять государственные и партийные тайны.

СТАЛИН. Почему нельзя? Что вы с ними сделаете? Ничего вы с ними не сделаете. Нет такой нашей тайны, которая позволила бы нашим врагам уничтожить нас. Нет, Важанов, такой тайны.

ВАЖАНОВ. Тогда тем более – отпустите меня с богом.

СТАЛИН. Наверно, отпустил бы... Если бы... Паукер, давай сюда ведьму.

Паукер выскользает за дверь. Киров что-то шепчет Сталину на ухо. Зритель может услышать, что он просит Сталина не называть Львову ведьмой в ее присутствии.

СТАЛИН (Кирову). А как ее называть?

КИРОВ. Ее зовут Наталья.

Паукер пропускает в комнату Львову. Сталин подходит к ней и говорит так, чтобы не слышал Важанов.

СТАЛИН. Наталья, значит.

ЛЬВОВА (стараясь держаться с достоинством) Наталья.

СТАЛИН. Вот что, Наталья. Мы с вами еще поговорим в

более подходящей обстановке. А сейчас скажите мне то, что считаете важным и неотложным, а я скажу вам.

ЛЬВОВА. Товарищ Сталин, прикажите изменить свой год рождения, с 1878-го на 1879-й. Гороскоп – самое слабое место у человека. Гороскоп и глаза. Не смотрите в объектив фотоаппарата и кинокамеры. Это пока все.

СТАЛИН. А вы снимите порчу с Надежды Сергеевны, если она есть, эта порча. И прочтите мысли (*показывает на Важанова*) вот этого молодого человека.

Львова подходит к Важанову вплотную, смотрит пристально в глаза и делает несколько пассов. Смыкает веки, думает. Или только изображает напряженное раздумье. Говорит с закрытыми глазами.

ЛЬВОВА. Молодой человек чего-то очень сильно боится. Он определенно что-то скрывает. Но настроен очень решительно.

СТАЛИН. Можно конкретнее? Что он скрывает?

ЛЬВОВА. Возможно, у него что-то в кармане пиджака.

СТАЛИН. Паукер!

ВАЖАНОВ. Я сам.

Важанов вынимает из кармана конверт. Передает Паукеру. По движению руки Сталина передает конверт ему. Сталин вынимает фотографии голодающих Саратова. Рассматривает.

СТАЛИН. Закрутились вы сегодня, Важанов. Забыли зарегистрировать, так? Не специально же вы подставили Але-

ну Смородину. Было еще одно письмо, тоже очень интересное. Оно могло отвлечь все ваши мысли, вызвать рассеянность. Или меня не хотели расстраивать. Не знаю, чем еще можно вас оправдать. Привык я к вам, Важанов. Не хочется вас терять. Не вижу никого, кто мог бы так разгружать меня, как это делали вы. (*Кирову*) Он удивительно угадывал мои мысли по любой проблеме, по любому вопросу. Практически все проекты решений политбюро написаны им. Начал с того, что предложил новую редакцию устава партии. Сделал то, до чего даже Ильич не додумался. Помог с помощью нового устава укрепить партию. И вот – на тебе, как кончает!

МОЛОТОВ. Если даже он передумает, как можно его оставлять?

Сталин мимикой приказывает Паукеру вывести Важанова, что тот и делает. Сталин наливает себе вина, выпивает. Наливает еще, выпивает. Снова наливает, но сам себя останавливает.

СТАЛИН. Хватит. Но что делать? (*Все молчат*)

Входит Паукер.

ПАУКЕР. Товарищ Сталин, не желаете поговорить со Смородиной?

СТАЛИН. Она здесь?

ПАУКЕР. Она доставлена на всякий случай.

Сталин и Паукер в коридоре.

ПАУКЕР. Она дочь директора Путиловского военного завода генерала Андреева. Он сбежал в девятнадцатом к Дени-

кину и был убит. Обстоятельства смерти неизвестны. Мать Алены сошла с ума. Девчонке тогда было четырнадцать лет. Каким-то образом познакомилась с местными комсомольцами. Потом вместе с ними поехала в Москву на съезд. Там ее заметил Смородин. А когда спуталась с Важановым, заметил и я. У девочки ярко выраженный авантюрный характер и в то же время панический страх, что мы узнаем о ее происхождении. Идеальное сочетание.

СТАЛИН. Поговори с ней сам, а я послушаю. Я буду у себя в спальне.

ПАУКЕР. Понял, товарищ Сталин. Моя задача?

СТАЛИН. Пусть скажет все, что думает о Важанове. Знаешь такую закономерность: когда человек рассказывает о ком-то, он рассказывает о себе?

ПАУКЕР (озадаченно). Будет исполнено.

Чекисты вводят Алену Смородину в небольшую комнату, где ее ждет Паукер.

ПАУКЕР. Я тебя предупреждал – подведет он тебя под монастырь. Как думаешь, зачем ему понадобилось это письмо?

АЛЕНА. Наверно, хотел предать гласности.

ПАУКЕР. Каким образом?

АЛЕНА. Мог передать той же Нэнси Астор. Она падкая на сенсации.

ПАУКЕР. Почему ж не передал?

АЛЕНА. Ну, это только он сам может объяснить. Я вас

предупреждала, что у Бориса появился антибольшевистский душок. Вы не поверили.

ПАУКЕР (*со страхом, в смятении*). В это время ты его к кому-то ревновала.

АЛЕНА. Он то и дело говорил «наш советский бардак», «наш советский дурдом», «наш советский бордель».

ПАУКЕР. Но в то же время он повторял, что у нас самая народная власть за всю историю.

АЛЕНА. Но с какой интонацией он это повторял!

ПАУКЕР. Он презирает народ?

АЛЕНА. Он вошел в роль Сталина.

ПАУКЕР. Ты что несешь?

АЛЕНА. Он говорил, что, когда документы и пишет проекты решений политбюро, то в него вселяется дух Сталина, и потом он долго не может вернуться к самому себе.

ПАУКЕР. Бред какой-то! Хотя у нас теперь есть ведьма, она проверит.

Дверь открывается, входит Сталин. Паукер и Алена вскакивают со стульев.

СТАЛИН (*Алене*). А какие у Важанова конкретные претензии к народу, он не говорил?

АЛЕНА. Сейчас припомню дословно. Построили фабрику – нет сырья. Купили на западе трактор – пока учились на нем работать, сломали, а запчастей нет. Обобществили скот – скот передох от скверного ухода. Привезли из заграницы породистых свиней – свиньи передохли из-за антисанитарии.

Произвели кучу товара – невозможно продать из-за низкого качества. Борис говорил: каков народ, таков и социализм. Каков народ, таков и капитализм. Обобщал, короче.

СТАЛИН. То есть, по Важанову, наш народ не годится для социализма?

АЛЕНА. Он считает, что наша идеология и технология власти не улучшают, а только ухудшают отрицательные качества народа. Это его слова.

СТАЛИН. Это он говорил, когда бывал в моей шкуре?

АЛЕНА. Когда бывал в вашем образе, товарищ Сталин.

СТАЛИН (*Паукеру*). Не будем привлекать ведьму. И без нее все ясно. Хотя... разве что потехи ради. Приведи ее сюда вместе с Важановым.

Паукер выходит.

СТАЛИН. Не пойму я, Алена, как вы относитесь к Важанову. Вы ж сдаете его с потрохами. И в то же время нежничаєте, спите с ним.

АЛЕНА. Видно, одно другому не мешает, товарищ Сталин. Катехизис революционера вьелся, вошел в обмен веществ.

СТАЛИН. А если мы серьезно накажем Важанова? Как вы к этому отнесетесь?

АЛЕНА. Только не убивайте. Буду ждать.

Паукер вводит Важанова и Львову.

СТАЛИН (*Важанову*). Важанов, представьте, что вы – это я. Как вы это обычно делали раньше, сделайте сейчас. Сколь-

ко вам нужно для этого времени?

ВАЖАНОВ. Нисколько. Хотя... Для верности... Минута.

СТАЛИН. Тогда начинайте. (*Львовой*) А вы, Наталья, сравните нас и сделайте свой вывод.

Все напряженно ждут, когда Важанов закончит свою медитацию.

ВАЖАНОВ. Я готов.

По знаку Сталина Львова изучает пассами состояние Важанова. Затем переходит к Сталину, но делает пассы гораздо деликатней. Сталин ждет ее выводов.

ЛЬВОВА. Ваши энергетические поля очень похожи, практически одинаковы. Хотя общая энергетика у вас, товарищ Сталин, гораздо сильнее.

СТАЛИН. О чем это говорит?

ЛЬВОВА. Это говорит о том, что ваши эмоциональные реакции и мыслительные процессы могут быть одинаковыми.

СТАЛИН. Почему я должен вам верить? Бажанов, придумайте что-нибудь более убедительное.

ВАЖАНОВ. Сегодня английская журналистка Нэнси Астор сказала мне, что хотела бы задать вам всего один вопрос. Когда вождь Сталин перестанет убивать людей? Я сказал, что передам вам этот вопрос. Но сам при этом подумал, как бы ответили вы.

СТАЛИН. И что же вы за меня надумали?

ВАЖАНОВ. Я могу написать этот гипотетический ответ

на листке бумаги. А вы напишете ваш ответ.

СТАЛИН. Толковое решение вопроса.

Сталин берет карандаш и пишет на листке бумаги. Паукер дает Важанову листок бумаги и карандаш. Важанов пишет.

Сталин дает свой листок бумаги Львовой.

СТАЛИН. Прочтите.

ЛЬВОВА. Когда в этом отпадет необходимость.

Львова берет листок у Важанова. Читает про себя. Не может скрыть изумления.

СТАЛИН. Вслух!

ЛЬВОВА. Когда в этом не будет необходимости.

Сталин прохаживается туда-сюда. Раскуривает трубку. Усмехается.

СТАЛИН. Вам удалось удивить меня, Важанов. Хотя, как я теперь понимаю, особенно удивляться нечему. Точнее, удивляться надо было раньше. Но я хотел бы закрепить свое впечатление. Скажите, о чем я подумал, когда узнал о террористическом сговоре студентов Горьковского пединститута?

ВАЖАНОВ *(не задумываясь)*. Они собирались выступить во время первомайской демонстрации. Я бы на вашем месте подумал: если военные вздумают устроить путч, они выступят во время первомайского парада, когда вводится в Москву тяжелая техника и большая масса войск.

Поза и мимика Сталина говорят о том, что Важанов попал в точку.

СТАЛИН. Давайте теперь я сам попробую угадать, что у вас сейчас в голове. Напишите. И я напишу.

Важанов быстро пишет. Пишет и Сталин.

СТАЛИН (*Львовой*). Прочтите сначала мою запись, Наталья.

ЛЬВОВА (*читает*). А что было бы со мной, если бы я столько лет отработал со Сталиным?

СТАЛИН. А теперь его запись.

ЛЬВОВА. Если бы товарищ Сталин представил себя на моем месте...

СТАЛИН (*прерывает*). Ясно. Все вышли, кроме Важанова.

СТАЛИН. Я понимаю, Важанов, вы расклеились после моего решения насчет Рютина. А если политбюро вынесет решение не подводить его под высшую меру? Скорее всего, так и будет! Что тогда?

ВАЖАНОВ. Все равно впереди неизбежны большие чистки, как вы выражаетесь, отсеечения. Я это чувствую, когда залезаю в вашу шкуру. Но я не могу в этом участвовать. Это не по мне, это не для меня. Отпустите меня с богом.

СТАЛИН (*с раздражением*). С богом, говорите... Хорошая формулировка. А что делать с царским фондом?

ВАЖАНОВ. Американцы не пойдут на восстановление дипломатических отношений просто так. Они будут требовать выплаты долга царской России, хотя именно Россия внесла в тринадцатом году самый большой вклад в создание

Федеральной резервной системы США. Что-то около 80 процентов. Это крайней запутанная финансовая коллизия, которую можно разрешить только одним путем – навсегда закрыть глаза на все российские активы за рубежом. Именно этого будет добиваться Рузвельт.

СТАЛИН. Ясно, что эта ваша научная работа – всего лишь прикрытие. Будете сбегать, Важанов?

ВАЖАНОВ. Так ведь не дадите свободно уехать.

СТАЛИН (*Паукеру*). Что будем делать с Важановым?

ПАУКЕР. Позвольте добавить, товарищ Сталин? С предателем Важановым! Был как бы не совсем наш, а стал совсем чужой. К тому же, начинен секретам, как динамитом. Его же слова! Своими ушами слышал, как он Алене говорил. (*Алене*) Говорил?

АЛЕНА. Говорил. Но это правда. Начинен.

ПАУКЕР. Разрешите арестовать Важанова, товарищ Сталин?

Сталин смотрит на Алену.

СТАЛИН. А что скажет девушка предателя?

АЛЕНА. Товарищ Сталин, нельзя арестовывать.

СТАЛИН. Это по каким же соображениям?

АЛЕНА. Вы поймете это, когда прочтете запись разговора Важанова с американцем Дэвисом.

СТАЛИН. Что там?

АЛЕНА. Они не пойдут ни на какие контакты, если Важанов будет репрессирован.

СТАЛИН. Значит, он их давний агент.

АЛЕНА. Товарищ Сталин, он не агент, но как только будет арестован, автоматически превратится в агента.

Сталин тяжело задумывается. Движением руки велит Паукеру уgomониться.

СТАЛИН. Что ж, если будете сбегать Важанов – будем вас ловить.

Сталин подходит к патефону, берет наугад пластинку.

СТАЛИН (*читает надпись на пластинке*). Аплодисменты после речи товарища Сталина. Паукер, это что же – одни аплодисменты? И ни одного моего слова?

ПАУКЕР. Так точно, товарищ Сталин. Люди слушают стоя.

СТАЛИН. И покупают такие пластинники?

ПАУКЕР (*неуверенно*). Так ведь для чего выпускаются? Чтобы покупатели слушали.

СТАЛИН. По-моему, это перебор. Как вы думаете, Важанов? Или вы думаете о чем-то другом?

ВАЖАНОВ. Я думаю сейчас о ваших пяти побегах. Вас ведь тоже ловили, а вы снова сбегали. Так что мне нетрудно будет привыкнуть.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА СПЕКТАКЛЯ. 9 ноября 1932-го года Надежда Аллилуева будет обнаружена утром мертвой, с пулей от браунинга – то ли в груди, то ли в виске. На этот счет сведения разнятся, поскольку высокопоставленный супруг запретил проводить следствие. Предположения, что именно

он довел жену до самоубийства, так и не превратятся в материалы уголовного дела.

Алена вернется к Петру Смородину, который выслужится до секретаря Ленинградского обкома и будет расстрелян в 1937 году. Окажется в подвалах Лубянки и Алена. Выйти оттуда живой у нее не получится.

Борис Важанов (*в реальной жизни Борис Бажанов*) избежит этой участи. В результате хитроумной комбинации он сбежит из СССР, перейдя границу с Персией (*Ираном*). Сталин устроит грандиозную погоню. Но тщетно. Бажанову удастся перехитрить вождя и получить убежище во Франции.

Реабилитация Мазарини

Драма

Кардинал Мазарини

Королева Анна Австрийская

Кардинал Ришелье

Король Людовик XIII

Герцогиня Мари де Шеврёз

Король Людовик XIV

Гастон Орлеанский

Принц Конди

Принц Конти

Эльпидио, биограф

Бернуини, камердинер Мазарини

Массовка: придворные, пажи, слуги, парижане

Действие происходит между 1630 и 1661 годами в Пари-

же.

ПАРИЖ, 1661-й год

Кардинальский особняк. Покои Мазарини

Мазарини сидит в большом широком кресле у окна. За окном сумрак. В комнате горят свечи. Мазарини звонит в колокольчик. Входит камердинер Бернуини.

Мазарини. Давно ты был в городе, милейший Бернуини? Как там наш Париж?

Бернуини. Грязь, слякоть и зловонье, ваше преосвященство. Вы же знаете наших парижанок. Они неисправимы. Выливают помои на улицу прямо из окон.

Мазарини. Это ты зря, Бернуини. Не то ты видишь, старина. Париж прекрасен, хотя ему так не хватает римских фонтанов, где хорошо назначать свидания. Тебе что-то другое не нравится, Бернуини, давай уж выкладывай. Сейчас ты скажешь, что не смеешь вымолвить. А ты вымолви. Ты же знаешь, мне можно говорить все, особенно сейчас. Перед смертью от неизлечимой болезни – врачи говорят: теперь вам можно все. А моя болезнь неизлечима.

Бернуини. Увольте, господин. Зачем вам это знать?

Мазарини. Вот простак. Нашел чем испугать. Последние восемнадцать лет я каждый день по уши в дерьме. Хотя и в почестях. Такова жизнь сильных мира сего – дерьмо и почести. Но как же мне это надоело! Человек уходит не тогда, когда изношен, а когда исчерпал себя. Можешь идти, Бернуини. *(мучительно кашляет)*.

Бернуини выходит.

Мазарини. Простак Бернуини не знает, что мне уже доложили о последней эпитафии. «Здесь покоится Мазарини. Он стал бы бессмертным, если бы хитростью или с помощью денег смог обмануть смерть». Злословы не понимают, что я уже бессмертен... Вот за что я полюбил Францию. Нигде в

мире так не чихвостят правителей, как здесь. И нигде в мире правители не проявляют столько терпения. Но... уж как только меня не обливали помоями, я не ввел цензуру. Хотя, конечно, не только за это я люблю мою Францию. Да, она моя... моя... моя навеки. И особенно Париж. Конечно, я все еще люблю Рим, хотя не был там бог знает сколько лет. Рим – это город, где на одной улице и даже в одном доме мирно уживаются благородный кавалер и нищий, благочестивый прелат и проститутка, простолюдины и принцы. Но и в Париже сегодня под одной крышей живут башмачник и аристократ, вышеупомянутая дама и придворный...

Слышатся звуки подъезжающей кареты и цокот копыт. В дверях возникает Бернуини.

Бернуини. Их величества, ваше преосвященство.

Бернуини хочет укрыть Мазарини одеялом, но тот делает запрещающий жест.

Мазарини. Я лучше лягу.

Появляются двое слуг, они переносят кардинала на широкую постель.

Мазарини. Немного румян. И отодвиньте свечи.

Бернуини быстрыми и точными движениями наносит кисточкой румяна, слуги отодвигают от постели канделябры.

Мазарини. Теперь проси.

Бернуини выходит из комнаты.

Мазарини. Я знаю, что обо мне будут говорить потомки. Гадкий лицемер, он превратил свою жизнь в захватывающий

спектакль. Кто-то будет называть этот спектакль даже балаганом. У меня до сих пор перед глазами памфлеты, где меня называли хозяином буйного фаллоса. Да-да, не удивляйтесь, именно так называли меня, когда я был молод. Другие будут обвинять, что я, кардинал, не утруждал себя долгими молитвами и перед смертью отказался от исповеди и причастия. Что ж, пусть обсуждают, пусть судят. А я буду мирно спать в своем склепе. Но что бы обо мне не говорили сегодня или через сколько-то веков, я так и останусь вечной загадкой. Как это приятно сознавать сейчас, когда я не могу спать ночами.

Входят Людовик XIV и Анна Австрийская.

Людовик XIV (*подходит к кровати и опускается на одно колено*). Ваше преосвященство, отец мой.

Мазарини. О, государь, встаньте, прошу вас.

Анна (*склоняет голову и делает легкий реверанс*). О, Жюль.

Мазарини (*бросая взгляд на свои ноги*). Простите меня, мадам. Под одеялом мои ноги болят особенно нестерпимо.

Анна. Пустяки, Жюль. Что вам говорят лейб-медики?

Мазарини. Шарлатаны, они давали Ришелье сутки, но он умер раньше. Мне они дают два месяца. Значит, остался месяц. Но это много, мадам, я все успею, ничего не упущу. (*заходится в кашле*)

Анна. Мы привезли вам биографа, Жюль. Его зовут Эльпидио. Он прибыл из Рима с рекомендательным письмом от

ваших родственников.

Мазарини. О, пощадите, мадам, только не итальянца! И не стоит об этом в такую минуту. Есть дело поважнее. Хотя... Если... Нет, даже не думайте, мадам! Будьте спокойны. Я знаю, как разговаривать с биографами, ваше величество, тем более с итальянцем. А теперь о деле. (*обращается к Людовику*) Ваше величество, я должен попросить у вас прощения... Бывало, я ограничивал вас в тратах, а однажды даже отобрал деньги, чтобы вы не купили очень дорогую, но поддельную вещицу. Я хочу загладить свою вину. Буду просить вас принять от меня в наследственный дар небольшую сумму...

Людовик XIV (*прерывает*). Ваше преосвященство, отец мой, ваше наследие – долгожданный мир в Европе – до самых окраин Московии.

Мазарини. Это не только моя заслуга, государь. Я всего лишь закончил начатое Ришелье. Но мир так хрупок, так недолговечен, а войны требуют стольких денег. Обдумайте мое предложение, умоляю вас.

Людовик XIV. Нет, нет, даже не просите! Мне и без того принадлежит ваше духовное наследие. Вы воспитали во мне монарха. Мое имя всегда будет связано с вашим именем. Я и без того ваш должник.

Мазарини. И все же я прошу вас, государь.

Людовик XIV. Хорошо, отец. Как вам будет угодно, я обдумаю.

Анна. Жюль, мой камердинер Лапорт оповестил меня, что взялся за свои мемуары.

Мазарини. Бальзам на душу, мадам. В какой еще стране слуги пишут мемуары о господах? И каких господах! Как я счастлив, что выбрал в свое время Францию.

Анна. Можно не сомневаться, что месье Лапорт приврёт.

Мазарини. Ну, как же не приврать, мадам. Иначе мемуары будут плохо продаваться.

Анна. Итак, вы подаете мне надежду? Вы прольете свет на какие-то страницы своей жизни?

Мазарини. Хорошо, ваше величество. Но только на какие-то, заверяю вас. Я проведу этот месяц в беседах с синьором Эльпидио. Эти проныры итальянцы, нигде от них скрыться.

Людовик XIV (*целуя руку кардинала*). Как вы держитесь, отец! Нет слов... Мы будем навещать вас.

Анна прикладывает платок к глазам, видно, что она искренне опечалена.

Мазарини. Я еще не назвал вам сумму, государь.

Людовик XIV и Анна застывают в напряженном внимании.

Мазарини. Это около 15 миллионов лир.

Людовик XIV (*его разрывают противоречивые желания*). О! О, нет, отец! О! Хотя... Хорошо, я дам вам ответ через три дня.

Король и королева-мать выходят.

Мазарини. Эти встречи только отнимают у меня последние силы. Как тяжело уходить, когда другие остаются. Обычно человек всему находит оправдание, объяснение, утешение. Но только не своему уходу в вечность. Кажется, я заговорил с интонацией героев Шекспира. Я странен сам себе. Наверное, я все же верю в чудо.

Краткое затемнение; когда освещение возвращается, Эльпидио уже в комнате кардинала.

Эльпидио (*протягивает кардиналу свиток*). Мои рекомендации, ваше преосвященство.

Мазарини. Я посмотрю потом. Итак, Рим знает о моем состоянии, и кто-кто уже потирает руки. Ну и зря. С моим уходом мира станет меньше. А может, им так надо? Тогда прав будет мой друг Паскаль, который сказал мне как-то: неважно, что алтари Христа полны мерзости, лишь бы церкви были полны народа. Бедолага, он хоть и намного моложе меня, но тоже болен.

Эльпидио. Ах, монсеньер, не все так привержены миру и морали.

Мазарини. О, только не надо выписывать меня таким уж миротворцем.

Эльпидио. Но нельзя не признать – у вас доброе сердце. От потомков не укроется, что вы на прощание сделали королю баснословный дар. Будут строиться догадки. Почти наверняка возобладает версия, что вы не просто крестный отец короля Людовика XIV... А может, это какой-то экзамен для

монарха? Может, вы надеетесь, что он гордо откажется?

Мазарини. А ты не прости, Эльпидио. Сколько расставил мне ловушек. Но я не поймаюсь ни в одну из них. Я стреляный воробей.

Эльпидио. Ходит слух, что однажды вы сказали Людовику: если допустить, что король – тоже человек, то он, как всякий человек, продажен?

Мазарини. Святая Богородица! Нашли, кого рекомендовать мне в биографы.

Эльпидио. Потомки будут подозрительней меня, ваше преосвященство.

Мазарини. Давай уж лучше о любви, Эльпидио.

Эльпидио. О вашей любви к власти?

Мазарини. Да не к власти. Как же мелко ты берешь. Тот, кто любит власть как таковую, лишается ее в два счета. У всякой власти есть свой смысл. И нужно любить этот смысл, а не власть. Только не спрашивай меня сейчас про мой смысл. Если я скажу, ты все равно не поверишь. Давай продолжим про любовь. Я обычный смертный. И хочу дать таким же смертным совет. В первую треть жизни добивайтесь достойной женщины, даже если она не считает вас достойной себя. И добейтесь ее, и станьте ей необходимым, как воздух, чтобы и во второй трети жизни вы были ей нужны. А в последнюю треть жизни будьте нужными друг другу.

Эльпидио. Это вы о себе и о...

Мазарини. Пиши так, как я сказал, и не вздумай добавить

отсебятину. Читатель все равно не поверит, что я был до конца с биографом откровенен.

Эльпидио. Кстати, монсеньер, вы не передумали пройти исповедь и причастие?

Мазарини. Нет, черт бы тебя побрал. Собрал уже последние сплетни. Уйди, на сегодня хватит, я устал. *(заходится в кашле)* У меня обострение плеврита. Дымом крайне раздражены бронхи. А тут еще ты со своими провокационными вопросами. Видишь, я начинаю больше кашлять, чем обычно. Проклятый пожар отнял у меня десять лет жизни, никак не меньше. Проклятая галерея, если бы я не создал ее, она б не загорелась.

Эльпидио. Хорошо, монсеньер, я немедля удалюсь. Но давайте обсудим на прощанье форму наших будущих бесед. То, что вы называете провокацией, всего лишь прием биографа с целью обострить беседу и сделать ее запись интересней. Мы отдадим ваши мысли и те откровения, которые вы себе позволите, на суд потомков и истории. Вас ждет суд истории, от этого некуда не деться. Но не логично ли будет сделать и наши беседы похожими на судебное разбирательство?

Мазарини. Неужели ты хочешь, чтобы я был сам себе подозреваемым, подсудимым, прокурором и адвокатом? Нет, Эльпидио, я могу обнажить свои больные ноги, но только не свою душу, хотя она, возможно, ничуть не менее больна. Этому не бывать, даже не надейся провести меня.

Эльпидио. Но ваша артистическая натура...

Мазарини. С чего ты взял? Или уже покопался в моей жизни? Да, я однажды вышел на сцену в Римском иезуитском колледже. Мне пришлось заменить заболевшего актера и сыграть святого. Знаешь, мне не понравилось. Нет, святость не по мне, как тогда, так и сегодня.

Эльпидио. Зато вы стали гениальным артистом во всем: в дипломатии, в управлении государством, в финансовом деле. Это нужно как-то отобразить. Иначе история будет рассматривать вашу персону однобоко, а значит, будет оскорблена справедливость.

Мазарини. Ну, хорошо, я обдумаю твоё предложение. Только не думай, что это ты меня переубедил. Это все кашель.

Эльпидио. Будете думать, как король – три дня?

Мазарини. Подслушал? Нет, у меня гораздо меньше времени, чем у короля. Знаешь, а мне нравится, как ты в меня вцепился, Эльпидио. Это ничего, что я на «ты» с тобой»?

Эльпидио. Мне это даже льстит. Я вижу, что не противен вам.

Мазарини. Какой догадливый. А теперь проваливай.

Эльпидио удаляется с поклоном.

Мазарини. Занятный малый. Конечно, я подыграю ему. Как ни крути, а то, что он суд истории делает с нами – разве не дьявольское обхождение? Да-да, уж я-то знаю, где сидит в засаде дьявол. А перед самым концом жизни, когда обостряется мышление, это особенно понятно. Я не столько артист,

сколько игрок, азартный игрок. Что ж сыграем эту последнюю игру с дьяволом.

ПАРИЖ, 1630-й год

Резиденция кардинала Ришелье. Кардинал Ришелье за своим столом.

Секретарь. Ваше преосвященство, посланник его святейшества папы Римского прелат Джулио Мазарини.

Ришелье. Проси.

Входит молодой Мазарини. Ему в ту пору 28 лет. Делает почтительный, но не лишенный достоинства поклон. Кардинал поднимается из кресла, подходит к нему, пытливо всматривается в глаза.

Ришелье. Если бы вы жили во Франции, вас бы звали Жюль Мазарен.

Мазарини. Вы читаете мои мысли, ваше преосвященство. В душе я француз.

Ришелье. Вот как! Ловко!

Мазарини. Благодарю за снисходительность, ваше преосвященство.

Ришелье. Вы готовы довольствоваться такой малостью, как моя снисходительность?

Мазарини. Я хорошо представляю, с кем имею честь говорить.

Ришелье. Вы говорите с плутом. Так назвал меня папа Павел V, когда мы беседовали с ним. Правда, тогда я еще не был Ришелье, я был всего лишь Жаном де Плесси.

Мазарини. Вам был тогда 22 года, и вы были уже епископом. Не могу припомнить более головокружительной карьеры.

Ришелье. Мне тоже кое-что известно о вас. Подарки, комплименты, умение вести беседу, игра ума...

Мазарини. Не только, ваше преосвященство. Я стараюсь узнать о будущем собеседнике не только то, что он любит, но и то, или что, он не любит.

Ришелье. И? Договаривайте, папский лазутчик. Кого же и что же готовы не любить вы, только бы понравиться мне? *(Мазарини молчит)* Понимаю, как дипломат, вы и без того сказали мне достаточно. А я скажу прямо. Я не люблю Испанию. Я не люблю Англию. Готовы ли вы присоединиться ко мне в этих двух чувствах?

Мазарини. Если вы готовы добиваться мира с этими странами, то да.

Ришелье. Хочу, если они признают, что Франция сильнее. Помогите мне сделать это, и вы получите мир.

Мазарини. Хорошо. Я предвидел это предложение. Я пришлю вам 15 бочек пороха.

Ришелье. Вот даже как! Ладно. А я вам в ответ пришлю инструкции, как лучше действовать дипломатам папского престола, чтобы его святейшество обрел лавры миротворца. *(после паузы)* Давайте уж выкладывайте, что вы разнюхали обо мне, папский шпион. Что вам больше всего не нравится во мне?

Мазарини. Орден святого духа, полученный вами из рук Генриха III за храбрость в бытность вашу телохранителем его величества в чине капитана, а также за участие в боях.

Ришелье. Странно. И почему это вам не по душе? Я-то думал...

Мазарини. Некоторые войны в наше время похожи на игрища и маскарады, а вы своей решительностью напоминаете нам, что на войне должно быть, как на войне. Только такие войны не длятся десятки лет.

Ришелье. Ваши слова западают в память, Мазарини. Я найду для вас место в своих мемуарах. Даже знаю уже, что напишу. Но об этом потом. Я уверен, что мы еще встретимся, кавалер Мазарини. Вы хотите стать французом. Что ж, буду ждать подтверждение вашего желания. 15 бочек пороха – неплохой аванс, не правда ли?

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. И вы прислали порох?

Мазарини. Иначе кто бы мне поверил, что я хочу служить Франции? Никто, а уж Ришелье тем более.

Эльпидио. Но как вы могли, вы, дипломат Ватикана? А если бы это дошло до папы? Вы рисковали головой. Почему вам так хотелось попасть во Францию? Почему вы так желали поражения Испании?

Мазарини. Испания поджимала Францию с юга, с севера давила Англия, с северо-запада – та же Испания с ее нидерландскими провинциями, с запада – священная Римская им-

перия. Я должен был помочь Франции обрести естественные для ее географического положения границы. Но надо же было с чего-то начать. Вот я и начал, с 15 центнеров пороха. Франция вернула себе часть южного подбрюшья.

Эльпидио. Погодите, ваше преосвященство. Позвольте все же усомниться. Сдается мне, вы чего-то недоговариваете. Не возник ли еще какой-то мотив через два года, когда вы снова приехали во Францию? Вы можете, конечно, сделать вид, что не понимаете моего намека.

Мазарини. Именно так я и поступлю, Эльпидио. И вы смекнете, что наши беседы никогда не превратятся в откровения выжившего из ума старика.

Эльпидио. Если позволите, мы еще вернемся к вашим отношениям с Ришелье. Можно не сомневаться, что ваши имена будут стоять в истории рядышком.

Мазарини. Почту за честь.

Эльпидио. А теперь – ваша первая встреча с Людовиком XIII...

ПАРИЖ, ЛУВР, 1632-й год

Покои короля Людовика XIII

Людовик XIII, Ришелье и Мазарини за огромным обеденным столом.

Людовик XIII (*изредка заикаясь*). Попробуйте вот этот зеленый горошек, прелат. Его продают на нашем парижском рынке, чем я очень горжусь. Я выращиваю этот горошек сам, в своей оранжерее. Попробуйте и марципаны моего приго-

товления. Если не будете против, после обеда я подправлю вам бородку и усы по своему фасону. Как вы наверняка осведомлены, мой младший брат Гастон по прозвищу Месье упрямо поглядывает на мой трон. Не исключено, что ему повезет, и тогда... Нет, я не пропаду. Пойду в огородники, или в кондитеры, либо стану цирюльником.

Мазарини. Ваше величество, если я расскажу о ваших талантах в Риме, мне не поверят.

Людовик XIII. А почему бы папе не пригласить меня в Вечный город? Я так люблю итальянскую кухню и мечтаю научиться выбривать тонзуру.

Мазарини переглядывается с Ришелье.

Ришелье. Их величество из скромности назвал только три своих особенности. Он также чеканит монеты, кует дула ружей для соколиной охоты, плетет сети для рыбной ловли, выращивает фрукты и варит варенье.

Людовик XIII. Я знаю, что говорят у меня за спиной: «Какой отменный слуга вышел бы из этого негодного монарха». Что ж, я действительно слуга... своего народа. Да, повелитель, но и слуга. Невозможно хорошо править, не служа. Хотя, конечно, правит у нас больше его преосвященство. Повезло нам с кардиналом, что там говорить, чего, наверное, он не может сказать обо мне. Зато у меня есть время выращивать горошек.

Ришелье. Ах, государь, вы к себе несправедливы! Вы определяете общее направление французской внешней и

внутренней политики, а это самое главное.

Людовик XIII. Мое направление – обратное тому, которое предпочитает супруга моя, сестра короля испанского. Голос крови – страшная вещь, господа. А голос королевской крови – тем более. Наши родители свели нас в браке в расчете на установление мира. Но прошло уже немало лет, а наши страны все еще воюют. Месье Мазарини, вас считают дипломатом с большим будущим. Придумайте средство примирения стран получше, чем установление династических браков.

Ришелье. Ваше величество, позвольте месье Мазарини поговорить о поисках мира с супругой вашей.

Людовик XIII. Если месье Мазарини проявит свой талант, я буду только рад. Но эти испанки... Их набожность равна их упрямству. Действуйте, господа, а мне пора к лекарям... Выдам вам государственную тайну, прелат. С юности страдаю катаром желудка и малокровием. Это все последствия наших близкородственных браков, будь они неладны. Но я держусь, мое здоровье нужно Франции. Без меня ее растащат по кускам свои же патриоты.

Мазарини. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь вам, ваше величество. В Ватикане хорошие лекари.

Людовик XIII. О, нет, нет! Я знаю, на чьей стороне папа в нашем противостоянии с Испанией. Не стоит рисковать.

Ришелье и Мазарини выходят из покоев короля.

Ришелье. Страдалец. Почти каждый день ему делают клистиры. Вы наверняка даже не видели, как проходит эта про-

цедура. Не приведи господь. Король – в позе, столь далекой не величественной... Я представлю вас королеве завтра в это же время, если позволите. Во время ее завтрака.

Мазарини. Мне хотелось бы оправдать надежды короля.

Ришелье. Едва ли вам нужно собирать информацию о королеве Анне.

Мазарини. Я осведомлен только в общих чертах.

Ришелье. Не таитесь от меня, Мазарини. Вы ничего не постигаете в общих чертах. Тем более, если речь идет о царственных особах. Давайте-ка выкладывайте, в чем слабости королевы Анны. Мне важно знать, что о ней говорят в Ватикане.

Мазарини. После истории с герцогом Бэкингемом прошло уже четыре года, а в Риме до сих пор судачат об этом. На первый взгляд – взаимное опьянение, потеря рассудка. А на самом деле...

Ришелье. Договаривайте же, прелат!

Мазарини. На самом деле, королева Анна показала, что может пойти на странные отношения с врагом Франции. Но я думаю, это больше объясняется молодостью ее величества, чем ее злонамеренностью.

Ришелье. То есть, вы считаете, что ее можно понять и простить?

Мазарини. Едва ли я имею право высказывать на этот счет свое мнение, ваше преосвященство.

Ришелье. Ах, Мазарини, если бы я вел переговоры с дья-

волом, я бы обязательно взял вас с собой. А ведь вам всего 28 лет... Вы превзойдете меня, в этом уже не может быть сомнений. Но поприще... На каком поприще вы желали бы проявить себя во Франции?

Мазарини. Служение ей рядом с вами, ваше преосвященство.

Ришелье. Ну-ну. Но вам придется многое вынести, прежде чем я смогу доверять вам.

ЛУВР, 1661-й год

Королевские покои.

Людовик XIV. Матушка, он ничего не делает просто так. Зачем он искушает меня? Какой в этом кроется смысл или подвох? Ну, предположим, я приму эти пятнадцать миллионов? Что он при этом выигрывает?

Анна. Вот именно! Ну, продолжаете, сын мой. Мне интересен ход ваших мыслей. Если вы считаете, что кардинал не может просто взять и подарить вам эту сумму, значит...? Значит, вы не верите в его чувство к вам?

Людовик XIV. Нет, не так. Я верю... и – не верю.

Анна. Пусть вас это не терзает, сын. Это нормально. Это естественно. Так уж мы устроены – не верить самым ближним.

Людовик XIV. Вам, матушка, я верю.

Анна. И я верю тебе, сын. И это самое большое счастье, которое только может быть у королей.

Людовик XIV. И что отсюда следует? Какое мне решение

принять?

Анна. Такое, какое подскажет тебе твое сердце, а не разум, сын.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Как странен этот Ришелье. Ведь именно он свел Бэкингема с королевой Анной. Он лучше многих знал... Я могу говорить прямо?

Мазарини. Договаривай уж, коли начал.

Эльпидио. Королева Анна страдала от равнодушия супруга своего и изнывала от жажды любви со всей страстью своей испанской природы. Но... отвергла притязания Ришелье. Вот он и задумал месть. Он знал, что Бэкингом способен увлечь королеву. Люди говорят, что кардинал повел себя, как отвратительнейший сводник.

Мазарини. Эльпидио! Ты говори, да не заговаривайся!

Эльпидио. А как назвать его иначе, если он свел эту пару не напрямую, а с помощью фрейлины Мари де Шеврёз, своей бывшей любовницы? По другим сведениям, позднее Ришелье имел отношение к заговору против короля, когда королеву Анну пытались выдать замуж за ее шурина Гастона, или Месье. Как недостойны настоящего мужчины такие мелкие интриги! И я вот думаю... Может, кардинал и вас решил использовать, чтобы расквитаться с королевой?

Мазарини. Все может быть в жизни, но зачем копать в этом?

Эльпидио. О, ваше преосвященство! А справедливость?

А правда? Разве это пустые слова?

Мазарини. Ладно, хватит на сегодня.

Эльпидио уходит. Мазарини берет со столика свиток, разворачивает его.

Мазарини. Это что такое!?! Бумага, на которой пишут только в канцелярии Папы! (*пробегает глазами текст*) Нет, это более чем странно. Что бы тут ни было написано, я уже не поверю. Ай да Эльпидио! Что же ему нужно? Убить меня? Зачем? Я сам вот-вот умру. Выведать секреты? Не исключено. Склонить к чему-то? Вот это вероятнее всего. В любом случае это меня бодрит. Я чувствую себя в привычном деле. Ну надо же, Эльпидио... Каков негодяй! Чуть не провел меня.

ПАРИЖ, ЛУВР, 1632-й год

Покои королевы Анны Австрийской

Ришелье. Ваше величество, позвольте представить вам прелата Мазарини, о котором я уже докладывал.

Мазарини смотрит на королеву восхищенным взглядом, чего она никак не может не заметить, и что никак не может укрыться от пронизательного взора Ришелье.

Королева делает Мазарини знак, что он может подойти к ее руке. Он подходит и склоняет голову в поклоне.

Анна. Вы не поцелуете мне руку, прелат?

Мазарини. Я слышан, что за это можно поплатиться головой.

Анна. Если только без дозволения, но это не тот случай.

Мазарини целует Anne руку и отходит в сторону.

Ришелье. Я оставлю вас... Дела... *(делает знак Мазарини, чтобы он отошел подальше, и говорит вполголоса королеве)* Ваше величество, не кажется ли вам, что прелат Мазарини может чем-то напоминать вам известное лицо?

Анна. То лицо, монсеньер, было не так стеснительно, и к тому же на голову выше.

Ришелье. В мужчинах, робких в сердечных делах, как и в робких женщинах, все черти водятся, мадам.

Анна. Ох... Нейдется вам, монсеньер, опять задумали какую-то интригу. Это ваш агент? Хотя... зачем я спрашиваю? У него на лбу написано – шпион.

Ришелье. У вас есть возможность перевербовать его, мадам.

Кардинал удаляется со снисходительным поклоном.

Анна *(вслед ему)*. Сегодня кардинал неузнаваем. *(Мазарини)* Вы завтракали, прелат? Или благоразумно воздержались, зная, что я завтракаю обильно?

Мазарини не знает, что ответить.

Анна. Что с вами? Куда делось ваше красноречие? Или слухи о ней врут?

Мазарини. Ваше величество...

Анна. Как странно вы молчите. А вам наверняка покажется странной моя страсть к еде. Вот мой обычный завтрак. Бульон, котлеты, колбаски, пудинг, сдоба, шоколад... Я заразила парижанок шоколадом. Страсть к еде заменяет женщине

неутоленную... другого рода страсть, или вы об этом не знаете? Мне сказали, что вы хотите завоевать Париж. Это так? *(Мазарини продолжает в замешательстве молчать)* Значит, так оно и есть. *(все более кокетливо)* И стало быть, вы увидите лет через десять, как я раздобрею из-за пристрастия к еде, и уже не будете смотреть на меня, как сейчас. Все, я умолкаю, давайте приступим... *(некоторое время они едят молча, поглядывая друг на друга, потом королева не выдерживает)* Странно, у меня сегодня совсем нет аппетита. Что бы это значило? Да подайте же вы голос, прелат! Ну, хорошо, тогда буду говорить я. Мои дуэньи в детстве приучали меня к тому, что я не должна много есть, смеяться, бегать, играя со сверстницами. Они приучали меня носить жесткие платья с каркасом из китового уса и волочащимся шлейфом. Я завидовала простолюдинкам и мечтала жить среди них. Но меня, испанскую инфанту, сосватали за французского дофина и отправили сюда, в Париж, в эту безбожную по сравнению с моей родиной страну. Боже, зачем я вам это рассказываю? Я читаю в ваших глазах, что вы знаете обо мне больше, чем я сама. Тогда скажите, что будет дальше. Когда закончатся мои мучения?

Мазарини (осмелев). Я думаю, не раньше, чем лет через десять, ваше величество.

Анна. О, как вы жестоки, прелат. С какого потолка вы взяли эту цифру? Неужели с моих же слов? Это дерзость. Хотя, возможно, вы прикинули, сколько осталось жить двум из-

вестным особам. Неужели это не произойдет раньше? Как жаль. А нельзя это ускорить? Понимаю, все в руках Господа. Что ж, буду молиться еще усердней, чем это делаю сейчас.

Мазарини. Я наслышан о вашей набожности, ваше величество.

Анна. Теперь вы будете думать, что я молюсь только об одном... Но это не так. Я прошу Господа дать мне силы. Вы даже не представляете, как это тяжело – жить в стране, которая воюет с твоей родиной, постоянно находиться под подозрением в передаче каких-то секретов... Вот и сейчас... Думаете, я уверена, что меня никто не слушает, кроме вас? Напротив, я уверена как раз в обратном. И это будет длиться еще десять лет? Я потеряю сон, я буду еще больше есть, я буду медленно сходить с ума...

Мазарини (*он расстроган и не может этого скрыть, говорит по-испански*). О, ваше величество!

Анна *отвечает по-испански*. Мазарини снова *говорит по-испански*. И неожиданно *всплескивает руками*.

Мазарини. О, мать божья, что это со мной. Я уйду, не вручив подарки. (*вынимает из карманов камзола флакон духов и перчатки, с поклоном протягивает Анне*).

Анна. О! Как вы узнали? Мои вкусы – государственная тайна. (*примеривает перчатки*) Мои размеры – тем более! (*после короткого колебания*) Позвольте же отблагодарить вас по достоинству.

Анна *снимает перчатку и протягивает руку Мазарини*,

*тот с плохо скрываемой пылкостью припадает к ее руке.
Оба взволнованы.*

Анна. Всегда рада видеть вас, прелат.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Вы заговорили по-испански, причем на родном для королевы кастильском диалекте. В этом был какой-то расчет? Надеялись, что это сблизило вас? Что она вам ответила?

Мазарини. Слишком много вопросов об одном и том же. Она сказала: какое она величество, если от нее ничего не зависит?

Эльпидио. А вы в ответ?

Мазарини. Я сказал: простите меня за дерзость, ваше величество... Ваши мучения закончатся раньше, лет через семь.

Эльпидио. Очень интересно. Почему вы сказали о дерзости, ваше преосвященство? Почему вы изменили сроки? Здесь напрашивается только одно предположение. Вы не надеялись сделать свою карьеру раньше, чтобы оказаться рядом с королевой. Вы влюбились в нее. Ну, конечно. Вы не могли не влюбиться. Те, кто выше нас, вызывают особое вожеление. А тут... такая высота... Должно быть, у вас кружилась голова, когда вы смотрели на нее. Отсюда и потеря дара речи.

Мазарини. Ты говори, да не заговаривайся, Эльпидио. Каков нахал, однако. Я всего лишь испытал величайшую по-

требность послужить Франции и ее королеве. Остальное – твои непристойные бредни.

Эльпидио. Ваше преосвященство, зачем вы отказываете себе в обычных человеческих чувствах? Или это такая привычка – думать одно, говорить другое, а делать третье?

Мазарини. Такое бывает, когда обычный человеческий ум под влиянием обстоятельств становится умом государственным. А вместе с умом такими становятся и чувства. Этого не понять простому смертному.

Эльпидио. И слава богу, монсеньер. Слава богу, ибо такой человек уже не человек, а какой-то механизм, который порой только хочет обратно стать человеком, но уже не получается. Разве не так? Вы хотели бы сейчас, у края жизни, поговорить с королевой просто по-человечески? Наверное, хотели бы. Но я могу понять, что вас останавливает опасение, что она-то не у края жизни, а значит – зачем ей эта ваша простота?

Мазарини. Ты утомил меня, Эльпидио. С меня довольно, прочь с глаз, развязный шелкопёр. Впрочем, нет. Давай продолжим. Я взял себя в руки.

Эльпидио. Итак, вы вернулись во Францию через семь лет. Почему не раньше? Этот срок ставит под сомнение ваше чувство к королеве.

Мазарини. Опять ты за свое. Не мельчи меня, Эльпидио.

Эльпидио. Я понял. Вы хотели вернуться в Париж миротворцем, уже известным всей Европе. Как же вас ласкали газеты, когда вы привезли мир Испании и Франции прямо на

поле боя. Вы скакали на коне и кричали, размахивая бумагой: «Мир! Остановитесь, мир!» Это было не только очень артистично. Все в Европе сразу поняли, как для вас на самом деле важен мир. Ведь вы были не на сцене, а в гуще боя. Вы очень рисковали, но вы не могли допустить, чтобы хоть кто-то сложил голову, когда с вашей помощью был заключен мир. Должно быть, эта сцена снилась много лет, и не только вам. Считают, что этим поступком вы излечили королеву Анну от тоски по Бэкингему, и смогли предстать перед ней в лучах славы. Женщины так любят победителей. А победили не Испания и не Франция – победили вы, как дипломат. *(после паузы)* А сейчас, простите, я задам вам бестактный вопрос, ваше преосвященство. У вас были женщины все эти семь лет? Молва не называет ни одного имени, и я теряюсь. Как такое возможно? Вы тщательно скрывали свои связи, чтобы слух о них не дошел до королевы? Или вы так были захвачены поисками мира – то там, то сям? Горела вся Европа. Вам было в то время слегка за тридцать. И после вашего триумфа газеты раскопали в вашей предшествующей биографии... Там были даже связи с замужними матронами... Вы были способны на безумства, и вдруг такое благочестие. Не вынуждайте потомков мучиться этой загадкой.

Мазарини. Ты на самом деле такой романтик, Эльпидио, или только лицедействуешь? Запустил в небо свои вопросы и будь доволен, что ты еще здесь, а не за порогом. Давай о чем-нибудь другом. Но заметь на будущее: если ты чего-то

не знаешь, это вовсе не означает, что этого не было. Какая каналья сказала тебе, что я жил те семь лет монахом? Как ты можешь верить в такую идиотскую клевету? Или ты спровоцировал меня, чтобы у меня вырвалось такое признание?

Эльпидио. У меня другой ход мыслей, монсеньер. Все эти годы королева Анна не давала поводов для пересудов. Уж как только не склоняла ее к адюльтеру неугомонная герцогиня де Шеврез, пуританское кастильское воспитание брало верх. Конечно, здесь куда уместней было бы говорить о ее супруге Людовике XIII, вынуждавшем ее тосковать и мучиться. Я имею в виду муки королевы, которая хочет, но не может дать престолу наследника совсем не по своей вине.

Мазарини. И опять у тебя неточные сведения, Эльпидио. Был один повод. Да и как не быть! Бедная Анна, сколько ей пришлось претерпеть. И от короля, и от двора, и от черни. А что знает о ней народ? Он не знает даже, какого цвета ее глаза. Одни говорят, черные, другие – голубые. Откуда же им знать, что у их королевы в голове?

Эльпидио. Но потом... Что же случилось потом? Монаршая чета была так далека друг от друга целых двадцать три года – и неожиданно на свет появляется сначала один сын, потом другой. Ах! Какой же я недотепа! Ведь этим как раз и объясняется, что вы не приехали раньше! Вы были бы просто некстати. Королева была слишком хорошей матерью, чтобы позволить себе любить еще кого-то, кроме детей.

Мазарини. Ну, наконец-то, догадался А теперь представь,

каково мне слушать тебя. Запомни изапиши большими буквами. Для королевы Анны государство выше личных чувств. Так она воспитана. А в те злосчастные годы ей приходилось в муках выбирать, какое из государств поставить выше, Испанию или Францию. И как только она родила Людовика, вопрос этот отпал сам собой. Она стала француженкой. И тогда я должен был оказаться рядом, чтобы помочь ей воспитать сына, Людовика XIV. Я чувствовал, что смогу сделать это для королевы, для Франции. В этом я чувствовал свое предназначение.

Эльпидио. Но вышло все несколько иначе.

Мазарини. Так было угодно королеве. Но довольно на сегодня.

Эльпидио. Монсеньер, вы не будете против, если завтра к нашей беседе присоединится мадам Шеврёз?

Мазарини. Я не ослышался? Мадам в Париже? С высочайшего дозволения, надеюсь? Ей не терпится плюнуть на мою могилу?

Эльпидио. Нет, она будет не здесь, а на сцене суда истории.

Мазарини. Что ты опять задумал, несносный Эльпидио?

Эльпидио. Вы не заскучаете.

Эльпидио с поклоном выходит.

Мазарини (*оставшись один*). Я всегда был в состоянии плести до десяти интриг одновременно. А он хочет меня переиграть один на один. Самонадеянный хитрец, я оставлю

его с носом. От его записок обо мне читателя будет тошнить. Но в то же время читатель будет понимать, что эта скука целиком на его совести. Хотя, скорее всего, никакой биографии он не напишет. Это всего лишь предлог, чтобы приблизиться ко мне. Дай мне господь сил вывести его на чистую воду. Неплохо бы послать человека в Рим да разузнать, что против меня затеяли мои единовверцы в Ватикане. Но время... Время! Болезнь загнала меня в цейтнот.

ПАРИЖ, 1661-й год

Сцена разделена пополам: покои кардинала Мазарини и апартаменты герцогини Мари де Шеврёз.

Эльпидио беседует одновременно с кардиналом и бывшей фрейлиной Анны Австрийской, находящихся в разных местах.

Мари де Шеврёз. Интересную же вы отвели мне роль, Эльпидио. Кем только я не была... Хотя... если мне не изменяет память, в роли свидетельницы тоже приходилось выступать. В том числе против самой себя. Боже, неужели мне предстоит снова пройти через это?

Эльпидио. Герцогиня, вам предстоит изобличить кардинала Мазарини в его попытках исказить ход исторических событий или что-то утаить. Если ваше отношение к кардиналу не позволяет вам сделать это, скажите прямо.

Мари де Шеврёз. Спрашивайте.

Эльпидио. То есть, у вас нет к кардиналу предвзятого отношения?

Мари де Шеврёз. У женщины моего положения не может быть непредвзятого отношения к людям такого круга. Вы уж потом сами отшелушите зерна от плевел. Спрашивайте, молодой человек, если вы действительно представляете шуточный суд истории. Спрашивайте, я уже на сцене вашего балагана.

Эльпидио. Начну с главного. Даже сегодня многим людям кажется странными и невероятными отношения между двумя кардиналами, Ришелье и Мазарини. Все говорит о том, что они должны были соперничать, ненавидеть и уничтожать друг друга, а они... Ну, что я буду объяснять?

Мари де Шеврёз. Наше время – время женщин, играющих мужчинами, и мужчин, которые уверены, что играют женщинами. И этим сказано очень многое, если не все. Но если вам невдомек, я продолжу.

Эльпидио. Многообещающее начало.

Мари де Шеврёз. Грубовато льстите, Эльпидио, ну да ладно. Я и без ваших поощрений скажу все, что думаю. Не будь Ришелье любовником Марии Медичи, никогда не стало бы и кардинала Ришелье. А без Анны Австрийской не было бы и кардинала Мазарини. Но если их спросить, они наверняка выскажут другую точку зрения.

Эльпидио. А мы узнаем прямо сейчас. Что скажете, ваше преосвященство?

Мазарини. А я, пожалуй, соглашусь с герцогиней. И не для блезиру. Это в самом деле так. Наш век – век на удивле-

ние слабых вертопрахов. Мне часто становилось смертельно скучно, и тогда я садился за карточный стол.

Эльпидио. Скучно? Даже с кардиналом Ришелье?

Мазарини. Даже не пытайся поссорить меня с его тенью, Эльпидио. Ришелье – гигант среди ничтожеств. Я до сих пор благоговею перед ним. В таком слабом теле столько силы и отваги духа, столько проникновенной мысли... Это самый великий политик Европы.

Мари де Шеврёз. Да бросьте, не смешите, великодушный Мазарини. Посмотрела бы я на вашего Ришелье, если бы вы сошлись с ним в политической драке, возвысившись до его уровня. Потому он и приближал вас. Он всех держал поближе, кто был ему опасен, в настоящий момент или в перспективе. Вы не слышали скрежета его зубов, когда он видел, как вы смотрели на королеву Анну, и как она смотрела на вас? Нет? Что у вас со слухом?

Мазарини. Я слышал только биение его политического сердца. Ты что-нибудь об это знаешь? У хорошего политика не бывает человеческого сердца.

Мари де Шеврёз. Ну, вот видите, какой вы хамелеон. А он на вашем месте не стал бы прятать свои мысли. А вы так и умрете, не сознаваясь в чем-то, даже самому себе. Как можно было выиграть хоть одну политическую схватку с таким опасным политическим животным?

Мазарини. Не уважаете вы мужчин, герцогиня. Но это меня не удивляет.

Мари де Шеврёз (*в сторону Эльпидио и зрителей*). Низкородный выскочка, он намекает на опыт моих светских увлечений. Вот наглец! Он забыл, что я герцогиня.

Мазарини. Ваши увлечения, графиня, были всего лишь ловкой приманкой, на которую клюнул даже кардинал. Хотя, возможно, он тоже при этом что-то выгадывал. Не так важно, что вас какое-то время сблизало. Важно то, сколько раз он мог отправить вас на плаху, но не сделал этого.

Мари де Шеврёз. Снова намек. Таков стиль наших кардиналов.

Мазарини. Слова прямо в лоб только в памфлетах.

Эльпидио. Герцогиня, позвольте мне провести допрос вашего визави без вашего участия.

Мари де Шеврёз. Да ради Бога.

Эльпидио. Ваше преосвященство, чему вы научились у кардинала Ришелье?

Мари де Шеврёз (*не выдерживает*). Начиная с 1632 года, Папа Урбан VIII не раз предлагал ему принять сан ради продвижения по служебной лестнице, но Мазарини отказывался. Он уже тогда строил планы в отношении набожной королевы Анны. Иначе чего ради было мешать своей же карьере? Мистически дальновидный прохвост! Не слезайте с него, Эльпидио. Пусть хоть сейчас признается!

Эльпидио. Итак, монсеньер...

Мазарини. Главное, что я уяснил для себя из опыта жизни Ришелье, это то, что мне лучше стать не духовным, а свет-

ским кардиналом. Но...

Мари де Шеврёз. Сейчас он скажет, что это никак не связано с его чувством к Анне. Не верьте, Эльпидио. А что касается мистических надежд Мазарини, то я вспомнила. Как он мог предвидеть, что Людовик XIII долго не протянет? Да очень просто. Астрологи предсказывали монарху близкую смерть. А еще... Ну, конечно! Анна могла выйти за Гастона... при живом муже. Кто Мазарини по сравнению с родным братом короля?!

Мазарини. Графиня де Шеврез всегда была невозможной. Мне нужно перевести дух.

Эльпидио. А вы, герцогиня, не хотели бы отдохнуть?

Мари де Шеврёз. Нет уж, я продолжу. Спрашивайте, Эльпидио! И пусть восторжествует справедливость! Только в следующий раз наденьте мантию и шапочку.

Эльпидио. А почему нет, герцогиня? Играть, так играть. Но тогда вам придется называть меня – ваша честь.

Мари де Шаврёз. Меня не убудет. Мне осточертел наш жеманный век. Моя надменная французская душа требует простоты.

Эльпидио. Вы ее получите, мадам.

ПОКОЙ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Доброе утро, монсеньер.

Мазарини. Ты никогда не задумывался, Эльпидио, почему предсмертные боли мучают человека больше ночами, чем днем? Ну, да зачем тебе мысли об этом? Ночь для больного –

репетиция смерти, Эльпидио. Вот я и репетировал сегодня в очередной раз. Так что слова «доброе утро» имеют для меня совсем другое значение. А ты пришел, конечно, снова меня мучить. Валяй. Это меня отвлекает.

Эльпидио. В таком случае, позвольте задавать вам такие вопросы, которые еще больше будут отвлекать вас от болей?

Мазарини. Я же сказал – валяй!

Эльпидио. Давно уже ни для кого не секрет, что вы были в молодости особо доверенным агентом папы...

Мазарини. Запомни, Эльпидио. Особо доверенным агентам высокопоставленные конфидененты как раз меньше всего верят. Ну что же ты молчишь, продолжай.

Эльпидио. Я сбился с мысли, монсеньер.

Мазарини. Хочешь сказать, что это я тебя сбил? Все наоборот. Я навел тебя на мысль. Ты хотел сказать банальность – я ответил откровением. Пора бы уже понять: я отказался от исповеди, но не могу противиться тяге к свойственной человеку предсмертной искренности. Отчасти ты заменяешь мне исповедника, Эльпидио, что у тебя с мозгами? Хорошо, соберись с мыслями, а я пока продолжу то, что рвется из души. Охота за секретами так же вечна, как сами секреты. Одни секреты помогают разжигать войны и побеждать в них, другие – примирять враждующие стороны. Есть тысячи других тайн, но эти – главные. В Римском колледже, где я отмутился восемь лет, была масса ненужных дисциплин, но там очень хорошо преподавали историю, и особенно историю врагов

Рима, среди которых главным был Карфаген, где родители ради победы над нами, римлянами, приносили в жертву Молоху своих лучших детей. И я поклялся себе еще в те годы, что никогда не буду служить Молоху войны, а напротив – буду воевать против него, даже... даже... ценой предательства.

Эльпидио. Вы предавали папу?

Мазарини. Да, в тех случаях, когда он отступал от роли высшего арбитра и поддерживал сильнейшую враждующую сторону, ставя в униженное положение другую. Пусть я попаду в ад, но я в этом признаюсь. Да, я мешал папе.

Эльпидио. Так вот почему он держал вас семь лет в черном теле!

Мазарини. Да, с 1632 по 1639 годы. Только я называю это иначе. Понтифик заставлял меня грызть удила.

Эльпидио. О, я наконец-то вспомнил... Я хотел сказать, что если бы были особо доверенным агентом папы, мог ли он тайно, инкогнито посылать вас во Францию? Хотя бы раз?

Мазарини. Да, и непременно в 1637 году.

Эльпидио. Точно, как вы угадали?

Мазарини. Ну, ты как малое дитя, Эльпидио. Смышленное жестокое дитя, у которого все хитрости наружу. Всё просто в твоём вопросе, если учесть, в каком году родился наш король.

Эльпидио. Что ж тут странного, если он открыто называет вас отцом?

Мазарини. Жаль, что мне приходится говорить тебе ба-

нальности. Отец – не тот, кто породил, а кто выковал характер и принципы. Женщины живут чувствами, мужчины должны жить принципами. Хотя августейшие женщины тоже должны жить еще и принципами. Иначе они превращаются в подобия герцогини де Шеврез.

Эльпидио. Все это всего лишь слова. Правильные... но слова.

Мазарини. Считаешь... что я неискренен с самим собой?

Эльпидио. Именно так, монсеньер. И, если позволите... давайте вернемся к этой теме позже.

Мазарини. Подготовишься и будешь ловить меня. Ну-ну.

Эльпидио. Я бы только отметил противоречие в ваших словах, которое прозвучало минутой раньше. Вы всегда желали добра Франции, когда на нее наседали испанская корона. Но вы никогда не поддерживали Испанию, когда Габсбургам становилось плохо. Я спрошу прямо. Как вы стали таким ярким франкофилом, монсеньер? Чего ради?

Мазарини. Спроси уже совсем прямо, в лоб. Кто на меня так повлиял?

Эльпидио. Уже спросил.

Мазарини. И ты думаешь, я буду наводить тень на плетень? Вот дурашка! Конечно, Ришелье.

Эльпидио (*разочарованно*). Вот даже как!

Мазарини. А ты думал, я за юбку уцепился? Вот в этом весь французский ум. Шерше ля фам. Шерше ля фам. Хотя... первое, чем поразили меня французские мужчины, это

способностью к нежной мужской дружбе. Без всяких фигур-мифов. Во время первой нашей встречи с кардиналом мы проговорили допоздна, и он предложил мне остаться в его кабинете. По правде говоря, я ступался. Но принял приглашение, положив рядом шпагу. Однако ничего не случилось, мы продолжали обсуждать будущее Европы... И только утром я узнал, что спал на скамье секретаря кардинала. Мой старший друг Ришелье имел привычку вставать среди ночи, чтобы что-то продиктовать. Эх, Эльпидио, многим, очень многим не понять, какое это наслаждение – говорить с конгениальным человеком, поверять ему мысли, которые хранишь в себе, как в сейфе казначейства, и брать на хранение его мысли, строить совместные планы и потом их осуществлять, и этим жить.

Эльпидио. И вас не смущало, что на совести Ришелье не одно убийство?

Мазарини. Если ты толкуешь о Бэкинге, то я поддержал кардинала. Поделом провокатору. Если бы у меня был такой же агент, который мог заколоть этого жалкого псевдолюбownika, я, пожалуй, поступил бы, как кардинал. Весь мир должен знать, что ждет того, кто попытается унижить Францию.

Эльпидио. Как интересно! И у вас ни разу не шевельнулось подозрение, что кардинал велит и вас улюлюкать?

Мазарини. А мотив? Ах, вот вы о чем? Так я же только что сказал о мужской дружбе. Она щедра. В ней нет места для коварства и даже малейшей лжи.

Эльпидио. И даже для ревности?

Мазарини. Конечно. Какая мелочь эта ревность в дружбе государственных мужей!

ПАРИЖ, 1661-й год

Сцена разделена пополам: дворец герцогини Мари де Шеврёз и покои Мазарини.

Эльпидио в мантии и шапочке судьи входит в покои герцогини. В это же время Бернуини помогает Мазарини сесть в кресло.

Мари Де Шеврёз. Вы неподражаемый шут, Эльпидио. Как жаль, что вас не было во времена моей молодости. Вы умеете развлекать. Вы очень пришли бы ко двору Людовика XIII, где мы часто пребывали в замешательство от нелюдимости монарха. Этим вы напоминаете мне Мазарини. Тот тоже был ловок в веселом разговоре.

Эльпидио. Боюсь, сегодня я буду не очень-то ловок. Роль, знаете ли, мадам, такая.

Мари де Шеврёз. Да будет вам, нашли чем испугать.

Эльпидио (*саясь за стол герцогини*). Займите свое место, герцогиня.

Мари де Шеврёз. Я, конечно, сяду, уговор есть уговор, но подайте даме стул.

Эльпидио с неохотой ставит перед герцогиней стул, она церемонно садится.

Эльпидио. Итак... (*лицо его не предвещает ничего хорошего*)

Мари де Шеврёз (*ее лицо говорит о решимости принять любой вызов*). Итак...

Эльпидио. Для начала, герцогиня, я бы напомнил зрителям судебного заседания некоторые вехи вашей преступной биографии.

Мари де Шеврёз. Зачем?

Эльпидио. Обращайтесь ко мне – «ваша честь».

Мари де Шеврёз. Вот скоморох! Ну, да ладно. Зачем вам моя скромная особа, ваша честь? Посвятите меня в ваш замысел, чтобы я была точна в ответах.

Эльпидио. Вы интересны суду ровно постольку, поскольку были первой фрейлиной королевы Анны вплоть до конца ее интрижки с Бэкингом. А королева Анна интересуется суд только тем, чтобы понять, какую женщину любил кардинал Мазарини.

Мари де Шеврёз. Ммм, как все просто и как все сложно. А вы уверены, что он ее любил?

Эльпидио. Вы не вправе задавать вопросы судье. Но поскольку я буду выступать одновременно еще и как прокурор, то я отвечаю: да уверен.

Мари де Шеврёз. Так не годится, ваша честь. Давайте уж спросим у него самого.

Мазарини. Сегодня это больше, чем любовь.

Мари де Шеврёз. Мы говорим не о сегодняшнем дне, лукавый регент.

Мазарини. Это было то, на чем могли играть мои полити-

ческие недруги, поэтому я прятал свое чувство за семью печатями.

Мари де Шеврёз. В любую щель залезет и из любой щели вылезет, как моль.

Эльпидио. Уймитесь, герцогиня. И поведайте суду, какую роль играла королева Анна в заговорах против законного мужа своего, Людовика XIII.

Мари де Шеврёз. О, это долгая, многолетняя история, боюсь наскучить, ваша честь.

Эльпидио. Вопрос задан – отвечайте же, мадам.

Мари де Шеврёз. Если кратко, одно время королева хотела выйти замуж за родного брата короля.

Эльпидио. При живом муже?

Мари де Шеврёз. Точно так, ваша честь.

Эльпидио. Что скажете вы, монсеньер?

Мазарини. Святой престол и я – мы понимали королеву. То есть, входили в ее положение.

Эльпидио. То есть, вы не разделяли известную мысль Ришелье, а именно: «Эти божьи твари довольно странные создания. Кое-кто думает, что они неспособны нанести большого вреда, ибо не могут сделать и ничего хорошего, но я не разделяю этого мнения и, по совести, должен признать, что никто не способен лучше содействовать гибели государства, чем они». Вы думали подобным образом об Анне Австрийской?

Мари де Шеврёз. Ну, вот что, ваша честь, здесь я внесу

протест. Если вы не только судья, но и прокурор, то позвольте мне быть не только подсудимой и свидетельницей, но и своим собственным адвокатом.

Эльпидио. Протест принимается.

Эльпидио. Вопрос к господину Мазарини. Какой смысл вы вкладываете в слова о том, что святой престол и вы лично входили в положение королевы?

Мазарини. Королева была воспитана в том духе, что государство превыше всего. А французскому престолу нужен был наследник, как условие стабильности власти. Анна хотела родить наследника, но... вы знаете... король...

Эльпидио. Ну как же? Королева была уже беременна на третьем месяце, и если бы не вы, герцогиня...

Мари де Шеврёз. О, прекратите! Нашли козу отпущения. Ну, играли мы, бегали по скользкому полу. Я всего на год старше королевы. Мне было всего 18-ть. Что я могла понимать в таких вещах? Зачем выискивать злой умысел там, где его в помине не было? Ну, скинула она. Но что ей мешало снова понести, если король был в силе? Почему это произошло только через двадцать три года? Это неслыханно! Родить от мужа только через 23 года! Через два года родила второго. Поневоле задумаешься...

Эльпидио. Мы к этому еще подойдем. А сейчас я перечислю вам, герцогиня, обвинения, которые вам уже предъявлялись, и к которым мы так или иначе будем возвращаться. Первое: потворство королеве в ее связи с герцогом Бэкин-

гемом и компрометация ее с помощью своего любовника. Второе: участие в заговоре с целью сместить Людовика XIII и заменить его родным братом Гастоном Орлеанским. Третье: организация переписки королевы Анны с враждебным Францией испанским двором. Четвертое: участие в заговорах с целью устранения кардинала Ришелье. Пятое: участие в заговоре с целью устранения кардинала Мазарини... Уж вы всю жизнь старались, без вас мы ну никак.

Мари де Шеврёз. Хорошо, но тогда пусть и кардинал Мазарини раскроет источники своих неслыханных богатств.

Эльпидио. Ваше преосвященство?

Мазарини. Я слышу. Нашла чем напугать.

Эльпидио. Господа, вы столько натворили. У меня голова кругом, не знаю, к чему перейти.

Мазарини. Только не к деньгам. Эльпи...простите, ваша честь. (в сторону) Как важно в шпионаже быть молодым и здоровым. Он переигрывает меня.

Эльпидио (*в зал*). Что значит – Франция. Здесь на каждом шагу попирается закон, однако же соблюдается видимость законности. Ладно, к вам вопрос, монсеньер. Что предлагал французскому двору папа в решении проблемы престолонаследия? Между 1632 и 1639 годами вы не были близки к Папе, но наверняка знали о его консультациях с королевой-матерью, Марией Медичи и Ришелье.

Мари де Шеврёз. Только не делайте вид, что вы не знали, как хотел решить эту проблему кардинал Ришелье.

Эльпидио. Погодите, монсеньер. И как же, мадам?

Мари де Шеврёз. О, проще некуда. Он осторожно, методично подводил королеву к мысли, что Франция не испытает потрясений только в одном счастливом случае – если она, королева Анна, родит наследника престола от него, кардинала.

Эльпидио. Это так, монсеньер?

Мазарини. Мне ничего об этом не известно.

Мари де Шеврёз. О том, как Ришелье обхаживал Анну, при дворе знали даже конюхи. Но разве Мазарини скажет «да»? Все он знал. Я даже уверена, что идея Ришелье не была для него такой уж сумасбродной. Спустя годы нетрудно было догадаться, что он сам вынашивал подобный план. Ришелье и Мазарини – два сапога пара. Любили одну женщину. Правили оба по 18 лет. Ненавидели одних и тех же врагов. Развели шпионов, как нигде в Европе.

Эльпидио. У меня были точно такие же подозрения, герцогиня. Но выяснилось, что прелат Мазарини не пересекал границу Франции в 1637 году, за девять месяцев до рождения Людовика XIV.

Мари де Шеврёз. На чем основана эта информация? Поверили Мазарини на слово? Еще одно подобное утверждение, и я уйдут с вашего спектакля.

Эльпидио. Суду требуется время для обдумывания дальнейшего расследования. *(вынимает из кармана молоток и бьет им о стол)*

Мазарини. Не надо ничего обдумывать. Этому найдутся десятки свидетелей. В ноябре 1637-го года король заболел дизентерией. Несмотря на то, что болезнь заразная, Анна преданно ухаживала за супругом, и он смягчился к ней. Пятого декабря он провел у нее всю ночь, а пятого сентября следующего, 1638 года родился Людовик XIV. Ровно через девять месяцев, день в день!

Эльпидио. Однако! Это производит впечатление.

Мазарини (*в сторону*). Теперь я понял, какое у него задание. Найти доказательства, что Людовик XIV рожден от меня, простого смертного, а значит, не дан Франции самим богом. Происпанские силы в Ватикане задумали вызвать смуту... (*вслух*) Я не позволю бросить тень на мою королеву!

ПАРИЖ, 1643-й год

Площадь перед Лувром.

На площади толпятся парижане. Слышен стук колес множества карет.

1-й парижанин. Ох, не к добру это – столько карет.

2-й парижанин. Король умирает, парижане.

Молодая парижанка. Наконец-то королева возьмет свое!
Жили, как кошка с собакой.

3-й парижанин. Не дадут ей править. Драка будет за престол.

Парижанин-старик. Когда большие господа дерутся, на обед у меня вместо курицы одна мамалыга.

3-й парижанин. Солью нужно запастись, парижане.

1-й парижанин. Бочками для баррикад.

2-й парижанин. Куда катится абсолютная монархия?!

2-й парижанин. Туда и катится – ни года без войн.

Пожилая парижанка. Несчастливая Франция! Господь от нее отвернулся.

ПАРИЖ, ЛУВР

Именные особы стоят кучками, снуют лакеи, прохаживаются придворные.

Мари де Шеврёз (*подняв вуаль и прикладывая к глазам носовой платочек*). Говорят, он очень плох, наш повелитель. Как он будет там, в райских кущах, без своей любимой королевской охоты? Мне так нравились его марципаны. Правда, после угощений мне так подтягивали корсет, что я не могла дышать, но как было вкусно! Он был всем: охотником, садовником, кулинаром, брадобреем, но только не королем.

Реплика. Смотрите, кто здесь!

Реплика. Герцогиня де Шеврёз! Кто ее пустил? Какая дерзость!

Реплика. Льет крокодилу слезу.

Реплика. Она умеет плакать по заказу.

Реплика. Ее платок, наверно, смочен глицерином.

Мимо идет вереница священников.

Голос. Неужели соборование?

Другие голоса (*звучат эхом*) Соборование. Соборование. Соборование.

Мари де Шеврёз. Какой уличный театр! Прирожденный лентяй умирает в рабочем кабинете! Однако нужно приниматься за дело, господа. Где Месье? Где другие принцы крови? Пора бы им выбраться из кустов. Хотят получить власть на золотом блюдечке? Так не бывает. Придется испачкать пальчики, потом отмоем. Но здесь столько ушей. Прошу ко мне во дворец, господа.

Мари де Шеврёз и окружавшие ее сторонники идут к дверям.

ПРИЕМНАЯ КОРОЛЯ

Здесь королева Анна, кардинал Мазарини, брат короля Гастон (его зовут по традиции Месье), принцы крови Конде и Конти, глава парламента. Все молчат, нервно поглядывая на дверь. Мазарини почтительно увлекает Анну в сторону.

Мазарини. Вы готовы, государыня?

Анна. Пожалуй, я сделаю это после соборования. Мне нужно собраться с духом.

Мазарини. Вам лучше сделать это немедленно, пока соборование еще не началось.

Анна *(после некоторого размышления)*. Но моя гордость...

Мазарини. Мадам, поставьте вашу гордость на колени.

Анна проходит в кабинет.

КОРОЛЕВСКИЙ КАБИНЕТ

Людовик возлежит на широкой лавке. Все стены увешены

разнообразным оружием и чучелами птиц и животных.

Людовик XIII. Кто вас пустил?

Анна. Я ваша супруга, Лу, и хочу быть с вами.

Людовик XIII. Не сокращайте мне последние минуты. Как вы посмели разрешить мадам де Шеврёз вернуться?

Анна. О чем вы, Лу? Я не видела мадам уже лет двадцать.

Людовик XIII. Мне только донесли. Она здесь, в Лувре. Как это вызывающе и нагло! Она в связи с нечистой силой, не иначе.

Анна. Если она здесь, то это еще раз доказывает, что она продолжает компрометировать меня.

Людовик XIII. Не верю ни одному слову женщины, а вам вдвойне, втройне! Зачем вы здесь? Говорите и уступите место святым отцам. Они ждут.

Анна. Хочу просить у вас прощения, ваше величество.

Людовик XIII. Дерзали выйти замуж за моего брата, а меня упечь в монастырь. Разве этому есть прощение? Как вы смеете еще на что-то надеяться?

Анна. Вы можете меня ненавидеть, государь...

Людовик XIII. Я вас презираю.

*Анна падает на колени и пытается взять руку короля.
Король отдергивает руку.*

Анна. Вы можете меня презирать и ненавидеть, но ваш старший сын... наследник ваш... Он должен вас любить и почитать. Дети должны знать о родителях только лучшее. Я вам обещаю. Будет именно так. Независимо от того, прости-

те вы меня или нет.

Людовик XIII. Вы меня путаете, мадам. Если вы ни в чем не виноваты, зачем вам мое прощение? А если вам не нужно моего прощения, то чего же вы хотите?

Анна. Я прошу вас не считать меня врагом – ни вашим, ни Франции. Я не враг, Лу. Мать будущего короля не может быть врагом его отца и его королевства, своего отечества.

Людовик XIII. Как вы завернули! А слог какой знакомый. Ладно, тогда проверю вашу искренность. Вы не могли сами придумать этот маневр. Кто вам подсказал?

Анна. Я поделилась своей болью с кардиналом. После мадам Шеврёз у меня нет подруг, мне не с кем больше поделиться.

Людовик XIII. Ха! Зато нашли подружку в пурпурной сутане и кардинальской шапке. Уйдите с глаз! Меня от вас воротит.

Анна. Опять пустые подозрения, государь.

Людовик XIII. Какие подозрения? Не делайте из меня дурака хотя бы сейчас. Я давно знаю о ваших отношениях. Просто он мне нужен, этот прохиндей. Мазарини – это деньги. А Франция после великого Ришелье самая бедная страна в Европе. Вам уже сорок два года, мадам, у вас уже отрастает второй подбородок, а вы так и не научились разбираться, чего от вас хотят мужчины. Вы думаете, вас любил Бэкингом? Он всего лишь тешил свое жеребьячье самолюбие. Любимых не ставят в ужасное положение, даже под накалом страсти.

Бэкингом – бывший конюший своего короля, и этим все сказано. Он получил титулы, но так и не поднялся в своем духовном развитии выше конюха. А еще вас любил проходимец Ришелье. Но опять-таки понятно, с какой целью. Представляю свою участь, если бы кардинал стал отцом вашего ребенка, наследника престола.

Анна. О чем вы, государь?! Это было невозможно, я презирала Ришелье. Вам ли не знать, чья кровь во мне, и кто он.

Людовик XIII (*продолжает, как бы не слыша*). И вот теперь вы решили, что вас полюбил Мазарини. Святая простота! Этот прожженный иезуит любит только власть, поскольку власть обогащает. Конечно, он твердит, что любит государство. Хитрец, он знает, что приверженность к этой любви укрепляет власть, а значит, приносит еще больше денег. В его голове только власть. Добиться власти, вцепиться во власть, держать власть до последнего вздоха – в его душе нет места ничему другому. Мне страшно оставлять королевство в ваших руках. Вы отдадите его руки вашего любовника, мадам. И посему...

Анна. О, государь!!

Входит камердинер короля.

Камердинер. Ваше величество, преподобные отцы готовы.

Анна. Еще два слова, государь.

Людовик XIII. Нет, Анна, с меня довольно.

Анна. Ради всего святого. Ради сына нашего.

Людовик XIII. Нет, сударыня, я не позволю вам про-

красться в мою душу. Я изложу вам свою волю завтра.

Анна (*склоняясь к руке короля*). О, государь!

Анна выходит из приемной. К ней тут же устремляется Мазарини.

Анна. Он меня растоптал.

Мазарини. Отчасти это хорошо.

Анна. Что вы такое говорите?

Мазарини. Прежде чем испустить дух, он выпустил пар.

Анна. Он пригрозил выразить завтра свою последнюю волю.

Мазарини. Давно пора.

Анна. Как вы циничны.

Мазарини. Я просто с вами откровенен. Чего нам-то хитрить?

Анна. Все пропало. Похоже, он задумал лишить меня регентства.

Мазарини. Ну-ну, посмотрим. Вам нужно выспаться.

Анна. Мне не до сна, пока Шеврёз в Париже.

Мазарини. Мне только донесли, с кем она уехала. Зреет заговор, мадам. Я его чую. Его запах разлит в сыром воздухе обветшалою Лувра.

Анна. Чего ж вы так спокойны? Мы устоим? Разве не нужны какие-то меры?

Мазарини. Нет, пусть все идет так, как идет. Бедный король, всю жизнь он страшился адовых мук за свои грехи, чем и пользовался Ришелье. Пусть молитвы соборования укрепят его.

пят его дух и не позволят ему совершить последний грех. Аминь.

Анна. Грех? Какой же?

Мазарини. Король не хочет видеть и признать, что вы стали совсем другим человеком... Вы достойны править Францией. Он также не понимает, что ваше правление будет успешным для Франции. Разве это не грех? Да услышит господь мои слова, аминь.

Анна. Я так устала. Я не сплю ночами. Мне слышатся шорохи и грезятся черные тени над моим изголовьем.

Мазарини. Поезжайте в свой замок. Пусть королю донесут, что вы не в обществе герцогини де Шеврёз, а там, где вам и приличествует быть в такое время – с вашими детьми.

С почтительным поклоном Мазарини отходит от королевы.

ДВОРЕЦ ГЕРЦОГИНЫ ДЕ ШЕВРЁЗ

Те же: брат короля Гастон (Месье), принцы Конде и Конти, герцогиня де Шеврёз.

Принц Конти. Мы не должны это терпеть. Что ни регентша, то итальянец в кресле кардинала.

Месье. Однако он не трус. Его не страшит пример Кончини. Ришелье был прав: сердце у Мазарини смелее его ума.

Принц Конди. Господа, ну не убивать, как Кончини. Это так банально.

Мари де Шеврёз. Ну, зачем так сразу? Можно испробовать другое средство. Королеве сорок два. В этом возрасте...

Вдруг не устоит перед молодым красавцем. (*смеется*)

Месье. Но кто пожертвует собой? Ведь это – жертва, господа. (*смеется*)

Мари де Шеврёз. У меня есть претендент на эту роль?
ЛУВР

Кабинет короля Людовика XIII, апрель 1643-го года
Анна Австрийская и высшие вельможи.

Людовик XIII. Повелеваю. Пока мой сын, пятилетний Людовик XIV, не достигнет совершеннолетия, то есть четырнадцати лет, королевством будет управлять... регентский совет. Ни в коем случае не королева единолично! Пусть королева входит в этот совет, но только с правом одного голоса. А все решения должны приниматься исключительно большинством голосов.

Анна готова возразить королю, но Мазарини останавливает ее взглядом и жестом.

Людовик XIII. Изложенное мной есть моя последняя твердая воля, которую всем вам надлежит исполнять неукоснительно. Любое отступление будет расценено, как государственный переворот. Если у кого-то сейчас чешется язык, чтобы возразить мне, почешите лучше шею – перед тем, как ее почешет гильотина.

Анна. О, государь!

Людовик XIII. В эту минуту я обязан думать только о Франции.

Мазарини. Ваше решение, государь, исполнено того же ве-

личия, что и ваше правление. Никто не может заменить вас в единоличном правлении, кроме вашего наследника. И наш общий долг – помочь вашему сыну подготовиться к служению Франции.

Людовик XIII. Вы все-таки крестный отец моего сына. Вот и займитесь этим, кардинал.

Мазарини. Какое неслыханное доверие! Будет исполнено, государь.

Людовик XIII. А теперь покиньте меня. Мне нужно молиться.

Покинув кабинет, Анна отводит с Мазарини в сторону.

Анна. Что делать, монсеньер?

Мазарини. Ласково беседовать с Месье, с принцами. По отдельности с каждым.

Анна. О чем?

Мазарини (*осторожно оглядевшись по сторонам*). Я буду говорить сквозь зубы. Вдруг кто-то читает по губам. Говорить вам следует о том, что вы затрудняетесь понять, что теперь хуже: государственный переворот, от которого предостерег король, или гражданская война, которая неизбежна при ослаблении власти в результате такого странного регентства. Мы что, даже денежные вопросы будем решать голосованием? Это безумие! Но еще важнее не *что* вы будете говорить с принцами, а *как* – с каким выражением. Видите ли, ваше величество, ничем человек так не проявляет волю к власти, как своей способностью убрать с дороги конкурентов.

Вы хотели в свое время убить мужа? Хотели. Хотели убить Ришелье? Хотели. Вы готовы сегодня покончить со своими противниками?

Анна. Я поняла вас, Жюль. Я возьму нужный тон. Я заставлю их трепетать.

ПАРИЖ, 1643-й год

Зал почета, похоронный одр.

Сцена разделена. На большей ее части – похоронный зал почета. Стены и пол которого декорированы фиолетовым бархатом, шелковой тканью и восточными коврами. Вдоль стен – скамьи, на которых сидят и молятся придворные. В центре зала – почетное ложе с балдахином, украшенное дорогими тканями, на который водружен манекен короля в натуральную величину, облаченный в королевскую мантию. К манекену прикреплена вылепленная из воска голова короля с волосами и бородкой. В открытые веки вставлены стеклянные глаза. Ощущение, что это лицо живого короля.

На меньшей части сцены – комната Мазарини. Здесь Мазарини и Эльпидио.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Как он рано умер, Людовик XIII... Вы не находите?

Мазарини. Станный вопрос. Вы на что-то намекаете?

Эльпидио. Ну, понятно, был слаб здоровьем. Но чтобы умереть... Ведь не было у него смертельного недуга! После соборования ему стало намного лучше, и он прожил еще три

недели. Все считали, что он выздоровел. И вдруг... Это ли не странно? (*Мазарини молчит*) Хорошо, я спрошу иначе: кому была выгодна эта смерть?

Мазарини. Брось, Эльпидио. Это переходит все границы. Знаешь, что сказал перед смертью сам покойный? «Тяжка моей душе моя жизнь». Вот и все объяснение его же устами. При нем, восьмилетнем, убили отца его, Генриха IV. А потом он в 16 лет убил, хоть и не своими руками, отчима своего, кардинала Кончини. А мать сослал, отдалил от себя на всю оставшуюся жизнь. Мстил за жестокое к себе отношение. Потом не спас от эшафота любимца своего Сен-Мара, обвиненного в покушении на кардинала Ришелье. Всю жизнь боялся божьего суда. Этот страх его и источил. А вот и мы восемнадцать лет назад.

ЗАЛ ПОЧЕТА

В зал почета входят еще молодые Анна и Мазарини, встречаемые любопытными и недоброжелательными взглядами.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Мазарини (*в зал*). Смотрите, слушайте. Сейчас королева Анна произведет фурор.

ЗАЛ ПОЧЕТА

Анна. Господа, прошу особого внимания, я должна сделать заявление. Господа, у меня за спиной призрак мужа моего. Это меня вдохновляет. Вы помните, как он однажды казнил заговорщика? Гильотина сломалась, но король не от-

менил приговор. Он повелел добить заговорщика молотом. Мне не доставляет никакого удовольствия вспоминать подобные вещи. Но я хочу, чтобы вы поняли – последние решения короля умирают вместе с ним. Вы хорошо расслышали? Итак, вношу на ваше рассмотрение... следующее решение Регентского совета. Совет считает, что регентом должно быть исключительно конкретное лицо. Всякое другое положение будет только вредить устойчивости власти. У нас все-таки, видит бог, абсолютная монархия. И не нам, смертным, менять общественное устройство. И это будет не государственный переворот, чего так боялся король, а предотвращение гражданской войны, которой не хотите ни вы, ни тем более я.

Гробовая тишина. Каждый из присутствующих принцев и вельмож осознает, какие последствия ждут его лично, если он выскажется против.

Принц Конде: Это заявление настоящей правительницы.

Месье: Можете на меня рассчитывать всецело.

Принц Конти: Был и остаюсь преданным вашему величеству.

Анна (*вполголоса – Мазарини*). О, дева пресвятая! Что это было? Они безропотно склонили головы.

Мазарини. А я вам что говорил? Стоит вам показать свою способность уничтожить их, как они пойдут на попятную. Но прошу вас учесть – это не капитуляция, а только временное отступление. Они придут в себя и обязательно придума-

ют какую-нибудь большую гадость. Только теперь они будут бить по мне, чтобы вы остались одна против их всех.

Анна. Ладно, если это будет, то не завтра. А что мне делать сейчас? Как я понимаю, нужно развивать успех.

Мазарини. Я приму любое ваше решение.

Анна. И вы туда же.

Мазарини. Я серьезно. Власть красит или безобразит человека. Я так люблю видеть, как вы руководите. В такие минуты вы особенно прекрасны, моя королева.

Анна. О, Жюль, вы можете кого угодно сразить вашими комплиментами, только не меня. Чья-то искренность – это последнее, во что я способна верить.

Мазарини. Я докажу.

Анна (*с иронией*). Только ценой жизни, иначе не поверю.

ДВОРЕЦ ПАЛЕ-КАРДИНАЛЬ

Покои королевы Анны

Анна одна, слышны детские голоса.

Анна. Ну, где же он? Неужели опять дуется в карты? Боже, почему женщина обязательно должна чего-то ждать, даже если она королева? Хотя нет. Кажется, я возвожу на него напраслину. В карты он дуется по ночам. Хочет выиграть соседний особняк Шеври, чтобы быть поближе. Как это романтично! Ведь это большой риск. Он может и проиграть взятые в долг деньги. Потом отдаст? Отдаст, конечно, если удержится возле меня. Интересно, кто из нас двоих больше нужен другому? На каких весах это взвесить?

Слышны шаги. Входит служанка.

Служанка. Герцогиня Мари де Шеврёз, ваше величество.

Анна. Как ты посмела? Я ж предупреждала.

Служанка. Герцогиня плакала.

Анна. Пусть войдёт.

Служанка скрывается за дверью. Входит герцогиня. Делает глубокий реверанс.

Анна. Ну, что у вас?

Мари де Шеврёз. Моя королева, умоляю вспомнить. Мы были так близки. Мы были подругами.

Анна. Вы были фрейлиной, а не подругой. Подруг у королевы быть не может, как у короля друзей. А если все же есть, то это не совсем королева. Возможно, такой я и была в юности и ранней молодости.

Мари де Шеврёз. Да-да, конечно, я была всего лишь фрейлиной, простите, я оговорилась.

Анна. Какая просьба? Хотите вернуться во Францию? Это невозможно, пока я не смогу убедиться в вашей лояльности!

Мари де Шеврёз. Как вы изменились! И это всё он, я понимаю. Вы сделали правильную ставку. Вас ждет удача. Я счастлива за вас.

Анна. Сколько яда в каждом слове. Прощайте, герцогиня. И не являйтесь впредь ко двору. Или я велю арестовать вас.

Мари де Шеврёз (*делая угрожающее движение к Анне*). За что так сурово, ваше величество?

Из-за портьер мгновенно вырастает сразу несколько

стражей. Герцогиня отступает и скрывается за дверью.

У выхода из покоев королевы Мари де Шеврёз неожиданно сталкивается с Мазарини.

Мазарини. Герцогиня!

Мари де Шеврёз. Вы меня знаете? Мы не были представлены.

Мазарини лезет в карман камзола и достает сложенный вчетверо листок бумаги. Показывает листок герцогине. На листке ее лицо. На лице Мари де Шеврёз отражается крайнее удивление.

Мари де Шеврёз. Какая честь! Но эта шляпка осталась у меня в Брюсселе. Это там меня и нарисовали? То есть вы предполагали, что я приеду? Однако ваши люди все умеют.

Мазарини. Не все. Они никого не убивают.

Мари де Шеврёз. Значит, я могу спать спокойно?

Мазарини. А вот этого я вам не обещаю, пока вы мутите воду, мадам.

Мари де Шеврёз. Как вы смеете?

Мазарини. Сан кардинала равен сану принца, а вы всего лишь герцогиня.

Мари де Шеврёз. Что вам надо от меня?

Мазарини. Лояльности всего лишь. Лояльности своей бывшей госпоже, которую вы не раз толкали в грех.

Мари де Шеврёз. А что взамен?

Мазарини. Мое покровительство, мадам.

Мари де Шеврёз. Что я слышу?!

Мазарини. Я воздаю вам должное, как женщине.

Мари де Шеврёз. О, даже так? Если об этом узнает королева, это едва ли ей понравится.

Мазарини. А мы ей не скажем.

Мари де Шеврёз. Не боитесь потерять свое могущество? Королева может отказать вам в постели, где это могущество как раз и возросло.

Мазарини. Чего не сделаешь ради государства. Франции нужно спокойствие, мадам. Всегда буду рад иметь дело с вами, вторая дама королевства.

Мазарини откланивается и идет дальше.

Мари де Шеврёз. Он умнее всех мужчин, каких я знала. Мне у него не выиграть. Я чувствую. Но когда не можешь выиграть, старайся что-то выгадать, это уже немало.

ПОКОЙ КОРОЛЕВЫ АННЫ

Входит Мазарини. Видит стражей и встревоженную королеву Анну. Что-то говорит стражам по-итальянски, они выходят.

Мазарини. Чего хотела эта интриганка?

Анна. Того же, что и все – близости к престолу. У вас утомленный вид. Вы не спали ночь?

Мазарини. Я выиграл в пикет! Выиграл соседство с вами. Теперь нас разделяет только парк.

Анна. Но парк большой. Опасность может грозить за каждым деревом.

Мазарини. Пустяки. Я что-нибудь придумаю.

Анна. Кажется, пора бы мне что-то придумать.

Королева делает легкий шаг навстречу кардиналу, как бы приглашая его к объятию. Мазарини с готовностью подходит и пылко обнимает ее.

Анна. Как мне надоело прятаться. Задуйте свечи.

Мазарини гасит свечи. Зритель теперь может слышать только голоса влюбленных.

Голос Анны. *Интересно, как это бывает у простолюдинов.*

Голос Мазарини. Наверно, грубо.

Голос Анны. Хочу грубо. О-о! О-о! Вы все умеете?! У вас это было с простолюдинками?

Голос Мазарини. О, дорогая!

Голос Анны. Сознайтесь уж. Я знаю, вы не ветреник.

Голос Мазарини. Когда мне? Столько дел!

После паузы.

Мазарини. Позвольте мне помочь.

Голос Анны. Да, вот здесь застежка. О, только не так резко! Как же я противоречива! То – грубо, то – не так резко.

Голос Мазарини. Вы чудо небес, дорогая. Со времен Адама никто не испытывал такой страсти, как я к вам.

Голос Анна. Прекратите! Это уж слишком.

Голос Мазарини. Вот так будет всегда.

Голос Анны. Что так?

Голос Мазарини. Вы будете сомневаться.

Голос Анны. Не больше, чем вы. Но наш союз, хочу ве-

ритель, все же прочен. Мы оба нужны друг другу смертельно. Поодиночке нас сотрут в порошок. Зажгите свечи.

Голос Мазарини. Еще поцелуй.

Вспыхивает спичка. Анна поправляет прическу, Мазарини – свой камзол. Слышатся приближающиеся детские голоса.

Анна (*со смехом*). Мы чуть не попались. Ах, эти маленькие короли и принцы. Они, как маленькие звери, такие милые, так любят играть. Но что с ними происходит, когда они становятся взрослыми.

Мазарини. Я передам наследнику всего себя.

Анна. Он уже влюблен во все итальянское. Но ваши представления о власти... это важнее. Если есть учение Макиавелли, то почему не быть катехизису Мазарини?

Мазарини. Важна не столько теория, сколько личный пример. А мой личный пример зависит от того, как дальше поведут себя наши враги. Чувствую, они еще попортят нам немало крови.

ПАРИЖ, ЛУВР. 1643-й год.

Зал заседаний Регентского совета.

Анна. Повелеваю. Главой Королевского совета быть его святейшеству кардиналу Мазарини. В регентском совете быть только мне и кардиналу. Его святейшеству также быть первым министром. (*после паузы*) Господа, Франция по-прежнему в кольце. Это неприемлемо и этому не бывать. Мы должны вернуть прежние границы. Этой цели будет слу-

жить мой кабинет. Пусть все те, кто не попал в этот кабинет, не чувствуют себя обделенными. Всем найдется дело, господа. И всем будет воздано по делам их. Через восемь лет мы должны передать наследнику престола совсем другую страну, господа, с которой будет считаться вся Европа.

Дружное рукоплескание.

Анна. И еще. Работа регентского совета требует постоянных консультаций между мной и первым министром. И по-сему его преосвященство займет соседние с моими апартаменты. Понимаю, это вызовет нежелательные разговоры и неприятные домыслы, но главное – успешная работа, не так ли, господа?

Гораздо более дружное рукоплескание.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Ай да укротительница королева Анна!

Мазарини. О, да. Я даже не ожидал такого результата. Что ж, политика – дело, насколько человеческое, настолько и животное. У кого страшнее рык и тверже воля, тот и парализует.

Эльпидио. Мускулы не обязательны?

Мазарини. А с чего ты взял, что у королевы не было мускулов? Мускулы в политике – это деньги. А денежки у двора уже завелись. Мы уже могли содержать сто сорок тысяч пленников. И вся оппозиция на эти денежки облизывалась. Но золото и серебро нам было нужно не для развратных принцев, а для войны за возврат наших территорий.

Эльпидио. Оппозиция еще не знала, что не получит ни ливра?

Мазарини. Как не догадаться? Принц Конде подставил королеве красавца – маркиза де Жерзе. Тот признался ей в любви наедине – она его высмеяла и прогнала прочь. Тогда он признался публично. Они хотели сделать королеву сговорчивей, чтобы она согласилась заменить меня каким-нибудь олухом. Жалкие каналы! Я тут же отвечал ударом на удар.

Эльпидио. Каким же образом?

Мазарини. А очень даже просто. Запускал слухи через своих людей, если это можно так назвать. Парижане узнавали от моих людей то, что было на самом деле. Но всякий блуд двора – всегда всего лишь слух.

Эльпидио. Как рискованно. Чернь склонна больше подозревать и винить тех, кто выше.

Мазарини. Но принцы чаще ездят по улицам и площадям Парижа. Их забрасывали камнями. Им больше доставалось.

Эльпидио. Ой ли? Одних памфлетов против вас и королевы выходило в месяц около четырехсот. Четырехсот!! Вы их читали? Их называли мазаринидами.

Мазарини. А как же! Ммм, дай бог памяти. Ах, вот: «Каждый раз, когда Мазарини пускает в ход пипку, он потрясает основы государства». Заметьте, какой стиль. Все мазариниды выходили из-под пера вельможной знати. Чернь не пишет памфлеты. Чернь ждет момента пограбить лавки, вин-

ные погреба и дворцы.

Эльпидио. Добрались и до вас однажды.

Мазарини. Что делать, власть – игра. Можно что-то выиграть, а что-то и проиграть.

Эльпидио. Ваше преосвященство! Как можно выиграть 39 миллионов ливров? Именно в такую сумму оценивается ваше состояние. В два раза больше, чем у Ришелье. А еще 9 миллионов наличными, или почти 5 тонн серебра и золота...

Мазарини. Уже подсчитали? Уже заглянули в мой кошелек!

Эльпидио. Монсеньер, вы сами составили опись. 470 картин, полотен великих мастеров, включая Тициана, Рафаэля и да Винчи, 63 статуи и 24 бюста не менее великих мастеров. А сколько церквей галерей, колледжей, библиотек, особняков, дворцов, построенных по эскизам лучших римских архитекторов...

Мазарини. Ну, хватит. Как видишь, я ничего не спрятал, не зарыл. Детей у меня нет. Племянники и племянницы свое уже получили. Все, что ты перечислил, останется Франции.

Эльпидио. Но монсеньер! Не выиграли же вы все это в карты...

Мазарини. Ты требуешь отчета?

Эльпидио. Причем тут я? Потомки вас засудят.

Мазарини. Ну, хорошо. На самом деле все просто. Я знаю, меня будут подозревать, что я приехал во Францию ради золотого тельца. Но я ведь был всего лишь дипломатом.

На этом попроще не сколотить больших денег. Здесь, во Франции, я впервые узнал дикие вещи. Члены парламента вполне законно покупают себе места. Чиновники точно так, в рамках закона, покупают, завещают и продают свои должности. Ничего подобного в Риме и в помине нет.

Эльпидио. Тогда не понятно, чего ради чего вы так стремились в Париж? Папа вас не отпускал – вы сбежали из Рима! Страсть к королеве Анне отрицаете...

Мазарини. Мне трудно объяснить. Наверно, так я и останусь в памяти потомков – алчным интриганом. Один Христос поймет меня. Вся надежда на него.

Эльпидио. На его прощенье?

Мазарини. На то, что не оставит меня без работы. Хоть в аду, хоть в раю. Я всегда был готов работать даже бесплатно, а сейчас тем более готов.

Эльпидио. Но когда на вас надели пурпурную мантию кардинала, вы воскликнули: «Теперь я богат!»

Мазарини. И ты веришь, что у меня могли вырваться такие слова? У меня??

Эльпидио. Действительно, как странно. Значит, враки?

Мазарини. Подай-ка мне вина, и не забудь себя.

Входит Бернуини.

Бернуини. Ее величество, господин.

Мазарини выразительно смотрит на Эльпидио, призывая его взглядом выйти. Эльпидио исчезает.

Анна входит порывисто и нервно.

Мазарини. Что-то случилось, душа моя?

Анна. Вы поступили невероятно благородно, и в то же время... не знаю даже, как сказать. Нельзя так разрывать людей на части. Плохо, когда человек должен делать такой выбор, даже если этот человек – король.

Мазарини. Ах, Анна, я забыл, что нахожусь под подозрением... Что бы ни сделал... Прав был Ришелье, когда сказал мне, что человек, достойно послуживший своей стране сродни преступнику, приговоренному к смерти. С той лишь только разницей, что преступника карают за грехи, а его – за добрые дела. Все последние 18 лет я считал и до сих пор считаю сына вашего своим сыном. Почему я не могу завещать ему такую сумму, тем более, что у меня нет своих детей? Какой здесь может крыться подвох?

Анна. Ах, Жюль, мы верим в вашу искренность.

Мазарини. Так в чем же дело? Берите эти деньги и превращайте Париж в новый Древний Рим. В вашем распоряжении десятки лучших итальянских художников и архитекторов. Увеличьте армию вдвое и расколошматьте всех врагов. А Эльпидио это отобразит. И я буду счастлив видеть это сверху. Или вас одолевает гордыня?

Анна. Что есть, то есть.

Мазарини. Ну, уж выбирайте.

Анна. Лу уже выбрал. Он не примет этот дар. При всей любви к вам. И первого министра не назначит после вас. Он будет править сам.

Мазарини. Что ж, им можно только гордиться.

Анна. Я и горжусь. Наше дитя... Он перенял все ваши вкусы. Даже особый вкус к власти.

Мазарини. Ну вот, у меня уже ничего не болит.

Анна наливает в таз из кувшина воду и начинает обмывать ноги Мазарини.

Мазарини. О, Анна, это дело слуг.

Анна. Я все умею. Меня всему учили в детстве. А помнишь, как какой-то гранд загорелся у камина, и никто из близких не отодвинул его от огня, звали слуг... Или это анекдот? До чего же чопорный наш век! А помнишь, как наш Лу въезжал в Париж в день своего восшествия на престол? Четырнадцатилетний мальчик на белом коне. Конь то вставал на дыбы, то становился на колени. Этот символ ты придумал. Я – король, я – ваш слуга.

Голос Людовика XIV. Но государство – это я.

В комнату входит 23-летний король с гитарой в руках.

Людовик XIV. А помните мои концерты? А кто приохотил меня к гитаре? Вы, отец.

Мазарини. Вы разрываете мне сердце.

Людовик играет на гитаре. Играет хорошо, в испанском стиле. Мазарини плачет.

Анна. *(Мазарини)*. А помнишь, ты возил Лу в военные лагеря, чтобы он понюхал там пороха? *(после паузы)* Ты хотел, чтобы он не был мотом – нашего Лу трудно было по одежде отличить от мальчишков-пажей. Проводить тебя приедут все

члены королевской семьи, даже те, кто живет за границей. Оратории и эпитафии заказаны лучшим поэтам и музыкантам. Ты должен знать, как велика наша признательность и любовь к вам. (после паузы) Хочу, чтобы вы знали. Я уйду в монастырь Ван де Грас немедленно, как только...

Мазарини. Вы правы, не стоит даже невольно пытаться затмить сияние нашего мальчика. Что касается моего скромного дара... Вы вольны отказаться, государь. Но и я волен настоять на своем. Мой интендант и доверенное лицо Кольбер передаст вам эту сумму позже. Вы станете, сын мой, самым богатым королем Европы.

Людовик откладывает гитару, становится на колени у постели Мазарини и плачет. Или только изображает плач.

Мазарини (*продолжает*). Теперь я понимаю, чем был пожар в моей галерее. Я достиг всего, что мог. Я исчерпал себя. Мне пора. (*с легкой иронией*) Теперь вся надежда на Христа. Боюсь, я там заскучаю без работы. Возможно, Господь поручит мне переговоры с дьяволом. Я постараюсь справиться.

Король и королева откланиваются и выходят из покоев Мазарини.

Анна. Сын мой, вы езжайте, а я останусь ненадолго. Мне нужно еще кое-что согласовать.

Людовик. Как вам будет угодно, матушка.

Король уходит, Анна остается. Она хочет войти в покои кардинала. Но ее опережает Эльпидио, не видя ее. Делая знак Бернуини не мешать ей, Анна слышит разговор Мазарини.

рини с Эльпидио.

ПОКОИ МАЗАРИНИ

Эльпидио. Вы еще не рассказали, как удалось вам справиться с заговором высокородных во главе с Мари де Шеврёз. Судя по рассказам, эта ваша интрига филигранна.

Мазарини. Не преувеличивай, Эльпидио.

Эльпидио. А вы не преуменьшайте, монсеньер. Давайте по порядку.

Мазарини. Я допустил ошибку, когда начал заигрывать с герцогиней де Шеврёз. Она усмотрела в этом слабость. Второй моей ошибкой была амнистия тем, кого преследовал усопший король. Помилованные захотели большего – моей головы. В прямом смысле слова.

Эльпидио. Возможно, вас подводит память, ваше преосвященство. Вы упустили, что урезали высшей знати содержание и сократили штат слуг.

Мазарини. Ах, да. Надо признать, высокородные прижали нас всерьез. Эта канитель продлилась почти четыре года. Королеве, наследнику и мне пришлось даже бежать из Парижа. Тут помог мой верный служака Шарль д'Артаньян. Его имя войдет в историю на равных с королями. Потом мы вернулись, но мне пришлось снова покинуть Париж. Королеву и наследника высокородные не выпустили вместе со мной. Королева-мать и юный король меня встречали у ворот Парижа, когда заговор был раздавлен.

Эльпидио. Говорят, вы использовали методы, достойные

учебника для интриганов высшей пробы.

Мазарини. Пожалуй, тут не буду скромничать. Сначала я избавился от герцога Бофора, которому было поручено меня убить. Но де Бофор остался жив и жил в тюрьме, как в раю. Я свел принца Конти с одной из моих племянниц. Принц не устоял перед ее чарами, женился на ней, стал родственником и таким маневром был выведен из игры. Самым крепким орешком оказался 28-летний принц Конде, по праву считавшийся лучшим полководцем Франции. Но, однако, посильнее его был более зрелый маршал Тюрень. Мне каким-то чудом удалось разбить Тюренья силами швейцарцев и натравить его на Конде. Тюрень победил. Таким образом, я стал считаться воякой похлеще этих двоих, с моим-то чином капитана папской гвардии. Самым простым делом было выбить почву из-под ног Месье. Брат короля имел слабость одалживаться у меня, чтобы покрыть свои карточные долги. Я пригрозил, что откажу ему в поддержке, и он скис. Ну, вот и все, пожалуй.

Эльпидио. Вы забыли о вдохновительнице заговора.

Мазарини. Все бунтовщики были вознаграждены за то, что пошли на мировую, кроме герцогини. И все остались во Франции, кроме нее.

Эльпидио. Итак, сколько раз вы бежали из Парижа?

Мазарини. Три. Из них два раза был уверен, что придется уносить ноги снова. Если удастся уцелеть.

Эльпидио. Итог ваших личных военных побед?

Мазарини. Две войны. Три провинции были возвращены во Францию.

Эльпидио. Сколько побед одержано дипломатией, вы, конечно, не считали...

Мазарини пожимает плечами.

Эльпидио. Но вспоминать вас будут только, как алчного интригана.

Мазарини. С чего ты взял? А впрочем, да. Ведь я же чужестранец, пробравшийся к кормилу власти, а стало быть – прохвост. Ну, что ж, пусть будет так. Теперь уже – плевать!

Эльпидио. Вы признаете только свой суд?

Мазарини. Ну, почему же, вовсе нет. Мне даже интересно, что вы захотите вытащить из меня еще. Уж не признание ли, что я отрицаю бога? А что... Неплохо бы объявить меня по-смертно еретиком. Думаю, новому Папе это бы понравилось. Или вы не заведете меня так далеко, благородный Эльпидио?

Эльпидио. Ну что вы, монсеньер, как только вы могли подумать... Однако же продолжим. Вы завещали Людовику XIV так называемые правила Мазарини. Откройте их суду.

Мазарини. Я уже немало их открыл.

Эльпидио. Однажды вы проговорились. Вы сказали о своей первой беседе с Ришелье: «Я ему отдался». Это можно считать правилом?

Мазарини. Безусловно.

Эльпидио. Вы хотели, чтобы он полюбил вас больше, чем королеву Анну? Чтобы вы стали нужнее ему, чем она? Чтобы

он, даже сведя вас с ней, не ревновал вас, так?

Мазарини. Так, только решение это возникло не сразу.

Эльпидио. А в какой момент вы поняли, что она у вас на крючке?

Мазарини. Сначала она слегка кокетничала, а потом перестала. Вот когда перестала... Но к этому моменту я был уже на крючке у нее. Любовь – это всегда немножечко война, всегда кто-то завоевывает другого. В нашем случае была обоюдная победа.

Анна (*в зал*). Подтверждаю.

Эльпидио. Вернемся к методам.

Мазарини. Запиши метод Ришелье. Прежде чем взять меня на службу, он поделился, что перед каждым докладом королю прощается с жизнью. И что страшиться следует не только королевского коварства, но и жестокой черни. Рассказывал, как чернь выкопала тело захороненного Кончини, разрубила его на куски и зажарила на костре. Значение этого метода просто. Получая высокий пост, человек должен ясно представлять, куда он может упасть.

Эльпидио. Ваше главное правило, как дипломата?

Мазарини. Если целью войны является мир, то война не должна прекращать переговоры о мире.

Эльпидио. Молва упорно приписывает вам тайное венчание с королевой Анной...

Мазарини. Я еще в юности сторонился карьеры священнослужителя. Точно знал, что это мне когда-то очень поме-

шает. Меня посвящали в разные саны, но я никогда не давал обета безбрачия.

Эльпидио. То есть ничто не препятствовало?

Мазарини. По закону церкви, я не мог жениться на матери своего крестника. Ну, хватит, Эльпидио. Тебе пора назвать свою фамилию. Только не ври мне, иначе тебя ждет самый страшный каземат Бастилии.

Эльпидио. Бенедетти, монсеньер.

Мазарини. Правильно, Бенедетти. Не соврал. Все сходится. Тебя опознали мои люди, епископ Бенедетти. Ты не справился с заданием.

Эльпидио. Сжальтесь, монсеньер!

Мазарини. Э, да ты наложил в штаны, епископ!

Эльпидио. Я в самом деле напишу вашу биографию. Я вами очарован.

Мазарини (*с сарказмом*). Ну, да, ты мне отдался. Что ж, отчасти это так. Проваливай, мне не до тебя сейчас.

Эльпидио исчезает. Появляется Анна.

Анна. К любовной связи наш народ относится снисходительно. А вот брак очень опустил бы нас в глазах французов. Дорогой мой Жюль... Мой слуга, мой господин... Однажды ты написал мне, что для тебя разлука со мной хуже смерти. Только теперь я чувствую, что означают эти слова...

Двое и ещё четверо

Анна репетитор, 39 лет.

Дмитрий Калачев писатель, 58 лет.

Полина писательница, подруга Дмитрия, 48 лет.

Анестезия подруга Анны, 44 года.

Антон сын Дмитрия, 38 лет.

Лена подруга Антона, 36 лет.

Никита старший сын Анны, 18 лет.

Максим второй сын Анны, 16 лет.

Павлик третий сын Анны, 14 лет.

Женя дочь Анны, 12 лет.

Гена предприниматель, 44 года.

Наши дни.

День. Квартира Анны Удальцовой. Большая, ухоженная кухня. Анна кормит обедом свою подругу Настю по прозвищу Анестезия, женицину крупную и веселую. Из соседней комнаты доносится детские голоса.

А н е с т е з и я. Анька, вот обычно, если на кухне порядок, то жрать наверняка нечего. А у тебя и порядок, и ресторан. Только не пойму, чем ты меня кормишь. Вроде бы борщ, а вкус...

А н н а. Это борщ грибной с черносливом. Чем старше женщина, тем вкуснее борщ.

А н е с т е з и я. Ой, прекрати! Что-то ты последнее вре-

мя о возрасте... с твоей-то талией после четырех родов! Эх, влюбиться бы тебе.

А н н а. Женщина в моем возрасте не имеет права на ошибку. Нужен только свой.

А н е с т е з и я. Олег твой был свой?

А н н а. Отчасти.

А н е с т е з и я. Зачем же ты родила от него четверых?

А н н а. Женщины рожают для себя. Но, по-моему, ты отвлеклась. С борща свернула на меня. Давай лучше о тебе.

Максим подкрадывается к двери с другой стороны и подслушивает разговор.

А н е с т е з и я. Знаешь, мне нужно что-то типа меня, только другого пола. Такого мужика, чтоб не страшно было, не стыдно и не скучно. Неплохо бы, конечно, чтобы в кровать на руках носил. Есть у меня один на примете. Я ему доказала, что он мужчина моей мечты. Но доказать ему серьезность его намерений никак не получается. Так что давай снова о тебе.

А н н а. Собралась с Павликом и Женей в Белоруссию. Нашла в Интернете симпатичный деревенский домик отдыха. Всё национальное: дом, одежда, еда, музыка, танцы. Купила билеты. А Макс спрятал паспорт и не отдает. Ему, видите ли, будет скучно без нас.

А н е с т е з и я. Помнишь свои слова? Дети для женщины – достижение или поражение. Боком тебе выходит твое материнское тщеславие. В два года Макс у тебя уже читал.

Тебя прямо распирало. А теперь вот... Поезд-то когда?

А н н а. Поезд ушел сегодня утром.

А н е с т е з и я. Ну, Макс! А билеты успела сдать? (*Анна отрицательно качает головой*) Ну, слов нет! И что на него нашло?

Анна. По-моему, Гена освободелся.

Анестезия. Да ты что! Ну и Макс! Не знаю, что с ним сделаю!

М а к с (*появляется в дверях*). И что вы со мной сделаете?

А н е с т е з и я. Ты еще и подслушиваешь? Ну, правильно, порок не бывает один.

М а к с. Сама вы порочная. Одни мужики на уме. Идите в свою жизнь, и не лезьте в нашу. Без вас как-нибудь разберемся.

А н е с т е з и я. Как ты разговариваешь! Ты хоть понимаешь, что убиваешь мать? У нее от тебя эмоциональная дистрофия.

М а к с. Гена столько сделал хорошего, что можно было потерпеть и немного плохого, ничего бы с нами не случилось, и сейчас не случится.

А н е с т е з и я. Макс, ты о чём? Какое добро? Вытащил из долгов, в которые сам же и загнал? Это, по-твоему, добро? Ты хоть понимаешь, что не имеешь права заставлять мать кого-то терпеть?

М а к с. Теперь я в семье старший.

А н е с т е з и я. Сам себя назначил, самозванец. А мать?

А Никита, в таком случае, кто?

М а к с. Никитка – размазня и пофигист. А мне не все равно, как мы живем.

В дверях появляется старший сын Анны Никита. Он на голову выше Макса и в два раза толще. Он пытается подмять под себя Макса, но тот ловко берет Никиту на болевой прием.

М а к с (Никите). Повтори мои слова.

А н е с т е з и я (бросается на выручку Никите). А ну, отпусти!

На кухне возникают Павлик и Женя.

А н е с т е з и я (Павлику и Жене). А вы чего молчите?

П а в л и к. Я смотрю, слушаю и анализирую.

А н е с т е з и я. Хорошо устроился.

Плачущая Женя обнимает плачущую Анну. Звонок в дверь. Максим идет открывать.

А н н а (Павлику и Жене. Идите к себе.

Дети неохотно уходят. В кухне появляются Максим и Гена, симпатичный мужчина с неприятным лицом. В руках у него большая коробка. Анну охватывает волнение.

А н н а (Максиму). Ну, теперь ясно, зачем спрятал мой паспорт. (Анестезии) Ну, как я могла уехать, если сюда ехали такие гости? Боже, мне кажется, что я не у себя дома.

А н е с т е з и я (Анне). Спокойно, подружка! Я тебя в обиду не дам! Если опять будет приставать, сама в полицию заявлю. И поедет наш крокодил Гена снова на нары. (Гене). А

тебе, Гена, идет стрижка налысо.

Г е н а. Не налысо, а наголо. Ну, как вы тут без меня?

А н е с т е з и я. Не хотелось бы тебя расстраивать, но у нас все хорошо.

Г е н а (*ёрничает*). Все будет хорошо, зачем такие спешки? Все будет хорошо, и в дамки выйдут пешки. И будет счёт деньгам, и дождички пройдут по четвергам.

Гена хочет открыть коробку, но Анна жестом останавливает его.

А н н а. Не надо. Пожалуйста! У нас всё есть.

Гена достаёт из коробки большой ананас.

Г е н а. Это не простой ананас. Это ананас, фаршированный малиной, со сливками.

М а к с и м (*потирая руками*). Попробуем.

А н н а (*возмущённо*). Макс!

А н е с т е з и я. Гена, ну что ты делаешь? Вносишь в семью разлад.

Г е н а. Захлопнись, пожалуйста. (*Максиму*) Ешь, Макс, и других угости, это вкусно. Отнеси Павлику и Жене.

А н н а. Не надо!

Максим берет ананас и выходит из кухни. Следом за ним Никита, явно с целью помешать.

Г е н а. Анестезия, у тебя, наверное, столько дел.

А н е с т е з и я. Дела обождут. Вот говорят, богатый мужик – все равно, что красивая баба. А я смотрю – никакие деньги не сделают тебя лучше. Ударить хочешь? По глазам

вижу. Ну, ударь. Давай! Боишься, что посажу? Это правильно. Говорят ещё, что женщину можно либо увлечь, либо купить. Но тут, ты же сам видишь, совсем другой случай. Не получится у тебя, даже не мылься. Забирай свою коробку, коробейник, и мотай отсюда. И забудь дорогу сюда.

Г е н а. Анестезия, знаешь, что больше всего ценится в женщине? Умение вовремя закрывать рот.

А н е с т е з и я. Не дожدهшься.

А н н а. Настя, выйди, пожалуйста. Разберись там с ана-насом.

Анестезия выходит.

А н н а. Гена, как-то так получилось, что мы ни разу спокойно не объяснились. Вы всегда говорили, что хотите мне помогать. Говорили почти афоризмами...

Г е н а. Да, Аня, твои проблемы – это мои приятные хлопоты.

А н н а. Знаете, а у меня принцип – я со всем справлюсь сама. Вы говорили также, что у вас есть ко мне определенные чувства. Хотя тут, слава богу, обошлось без афоризмов. Видите ли, Гена, гармония возможна, если вышеназванное чувство взаимно. А если оно проявляется только с одной стороны, то это почти болезнь. Вам надо выздороветь, Гена. Только не сердитесь и не бросайтесь унижать меня, как вы обычно делали раньше. Это не срабатывает. Есть жесткая сила, а есть сила мягкая. И, как показывает жизнь, мягкая сила почти всегда сильнее. И не считайте, что я вас унизила отказом.

Г е н а. Если и есть какое-то унижение, то я сам в этом виноват. Не с того начал когда-то, и этим все испортил. Но я едва ли смогу выздороветь. Поэтому... Поэтому я все же буду помогать вам...

А н н а. Не надо! *(достает из кухонного шкафа бумаги)*
Вот все квитанции на ваши переводы. Я не получила ни одного. Все вернулись к вам. Так будет и впредь. Ну, разве что, исключая ананас, фаршированный малиной, со сливками.

Г е н а. Максим хочет мотоцикл. Он его получит.

Входит Анестезия с блюдом, на котором лежит целехонький ананас, и ставит его на стол.

Г е н а. Слушай, Анестезия, а ты странная. Как ни появлюсь – ты здесь. Два года прошло, а будто не уходила. Чего замуж-то не выходишь?

А н н а. Гена, выход там.

Г е н а. Как грубо.

Гена уходит. Появляется Максим.

М а к с и м *(Анестезии)*. Вы тоже уйдите, нам нужно поговорить в своем кругу.

А н н а. Ты в своем уме?

М а к с и м. Я в порядке. Просто мне надоело. Кто-то должен быть в семье старшим, а у тебя это плохо получается. Ты даже за себя ничего решить не можешь. Человек по твоей милости отсидел два года, но снова пришел. А ты продолжаешь ломаться.

А н н а. Макс, разве ты не знаешь, что замуж выходят по

любви?

М а к с. По-разному выходят. Ты посмотри на себя. Женщина должна выглядеть на десять лет моложе. А ты... Любовь – это прежде всего забота. С ним ты не будешь работать с утра до вечера. А Павлик и Женя будут знать, что у них есть отец. Пусть не родной, но отец.

П а в л и к. Мам, а чем тебе Гена не нравится?

А н н а (*Анестезии*). Обычно родители что-то навязывают детям, а тут все наоборот.

А н е с т е з и я. Ну, ты ж хотела, чтобы они росли свободными. Развела демократию, вот и получай.

М а к с (*Анне*). Между прочим, я есть хочу.

А н е с т е з и я. Разогревай и ешь. И остальных покорми. Или, по-твоему, быть старшим – только командовать и что-то навязывать?

Анна усаживает детей за стол и разливает по тарелкам борщ.

М а к с и м (*ковыряясь в тарелке*). Матушка, ты же знаешь, я ненавижу баранину!

А н е с т е з и я (*возмущённо*). Всё! С меня хватит! Я пошла. Баранину он не любит, блин, убила бы! (*встает из-за стола*)

М а к с и м. Давно пора.

Ж е н я. Мам, а к чаю что?

А н н а. К чаю – кекс. Погоди, а где кекс?

А н е с т е з и я (*смотрит на Максима*). Неужели сожрал?

М а к с и м. Выбери слова!

А н н а (*укоризненно*). Начал есть и не мог остановиться, Максик?

М а к с и м. Не надо так вкусно печь.

А н е с т е з и я. Никитка, а чего ты ему не врежешь?

Никита поглядывает на карман рубашки Максима.

Н и к и т а. Так ведь мы братья. Нам жить дальше. Думаю, у него это временно. Лучше потерпеть, чем потом жалеть, что не хватило терпения.

А н е с т а з и я. Так ведь он тебя унижает.

Н и к и т а. Он не меня, он себя унижает. У него комплекс младшего брата. Младший брат хочет быть старшим. Это бывает. Вы идите. Не бойтесь, ничего страшного тут не случится. Мама у нас сильная. Она всё стерпит.

А н н а. Ах, Никитка. Так хочется быть счастливой, а не сильной.

М а к с и м. Слышали? Она с нами несчастна.

Неожиданно Никита обхватывает Максима руками.

Н и к и т а. Общайте карманы.

Анна вынимает из кармана рубашки Максима паспорт.

А н н а (*безо всякого торжества*). Ура, теперь мы можем куда-нибудь съездить!

Павлик и Женя эхом произносят «ура» с тем же выражением.

Свет тускнеет. Наступает вечер. Анна и Женя готовятся ко сну. Анна расплетает дочери косички.

Ж е н я. Мама, помирись с Максиком. Он хороший. Он любит тебя ни капельки не меньше, чем я или Павлик, или Никитка. Просто он нервный. Давай зайдём к нему, поговорим, поцелуем его на ночь. Мы же одна семья.

А н н а. Пожалуй, ты права. Давай зайдём.

Они подходят к соседней комнате и стучат.

Голос Максима. Войдите.

Анна и Женя входят. Максим лежит в кровати с книгой в руках.

А н н а. Читаешь?

М а к с и м. Чтение детерминирует вербальную аддитивность.

А н н а. Женечка, ты что-нибудь поняла?

Ж е н я. Максик очень умный.

М а к с и м. Объяснять бессмысленно. Это просто приколы.

А н н а. Значит, и то, что не в деньгах счастье, тебе тоже не надо объяснять?

М а к с и м. Согласен, счастье не в деньгах, а в их количестве. Но это тоже приколы.

А н н а. У меня к тебе большая просьба. Не принимай ни у кого никаких подарков. Обещаешь?

М а к с и м. Нет, матушка, не обещаю. У меня размыты моральные принципы.

А н н а. И виновата, конечно, я?

М а к с и м. Я не просил тебя рожать меня. Но если уж родила, должна была позаботиться, чтобы я не чувствовал

себя хуже других. А если не позаботилась, то какие могут быть ко мне требования?

А н н а. А я и не требую. Я прошу. Ты получаешь пенсию за отца, откладываешь. Я тебе добавлю, и ты купишь себе мотоцикл.

М а к с и м. На тот мотоцикл, который я хочу, ни у меня, ни у тебя денег нет. И никогда не будет.

А н н а. Значит, ты меня предашь?

М а к с и м. Это всего лишь слова. Я просто получу то, чего хочу.

Вконец расстроенная Анна собирается уйти.

М а к с и м. Ты меня не поцелуешь перед сном, матушка?

Ж е н я. Мама, давай поцелуем Максика.

Анна и Женя целуют Максима в подставленную щеку.

Анна – с каким-то особенным чувством, будто ничего не произошло. Максим отвечает ей полной взаимностью.

Ж е н я. Максик неплохой.

А н н а. К тебе – да. Но о человеке надо судить по тому, как он относится к другим людям. Ладно, пошли спать.

М а к с и м. Матушка, останься на два слова.

Женя нехотя уходит, Анна так же нехотя остается.

М а к с и м. Присядь, матушка.

Анна садится.

М а к с и м. Матушка, Гена на тебя по-настоящему запал. Можно сказать, подсел, как на наркотик. Это надо уважать.

А н н а. Ты опять за своё? У тебя память отшибло? Ты не

помнишь, как он нас терроризировал? Как он тебя в заложники брал? А ты теперь к нему в адвокаты записался?

М а к с и м. Он просто хотел добиться тебя. Ну, грубовато у него получалось. Но он за все заплатил и раскаялся.

А н н а. Не верю.

М а к с и м. А ты поговори с ним нормально. Понимаешь, он просто воспитан на том, что все неприятности от культурных сволочей. И поэтому лучше быть грубым снаружи и правильным внутри.

А н н а. Что ты придумываешь? Где ты увидел у него правительность?

М а к с и м. Повторяю, поговори с ним, и увидишь.

А н н а. Я не хочу ничего в нём понимать. Я хочу понять тебя. Тебе уже шестнадцать лет, на тебя девушки заглядываются, а ты... Ну, почему ты такой?

М а к с и м. Я качаюсь, мне жалко тратить энергию. К тому же все они шлюшки!

А н н а (*взрывается*). С чего ты взял? Какие у тебя для этого основания? Какое ты имеешь право считать всех девушек шлюхами? Почему чужой Гена для тебя – хороший человек, а родной брат – плохой? Я иногда думаю, а вот если бы был жив отец, какие у вас были бы отношения? По-моему, ты бы и им пытался помыкать.

М а к с и м. Как выпить дать. Нет, если бы дела у него пошли в гору, тогда другое дело. Но они бы у него не пошли. Он был неудачник. Влез по уши в долги, хотел разбогатеть,

а ума не хватило. А в жизни за все надо платить, особенно за большие деньги.

А н н а. И тебе не стыдно вот так об отце? Неужели тебе не жалко его?

М а к с и м. Представь себе, нет. И почему я должен стыдиться правды? И потом...

А н н а. Что потом?

М а к с и м. Ничего.

А н н а. Слушай, а почему бы тебе, если ты такой умный, не начать самостоятельную жизнь? Тогда бы ты быстро понял, что ум – это совсем не то, что ты считаешь умом.

М а к с и м. О, я давно уже жду, когда ты мне это скажешь. Поэтому ответ у меня готов. Мне не нужна отдельная квартира. Как старший, я должен жить со своей семьей. Я должен следить, чтобы все вы, и в особенности ты, не наделали ошибок. Точка. Спокойной ночи, матушка. Иди и подумай: а вдруг я прав?

Ясный летний день. Дача Дмитрия. Простой рубленый дом. В большой комнате камин, много книг, компьютер, телевизор, картины на стенах. Зеленого цвета софа и кресла. Красивый торшер. Рядом кухня. Там сочетание красного и белого цветов.

Полина и Дмитрий только что приехали из города. Вносят в дом покупки и продолжают начатый в пути разговор.

П о л и н а. Димочка, странные здесь торговки мясом, ты не находишь?

Д м и т р и й. А что не так?

П о л и н а. Да всё! Как смотрят, как говорят, как держатся.

Будто и не торговки вовсе.

Д м и т р и й. Они все бывшие сельские училки, Полечка. В девяностые ушли из школ и обратно уже не вернулись. Бож мой, мы не купили уксус! Как мариновать мясо?!

П о л и н а. Ты не знаешь, что у тебя в холодильнике. Вот уксус. *(вынимает из холодильника бутылочку)* А с чего ты взял, что они бывшие училки?

Д м и т р и й. Я здесь давний покупатель.

П о л и н а. То-то ты с ними такой ласковый...

Д м и т р и й. Так ведь иначе хорошего мяса не купишь.

П о л и н а. А когда за рулем, по сторонам поглядываешь...

В этом какой смысл?

Д м и т р и й. Полечка, есть правило: смотри вперед с надеждой, а по сторонам – с интересом. Тогда жить будешь, пока не надоест.

П о л и н а. У тебя как у фокусника – в каждом рукаве по объяснению. Ладно, свари тогда кофе в счет своих будущих грехов, что-нибудь да спишется. *(Наблюдает, с какой ленивой неспешностью Дмитрий включает газовую плиту и кладет в кофейник кофе)* Бедный, совсем я тебя заездила. Давай уж. *(Пытается подвинуть Дмитрия от газовой плиты)*

Д м и т р и й *(обиженно)*. Я сам.

П о л и н а. Все-таки мы произошли от обезьян. Такие же

обидчивые. Ну, что не так, Димка?

Д м и т р и й. Хочу убить... Хочу убить в себе жажду успеха и жажду денег.

П о л и н а. Это каким же орудием?

Д м и т р и й. Сбавлю потребности. Всё надоело. Пишу с холодным носом.

П о л и н а. Эээ, товарищ! Уж не захотелось ли тебе на склоне лет несчастного случая? Это так смешно, что хочется плакать. Ну, бывает: устаем от своей темы, от самих себя...

Д м и т р и й. Надо мне сменить тему, Полечка.

П о л и н а. На какую же? Хотя я догадываюсь. Что ж, сейчас у тебя будет такая возможность. Не хотела тебе говорить сейчас, думала, как-нибудь потом... Зарубили твою рукопись, Димочка. Отвергли. Предлагают выбрать другую тему.

Дмитрий потерял дар речи и, судя по мимике, телодвижениям и жестам, пришел в крайнее волнение.

П о л и н а. Решили печатать Дрябкина. У него сходная тема и сюжет похожий. Если бы тебя напечатали, он бы вылетел из плана, а он сам знаешь, чей человек...

Д м и т р и й. Почему я узнаю это от тебя?

П о л и н а. Все боялись, что ты разорвешь договор. А я — спущу на тормозах.

Д м и т р и й. Это ты побоялась, а не все.

П о л и н а. Ну, какой смысл рвать отношения? К тому же ты сам не раз говорил, что устал от криминала. Ну вот,

отдохнешь. А за неопубликованную повесть тебе заплатят.

Д м и т р и й. Что за другая тема?

П о л и н а. Сейчас на телевидении тренд всевозможных разоблачений. То детекторы лжи, то проверки ДНК. Вот надо что-то в этом роде.

Д м и т р и й. Да пропади они пропадом, эти разоблачения!

П о л и н а. Димочка, но о любви у тебя не получится. Это ведь не стрельба глазами по сторонам. О любви нельзя писать с себя. Страсти должны быть обобщены, тогда только они интересны всем.

Д м и т р и й. А если я докажу обратное?

П о л и н а (*ехидным тоном*). Ты что-нибудь слышал о ложной беременности?

Д м и т р и й. Нет, а если докажу? Ты понимаешь, что я имею в виду?

П о л и н а. Чего ж не понять? Ты хочешь сказать, готова ли я от тебя отказаться, если ты в кого-нибудь влюбишься. Я тебе отвечу: готова. Думаешь, не вижу, как ты мучаешься? Конечно, тебе надо на кого-то переключиться. Жаль, что я не могу тебя вдохновить. Вот ты меня вдохновляешь. Мы с тобой, как болт и гайка. Резьба в резьбу, несмотря на наши с тобой разницы. Так что, если ничего не получится, ты всегда можешь вернуться к своей гайке, я тебе слова не скажу.

Д м и т р и й. А если получится?

П о л и н а. Когда в нашем возрасте человек получает то, что хочет, он получает несчастный случай. Бойся, Димочка,

подарков судьбы. Судьба что-то даст, но при этом обязательно что-то отнимает.

Неожиданно слышится сигнал автомашины. Входят Антон и Лена. Антон обнимается с отцом, галантно целует руку Полине, вручает ей цветы. Дмитрий и Полина тепло встречают Лену.

Антон (*вполголоса Дмитрию*). Ну, как ты тут?

Дмитрий. Хоть утопиться.

Антон (*вполголоса*). Эх, отец! А мне хоть удавиться.

Антон приносит коробку с разными вкусами. Достает красивую бутылку в кожаном чехле.

Антон. Текила.

Дмитрий. Давай оставим для рыбалки.

Антон. Отец, к рыбалочке я ещё куплю.

Дмитрий. А вдруг забудешь?

Лена. Когда лодочник что-то забывал для своей рыбалочки? Рыбалочка – это бегство от непоправимого семейного счастья. Рыбалочка – почти любовница. Но! Но когда у него не клюёт, он особо не переживает. Он знает, что я уже сходила в магазин, пожарила рыбу или сварила уху, и купила бутылочку, чтобы он мог выпить за свою любовь к рыбалочке.

Дмитрий (*Антону*). Антон, давай в этом году возьмем Ленку с собой. Иначе она не подойдет.

Лена. Ага, кухарить вам? Мотырышей на крючок насаживать? Ну, уж нет.

А н т о н. Мотырыш – это у Ленки мотыль и опарыш в одном слове.

Все покатываются со смеху.

П о л и н а. Лена, а почему ты называешь Антона лодочником?

А н т о н. Это у нее как-то связано с Венецией. Лена там особенно часто бывает. Как захочет макарон, так туда.

П о л и н а (*Лене*). А ведь я до сих пор толком не знаю, чем ты занимаешься.

Л е н а. Я продавщица. Езжу по миру, продаю наши фильмы.

П о л и н а. Представляю, какая нелегкая эта работа.

Д м и т р и й. Не бывает хорошего кино там, где жизнь интереснее кино.

Л е н а. Вы считаете нашу жизнь интересной? А, по моему, тут напрашивается другое слово. Помните, Герберт Уэллс писал «Россия во мгле»? Это ощущение мглы у меня даже тогда, когда прилетаю в ясную погоду.

А н т о н (*с подковыркой*). Особенно, когда ничего не продала.

Л е н а (*тем же тоном*). Ты прав. Из тех фильмов, которые снимал ты, я еще не продала ни одного.

П о л и н а. Ну, что, ребятки? Перейдем к сладкому? Кому чаю? Кому кофе? Кому кофе с коньяком?

Полина и Лена усаживаются в одной части большой комнаты, беседуют вполголоса.

П о л и н а. Леночка, давно хочу спросить: как у вас с Антошей? Надеюсь, ты понимаешь – это не бабье любопытство. Мне так хочется, чтобы у вас все было хорошо. Все-таки работаете в одной сфере...

Л е н а. А что? Видно, что не все хорошо? Не любит меня лодочник. И с этим ничего не поделаешь. Придется ждать, когда устанет не любить. Сама бросить его я не могу. Как ни старалась – никак. Для того, чтобы разлюбить, нужны какие-то большие недостатки, а их у него нет. Самый большой его недостаток – недостаток любви.

П о л и н а. Хочу быть честной с тобой. У нас с Димой примерно та же хрень. И бросить его тоже не могу. Только, в отличие от тебя, даже не пытаюсь. Я другое пытаюсь – оправдать его. Он ведь неплохо ко мне относится. Думаю, ну нет нежности. Это ли беда? У каждого возраста своя любовь, и каждый раз иначе любит. С возрастом бывает, наверное, любовь и без нежности. Вру сама себе. Эх, давай, Леноч, махнём водочки!

Л е н а (*громко*). Ой, я только сухого глоточек. Кажется, я переела. У вас всегда так вкусно.

Д м и т р и й. Я давно говорю Полечке: не готовь так вкусно. Это вредно.

П о л и н а. Ничего, Димочка, это скоро пройдет. Леночка, а тебе все-таки надо больше пить. По моим наблюдениям, умеренно пьющие люди живут дольше непьющих.

Дмитрий и Антон беседуют у камина на другой половине

комнаты.

Д м и т р и й. Что-то стал я здесь закипать.

А н т о н. Прошвырнулся бы на Пхукет.

Д м и т р и й. Ты же знаешь, я не переношу жару. Есть у меня на примете уютненький санаторий в тридцати километрах от Москвы, рядом водохранилище.

А н т о н. А как же наша волжская рыбалочка?

Д м и т р и й. Ну, к августу-то вернусь. Хотя до августа всякое может случиться. Когда человек куда-нибудь едет, ему обязательно кто-нибудь встречается. Хочу, чтобы повесть о любви написала сама жизнь.

А н т о н. Ты решил написать о любви?? А Полина в курсе?

Д м и т р и й. Она считает, что мне это не по зубам. Знаешь, на самом деле все серьезно. Мне надоела писанина. А если учесть, что писанина – это моя жизнь...

А н т о н. Тебе надоело жить?

Д м и т р и й. Ну, это было бы слишком. Не жизнь надоела, а я – сам себе, черт бы меня побрал. Между прочим, твоя текила – такая гадость. Хотя, возможно, я не распробовал.

Идет к столу, берет бутылку текилы и рюмки. Возвращаясь обратно, проходя мимо женщин, шаловливо напева-ет.

Как много девушек хороших мечтает втайне о плохом...

П о л и н а. Не умеешь петь – не пей.

Д м и т р и й. Я тебе всё равно докажу.

П о л и н а (*с осторожным сарказмом*). Винни Пух не

хотел жениться, но мысль о медовом месяце сводила его с ума.

Дом отдыха в сосновом бору. Вечер. Анна с детьми (Павликом и Женей) обедают в столовой. Здесь же Дмитрий. Он сидит за соседним столиком и поглядывает на Анну. Анна делает вид, что не замечает его взглядов.

Ж е н я (Павлику). Павлик, видишь?

П а в л и к. Конечно. Он и в конюшне на маму смотрел, и на пляже. Мама только как бы не видит.

Ж е н я. Мама, ты видишь?

А н н а. Доедайте и пойдем гулять.

П а в л и к. Мам, а мы поучимся ездить верхом?

А н н а. Это очень дорого.

П а в л и к. А научиться играть на бильярде дешевле?

А н н а. Будет тебе бильярд.

Д м и т р и й (официантке). А клуб одиноких сердец у вас есть?

О ф и ц и а н т к а. Если вы про танцы по вечерам, то да. Начнутся прямо здесь через десять минут.

Ж е н я. Павлик, по-моему, у мамы сейчас будет свидание.

На танцы собирается совсем мало народу. Это в основном пожилые люди. Отсюда и танцевальный репертуар: «Рио-Рита», «На сопках Манчжурии». Дмитрий ищет глазами Анну, но ее нет. Он находит ее на скамейке у жилого корпуса, где она сняла номер.

Д м и т р и й. Добрый вечер!

А н н а. Добрый вечер.

Д м и т р и й (*с решительным видом садится рядом*). Видите ли, я в некотором роде человек пишуший. Звучит почти, как «пьющий». До сей поры писал о чем угодно, только не о любви. А мне просто позарез нужно написать. Не могли бы подыграть? А я научу ваших ребят и верховой езде и шары гонять.

А н н а. Не поняла. Подыграть – это как?

Д м и т р и й. Честно говоря, сам еще не знаю. Как получится. Главное начать, а дальше симпровизируем.

А н н а. На брачного афериста вы, вроде, не похожи. На ловеласа тоже не тянете.

Д м и т р и й. Ну, вот, вы уже улыбаетесь. А когда женщина улыбается...

А н н а. То что? (*делает движение, чтобы встать со скамейки*) Спокойной ночи.

Д м и т р и й. Погодите. Ну, уйдёте, и этим всё закончится.

А н н а. Что закончится?

Д м и т р и й. То, что началось.

А н н а. А что началось? Ничего не началось. Не придумывайте. Просто какой-то обычный дурацкий разговор. И вообще, надо ж так не соответствовать своему внешнему виду!

Д м и т р и й. Неплохое начало! Продолжим или пойдете скучно спать? Ну, не скажете же вы, что спите интересно.

А н н а. Я сплю обычно мертвым сном и не вижу снов.

Д м и т р и й. Нет, иногда вы просыпаетесь от чувства го-

лода, потому что мало едите или совсем забываете поесть. Я еще не знаю, как вы добываете хлеб насущный, но уверен, что дается вам это нелегко. Выматываетесь. Отсюда – отсутствие аппетита.

А н н а. Что вы еще подумали?

Д м и т р и й. Вы свободная женщина. Конечно, я для вас слегка староват. Но что такое в наше время возраст? Всего лишь цифры. И к тому же у нас ведь всё не в серьез, а для обоюдовыгодного дела. Кстати, насчет обучения верховой езде. Завтра сразу после завтрака. А бильярд – после обеда, перед ужином. А наши отношения – в то же время, что и сегодня.

А н н а. Какие отношения? Тем более по какому-то контракту. Не стану я объектом ваших развлечений.

Д м и т р и й. Анна, это вы будете развлекаться, а для меня это работа.

А н н а. Надо же! И имя уже разведал.

Д м и т р и й. Вот, правильно, давай уж сразу на «ты».

А н н а. Не буду я с вами на «ты». Просто вырвалось.

Д м и т р и й. Будешь, Анечка. На лице твоём написано гуманитарное образование и хорошая внутренняя культура. Значит, «ты» тебе должно претить, как всякое другое проявление неестественности и жеманства.

А н н а. Ладно, вас-то как? Тебя?

Д м и т р и й. Дмитрий Калачёв.

А н н а. Припоминаю. Политические детективы. Листала,

но не купила. Не мой жанр. А что за спор? Чего вдруг?

Д м и т р и й. Хочу доказать одному человеку и самому себе, что писать о любви мне тоже по силам.

А н н а. А без этой канители не напишется?

Д м и т р и й. Это не канитель. Это допинг.

А н н а. Ну, так в чём моя задача? Вот так с вами... с тобой вести диалоги?

Д м и т р и й. Не всё время. В какой-то момент слов становится мало... Мне трудно объяснить... Если честно, я еще ни разу никого по-настоящему не любил.

А н н а. Ну, да. Не было необходимости. Все время тебя любили. Как это знакомо! У меня второй сын такой.

Д м и т р и й. *(с большим удивлением)* Эти двое – не все?

А н н а. Всего четверо.

Д м и т р и й. Вот это да!

А н н а. А чего голос-то упал? У нас ведь не в серьёз.

Д м и т р и й. Я просто поражен, как ты справляешься. Тут самое время задать совсем бестактный вопрос...

А н н а. Ну, особенно-то не мучайся. Муж умер четыре года назад.

Д м и т р и й. Какой-то странный тон... Ты его не любила?

А н н а. То любила, то ненавидела. Какой же ты все-таки нахал.

Д м и т р и й. Не нахал, а наглец. А за что ненавидела, в том сама была отчасти виновата?

А н н а. Конечно.

Д м и т р и й. А сейчас по выходным в церковь ходишь, просишь бога послать тебе мужчину, отца для твоих детей? Можешь не отвечать. Это так.

Анна несколько секунд сидит, будто пораженная молнией, потом с оскорбленным видом вскакивает со скамейки и направляется к входу в корпус. Дмитрий догоняет ее.

Д м и т р и й. Ну, прости. Что-то на меня сегодня нашло. Ну, пожалуйста, Аня!

Берет Анну за руку, она с ожесточением вырывает руку. Теперь они стоят лицом к лицу и смотрят друг другу в глаза.

Д м и т р и й. У тебя удивительное лицо. Из позапрошлого века. Не обращай внимания на мои закидоны. Я просто дергаю тебя за косичку. А ты даешь мне по башке портфелем. Теперь можно помириться. Мир?

А н н а. Эти слова для повести или для меня?

Д м и т р и й. Эти – для тебя. Про повесть я уже забыл.

А н н а. Ну, как не забыть. Вошел в роль. Не верю! Но можно проверить. О чем твоя повесть? Ну, есть же там что-то, кроме слюней любви?

Д м и т р и й. Я ведь уже сказал – как карта ляжет.

А н н а. Не бывает такого. У каждого писателя есть план. Где план?

Д м и т р и й. Нет плана. Как сложится сюжет сам по себе по ходу отношений, так и будет.

А н н а. Авантюра какая-то.

Д м и т р и й. Ну, авантюра. В этом и фишка.

А н н а. Не понимаю, что дальше-то делать?

Д м и т р и й. Наверное, что хочется. Я бы сейчас, прошелся с тобой, взяв тебя за руку.

А н н а. Еще чего!

Д м и т р и й. Боишься дать руку? Понятно.

А н н а. Что понятно?

Д м и т р и й. Не хочешь будоражить себя перед сном.

А н н а. Я приехала сюда отоспаться.

Д м и т р и й. Тогда не смею задерживать. Сон – это святое.

У Анны звонит мобильник.

А н н а. Да, Макс.

Г о л о с М а к с а. Чем занимаешься, матушка?

А н н а. Макс, давай потом.

Г о л о с М а к с а. Нет, матушка, потом не будет. Какой пример ты подаешь детям?

А н н а. Ну, ты гусь, Макс! *(смотрит на окна своего номера, видит Павлика и Женю)* Из всех соглядатаев сделал!

Г о л о с М а к с а. Матушка, мы не дадим тебе пасть в наших глазах.

А н н а. Больше не звони. Не отвечу.

Отключает мобильник.

Д м и т р и й. Второй сын еще и ревнивец? Это не лечится. Ни лекарствами, ни мордобоем. Либо само проходит, либо...

А н н а. Либо?

Д м и т р и й. Либо дай тебе бог терпения. Вот беда-то.

Как же так получилось?

А н н а. Кто бы мне объяснил.

Д м и т р и й. Нежничала с ним?

А н н а. Ну, не до такой степени. Ты что-то не то подумал.

Просто у него своя кандидатура.

Д м и т р и й. Тебе в мужья? Ну и как он тебе, этот кандидат?

А н н а. Это человек, которого я посадила за попытку взять детей в заложники.

Д м и т р и й. Офигеть!

А н н а. Для твоей повести подойдёт?

Д м и т р и й. Надо подумать. Этак ведь мелодрама вывернет на криминал. А Макс тоже побывал в заложниках?

А н н а. В том-то и дело! Чуть не поехал на Северный Кавказ коз пасти. Но уже ничего не помнит. Стокгольмский синдром.

Д м и т р и й. Видимо, захватчик – богатенький Буратино?

А н н а. Кредитовал моего мужа под дикие проценты, а потом выбивал из него долги, пока не довел до самоубийства. А потом требовал долги с меня, пока ему не пришло в голову взять вместо долгов меня. Сейчас освободился и решил все-таки добиться своего, только теперь с помощью Макса. А твой герой какого возраста?

Д м и т р и й. Давай вместе решим.

А н н а. Пусть будет твоего возраста. Чего лишнего надумывать? А ты не перепутаешь, где ты, а где твой герой?

Д м и т р и й (*берёт Анну за руку*). Обойдемся без раздвоения личности. Наверное, когда мужчина держит в своей руке руку женщины, то ей должно казаться, что он держит её сердце. Нет?

А н н а. Я используюсь для создания диалога, а это мысли героя. Поэтому могу не отвечать.

Д м и т р и й. Но мне нужны и мысли героини.

А н н а. Если бы мужчины читали все мысли женщин, они были бы гораздо решительней. Но это не про меня. Хотя в данном случае мысли моей героини, боюсь, тебе не понравятся. Она думает, какая сухая, теплая рука, и только. Только не трогай меня выше запястья, это уже лишнее.

Д м и т р и й. Там начинаются твои моральные принципы? Всем нам свойственно совершать глупости и пытаться убежать от судьбы. А от судьбы не убежишь.

Г о л о с П а в л и к а. Мам, мы не спим. Тебя ждем.

Г о л о с Ж е н и. Мам, глаза уже слипаются.

Д м и т р и й. Ну, что, Анна? До завтра?

А н н а. До завтра.

Квартира Анны. Кухня. Дверь на этот раз открыта во избежание подслушивания. За столом Анна и Анестезия.

А н н а. А вечером повел меня в ресторан. Я без остановки закусывала, а он почти не притронулся. Мне было стыдно, но я продолжала жрать.

А н е с т е з и я. Это чисто нервное. Танцевали?

А н н а. Угу.

А н е с т е з и я. Прижимал?

А н н а. А потом пригласил меня к себе на дачу. А мне некуда девать Павлика и Женю. Съезжу ненадолго. Туда и обратно. Посмотрю, как он живет.

А н е с т е з и я. Ах, подруженька, не рви мне сердце. Туда – обратно она съездит. Сколько получится, столько и не возвращайся. И мне зачтется. Бог наше бабье товарищество любит. Знаешь, мне как-то странно. Ты почему-то о самом главном не говоришь. Если он писатель, значит психолог. Может, он тебе что-то насчет Макса подскажет?

А н н а. Я, дура, уже проговорилась.

А н е с т е з и я. Испугался? Тогда зачем он тебе?

А н н а. Давно хочу, чтобы у меня была с кем-то тихая гавань. И в то же время не хочу. Не разорваться же мне. Я создана для банальной семейной жизни. Чтобы каждый день быть друг у друга под боком.

А н е с т е з и я. Так ты не собираешься его сюда приводить?

А н н а. Очень удивился, когда узнал, что у меня нет своей комнаты. Лучше бы не говорила.

А н е с т е з и я. Да уж, это ни в какие ворота. Ну, короче, на семейную жизнь он не нацелен?

А н н а. Во-первых, рано еще об этом. Во-вторых, ему, как всем мужикам, нужно спокойствие, душевное равновесие.

Треск мотоцикла. Звук открываемой двери в прихожей. Появляется Максим в новеньком шлеме.

А н н а. Поздравляю, сыночек.

М а к с и м. Спасибо, матушка. Сердечные тайны перетираете? Любовь до гроба появилась? Ну-ну. Шансов на такую любовь, до гроба, у твоего хахаля достаточно. Кекса нет? Ты теперь, наверное, совсем не будешь печь кексы. Я чего забежал-то... Я только что от юриста. Хочу предупредить: если тебе вдруг захочется разменять квартиру... Без моего согласия это незаконно. Вот как-то так.

Максим исчезает за дверью.

А н н а. Читает мои мысли. Ну, вот кому я нужна со всем этим?

А н е с т е з и я. А ты уверена, что вообще нужна этому Дмитрию? Сама же говоришь, что у него пари. Он просто играет в свою игру, а ты вообразила, что станешь его музой.

А н н а. У него не пари. С женщинами пари не заключают. Просто спор. А игра, или не игра... Вот съезжу, и всё встанет на свои места.

Они настораживаются, услышав шорох. Из-за шкафа появляется Женя.

А н н а. Господи, как ты меня напугала! А я думала, ты у себя в комнате.

Ж е н я. Мам, а что такое муза?

А н е с т е з и я. Товарищ по творчеству.

Ж е н я. Все равно непонятно. Ты можешь говорить яснее?

А н е с т е з и я. А ты можешь мне сказать: тебе этот Дима – как?

Ж е н я. У него весёлые глаза. Он научил меня ездить вер-
хом. Теперь я знаю, как пахнут лошади. Он только маму все
время хочет потрогать.

А н н а. Женечка, а мне не нравится, что ты подслушива-
ешь.

Ж е н я. Мы должны помогать тебе. Ты не должна пасть.
Мам, а почему у собачки пасть и у тебя?

А н н а. Это у тебя такой юмор? Неплохо.

Звук открываемой входной двери. Появляется Никита.

Никита. Мам, мне бы перекусить. Я сам налью. *(Налива-
ет в тарелку суп, обращается к сестре)* Женька, свали на
минуточку, плиз.

Женя неохотно уходит к себе.

Н и к и т а. Ма, тебе не кажется, что надо что-то делать
с Максом?

А н н а. Ты ж считаешь, что это у него пройдёт.

Н и к и т а. Я ни на минуту не забываю, что он мой брат,
но он это забывает.

А н н а. По закону ему принадлежит доля в квартире, и
без его согласия, мы этой долей распорядиться не можем.

Н и к и т а. Мама, надо посоветоваться с адвокатом. Не
думаю, что против таких, как Макс, нет никакого закона.

А н н а. Так можно рассориться на всю оставшуюся жизнь.

Н и к и т а. А мы уже не семья, просто живем рядом. И
зачем ты столько нас нарожала?

А н н а. Вот этого, Никитка, я никак не ожидала от тебя.

Н и к и т к а. Мам, ты не обижайся. Но у нас нет главы семьи. В этом все дело. Ты должна быть главой, но ты не глава. У тебя даже своей комнаты нет. Раздала всем по комнате, а сама ютишься вместе с Женькой – разве это правильно?

А н н а. Я хотела, как лучше, а получается, что еще и в этом виновата.

Н и к и т а. Не ты должна приспособливаться к нам, а мы к тебе.

А н н а. Это оттого, что у меня в детстве не было никакой свободы.

Н и к и т а. Мама, неужели тебе нужно объяснять, что много свободы – это тоже плохо? Подумай о Павлике и Женьке. Они ведь Максу в рот смотрят. Либо они станут такими же, либо рассорятся с ним, как я. Тебе это надо?

Дача Дмитрия. Дмитрий помогает Анне выйти из машины и показывает свое обиталище.

А н н а. Ничего лишнего. Как в гостинице.

Д м и т р и й. Ну, так полжизни в командировках.

А н н а. Неужели сам содержишь дом?

Д м и т р и й. Хочешь узнать, есть ли у меня женщина? Была. Но она только изредка что-то готовила.

А н н а. Ты еще и готовишь?

Д м и т р и й. Роль женщины в этом вопросе сильно преувеличена. Пришлось освоить, когда остался один. Между прочим, это произошло, как и у тебя, четыре года назад. Нельзя сказать, что мы под богом ходим. Встретиться бы нам

раньше. Ну, что? За стол?

Дмитрий подводит Анну к столу, отбрасывает большую салфетку, прикрывавшую большое блюдо с малиной.

Д м и т р и й. Вино не предлагаю. Хотя, если приехала надолго, то можно.

А н н а. Нет, на час, не больше. Собственно, программа визита уже исчерпана. Ты обещал показать дом – показал.

Д м и т р и й. Эпизод приезда героини на дачу к герою может получиться скучным.

А н н а. Не знаю даже, что тебе посоветовать. Если он к ней полезет, то как будет выглядеть в её глазах? Он же обещал только дом показать.

Д м и т р и й. А что если он не совсем джентльмен?

А н н а. Господи, что ты такое говоришь? Кто же он? Мужик? Нет, он мужчина. Такой, я бы сказала, мужской мужчина. Хотя железо явно не качал.

Д м и т р и й. Тогда я скажу, почему он не совсем джентльмен. Он – торопыга.

А н н а. Если честно, я тоже.

Д м и т р и й. Он просто за уши себя держит, чтобы не поцеловать тебя.

А н н а. Да? А что, так непреодолимо тянет?

Д м и т р и й. Помоги, сама поддержи. За уши поддержи.

Они смотрят друг другу в глаза. Анна берет в руки его уши и тянет от себя.

Д м и т р и й. Не туда.

А н н а. Куда хочю, туда и тяну.

Тянет к себе. Долгий упоительный поцелуй. Свет гаснет.

Пауза. И когда снова зажигается, Дмитрий и Анна лежат в постели.

А н н а. Я всё время разговариваю с тобой. А теперь буду засыпать и просыпаться с тобой, хотя тебя не будет рядом. У нас красивый роман. Для меня это так важно. Я же Стрелец. А Стрельцам важно всё настоящее.

Д м и т р и й. А я драный Лев, который любит спать в тени, и отбирать у львицы добычу.

А н н а. Да уж, знак у вас, сударь, прямо скажем, не ахти. Царь зверей и вдруг – то на тумбе сидит с поднятыми лапами, то прыгает через огненный обруч, поджав хвост с кисточкой.

Д м и т р и й. Не убивай меня, Стрелец.

А н н а. Не съешь меня, Лев.

Д м и т р и й. Знаешь, я до сих пор не могу поверить в то, что произошло. Я ничего в жизни не получал легко, а тут – как по заказу. Это либо награда непонятно за что, либо... Кто бы мне объяснил?

А н н а. А я чувствую, что мне теперь есть чем дышать. Ну да ладно. Это все лирика. Главное, что базовая потребность удовлетворена. Теперь можно перейти к делу. Эти минуты, наверное, самые трудные для описания, да?

Д м и т р и й. Какая деловая! А я, представь себе, забыл.

А н н а. Не уходи от ответа. Как опишешь эти минуты?

Д м и т р и й. Главный герой думал, что прежде чем понять, как она относится к нему, ему надо бы знать, как она относится к мужчинам вообще.

А н н а. Эка завернул! Ничего хорошего в ее отношении к мужчинам нет. Одни разочарования. И в этом она очень даже не одинока. Те, что моложе, вообще смотрят на мужиков только как на спонсоров.

Д м и т р и й. То есть ты сделала мне снисхождение?

А н н а. Ты в стадии изучения.

Д м и т р и й. Тебе не трудно будет сказать, что произошло с твоим мужем?

А н н а. Он хотел застрелиться, но не смог, и умер. Саркома. Он влез в колоссальные долги. И умер, так и не отдав их.

Д м и т р и й. Ты выходила за него по любви?

А н н а. Я надеялась, что мое чувство к нему станет сильнее, но, к сожалению, все пошло наоборот.

Д м и т р и й. Зачем же ты рожала одного за другим? Как он, кстати, к этому относился?

А н н а. Относился нормально, пока не влез в долги. А рожала... Боюсь, мое объяснение тебя разочарует. Мне это доставляло удовольствие – вынашивать, рожать, кормить...

Д м и т р и й. Вы бывали на грани разрыва?

А н н а. Еще как! И не раз!

Д м и т р и й. И после этого ты каждый раз рожала?

А н н а. Ох, детективщик! Ты пытаешься меня в чем-то уличить? Я же тебе только что сказала – я ловила от бере-

менности и родов кайф.

Д м и т р и й. Ты меня познакомишь с твоими старшими?

А н н а. Конечно. Ты должен пройти через все.

Д м и т р и й. Ну, и последний вопрос. Сколько раз ты изменяла мужу?

А н н а. Бог любит троицу. Все? Интервью конец? Или еще будут вопросы?

Д м и т р и й. Будет еще один вопрос. (*шутливо*) Мадам, я не имею чести быть вам представленным, однако осмелюсь обеспокоить вас вопросом: отдаться не интересуетесь?

А н н а. Ах, поручик Ржевский, как вы догадливы!

На сцене гаснет свет.

Дача Дмитрия. Лена что-то готовит на кухне. Антон колдует у мангала. Дмитрий расставляет на столе приборы.

Л е н а (*вполголоса Антону*). А что, Полины не будет? (*Антон в знак согласия строит соответствующую мину*) Как интересно! А что тогда означают шесть приборов на столе?

А н т о н. Увидишь.

Л е н а. Мог бы и предупредить.

А н т о н. Я боялся, что тогда ты можешь не поехать.

Л е н а. Ну, зачем такие крайности? Творческий человек имеет право на закидоны. Хотя за Полину обидно. На столе много сока. Значит, будут дети. А если малые дети, значит, новая женщина намного моложе Полины. Скорее всего, моя ровесница. Так?

А н т о н. Я сам еще не видел её.

Л е н а. Когда-нибудь точно так же привезешь кого-нибудь и ты.

А н т о н. Леноч, я тебя умоляю.

Слышно, как к даче подъезжает машина. Дмитрий идёт встречать гостей. Это Анна с Павликом и Женей. Дмитрий делает движение – хочет поцеловать Анну, но Павлик и Женя согласованно заслоняют мать, и порыв Дмитрия повисает в воздухе.

Анна протягивает руку Антону. Тот раскрывает рот, чтобы назвать себя, но Лена его опережает.

Л е н а. Лодочник.

А н н а. Почему лодочник?

А н т о н. Не знаю.

Л е н а. Это его псевдоним. Но если вам станет его жалко, называйте Антоном.

Стол накрыт на патио перед домом, под кронами двух больших яблонь.

Д м и т р и й. Ну, давайте за стол. Шашлык подгорает.

П а в л и к. Давайте я буду следить.

А н т о н. Давай!

Ж е н я (Антону). А я люблю малину.

Антон усаживает девочку возле большого блюда с малиной.

А н т о н. Уплетай!

П а в л и к. Ма, мне нравится лодочник.

Ж е н я. И мне!

П а в л и к. А тебе, мам?

Л е н а. Ой, какая интересная компания! Сегодня я, пожалуй, выпью чего-нибудь крепкого и напьюсь. Лодочник, ты не против?

А н т о н. По-моему, не стоит.

Л е н а. Ну, уж нет!

Дмитрий стоит с растерянным видом. Он потерял контроль над ситуацией. Он хотел сесть рядом с Анной, но она уже сидит, а по обе стороны от нее Павлик и Женя. Он садится на оставшееся свободное место.

Л е н а. Дмитрий, Антоша наложил на меня санкции. Налейте мне водки.

А н т о н. Отец, ни в коем случае! Только вино!

Л е н а. Хорошо, давайте вино.

Дмитрий наливает ей бокал белого вина. Она выпивает залпом.

А н т о н. Без тоста? Ну, Лена, это как-то не по-русски.

Лена протягивает Дмитрию бокал, требуя наполнить его снова. Дмитрий подчиняется.

Л е н а (на глазах хмелея). Господи, заткни уши, я высказаться хочу.

А н т о н. Не надо! Потом! Закуси сначала шашлычком. Смотри, какой румяный, поджаристый.

Лена уступает его уговорам – берёт шампур. Антон готовится произнести тост.

А н т о н. Подарки потом, а сейчас – поздравления. Ребя-та, отец для меня больше, чем отец. Это – друг, настоящий друг. Отец, пусть в твоей жизни будет всё, что помогает тебе писать и жить в радости. Я буду не просто рад за тебя, я буду счастлив.

Неожиданно появляется Полина. На нее особенно бурно реагирует Лена.

Л е н а. Полечка, как вы вовремя!

Полина сразу соображает, какое отношение к Дмитрию имеет молодая женщина с двумя детьми, но отступить поздно.

П о л и н а. На дни рождения ходят без приглашения. Так что не обессудьте. Это, Димочка, тебе.

Полина вручает Дмитрию коробку с дорогим коньяком и ищет глазами, где бы сесть. Свободное место оказывается только рядом с Дмитрием. Антон наливает Полине вина.

П о л и н а (Дмитрию). Не знаю даже, Димочка, что тебе пожелать. Желают обычно того, чего нет, или чего недостаёт. А у тебя ... И все же... и все же... пусть у тебя напишется то, что ты задумал...

Полина довольно откровенно целует Дмитрия. И без того растерянная Анна меняется в лице. Дети мгновенно соображают, как вывести маму из этого состояния.

П а в л и к. Мам, лодочник говорит, здесь полно грибов. Давай сходим.

А н н а. Потом.

Ж е н я. Мам, пошли сейчас.

А н н а. Мы заблудимся.

П а в л и к. Лодочник нас проводит.

Антон растерянно смотрит на Дмитрия, Дмитрий – то на Анну, то на Антона. Похоже, сын не против сходить по грибы.

А н н а. Детская блажь. (Детям) Прекратите!

П о л и н а (*продолжает тост*). Но это не всё. Димочка, а еще я банально пожелаю тебе счастья в небанальном смысле этого слова. А счастье – это когда ты нужен тому, кто нужен тебе.

Л е н а. Bravo, Полечка! Только кто сейчас кому нужен?

П о л и н а. Bravo, Леночка! На пути сюда я как раз думала, почему тому, кто нам нужен, мы не нужны? Но как сегодня острят женщины, чему бы грабли не учили, а сердце верит в чудеса.

Л е н а. Самое большее, на что человек сегодня может рассчитывать, это на иллюзию. Иллюзию того, что кто-то понимает его, а он понимает кого-то.

П о л и н а. Димочка, Хороший диалог надо брать прямо из жизни. Я бы на твоём месте запомнила каждое слово.

Д м и т р и й (*морищится*). А, по-моему, в этой сцене есть что-то... такое этакое...

П о л и н а. Ты прав, есть. Мое появление. Но если это «что-то» обостряет сцену, оно никак не лишне. (*обращается к Анне*) Правда... э-э-э, не знаю, как вас?

Л е н а (*знакомит*). Это Анна. А это Полина.

А н н а. Интересно вы развлекаетесь.

П о л и н а. О, Дима это умеет, этого у него не отнять. Сколько текстов он уже списал с собственной жизни! Не читали? Зря. Все пишут с себя, но он... Это что-то особенное. Но он так перемешивает реальное и выдуманное. Такой у него в голове миксер...

Анну прерывает громкий вопль Павлика, который решил сам взять шампур с шашлыком и обжегся о мангал. Начинается суета.

А н т о н (*вполголоса*). Отец, непусти её.

Д м и т р и й. Ты бы не упустил?

А н т о н. Отец, это ты зря.

Л е н а. Если нас любят, значит, мы еще молоды. Так ведь, Дмитрий? А что вы думаете насчет хороших людей? По-моему, хороший человек – не обязательно интересный.

А н т о н. То есть себя ты считаешь интересным человеком?

Л е н а. Во всяком случае, мне с собой не бывает скучно, поэтому вопрос, интересна ли я кому-то, для меня даже не возникает. (*дурашливо декламирует*) Нас невозможно сбить с пути, нам все равно куда идти.

А н н а (*прислушавшись к разговору, подходит к Дмитрию*). Интересно, что думает во время этой сцены наш замечательный герой. И не мучается ли он ревностью?

Д м и т р и й. Напрасной ревностью?

А н н а. Этого он ещё не знает. Но пусть на всякий случай немного помучается. Какая повесть о любви без ревности? Так о чем он всё же думает, наш герой?

Д м и т р и й. Сын только что посоветовал мне не упустить тебя.

А н н а. Хорошая мысль.

Л е н а (*вполголоса Анне*). Аня, а как вам Полина?

А н н а. Она замечательная. Я готова с ней подружиться.

П о л и н а (*тоже прислушивавшаяся к разговору*). Анечка, вы прирожденный драматург. Но мне пора. Не провожайте. Я сама выйду за ворота, сяду в машину и укачу с ветерком.

Полина уходит. Оставшиеся смотрят ей вслед.

Л е н а (*Антону*). Ну, сейчас-то я могу высказаться?

А н т о н. Потом, Ленок, потом. Ты ещё не собралась с мыслями.

Л е н а. После трех бокалов я готова как никогда. Другое дело, что трезвые меня не поймут, но это их проблема.

Антон уводит Лену в дом. Павлик, наострив уши, помещивает угли в мангале. Женя по обыкновению прилипла к матери.

Д м и т р и й. Ань, поговорить бы.

П а в л и к. А вы говорите.

Ж е н я. Говорите, мы слушаем.

А н н а (*Дмитрию*). Не злись.

П а в л и к. Мы и мама – одно целое.

Ж е н я (эхом). Одно целое.

П а в л и к. Не повезло вам с нами.

А н н а. Павлик, прекрати! Прогуляйтесь по саду.

П а в л и к. Нет, мама, мы при исполнении. У нас задание.

Д м и т р и й. Тогда я прогуляюсь.

Дмитрий встает из-за стола и уходит. Анна расстроена.

Ж е н я. Мам, не плач, а то я заплачу.

А н н а. Что вы со мной делаете?!

Дети обнимают ее. Она отстраняет их и идет за Дмитрием. Дети устремляются следом.

А н н а. Оставьте меня!

Дети отстают. Анна догоняет Дмитрия.

А н н а. Ты совершенно не умеешь ладить с детьми.

Д м и т р и й. Это ты не научила их вести себя.

А н н а. Они умеют себя вести, просто не могут. Их настроил Максим.

Д м и т р и й. Значит, как бы я ни умел обращаться с детьми, это мне не поможет.

А н н а. Ну, почему? В принципе, их можно перенастроить. Хотя на это потребуется время, желание и умение.

Д м и т р и й. А слова «цыц» они у тебя знают?

А н н а. Цыц не мой стиль. *(пытаясь шутить)* Ну, не Макаренко я. Понимаю, для читателя это будет скучно. Но ты все-таки не вторую «Педагогическую поэму» задумал. Не злись, перезагрузись.

Д м и т р и й. Не могу. Хочу и не могу. Хотя понимаю, что надо. Иначе все распадётся.

Антон и Лена продолжают разговор в доме.

Л е н а. Что с тобой, Антоша? Я тебя таким ещё не видела.

А н т о н. Просто рад за отца. Такая женщина!

Л е н а. Во как! А ты знаешь, что восхищаться одной женщиной в присутствии другой почти жлобство? Ну, да ладно, что с тебя возьмёшь. Лучше скажи, откуда такой вывод, если она только пару раз рот открыла?

А н т о н. Разве разговор имеет такое уж значение? Зато как молчит!

Л е н а. Я тоже чаще всего молчу, но еще не удостоилась эпитета «такая». И никогда ещё при мне ты не был таким живчиком.

А н т о н. Хорошо, теперь буду молчать.

Л е н а. Антоша, обидчивость – черта лакеев.

А н т о н. А я в некотором роде и есть лакей. Стараюсь во всем угодить женщинам. И что взамен?

Л е н а. Чёрная неблагодарность. Ну, мы такие. Нам нужны специи, немного уксуса, немного перца, как для этого шашлыка.

А н т о н. Я дал тебе повод для ревности. Разве это не специя?

Л е н а. Специя. Только смотри, не переперчи. А то ведь и папочка обратил уже внимание, что ты сегодня какой-то не такой.

А н т о н. Просто я рад за него.

Л е н а. Ну, конечно. Ты так рад. Ну и скажи тогда о своей радости вслух. Тост за это предложи.

Антон устремляется из дома к праздничному столу. Наливает в рюмки.

А н т о н. Отец, Анна, простите, это надо было сделать раньше. За вас с Анной! Я... мы с Леной очень рады. Мы даже по-хорошему вам завидуем.

Квартира Анны. Входят Максим и Гена. В руках у Максима большая сумка. Максим заглядывает в комнату Никиты.

М а к с и м. Никита, выходи. Разговор есть.

Никита нехотя выходит. Гена садится в гостиной в кресло. Максим вынимает из сумки бутылки с пивом и вяленую рыбу.

Н и к и т а. Макс, ты же знаешь, мама этого не любит. Она вот-вот должна приехать.

М а к с и м. Но ты-то любишь пиво. Давай присаживайся.

Г е н а. Сделай одолжение.

Никита садится за стол. Максим раскупоривает и раздает бутылки. Так они и пьют, прямо из горлышка.

Г е н а. Никита, давай по-мужски решим пару вопросов. Ты поможешь мне, я – тебе. Хочу жениться на твоей маме. Макс – за. Если и ты не будешь против, то вас будет уже двое. А остальные двое присоединятся автоматом. У мамы демократия. Вот пусть и подчиняется большинству. Взамен полу-

чаешь однушку, здесь по соседству... Чего молчишь?

Н и к и т а. Не могу я маму замуж выдавать, тем более, против ее желания. Хрень какая-то.

М а к с и м. Ты ж мечтаешь жить отдельно.

Н и к и т а. Только, чтобы не видеть тебя. Исключительно поэтому.

М а к с и м. Ну, вот. И не будешь видеть.

Н и к и т а. Есть и другие варианты.

М а к с и м. Других вариантов не будет. Я проконсультировался с адвокатом.

Г е н а. Послушай, Никита, тебе ведь и бабки, наверно, нужны. Могу у себя в фирме пристроить. Ты ж на экономиста учишься. Нужный кадр. Машину в кредит возьмешь.

Н и к и т а. Квартира, машина... Меня еще не покупали.

Г е н а. Неправильно мыслишь. Тебя не покупают. Тебе по-родственному предлагают.

Звук открываемой входной двери, голоса Павлика и Женю. Анна входит в гостиную и застывает в немой позе. Гена поднимается. Максим увлекает за собой в кухню Никиту, Павлика и Женю.

Г е н а. Ань, давай поговорим. Сядь, пожалуйста. Ну, пожалуйста!

Анна усилием воли заставляет себя сесть.

Г е н а. Я в колонии в часовню ходил. Прощения просил у бога.

А н н а. Виноват перед людьми, а прощения просил у бога?

Г е н а. Теперь у тебя хочу попросить.

А н н а. А что бог-то, простил?

Г е н а. Я делал много добряка, и еще буду делать.

А н н а. Добряк? Что-то новенькое. Это добро, что ли?

Г е н а. Добро.

А н н а. Ну, так бы и говорил. Почемудобряк-то? Или слово «добро» выговорить трудно?

Г е н а. Ну, что ты придираешься? Так, прощаешь?

А н н а. Прощаю, но забыть не обещаю.

Г е н а. А ты пообещай. Вот тебе в знак примирения.

Гена протягивает Анне автомобильные ключи.

Г е н а. Это маздочка – любимая модель женщин. А свою машину можешь пока Никите отдать. Дружба держится на маленьких подарках, а любовь на больших. Я люблю тебя, Ань.

А н н а. Не беру я таких подарков, Гена, да еще с такими поговорками. Люблю старомодно, бескорыстно.

Г е н а. Эх, Ань, что такое любовь? Всего лишь протокол о намерениях. Любовь жизнью проверяется.

А н н а. Это правильно. А вот насчет протокола... Добряк, протокол... Какие слова...

Г е н а. Ну да, тебе ж нужны слова твоего писателя. Ну, позвони ему, пусть приедет, поговорим, обсудим наш треугольник. Скажи, что тебя обижают. Вот и увидишь, чего стоит его любовь. Каждая женщина проверяет своего мужика. Давай, позвони.

Появляется Максим. По всему видно, что он всё слышал.

М а к с и м. Позвони мама, чего тебе стоит?

А н н а. Что вы задумали?

Гена и Максим успокаивающе поднимают руки: им просто интересно.

А н н а *(после довольно продолжительного колебания)* Ладно! *(достаёт мобильник, набирает номер)*. Дима? Однако, сегодня у нас день сюрпризов. Сначала для меня, а теперь для тебя. Ты не мог бы приехать? Здесь, на месте, всё увидишь. Загадки? Ну, загадки. А ты хочешь написать повесть без загадок? Давай, жду. *(Гене)* Он сейчас придет. Надеюсь, до хамства дело не дойдет?

М а к с и м. Этого я не обещаю. *(уходит в другую комнату, но оставляет дверь открытой)* Но ты ж должна увидеть, как он реагирует на хамство.

Г е н а. Ань, вот чем я тебе не по душе? Давай начистоту!

А н н а. К цели идёте не так.

Г е н а. Что я делаю не так? Объясни мне!

А н н а. Господи, ну как это можно объяснить, если сам человек не понимает?! Ведь я, несмотря на все унижения с вашей стороны, уважаю в вас человека. А вы не уважаете в людях людей, и значит, не уважаете и в себе человека. Вот и всё объяснение.

Г е н а. Я не считаю, что не уважаю себя.

А н н а. Себя вы, конечно, уважаете. А человека в себе?

М а к с и м *(возвращается)*. Матушка, этот твой Димон

так же рассуждает? Тогда понятно, чем он тебя взял. (*Гене*)
Есть такие люди... Считают себя выше, лучше. Сами себя
объявляют первым сортом, а такие, как мы с тобой – третий
сорт.

Г е н а. А выше кого они себя считают? Выше тех, у ко-
го больше денег. Сами-то не могут делать бабки. Вот это их
и гложет. Хотя, если вдуматься, в том, что человек умеет
преумножать материальные ценности, и есть его нравствен-
ность. Нравственность – во всем, что человек делает хоро-
шо, профессионально. Остальное – от лукавого. Все грешат
практически одинаково, только одни делают это открыто, а
другие прячут свои грехи. Я делаю открыто – я плохой чело-
век. Другой втихаря – он хороший. Хотя недаром говорится,
что в основном гадости делают как раз хорошие люди.

*Звонок в дверь. Анна идет открывать. Возвращается с
Дмитрием.*

Д м и т р и й. Здравствуйте.

М а к с и м (издевательским тоном). Ооо! Я бы уступил
ему место в метро. Матушка, до чего ты докатилась!

*Дмитрий никак не реагирует на реплику. Анна показыва-
ет ему место рядом с собой на диване. Дмитрий садится.*

А н н а (Дмитрию). Это мой сын Макс. А это Геннадий.

Г е н а. О чем пишешь, писатель? О борьбе добра со злом?
Ну, вот я – зло. Поборись со мной. На бумаге у тебя, наверно,
получается. А по жизни? Давай, борись. Чего молчишь?

Д м и т р и й. Резво ты начал. Ну, продолжай, заведись.

Г е н а. Я уже завелся.

Д м и т р и й. Ну, еще не на всю катушку. Давай, покажи себя во всей красе.

Г е н а. Ты мне как бы угрожаешь? (*Максиму*) Если пишет детективы, значит, бывший мент! (*показывая на Анну*) Забудь её, понял? Или я не посмотрю, что ты мент.

М а к с и м (*вызывающе нагло*). Забудь матушку, Димон!

Д м и т р и й. Матушкой, Макс, называют попадью или монахиню. Называй маму просто мамой.

М а к с (*все больше наглея*). Кто ты такой, чтобы мне указывать?

Макс выхватывает из подмышки пистолет. Угрожающе снимает с предохранителя и загоняет патрон в ствол. Наставляет на Дмитрия.

А н н а. Макс, ты совсем сдурел?!

Г е н а. (*Дмитрию*) Между прочим, это не травматика. Валил бы ты отсюда, и чтобы духу твоего здесь не было.

Д м и т р и й (*Максу*). Знаешь правило? Направил ствол – стреляй. Иначе ты – сявка. Ну, стреляй!

М а к с (*продолжает наставлять пистолет на Дмитрия*). Я больше повторять не буду. Я выстрелю.

Д м и т р и й. Стреляй.

Г о л о с А н е с т е з и и. Эй, что тут у вас происходит?

Анестезия входит в гостиницу.

А н е с т е з и я. На лестничной площадке все слышно. Гена, что же ты вытворяешь! Ну как тебе не айяйя? Хочешь

обратно? Ну, так на этот раз двумя годами не отделаешься.

А н н а (Гене). Вам лучше уйти.

М а к с и м. Еще чего? Гена мой гость.

Д м и т р и й. Он сейчас сам уйдет. Аня, принеси три столовые ложки риса.

Анна уходит на кухню, и пока она там что-то делает, все сидят молча, напряженно поглядывая друг на друга. Анна приносит три столовые ложки риса.

Д м и т р и й. Значит, игра такая. Кладём в рот ложку риса и жуём. У кого рис будет мокрый от слюны, тот остаётся. У кого сухой – тот уходит. Но это не всё... У кого слюна сухая, тот прежде чем уйти стреляет в себя. Можно в руку. Можно в ногу. Можно вскользь. Заодно проверим, травматика это или настоящий ствол.

А н н а. Давайте ограничимся рисом.

Д м и т р и й (Гене). Начнём.

Кладёт себе в рот ложку с рисом. Гена делает то же самое с видом человека, который чувствует какой-то подвох. Жуют, вызываяще глядя друг другу в глаза. Остальные смотрят, затаив дыхание. Кладёт себе в рот рис и Максим. Напряженно жуют.

Дмитрий первым выплевывает на растопыренную ладонь мокрый жеваный рис.

Гена медлит, жует изо всех сил.

А н е с т е з и я. Жуй, Гена... Ну, хватит. Открой рот.

Рис у Гены изо рта не падает, а высыпается.

А не стезия. Сухой у тебя рис, Геночка.

Из рта у Максима тоже рис высыпается.

Дмитрий выразительно смотрит на Гену и Макса, как бы говоря им: проиграли – проваливайтесь.

Макс. Я никуда не уйду. И Гена никуда не уйдет. И стрелять в себя не будем. Нашёл лохов.

Дмитрий. (Анестезии) Включите громче.

Анестезия включает телевизор на полную мощность.

Анна. Дима, не сходи с ума!

Дмитрий вырывает у растерявшегося Максима пистолет, загоняет патрон в ствол.

Анна пытается ему помешать, но он стреляет себе в ладонь по касательной. Рана не очень серьёзная, но крови много. Анна бросается к домашней аптечке, бинтует ладонь.

Анестезия. Детский сад!

Все смотрят на Гену. Гена нехотя поднимается и, всем своим видом сохраняя достоинство, уходит. Максим уходит вместе с ним.

Анна (Дмитрию). Это тебе для повести так надо? Ну, у меня нет слов! Ну, зачем ты выстрелил?

Дмитрий. Больно стало, вот и выстрелил. Не могу понять, зачем ты меня позвала...

Анна. Я надеялась, что ты меня защитишь как-то иначе.

Дача Дмитрия. Дмитрий не знает, куда себя девать. В этом разобранном состоянии его и находит неожиданно приехавшая Полина.

П о л и н а. *(входит, предварительно постучав)* Димочка, извини, что без звонка. Мне нужно кое-что забрать. *(замечает перебинтованную руку)* Что у тебя с рукой?

Д м и т р и й. Не хитри. Почему даже самые умные женщины хитрят?

П о л и н а. Димочка, я так и не поняла твоего отношения к Анне. Как, впрочем, и её отношения к тебе. Я даже не поняла, на какой стадии ваши отношения. Нет, я не лезу в твою личную жизнь. Ну, разве что совсем чуть-чуть. Мы же остались друзьями. Думаю, это тебе пригодится в работе. Ты, конечно, увидел в Анне выраженную личность. Ну, как же, одна поднимает четверых детей! А она, по-моему, обыкновенная клуша. Знаешь, среди клуш тоже встречаются личности. Если ты хотел красивой страстной любви, то не туда попал. Анна вся в детях. А материнская любовь часто почти полностью заменяет любовь половую. Вспомни записки Софьи Толстой. Но уж чего я совсем не могу понять, так это её отношения к твоему Антону. С ним она встречалась взглядами гораздо чаще, чем с тобой. Тебе трудно обвинить меня, что я пытаюсь вызвать у тебя ревность. Ты сам это видел. А я видела, что ты видел. Ты сдерживался, но чего это тебе стоило. Ты совсем перестал говорить. Я знаю, каким ты бываешь за столом. А на этот раз вместо тебя была только твоя немая оболочка.

Д м и т р и й. Полечка, вспомни, пожалуйста, зачем приехала.

П о л и н а. Я приехала сказать, что мне обидно за тебя и за себя. У нас с тобой столько общих интересов, столько общих друзей, общая профессия, общая художественная атмосфера в доме, близкий возраст, наконец. Как можно взять это всё и променять? Ради чего? Только ради того, чтобы написать историю любви? Но где эта любовь? Я её не увидела. И вовсе не потому, что её нет вообще. Она, наверное, есть. Только Анна почему-то стеснялась её показывать.

Есть женщины, которые любят в мужчине совсем не то, о чем он по наивности думает. Тщеславные любят, что он известен. Бедные – что он богат. Не очень красивые – что он красив. А если это всё еще и сочетается, то это просто сумасшедшая любовь. Но редко женщина любит мужчину таким, какой он есть, помимо своей славы, своего богатства или своей красоты. Любит ли Анна тебя именно так? Самое главное моё впечатление – она его, то есть тебя – совсем не знает! Совсем! Абсолютно!

У Дмитрия звонит мобильник.

Г о л о с А н н ы в мобильнике. Я не могу въехать, тут чья-то машина.

Дмитрий нервно дёргается. Полина достаёт из шкафа свои вещи.

П о л и н а. Исчезаю.

Выбегает из дома и скрывается среди деревьев. Появляется Анна.

А н н а (бросается в раскрытые объятия Дмитрия). У

нас всего два часа. Еле вырвалась. *(у Анны звонит мобильник)* Да, Женечка. Что значит, когда? Я только приехала! Не звони мне больше. Я, как только выеду, сама позвоню. *(достает из сумки маленький сверток)*. Стыдно, но тебе достался только кусочек кекса. Эти прожорливые детки нороят съесть самое вкусное.

Д м и т р и й. Тебе самой-то что-то остаётся?

А н н а. Ну, если ни на что не отвлекусь. Они ж едят каждый по отдельности. Знаю, это непорядок, но – ученики идут ко мне вереницей. Некогда за порядком следить.

Д м и т р и й. А такое впечатление, что ты и твои дети – одно целое.

А н н а. Ну, правильно. Мы и есть одно целое, но при этом каждый по отдельности. *(шаловливым тоном)* Мы будем обсуждать мою жизнь или я – в душ?

Г о л о с А н н ы. Лев мой, как же ты вчера бил хвостом!

Д м и т р и й. А ты была похожа на девочку, которая стравила мальчишек, чтобы проверить, кто ее больше любит.

А н н а *(выходит из душевой в халатике)*. А ты и вел себя, как мальчишка. Но если совсем честно, это мне нравится. Я недолюбленная. Родители недолюбили, потом муж... А так хочется... И влюбчивость моя из-за этого. Я влюбчивая, чтоб ты знал. А ты, оказывается, ревнив.

Д м и т р и й. У меня на этот счет своя теория. Изменить можно только тому, кого любишь и своему чувству. А если не любишь, если нет любви, то это и не измена вовсе.

А н н а. Значит, я хроническая изменщица. Ну, обнимай меня, у меня каждая клеточка истосковалась. Только как же ты меня обнимешь, с такой рукой? Уже не болит? На льве, как на собаке? *(крепко целует Дмитрия, но в это время снова звонит мобильник)* Да, Павлик. Вы что, сговорились? Я же сказала, что сегодня вам придется побыть какое-то время без меня. Ничего с вами не случится. Прекратите мне названивать! *(отключает мобильник, целует Дмитрия)* Хочу к тебе! На все плевать! И чтобы простынь изорвать. И задыхаться, и шептать, и в крик сорваться. И умирать, и воскресать. Хочу к тебе!

Дмитрий уносит Анну в постель.

Спустя некоторое время зритель слышит только голоса Анны и Дмитрия.

Д м и т р и й. Беги в душ!

А н н а. Не хочу!

Д м и т р и й. Беги, не рискуй!

А н н а. Ой, как я этого не люблю. Я люблю полежать, понежиться.

Д м и т р и й. Какой нежиться после такого синхрона!

А н н а. Ну, сбегай за меня. *(хохочет)*

И вот они уже не лежат в постели, а сидят за столом.

А н н а. Мне нравится, что ты мало говоришь. Как это у тебя получается? Ты себя сдерживаешь? Обычно мужчинам нравится удивлять женщину тем, как много они видели, как много они знают. А тебе как бы все равно.

Д м и т р и й. Когда человек читает, он перестает слышать. Когда слышит, не может при этом читать. Так и тут. Мне некогда болтать. Я тобой люблюсь.

А н н а. Красиво вывернул! А вот ты сейчас запомнил то, что сказал? Ты это напишешь?

Д м и т р и й. У меня неплохая память. Но я не запоминаю то, что говорю, и что мне говорят. Просто не ставлю перед собой такой цели.

А н н а. А мне иногда кажется, что у тебя всё спланировано, срежиссировано и записано на диктофончик.

Д м и т р и й. Я сказал тебе в самом начале, что знакомлюсь с тобой с творческой целью. На самом деле, это было не совсем так. Да, я хотел с кем-то познакомиться и в кого-то влюбиться, чтобы потом это описать, но в случае с тобой на первый план вышла ты, а не замысел...

А н н а. Если это так, то ты сейчас не должен даже думать о том, чтобы описать наши отношения. А ты, по-моему, пытаешься даже создать какие-то сюжетные ходы. Зачем ты выстрелил себе в ладонь? Ты сделал это не в каком-то порыве, а хладнокровно и расчетливо, я это видела. У тебя не было никакой необходимости кому-то что-то доказывать. И ты видел, что мне это не нравится, но все же выстрелил.

Д м и т р и й. Кстати, пистолет всё же травматический. Откуда он у Макса?

А н н а. От Гены, скорее всего. Оказывается, я совсем тебя не знаю.

Д м и т р и й. Но то, что хочешь знать, уже хорошо.

А н н а. Ой-ой-ой! Ну, хочу. Давай, излагай, как тебя угораздило столько лет прожить без меня. У тебя было много женщин?

Д м и т р и й. От частых занятий сексом склероз бывает.

А н н а. *(подхватывает шутливый тон)* О! А я сколько из-за беременностей секса недополучила! *(становится грустной)* С первого сентября мы будем видеться раз в неделю. Чаще не смогу. И между походом в театр и этим сладким занятием едва ли будем выбирать театр.

У Анны снова звонит мобильник.

А н н а. Да, Женечка, что опять? Скоро, теперь уже совсем скоро. Ну, не скучайте уж так. Почитайте что-нибудь. Да, Павлик. А у тебя что? Да что ж вы так вдруг заскучали? Ну, хватит. Да, представь себе, мешаете! Всё, я отключаюсь.

Д м и т р и й. Хочу задать тебе бестактный вопрос.

А н н а. Валяй. Хотя я догадываюсь. Ты снова хочешь спросить, зачем я... О, запиши! Давать жизнь – это божественное занятие. Будь моя воля, я бы еще столько же нарожала. Нет, больше – шестерых, для ровного счёта. Хочешь, от тебя рожу? Или это твоим сюжетом не предусмотрено?

Д м и т р и й. Я никудышный отец.

А н н а. Я ж говорю, что совсем тебя не знаю. Не знаю даже, сколько у тебя детей, сколько было жен?

Д м и т р и й. Один сын и две жены.

А н н а. По современным понятиям, примерный семья-

нин. И что же, ты недоволен Антоном? Приятный парень и отношения у вас приятные.

Д м и т р и й. Я знаю, что он тебе понравился.

А н н а. Это ты завидуешь, что он моложе тебя. Успокойся, мне просто хочется поддерживать с ним теплые родственные отношения. *(садится Дмитрию на колени)* А ты чего уже нафантазировал, отелло? Лучше скажи, откуда у тебя эти шрамы? На руке, на груди, на голове? Ты был хулиганом? С ножиком ходил?

Д м и т р и й. Нет, просто ссорился с теми, кто ходил с ножиками.

А н н а. Но вчера я видела очень выдержанного мужчину.

Д м и т р и й. Жизнь научила меня, что предсказуемо только мирное разрешение конфликта.

А н н а. Понятно. Ты остепенился. Но каким же ты был... Я читаю ночами твои книги.

Д м и т р и й. Зачем? Ты и так недосыпаешь!

А н н а. Я хочу знать, как ты жил до меня. Каким был. В каждой своей повести ты как на ладони. Только под разными именами. Ты такое вытворял...

Д м и т р и й. Чехов писал в записной книжке: порочность – это мешок, с которым человек рождается.

А н н а. Ты это к чему? И почему мешок?

Д м и т р и й. Торба с пороками. Носится с ними, выбросить не может.

А н н а. Дима, ты не порочный, и никогда им не был, при-

думываешь про себя. И Макс не порочный. Но в нем есть что-то больное, болезненное. Влюбиться бы ему. А вот – никак.

Снова звонит мобильник. Анна с неохотой включает. Молча слушает.

А н н а. Легок на помине. Я так и знала. Как же ты их портишь! Гад ты, Макс, от слова гадить. Что я еще могу тебе сказать? (*выключает мобильник, слезает с колен Дмитрия, садится на своё место за столом*) Ну, что, мне пора. Женька плачет, Павлик возмущается. Всех задействовал интриган.

Д м и т р и й. Я уж думаю, не дать ли ему взятку. Могу купить ему машину.

А н н а. У тебя он не возьмёт.

Д м и т р и й. Пусть переедет в мою квартиру, а я – к тебе.

А н н а. О каких бы то ни было перемещениях он даже слышать не хочет.

Д м и т р и й. Тогда мы в тупике.

А н н а. Это действительно тупик. (*снова садится Дмитрию на колени*) Но мне не хочется. Не хочется. Не хочется. Я буду чахнуть. А к тебе вернется Полина. И ты будешь тоже чахнуть без меня, я знаю! А говорят, для любви нет преград. Какая несправедливость!

Спустя месяц.

Московская квартира Дмитрия. Дмитрий сидит за компьютером. Звонок в дверь. Появляется Полина.

П о л и н а. Димочка, приехала узнать... Звонок – не то.

Это надо обсудить. Вот кофе Бушидо. *(вынимает из пакета)* Вот французский коньяк. Вот твой любимый сухой торт. Пируем? Какое счастье: не вижу на твоём лице раздражения.

Д м и т р и й. Полечка, я тут недавно открыл для себя одну историю. Оказывается, Чехов однажды решил написать роман о любви. Так и назвал – «О любви».

П о л и н а. Не может быть! Под таким названием была книга у Стендаля.

Д м и т р и й. Ты дашь договорить? Чехов работал над этим романом несколько лет. Переписывал, вычеркивал, пока в рукописи не осталась одна фраза: «Он и она любили друг друга, женились и... были несчастливы».

П о л и н а. Ну, это литературный анекдот. Хотя рассказ «О любви» у Чехова есть. Но это к чему?

Д м и т р и й. К тому, что даже в самом интересном сюжете не хватает фактуры. Я уж и так и этак пытаюсь...

П о л и н а. погоди. И это вся твоя проблема? А ты знаешь, что при интересном сюжете фабула может отсутствовать? Читателю интересны твои чувства. А выходки – это из другого жанра, от которого ты устал.

Д м и т р и й. Значит, я не умею выписывать чувства.

П о л и н а. Ну, знаешь, а кто умеет? Даже у Стендаля иногда получалось не очень. Тоже, бывало, писал, как было по жизни, вместо того, чтобы присочинить. Димочка, неужели ты думал, что твоя любовь может быть такой интересной, что не потребуются никакого вымысла? Я понимаю, тебе именно

так и казалось, когда ты пылал. Но когда сел за компьютер, восторг улетучился. Оказалось, что вот это можно не описывать, а вот это сократить... Скажи честно, ты ведь в какой-то момент готов был и жениться? Уже примеривал на себя роль отца? Давай, колись, чего уж там? Свои люди.

Д м и т р и й. Нет, я хочу только то, что могу.

П о л и н а. Ну, слава богу. Тогда я за тебя спокойна. Всё! Полетела!

Д м и т р и й *(растерянно)*. Да как же? А обсудить?

П о л и н а. Теперь уже потом. Я вспомнила – у меня встреча. Пока-пока!

Квартира Анны. Детей нет. Слышно только, как в одной из комнат Анна занимается с ученицей.

Звонят в дверь. Прежде чем открыть, Анна смотрит в глазок. Удивлена, растеряна, смотрится в зеркало, открывает. На пороге Полина.

П о л и н а. Вот, ехала мимо, дай, думаю, загляну.

А н н а. Как мило! Но у меня урок.

П о л и н а. Я обожду на кухне.

А н н а. Но с перерывом в пять минут – другой урок.

П о л и н а. Ну, что делать? Обожду.

Анна оставляет Полину на кухне и возвращается к ученице.

Голос Анны. Давай завтра позанимаемся дольше.

Ученица уходит. Анна появляется на кухне. Полина выкладывает из сумки торт и коробку конфет.

А н н а. Чай? Кофе?

П о л и н а. Кофе с коньяком. (*ставит на стол бутылку коньяка*) Только не делай поспешных выводов. Я не из тех женщин, которые, упустив своё, строят козни. Ань, давай на «ты»? Так нам обоим будет проще.

Анна ставит на стол рюмки. Полина наливает коньяк. Отпивают по глоточку.

А н н а. Как вы ... ты узнала?

П о л и н а. Ой, нет ничего проще. Позвонила знакомым гаишникам, попросила пробить номер твоей машины.

А н н а. Я так и подумала.

П о л и н а. Проныра, да?

А н н а. Я тоже умею быть пронырой. Но только в самом крайнем случае.

П о л и н а. Ну, считай, что у меня – крайний. Хочу, чтобы Дима выиграл наш с ним спор.

А н н а. А что, есть какие-то опасения?

П о л и н а. Знаешь, Ань, мы обычно считаем, что много даём мужикам. Но это не так.

А н н а. А с чего ты взяла, что я так считаю? Я отлично понимаю, что Дима теперь больше одинок, чем был до меня. Но что я могу сделать? Я не могу оставить детей и переехать к нему. А он не может переехать ко мне. Ему для работы нужна соответствующая обстановка.

П о л и н а. Только в этом дело? То есть дети готовы принять его?

А н н а. Дети уже привыкли жить без мужчины в доме. Для них появление Димы – стресс. Тут, конечно, могут быть ко мне претензии – не подготовила. Ну, не внушаемые они у меня. Я больше приспосабливаюсь к ним, чем они ко мне. Для кого-то мужчина на первом месте, для кого-то дети. Дети уверены, что мне достаточно их любви. Ну, как можно сказать им, что это не так?

П о л и н а. Боишься потерять их любовь?

А н н а. Оттого, что я скажу им, как я люблю мужчину, они не станут относиться к нему лучше, но точно будут считать, что я стала от них дальше, и сами в результате отдалятся. Зачем же доводит до этого?

П о л и н а. Раньше я считала, что мальчики рождаются благодаря силе мужчины. Теперь вижу, что характер женщины тоже имеет значение.

А н н а. Вообще-то, по первому образованию я физиолог, но об этом ничего не слышала.

П о л и н а. Ань, а ты любила мужа?

А н н а Сам вопрос говорит о том, что ты в этом сомневаешься. До сих пор не могу понять: любила, или это было какое-то другое чувство.

П о л и н а. Но сейчас-то ты уже можешь сравнивать.

А н н а. Знаешь, мне бы не хотелось совсем уж обнажаться. Давай я так скажу. Муж великолепно создавал финансовые проблемы. Мы барахтались в долгах, и это мешало нам быть счастливыми. С Димой совсем другие проблемы. Как

тут можно сравнивать?

П о л и н а. Мужчина – это чаще всего новые проблемы, а не решение старых проблем. Эх, Анечка, все мы мечтаем любить, и чтобы нас любили, а что чаще получается? Человек – эгоист по природе. Любви к себе он хочет больше. А чего больше хочет, того меньше получает.

А н н а. Сурово.

П о л и н а. Обидно мне за Димку. И тебя жалко, хотя, казалось бы, кто ты мне? Внуки пойдут – еще меньше времени будет у тебя для себя. Помнишь, у Цветаевой: «Знай одно: что завтра будешь старой, а остальное, деточка, забудь» (*после паузы*) Такая умная, и он не дурак. Неужели ничего не придумаете? Не должны победить дети, которые хотят, чтобы ты любила только их. Не должны! (*после паузы*) Вот тема! Только уже не для Димы. Он не потянет. Прощаюсь.

Полина уходит.

А н н а. Однако... какая странная. Просто дьяволица. Как он этого не замечал?

Московская квартира Дмитрия. Дмитрий сидит на кухне, на столе бутылка коньяка. Анна подходит к двери квартиры и набирает его номер. У Дмитрия звонит мобильник.

А н н а. Что делает мой любимый мужчина?

Д м и т р и й. Дружит с Арменией.

А н н а. Ясно. Дружба с пятью звездочками. Что может болеть у носорога?

Д м и т р и й. Как что? Тонкая носорожья душа.

А н н а. Тогда открывай калитку.

Дмитрий на нетвёрдых ногах идёт открывать дверь. Анна входит в квартиру. Он обнимает её.

А н н а. Ну, правильно. Совсем не закусывал. Давай, отворяй свою душу.

Д м и т р и й. Когда я познакомился с тобой, я говорил себе: теперь я не один. Потому, что с Полиной я был один. Но я ошибся. Даже тогда, когда ты со мной, ты не со мной. И этому не видно конца.

А н н а. Говорят, средняя продолжительность любви 30 месяцев. А у нас и месяца не прошло.

Д м и т р и й. Я знаю... Я всё про тебя знаю. Мужики приходят и уходят, а дети – это навсегда.

А н н а. Димочка, к детям, как и к прошлому не ревнуюют.

Д м и т р и й. Женщина обычно рассуждает так: если любит меня, то полюбит и моих детей. А мужчина рассуждает по-своему: люби меня так, чтобы я не ревновал тебя к твоим детям.

А н н а. Ты вынуждаешь меня оправдываться, а я терпеть этого не могу.

Д м и т р и й. Давай не будем какое-то время встречаться. Давай подойдём к краю, глянем вниз, и если поймём, что это – бездна для нас обоих, отшатнёмся и будем бояться подходить к ней впредь.

Анна озадаченно молчит. Она ошеломлена, но не показывает своего состояния. Дмитрий с нежностью оглядывает

её.

Д м и т р и й. Говорят, в каждой женщине есть только часть того, что нужно мужчине. Мне в тебе нужно всё. Ты будто сделана по моему индивидуальному заказу. Я всегда догадывался, что последнее чувство должно быть лучше первого. Точно! Так и есть.

А н н а. Не говоришь, а пишешь. Знаешь, а я ведь не просто так приехала. По-моему, я залетела. Финита ля... Понимаю, это не очень приятная новость для тебя, но я не могла не сообщить. Все сроки прошли...

Д м и т р и й. Что значит «по-моему»? Ты не уверена? Чтобы убедиться, идут к врачу.

А н н а. Была. Врач радуется за меня. Говорит, какая замечательная беременность.

Д м и т р и й. Я в этом ничего не понимаю.

А н н а. А я думала, писатели во всем разбираются.

Д м и т р и й. Аня, какой смысл заводить ребенка, если нет возможности жить вместе?

А н н а. У нас разные взгляды на зачатие. Для меня это новая жизнь, которую нельзя обрывать. Для тебя оборвать... Подумаешь, что-то там завязалось.

Д м и т р и й. Аня, не сгущай. Если бы у нас была общая семейная жизнь, я был бы рад и счастлив. Но этой жизни нет. Причем, не я тому причиной. И вообще, я еще не осознал. Нет, скорее, я очень удивлён.

А н н а. А чего тут удивительного? Ты – особь противо-

положного пола. Всё естественно.

Д м и т р и й. Ты просто кое-чего не знаешь. Однажды на охоте я крепко выпил и заснул прямо на берегу. А дело было глубокой осенью. Проснулся от дикого холода. Лежу в ледяной воде – ночью вода прибыла и выпал снег. Долго лечился, сдавал анализы. Врач сказал, что детей у меня уже не будет. И действительно, больше никогда не предохранялся, но никаких последствий.

А н н а. То есть ты допускаешь, что я могла забеременеть от другого?

Д м и т р и й. Я допускаю, что с тобой я выздоровел.

А н н а. Подожди, не лукавь, не путай меня. И так... Господи, что ж я никак не могу собраться с мыслями! Нет, по-моему, смысл твоих слов сводится к тому, что ты сомневаешься. А значит... Значит, ты меня подозреваешь... Ну, что ж, твой герой и не должен быть идеальным. Это было бы скучно. Но что дальше теперь будет по сюжету? Женщина обрадовалась – мужчина испугался. А что потом? Ну, говори же что-нибудь!

Д м и т р и й. Аня, давай спокойно. Я не собираюсь ни от чего отказываться. И ты не будешь решать эту проблему в одиночку.

А н н а. Ну, да. Ты дашь мне денег на операцию. А если я хочу родить? А если я смотрела на тебя и думала: вот от него я бы еще родила?

Д м и т р и й. Ты мне этого не говорила. И вообще, по-

моему, разговор пошёл по кругу. Мы повторяемся.

А н н а. Я повторяюсь, потому что теряю нить. Мысли путаются. И так... И так, детективщик решил написать о любви. Решил, так сказать, внести разнообразие в свой репертуар. Господи, как мне это сразу не пришло в голову! Детективщик просто не может кого-то не убить, даже если пишет о любви.

Д м и т р и й. Анечка, ты не в себе. *(хочет ее обнять)*

А н н а. Не трогай меня, пожалуйста. Пожалуйста!

Квартира Анны. Анестезия и Анна пьют чай на кухне. Они уверены, что их никто не подслушивает. Они не знают, что Максим спрятал микрофончик в кактусе, и сидит во дворе на скамейке, слушает их разговор в наушники.

А н н а. Я не в себе – это точно. Мне иногда кажется, что я вижу себя со стороны. Пытаюсь понять, что происходит и – не могу. Со мной такое впервые. Слишком много неожиданностей сразу. Он меня любит – в этом я не сомневаюсь. Но тогда откуда его сомнения? Он не верит мне? Но почему?

А н е с т е з и я. А я тебе объясню. Когда у человечества еще не было семьи, половые связи были беспорядочными. Ни один мужик не был уверен, что вот этот ребенок – от него, пока ребенок не вырос, и не становилось явным его сходство с отцом. Этот инстинкт до сих пор сидит в мужиках. Плюс их мнение, что нет женщин, которые не изменяют.

А н н а. Подвела базу.

А н е с т е з и я. Я просто знаю мужиков такими, какие они

есть. И поэтому могу смотреть на какие-то вещи их глазами. Почему ты молчала, когда Макс задирает Дмитрия?

А н н а. Я не молчала!

А н е с т е з и я. Ты делала Максу страшные глаза, мол, заткнись. А тебе надо было заорать. Но ты молчала. И что в этом случае должен был понять Дмитрий? Что тебе не обидно за него. Ты должна была защитить его. Потому, что сам он защититься от твоего наглеца не мог.

А н н а. Почему?

А н е с т е з и я. Потому, что считал ниже своего достоинства отвечать на твяканье твоего щенка. И тронуть его не мог, потому что ты тут же бросилась бы защищать, жалеть.

А н н а. Ничего бы я не бросилась. Наоборот, думала, пусть врежет разок.

А н е с т е з и я (*передразнивает*). Врежет ... Так ведь после того, как врезал бы, вражда стала бы еще сильнее. Помириться с твоим Максом просто невозможно. Он любит ненависть. Да-да, не смотри так. Просто обожает кого-то ненавидеть. На себе испытала. Причем, особенно ненавидит тех, кого ты любишь, и кто любит тебя.

А н н а. О, господи, что ты говоришь!

А н е с т е з и я. И знаешь, что бы я еще подумала на месте Дмитрия? Я бы подумала, как же будет Макс ненавидеть его ребёнка! Со всеми вытекающими из этой ненависти последствиями.

А н н а. Прекрати, прошу тебя!

А не стезия. А я уже всё сказала. Ну, может быть, не всё, но главное.

Анна. Как раз главное ты и не сказала.

А не стезия. Тебе надо идти на аборт. И чем раньше, тем лучше.

Анна. Я никогда это не делала и делать не буду.

А не стезия. Значит, тебе не жалко этого ребёнка.

Анна. По-твоему, чтобы его пожалеть, я должна его убить?

А не стезия. Ань, это все страшные слова. А на самом деле все не так страшно.

Анна. Смотря для кого.

А не стезия. Тебе нужно было моё мнение – ты его услышала. И все-таки не могу понять, как ты относишься к Дмитрию. Каково ему будет не видеть ребёнка каждый день, прикасаться к нему только от случая к случаю... Жить в разводе с ним. Дмитрия пожалеть надо, а не обвинять. А у тебя любовь какая-то странная, с обвинительным уклоном.

Анна. Что мне с Максом делать? Знаешь, я от него так устала. Мне сегодня даже приснилось, что он в больнице, будто бы попал в аварию. Я даже проснулась от радости – ну, хоть немного от него отдохну.

А не стезия. Макс – это тебе божье наказание, не знаю только, за что. Это уж ты сама разберись. А то, что сейчас произошло – божье задание. Справишься – всё будет хорошо с Дмитрием. Не справишься...

А н н а. Всё дело в Максе. Он не даст нам быть вместе. Ему бы влюбиться. Ему бы жить отдельно...

А н е с т е з и я. Заладила! Ему бы устройство мозга переделать, но медицина у нас до этого еще не доросла... Но я возвращаюсь к твоей проблеме. У тебя в голове: убивать – грех. Согласна, грех! Но такой, сентиментальный, этот грех. Не убить иногда хуже, чем убить. Так уж у нас, людей, устроено.

А н н а. Кошмар, что ты говоришь.

А н е с т е з и я. Это только слова страшные. Не надо, подруженька, бояться слов.

Максим звонит по мобильнику, кому именно – догадаться нетрудно. Вскоре к дому подъезжает Гена.

По звонку Гены Анна открывает дверь. В руках у Гены букет желтых гербер.

Г е н а (*протягивая цветы*). Думала, больше не приду?

Анна машинально берет цветы, но пройти не предлагает.

А н н а. У меня Настя. У нас разговор.

Г е н а (*Насте – очень проникновенно*). Настя, ну вы ведь наверняка уже всё обсудили. Ну, дай мне возможность...

Анестезия молча поднимается. На этот раз она готова уступить. Анна жестом предлагает Гене пройти в кухню.

А н е с т е з и я. Ань, послушай, мне только сейчас в голову пришло. У тебя ведь выбор между Димой и Геной. Либо богатый – либо талантливый. Из этого, подружка, выбирай.

Анестезия уходит.

А н н а (*входя в кухню*). У меня минут десять. Должен прийти ученик. Чай? Кофе?

Г е н а. Спасибо, Аня, не надо ничего. Я уложусь в пять минут. Я хочу объяснить, почему я такой. Я ведь не в семье воспитывался, а в интернате, потом в детдоме. Мамой была улица, папой – отчасти государство, отчасти тренер в спортивной секции. Мне, конечно, далеко до тебя. Но я люблю тебя, Ань. Я там с ума сходил, так тянуло к тебе. Ради того, чтобы быть с тобой, я готов стать совсем другим. Как раньше говорили аристократы, я буду тебе служить. Эти твои ученики... Я понимаю, тебе нравится твоя работа. Но когда работы слишком много, это тоже, знаешь... Нельзя работать на износ. Я освобожу тебя от этого. И в доме у тебя будет покой.

А н н а. Будем, как в сказке, жить-поживать да добра наживать? Но я не верю в сказки, Гена. Мужчина до свадьбы и мужчина после свадьбы – это два разных мужчины.

Г е н а. Я никогда не попрекну тебя ничем. Даже не думай об этом!

А н н а. Вы о чём, Гена? Мать честная! Я должна была это предвидеть! Уходите. Уходите, я сказала, и больше никогда, слышите, никогда!

Г е н а. Не зарекайся.

Уходит. Появляется Максим.

М а к с и м. Кекса нет?

Анна смотрит на него с отвращением.

М а к с и м. Ну, божье наказание я. А уж за что – тебе

видней. Ох, уж эти святые, никогда не узнаешь, что у них спрятано.

А н н а. Когда ты ещё не появился на свет, я страшно хотела, чтобы ты был похож на меня, потому что Никита был вылитый отец. И действительно, получилась копия. Но я не знала, что в таких случаях нутро бывает не материнское. А у Никиты как раз – моё нутро... Раньше ты просто мешал мне любить тебя. А теперь... Ты мешаешь мне не то, что жить, ты мне дышать мешаешь. Я смотрю на тебя и ненавижу... нет, не тебя! Себя ненавижу!

М а к с и м. Ах-ах! Шекспир отдыхает.

Вечер. Больница. Вестибюль, где больные общаются с посетителями. Анна и Дмитрий сидят на скамье. У Анны левая рука перебинтована, висит на перевязи.

Д м и т р и й. Как это случилось?

А н н а. После разговора с Максом меня ноги плохо держали. Поскользнулась... Так обидно, так больно... Какой-то сложный перелом. Металлическую спицу будут вставлять, потом через шесть месяцев вынимать. Я сказала врачам про беременность. Говорят: даже не думайте. Один наркоз будет, потом другой... Антибиотики... Всё складывается, как ты хотел. Чего молчишь?

Д м и т р и й. Мне больно за тебя. Но я думаю, мы это переживём.

А н н а. Надеешься на продолжение? А у меня ни одна клеточка не шевелится. В постель с тобой я больше не лягу.

Д м и т р и й. Аня, но ты не говорила, что хочешь от меня ребёнка. Мы это не планировали. А если бы эта новость тебя обрадовала, ты бы не сообщала её таким тоном, будто произошла авария. К тому времени у нас уже что-то не срасталось.

А н н а. Эти встречи, эти встречи... В них было что-то ущербное. Я создана для нормальной семейной жизни.

Д м и т р и й. Аня, это так банально – виноватить мужика. Конечно, он всегда виноват больше.

А н н а. Виноватить – это бабье. Мне просто больно сознавать, что я сама что-то сделала не так, или чего-то не сделала, чего-то не предвидела. Я совсем не умею считать варианты. Мне кажется, что ребёнок мог бы всех нас объединить, и этим выдаю желаемое за действительное. Хотя что-то мне подсказывает, что всё могло бы быть с точностью до наоборот. Но я не хочу об этом думать.

Д м и т р и й. У тебя раненое сознание. *(берёт здоровую правую руку Анны, целует)*

А н н а. Конечно, я хочу, чтобы ты продолжал любить меня, и любил вечно, всю оставшуюся жизнь. Хотя так не бывает. *(с легким сарказмом)* Ты человек творческий. Вдруг тебе захочется написать не просто о любви, а что-нибудь этакое... Кстати, что дала тебе наша история? Ты готов что-то написать, или уже пишешь? Не скрывай, я все же прообраз твоей героини.

Дмитрий *(горделиво)*. У меня ничего не пропадает.

А н н а (*разочарованно*). Тухленько это у тебя прозвучало. Вы ж, пишущие, прежде чем взяться за работу, решаете, про что история, в кого она попадёт. Ну, в кого – понятно. В нас, баб-с. А вот про что?

Д м и т р и й. Наверное, про то, как люди, созданные друг для друга, по тем или иным причинам иногда не могут быть вместе.

А н н а. Во как! Ты в самом деле считаешь, что всему виной непреодолимые обстоятельства?

Д м и т р и й. Других причин тоже хватает. Я думаю, читатель разберётся.

А н н а. А у меня другое мнение. Эта история вовсе не про неудачную любовь, а про недостаток любви. Про нехватку. Хватило бы чувств, не сидели бы мы сейчас тут, не изображали красивое расставание.

Д м и т р и й. А у меня сейчас другое ощущение. Если бы всё было позади и ничего – впереди, каждая минута была бы в тягость. А мне не тягостно, несмотря на твои уколы.

А н н а (*после паузы*). Странно. Ты хочешь счастливого конца в жизни? Что ж, если нам суждено быть вместе, мы будем. Но что-то в это трудно верится. А в повести? Ты, конечно, уже придумал концовку.

Д м и т р и й. Ничего я не придумал. Нет концовки.

А н н а. Ну, вот. Это ж непрофессионально. Ты ж сам говорил: начав писать, автор должен знать, чем закончит.

Д м и т р и й. Это всё теория. А на практике я никогда

не знал. И сейчас не знаю. И вообще... довольно банальная получилась история.

А н н а. Банальная?! Что с тобой? А я-то, дура, думала, в тебе нет цинизма. Знаешь, что мне больше всего не понравилось в нашей истории. Прообраз твоего героя ни разу не выругался, ни разу не плюнул на какие-то последствия. Всё делал тютелька в тютельку. Ни одного даже самого маленького безумства. Ну, кроме выстрела.

(продолжает после паузы)

Нашей героине, хотелось полюбить достойного мужчину. А у героя было задание самому себе. И вот его величество случай. Он встречает её, и она, со своей женской хитростью, подумала: ну и пусть играет. А я сделаю так, чтобы заигрался. И он заигрался. Но в основе его чувства всё равно был заказ. И уши этого заказа постоянно торчали.

Д м и т р и й. Неплохой монолог для концовки.

А н н а. Моя концовка, Димочка – наш ребёночек, который дан нам небесами. Может родиться человечек, похожий на тебя: умный, образованный, талантливый. Но, скорее всего, уже не родится. Зато напишется повесть о том, как два человека, созданных друг для друга, не смогли...

Д м и т р и й *(примирительно)*. Аня, ну, хватит.

А н н а. Действительно, хватит. Уже всё сказано. Иди, Димочка, пиши свою повесть. Концовка у тебя уже есть.

Занавес закрывается, и тут же на авансцену выходит Полина.

П о л и н а (в зал). Вы подумали, это конец? Нет, если кто-то доволен этим финалом, пожалуйста, мы не держим... Пожалуйста, идите в гардероб. А кому эта история кажется недосказанной, останьтесь.

Занавес открывается. На сцене Дмитрий. Он сидит на скамейке в парке. Полина подходит к нему.

Д м и т р и й. Ты за мной следишь?

П о л и н а. Я все-таки детективщица. А ты у нас теперь и потерпевший, и свидетель. Тебя надо спасать.

Полина садится рядом, вынимает из сумочки плоскую бутылку коньяка, протягивает Дмитрию. Дмитрий делает глоток.

Д м и т р и й. Ты настоящая подруга.

П о л и н а. Я не подруга. Я подруг.

Д м и т р и й. Проиграл я тебе. Чего хочешь? Какого приза?

П о л и н а. Да нет, Димочка. Выиграл ты. Не у меня, конечно, а вообще. Ты избежал непоправимого, а значит, выиграл.

Д м и т р и й. А говорила, не будешь встречать.

П о л и н а. Всего-то пообщалась с твоей Анной, ну еще с подругой ее, Анастасией, потолковала. А как иначе я могла понять, что происходит?

Д м и т р и й. Интересно, как тебе удалось разговорить Анестезию.

П о л и н а. Элементарно. Мы напились и исповедались

другу дружке по полной программе.

Д м и т р и й. И это ты считаешь, не встряла.

П о л и н а. Ну, встряла. Дима, отнесись к этому факту философски. Ты по натуре кот. Только кот без хозяйки. К тому же ты влюбился. А влюбленный кот... то есть мужик – всегда слегка дурак. Ты был так благодарен Анне за то, что она тебе подыграла, что потерял бдительность. Больше того, в какой-то момент ты начал думать, что вы в самом деле созданы друг для друга. То есть у тебя совсем поехала крыша. А сейчас у тебя как? Крыша встает на свое место? Ты начинаешь понимать, что личная любовь, без домысливания, без обобщений – неопишима?

Д м и т р и й. Слушай, чего ты хочешь?

П о л и н а. Прежде всего, поделиться информацией, а дальше уж сам соображай.

Д м и т р и й. Не надо никакой информации.

П о л и н а. Тебе не интересно услышать, что все дети Анны рождены ею от разных мужчин? И ни один ребенок не рожден от мужа Олега? Я видела его фотографию. Ни один ребенок не рожден от него. Уж поверь на слово опытной физиономистке.

Д м и т р и й *(в крайнем удивлении)*. Что ты городишь???

П о л и н а. Димочка, ни один ребенок Анны не похож на другого. А на нее похожа только дочь. Ты понимаешь, что это означает? Ну, ты меня удивляешь. Неужели ты сам этого не заметил? *(После паузы, видя, что Дмитрий не может*

придти в себя). Ладно, я пойду. А ты особенно-то не расстраивайся. В церковь сходи. Этот перелом руки у нее – конечно, не случайность. Под богом ходишь.

Полина уходит.

Д м и т р и й (*не заметив, что Полина ушла*). Ну и что? И что? Что делать женщине, если ей так не везет с мужиками? Чем жить? На кого надеяться? Любить только себя? Ты пишешь книги. А она рождает детей. Тебе нравится писать. А ей нравится рожать. Ну и кто больше достоин уважения бога? Если на то пошло, бог не меня спас от нее, а ее – от меня.

Наконец, замечает, что Полины нет. Решительным движением достает мобильник, набирает номер.

Д м и т р и й. Аня, ну, вот что. Я тебя очень прошу, ты не раскисай. Это все ужасно, но мы сделаем еще. Сделаем, Анечка!

Страдалки

Криминальная мелодрама

МИХАИЛ ЛЕДНЕВ, 42 года, психолог-криминолог, журналист.

МЭРИ БАРТ, 40 лет, американка, художник – фотограф.

ТАМАРА БОРИСОВНА СТАВСКАЯ, 37 лет, отрядная воспитательница.

НИКОЛАЙ КИРИЛЛОВИЧ КОРЕШКОВ, подполковник, 46 лет, начальник женской колонии.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ШМАКОВА, майор, 42 года, заместитель начальника колонии по воспитательной работе.

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ГАМАНЕЦ, майор, 40 лет, опер.

ЛАРИСА КАТКОВА, 26 лет, наркоманка, воровка, участница бунта.

ФАИНА МОСИНА, 28 лет, карманница, участница бунта, стукачка.

БРЫСИНА ВАЛЕНТИНА, 20 лет, убийца своего отчима, агент Гаманца.

ТОЛИК, 23 года, жених Брысиной.

ВАРВАРА, 33 года, тетка Брысиной.

СТЕПАН, 38 лет, муж Варвары.

ЛЕНА АГЕЕВА, 20 лет, организатор уличной шайки.

АННА МАВРИНА, она же МАВРА, 65 лет, «заслуженная рецидивистка».

ЖОРЖЕТТА, 52 года, ее подруга.

КОНСУЭЛА, 42 года, «королева» карманников, убийца, агент Гаманца.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛЬСКИЙ, генерал ФСИН.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ, судья Верховного Суда.

ПЕТРОВСКИЙ, заседатель.

НИКОЛАЕВА, заседатель.

ЖУРНАЛИСТЫ

ВЕДУЩИЙ конкурса красоты.

Надзирательницы (надзорки), контролеры, зэчки.

Место действия – женская колония особого режима.

ЛЕДНЕВ (*обращается к зрителям*). Случилась эта история в колонии для особо опасных рецидивисток. Я тогда забросил журналистику и начал изучать психологию преступниц. Решил стать специалистом в этой области. Дела пошли неплохо. Опубликовал на Западе несколько статей. И вот однажды мне звонит американка, Мэри Барт, известная в США мастер художественной фотографии, дочь эмигрантов из России, и сходу предлагает сделать вместе книгу – ее фотографии и мои тексты. Говорит, что уже есть издательство, которое готово опубликовать. От меня требуется только включить свои связи в руководстве тюремного ведомства

и добиться разрешения на нашу поездку именно в эту колонию, и ни в какую другую. Мне это показалось странным, но я и представить не мог, зачем ей это понадобилось... Предложение было заманчивым. К тому же моя семейная лодка в то время разбилась о быт, и я был рад возможности на какое-то время убраться подальше от Москвы ... (зовет) Мэри!

Появляется МЭРИ – рюкзачок за плечами, небольшой чемоданчик, одета по-походному. Мэри под сорок, она далеко не красавица, но в осанке и манерах можно заметить признаки благородной человеческой породы.

МЭРИ (хорошо говорит по-русски, только с заметным акцентом). Я здесь, Майк.

ЛЕДНЕВ. Ну, вот мы и приехали.

Высвечивается погруженный до этого момента во тьму кабинет начальника колонии. Леднев подхватывает свой чемоданчик и вместе с Мэри заходит в этот кабинет, где их уже ждут подполковник КОРЕШКОВ и трое его подчиненных – ВЕРА ШМАКОВА, ТАМАРА СТАВСКАЯ и ВАЛЕРИЙ ГАМАНЕЦ.

КОРЕШКОВ. Вот, прошу любить и жаловать – уже хорошо знакомый вам Михаил Леднев и Мэри... (заглядывает в бумагу на столе) Мэри Барт, фотограф из США. А это мои коллеги – заместитель по воспитательной работе майор Шмакова... начальник оперативной части майор Гаманец... отрядный воспитатель капитан Ставская.

Обмен рукопожатиями. СЕКРЕТАРЬ (женщина) вносит поднос с чаем и сладостями, расставляет на столе. Ставская разливает по чашкам чай.

МЭРИ. Очень приятно.

КОРЕШКОВ. Мэри... Можно по имени? (Мэри кивает)
Мэри, вы – первая иностранка в нашем учреждении. Как видите, мы становимся все более открытыми миру.

ШМАКОВА (*не без иронии*). Если уж прячем, так прячем. А если уж открываемся, то настезь.

ЛЕДНЕВ. Мэри – фотомастер, автор популярных фотобюльваров. Ее знает весь мир.

ШМАКОВА (*с сарказмом*). Стало быть, и о нас теперь узнает. Как здорово!

КОРЕШКОВ. Отведайте чайку нашего, сибирского, душистого. Моченая брусника, клюква, варенье из голубики. Присаживайтесь ...

МЭРИ. Клюква...

КОРЕШКОВ. КЛЮКВА. Ю!

ШМАКОВА. Губы трубочкой сделайте, вот так: клю-юк-ва!

МЭРИ. Клу-юк-ва...

ШМАКОВА. Bravo! Выйду на пенсию – стану логопедом.

КОРЕШКОВ. А вы, дорогие гости, приехали очень вовремя. Мы как раз готовимся к конкурсу красоты. Будем выбирать самую красивую осужденную. Не удивляйтесь. Конкурсы эти пройдут на всех женских зонах. Почему мы должны

быть исключением?

СТАВСКАЯ. Заодно покажем, во что превращает женщину неволя.

КОРЕШКОВ. Ну, Тамара Борисовна, тебе-то грех жаловаться. У тебя в отряде отборные красотки. (*гостям*) Капитан Ставская у нас ответственная за проведение конкурса.

ГАМАНЕЦ. Надо, наверное, нашу гостью проинструктировать...

ЛЕДНЕВ. Я уже в самолете ей надоел своими назиданиями, как вести себя с заключенными.

КОРЕШКОВ. Вот опять ты, Михаил... У нас нет заключенных, есть осужденные. И мы не тюремщики, а персонал, воспитатели.

МЭРИ. Сразу видно – любите свою работу.

КОРЕШКОВ. Мы уважаем друг друга и себя за профессионализм. Или не очень уважаем.

МЭРИ. Спасибо, очень необычный чай.

КОРЕШКОВ. Мы вас снабдим перед отъездом. Вера Дмитриевна...

ШМАКОВА. Сделаем.

КОРЕШКОВ. Каждое утро вас будет ждать у гостиницы наша машина. Сопровождать по зоне вас будут наши сотрудники, но все равно – осторожность и еще раз осторожность.

ГАМАНЕЦ. Год назад сантехника впустили. Пропал – до сих пор ищем. Шутка.

ЛЕДНЕВ (*в зал*). Сегодня в общежитии отряда Тамары

Ставской – шмон. И пока надзиратели обыскивают постели и тумбочки в поисках запрещенных вещей и наркотиков, зэчки стоят возле общежития на холоде...

Становится виден строй зэчек.

КАТКОВА. Как шмон, так под утро. Садисты поганые. Ведь сами не высыпаются, встают по будильнику, только бы захватить нас врасплох. Это ж какую надо психологию иметь.

МОСИНА. Мужские кальсоны носить можно, трусики – нарушение режима. Какая тварь родила эту инструкцию?

АГЕЕВА. Файка, очнись. Будто не знаешь – Шмакова же инструкции в Москве рожала, пока ее сюда не выгнали...

МОСИНА. Да, не просто так две звезды на погоны ей слетели!

КАТКОВА. При чем тут звезды?.. Под отрядницу нашу копают, уроды. Найдут что-то, на нее и повесят. Типа, служебное несоответствие.

АГЕЕВА. Из-за тебя и копают.

КАТКОВА. Или из-за вас.

МАВРА (*прокуреным голосом*). Ша, девки, Гамадрил!

Из общежития выходит опер ГАМАНЕЦ.

ГАМАНЕЦ (*смотрит на часы*). До работы еще час. Так что, гражданки, есть время выяснить, кто поставил брагу, кто украл с фабрики ткань, кто хранит теофедрин. Перед беседой по душам вспомните мое любимое изречение... Не слышу!

ЗЭЧКИ (*нестройным хором*). «Прошу любить и жаловаться. Ваше исправление состоит в том, чтобы держать меня в курсе всех ваших дел...»

ГАМАНЕЦ. С кого начнем? Агеева!

Маленького росточка, худенькая, похожая на подростка,
АГЕЕВА *делает шаг вперед.*

АГЕЕВА. Агеева Елена Сергеевна, статья 210, организация преступного сообщества, статья 30, покушение на убийство.

ГАМАНЕЦ. За мной.

Гаманец и Агеева заходят в кабинет Ставской. Девушка кашляет в платок, смотрит, нет ли на платке крови.

ГАМАНЕЦ (*сочувственно*). На диете бы тебе посидеть... Ну, что... ничего у тебя пока не нашли. Но все равно ждет тебя, Агеева, этап в колонию для туберкулезниц. Могу, конечно, с санчастью договориться – мол, на поправку пошла, если, конечно, ты...

АГЕЕВА. Мое место здесь, начальник. Я особо опасная.

ГАМАНЕЦ. Ты больная, Агеева. Нельзя тебе людей заражать.

АГЕЕВА. Спасибо за беспокойство. А чего надо-то?

ГАМАНЕЦ. Откуда у Катковой теофедрин? Кто ей таскает? Чем Каткова и ваша отрядница Ставская в кабинете занимаются, закрыв двери?

АГЕЕВА. Вы ж знаете, я с Катковой на ножах. Как она может чем-то со мной делиться?

ГАМАНЕЦ. Логично. Ну а что об однохлебке своей, Мо-
синой, скажешь?

АГЕЕВА. Только хорошее. Вы же знаете, она мне как
мать.

ГАМАНЕЦ (*резко меняя тон*). Агеева, мы с чего начали?
Тебе этап светит, а ты мне о чем? Какая она тебе мать? Что
ты мне тут впариваешь? Иди и еще раз подумай, что тебе до-
роже: жизнь или однохлебка. (*громко*) Кто там следующий?

*Входит ВАЛЬКА БРЫСИНА – деревенского вида девка,
веснушчатая, нескладная.*

БРЫСИНА. Брысина Валентина, статья 105-я, убийство,
срок 5 лет.

*Брысина вынимает из кармашка платяя записку и броса-
ет ее оперу. Гаманец подбирает записку, читает, кивает.*

ГАМАНЕЦ. Ну что, Брысина, тебя в гипноз вводить, или
наяву скажешь, кто вчера с фабрики материал утащил? Ты-
то уж точно должна была видеть.

БРЫСИНА. Гражданин начальник, я простая швея. Мое
дело – за строчкой следить, чтобы ровненько было. А кто
чего тащит... мое дело маленькое. Я точно не таскаю, мне
освободиться по досрочке надо, меня Толик ждёт.

ГАМАНЕЦ. Что ты вкручиваешь, Брысина? Твоя машин-
ка у самого входа в склад. Мимо тебя кто-то пронес двадцать
метров материала, а ты не видела?

БРЫСИНА. Вот те крест, не видела, начальник.

ГАМАНЕЦ. Пошла вон, деревня!

Брысина выходит, а на пороге возникает ЛАРИСА КАТКОВА – высокая, ладная, красивая.

КАТКОВА. Каткова Лариса Михайловна, статья 161-я, грабёж, статья 212-я, подстрекательство к организации массовых беспорядков.

ГАМАНЕЦ. Каткова, говорят, это ты мне кликуху прилепила – Гамадрил? Откуда такие слова знаешь?

КАТКОВА. Как-никак в зоопарке сижу, начальник.

ГАМАНЕЦ. Неужто я похож на обезьяну?

КАТКОВА. Бог с вами, гражданин опер. Вы такой видный член... администрации. На вас все пантеры оборачиваются.

ГАМАНЕЦ. Ох, и злопамятная ты, Каткова. Никак не можешь простить.

КАТКОВА. Шесть месяцев в аду по вашей милости, начальник. Такое разве забудешь?

ГАМАНЕЦ. Так можем повторить! (*оглядывает Каткову*) В одежде бардак, гамаши в обтяжку, юбка укорочена. Белой косынки нет, вместо сапог – тапочки. Сплошные нарушения режима. Но я готов закрыть на это глаза. (*Извлекает из сумки красивую коробку*). Угощайся, твой любимый зефир в шоколаде.

КАТКОВА. Ой, как бы от ваших ухаживаний меня изжога не замучила. Отвыкла я от сладкого, не стоит обратно привыкать.

ГАМАНЕЦ. А Агеева говорит, ты каждый день с отрядницей чай гоняешь.

КАТКОВА. Ну, начальник, можно без этих примочек? Мы с Агеевой, конечно, в контрах... но это наши дела. Зря вы на нее клепаете. Не из тех она.

ГАМАНЕЦ. Пробы на тебе ставить негде, Каткова, а вот с теофедринчиком ты оплошала. Нашла, где хранить – в матрасике. В изолятор пойдешь! Но если скажешь, откуда он у тебя...

КАТКОВА. Вы будто меня не знаете. Так я вам все и выложила.

ГАМАНЕЦ. Вот смотрю на тебя... С чего вдруг оборзела? На гуманность «хозяина» рассчитываешь? Сначала отрядницу охмурила, теперь за начальника взялась? Зря, Каткова. Вряд ли он на тебя клюнет. А вот Тамару твою турнуть может. В управлении уже знают, что она тебе теофедрин таскает. И про интимные беседы ваши известно. За такие дела по головке ее не погладят.

КАТКОВА. Уж не вы ли сами, гражданин опер, этот слухок запустили? В порядке оперативной необходимости? Голосите тут, как на кухне коммунальной.

ГАМАНЕЦ. Ох, Каткова, ох, Каткова! Прикусила бы ты свой поганый язык – если не ради себя, то хотя бы ради отрядницы. Использование служебного положения в личных целях – это статья!

КАТКОВА. Молчу, как рыба об лед. Могу идти? А то мы что-то разговорились.

ГАМАНЕЦ. Пару слов о Мосиной, и можешь провали-

вать.

КАТКОВА. Ну, хоть намекните, что вас интересует.

ГАМАНЕЦ. Она ворует с фабрики материал? Или Агеева?

КАТКОВА. Нет, при всей моей симпатии к вам, херр майор, не могу удовлетворить вас. В смысле, ваше любопытство.

ГАМАНЕЦ. Пошла... с глаз. (*громко*) Мосину сюда!

Каткова выходит. Появляется ФАИНА МОСИНА – с виду типичная учительница младших классов. Гаманец наливал чай.

МОСИНА. Мосина Фаина Васильевна, статья 158, часть 2-я, карманная кража, срок пять лет.

ГАМАНЕЦ. Сядь, согрейся. Что происходит, Фаечка?

МОСИНА. Хватит, попользовался. Надоело...

ГАМАНЕЦ. А жить не надоело?

МОСИНА. Надоело.

ГАМАНЕЦ. Тогда в чем дело? Кто тебе мешает?..

МОСИНА. Попробую стряхнуть тебя без крайностей. Но ты меня знаешь... Не доводи до греха, Валера!

ГАМАНЕЦ. Да не трясись ты, психическая... Иди, гуляй...

ЛЕДНЕВ (*в зал*). Персонал тут необычный. Корешков в недавнем прошлом школьный учитель. Добавил к пединституту академию МВД и – сюда. Сначала замом немного поработал, потом и сам стал «хозяином». Здесь ему понравилось больше, чем в школе. Ставскую, тоже бывшую, учительницу,

сюда переманил. Но она здесь явно не в своей стихии.

МЭРИ (*в зал*). Я побывала в тюрьмах США, Франции, в других странах. Но нигде меня не встречали с таким радушием. Вот только майор Гаманец... Он с первой минуты начал меня в чем-то подозревать, и я боюсь, что это для меня плохо кончится.

Высвечивается кабинет начальника колонии, где идет планерка. Корешков, Гаманец, Ставская, Шмакова.

ГАМАНЕЦ. Мосина и Агеева воруют ткань на швейной фабрике, обменивают ее у лагерных барыг на чай и теофедрин. Для проведения следствия считаю необходимым посадить обоих...

СТАВСКАЯ (*поправляет*). Обоих.

ГАМАНЕЦ. ...обоих в штрафной изолятор на семь суток. И Каткову – на тот же срок за систематическое нарушение формы одежды.

СТАВСКАЯ. Отстал бы ты от Катковой, майор. Нашел криминал – гамаши, рейтузы, косынка... Не мелочись!

ГАМАНЕЦ. Трогательно переживаешь, Томочка.

СТАВСКАЯ. Придирчивость, как и подозрительность, должна свое приличие иметь.

КОРЕШКОВ. Ладно, будет вам! Конкурс – вот о чем у вас должна голова болеть. И чтобы гости не ославили нас. Будьте с ними начеку. Наши пантеры на все способны. Что касается Мосиной, Агеевой и Катковой – вернемся к их нарушениям после конкурса.

СТАВСКАЯ (*с иронией*). Вот это правильно. Дадим им возможность хорошо выступить, а потом накажем.

Леднев, Мэри и Шмакова подходят к общежитию с огороженной территорией – это зона внутри зоны. Навстречу им высыпают зэчки.

ШМАКОВА. Здесь у нас больше тысячи женщин. Есть молодые, есть и старенькие, для них наша колония – как дом престарелых. Срок кончается, а они просят – оставьте. (*зэчкам*) Здравствуйте, ягодки мои!

ЖОРЖЕТТА. Ага, ягодки волчьи.

ШМАКОВА. Птички мои.

ЖОРЖЕТТА. Ага! Какаду.

ШМАКОВА. Вот, видите? Чувства юмора мы не теряем.

МЭРИ. А зачем эти клетки?

ШМАКОВА. Это локалки. Таким способом мы ограничиваем передвижение и общение осужденных. Без этих локалок найти одну из тысячи, если вдруг понадобится, трудно.

Леднев и Мэри рассматривают зэчек, как в зоопарке, те разглядывают их, как посетителей зоопарка.

МЭРИ. Можно снимать?

ШМАКОВА. Можно.

Американка щелкает затвором камеры. К решетке бросается старая зэчка МАВРА.

МАВРА. Ёлы-палы! Какого хрена? Ты меня спросила? Я на тебя в суд подам!

ШМАКОВА. Спокойно, Мавра. Это наша гостья из Аме-

рики.

МАВРА (*по инерции*). А мне по... (*спохватившись*) О! Тогда баксы на бочку!

ШМАКОВА (*укоризненно*). Мавра, где твоя скромность?

МАВРА (*шамкая беззубым ртом*). Там же, где мои шашнаксы. Семнадцать лет, начальница. В «Матросской тишине» остались.

ЖОРЖЕТТА (*Ледневу*). Эх, милый, кабы невидимкой да к тебе в карман. Угостил бы сигареткой, а то волнуюсь. Глядя на тебя, одно легкомыслие в голову лезет.

ЛЕДНЕВ (*Шмаковой*). Можно?

Шмакова кивает. Леднев вынимает пачку сигарет, подходит к решетке, к нему тотчас устремляется стайка женщин. Через несколько мгновений пачка пуста. Мэри достает из рюкзака пачку сигарет, протягивает Мавре, та улыбается, избоченивается.

МАВРА. Давай, Америка, фотай меня первую.

Мэри снимает Мавру.

ЖОРЖЕТТА. А можно я с мамочкой моей?

Мэри снимает Мавру с Жоржеттой.

ЛЕДНЕВ (*Шмаковой, о Мавре*). Отчего у нее голова трясется?

ШМАКОВА. По молодости кто-то обидел, и она решила отомстить – перерезала себе сухожилие.

МЭРИ. Чтобы отомстить кому-то, порезала себя?

ГАМАНЕЦ. А вы гляньте, как они следят за вами – как пантеры. Не знаешь, чего ожидать. Помню, одна наделала ку-

чу брака, я написал на нее докладную. Слова плохого ей при этом не сказал! А она взяла и выпила раствор хлорки! Еле откачали...

ШМАКОВА. А некоторые, наоборот, ко всему безразличны. Одну судили прямо здесь, так она, пока шел суд, спала, и только в «воронке» спросила, сколько же лет ей добавили... Мавра, ты сколько уже сидишь?

МАВРА. Ёлы-палы, начальница, а ты будто не знаешь, что я заслуженная рецидивистка!

МЭРИ. Вау!

МАВРА. Что вау, штатская? У вас тоже есть, кто сидит без выхода, кому свобода пофиг.

ШМАКОВА. Скоро у Мавры конец срока, и пойдет она домой.

МАВРА. Какой домой? Ты в уме, начальница? Снова сделаю преступление, прямо тут. Здесь меня и похороните, за зоной.

ШМАКОВА. Мавра была у нас когда-то первой красавицей на зоне.

МАВРА. Нет, начальница, первой кралей у нас была Машка Бартенева. Княгиня наша, братанка моя. Ты тогда, начальница, еще пешком под стол ходила.

ГАМАНЕЦ (*Мэри*). Каковы первые впечатления, мисс Барт? Или вы миссис?

МЭРИ. Я мисс. Тюрьма – не курорт, так у нас говорят, а бетонная мама.

ГАМАНЕЦ. У нас так же говорят: тюрьма – мать родна. Вижу, вас Мавра заинтересовала. Чем именно?

МЭРИ. Хочу договориться с ней – поснимать ее отдельно.

ГАМАНЕЦ. Договариваться нужно с нами, мисс Барт.

МАВРА. Это что же? Я сама на себя права не имею?

ГАМАНЕЦ. Мавра, сбавь октаву. Хочешь, чтобы тобой весь мир любовался – снимайся на здоровье, но только в присутствии сотрудника.

ШМАКОВА. Ну, что... Продолжим экскурсию. Пройдемте в наш клуб...

Клуб. Идет репетиция казачьей пляски. Участвующие в ней женщины загримированы под мужиков. Репетицию ведет Ставская. Входят Шмакова, Леднев, Мэри. Танец заканчивается. К пианино присаживается Каткова, играет «Лунную сонату».

ШМАКОВА. Готовимся к конкурсу красоты.

МЭРИ. О! «Лунная соната!»

ШМАКОВА. Это Лариса Каткова, наша достопримечательность. Самая молодая особо опасная рецидивистка страны. Ее приговоры читаются, как детектив.

МЭРИ (*поднимая камеру*). Можно?

ШМАКОВА. Снимайте.

Мэри щелкает затвором фотоаппарата. Ставская подходит к эзечкам, те окружают ее.

КАТКОВА (*о гостях*). Кто такие?

СТАВСКАЯ. Наши гости, фотограф и психолог...

КАТКОВА. Психолога помню. В прошлом году у нас был. Истории записывает. Я бы ему рассказала.

СТАВСКАЯ. Хорошая мысль. Расскажи. Значит, так. Определены призы конкурса красоты. Помимо первого места «Мисс Очарование» будет еще две номинации: "Мисс Зрительские Симпатии" и «Вице-мисс Очарование».

КАТКОВА. Лучше уж «Мисс заточка...» Или «Краса общаги!»

СТАВСКАЯ. Каткова, побереги свое остроумие для конкурса. И еще... На время конкурса вам разрешается макияж и маникюр. Денег на конкурс выделено немного, так платья вам придется шить самим из чего придется. Проявите фантазию. Вопросы есть?

Каткова садится за пианино и, кокетливо поглядывая на Леднева, лихо наигрывает ламбаду.

КАТКОВА (*громко*). Тамара Борисовна, а можно мы чуток потопчемся, когда все уйдут?

Ставская оглядывается на Шмакову.

ШМАКОВА. Ладно, пусть потопчутся. А мы пока осмотрим кабинет релаксации – такого наверняка в Америке нет...

СТАВСКАЯ (*строго*). Ты, Каткова, идешь с нами!

КАТКОВА (*игриво глядя на Леднева*). Зачем? Чего я там не видела?

СТАВСКАЯ (*так же строго*). Разговорчики!

Гаманец, Каткова, Леднев и Мэри идут за Шмаковой. Убавляется свет, звучит медленная музыка, ззэчки разби-

ваются на пары и, обнявшись, танцуют.

Кабинет релаксации. Удобные кресла, большой экран, на котором слайды с изображениями природы. Тихая умиротворяющая музыка. Входят Гаманец, Каткова, Леднев и Мэри. Гостей встречает Корешков.

КОРЕШКОВ. Не скрою, это наша гордость. Здесь мы готовим наших осужденных к жизни на свободе. Здесь они снимают стрессы, разыгрывают так называемые социодрамы. Например, «В отделе кадров при устройстве на работу», «Встреча с мужем или сожителем» и тому подобное.

КАТКОВА. Каким мужем, гражданин начальник? Мужья обычно подают на развод.

КОРЕШКОВ. Не лови меня на слове, Каткова. Я сказал – с мужем или сожителем.

КАТКОВА. Сожители тоже не ждут. В лучшем случае – папа с мамой.

КОРЕШКОВ. *(Ледневу и Мэри)* Хотите испытать на себе, что чувствуют здесь наши подопечные? Присаживайтесь.

Корешков погружается в кресло, надевает наушники. Его примеру следуют все, кроме Гаманца.

ГАМАНЕЦ. Садись и ты, Каткова, не стесняйся. Снимайте, снимайте, Мэри, или наш позитив у вас плохо продается?

Каткова с неохотой опускается в кресло. В наушниках слышен мягкий женский голос. Его слышат и зрители.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Я расслаблена... Я – птица... Я парю над землей... Плавно приземляюсь... Лес... Тишина... По-

ют птицы, журчит ручей. Я думаю о своей судьбе, перелистываю свое прошлое... Погода сразу портится, все вокруг серо и мрачно... Никакой цели, никаких перспектив. И предчувствие нового срока... Я ненавижу свое прошлое и хочу избавиться от него... Я хочу и могу изменить свою жизнь... Мое будущее начинается здесь и сейчас... Все зависит от меня самой... Я хочу, чтобы в моей жизни снова появились солнце, тишина и гармония... Я прислушиваюсь к словам моих педагогов, они желают мне добра...

Каткова внезапно сдергивает с головы наушники и бросает их на пол.

ШМАКОВА. Вот такие они у нас... эмоциональные.

КАТКОВА. Тошнит меня от вашей... релаксации. Какая я, на хрен, птица?!

КОРЕШКОВ. Совести у тебя нет, Каткова. Одна ламбада на уме...

КАТКОВА. Совесть у меня есть, гражданин начальник, только здесь она мне ни к чему. Можно, я покину вас?

КОРЕШКОВ. Ладно, иди, Каткова.

Каткова решительно поднимается из кресла. В дверях останавливается и неожиданно игриво делает ручкой.

КАТКОВА. Спасибо, что хоть день даете спокойно дожить.

КОРЕШКОВ (*Мэри*). Ваши заключенные с вашими тюремщиками так разговаривают?

МЭРИ (*осуждающе*). Н-да...

КАТКОВА (*Мэри, с издевкой*). Что н-да? Что ты этим хочешь сказать? Ты на себя посмотри, ножка Буша. Изюминка есть, а где безуминка, где тараканинка?! (*уходит*)

КОРЕШКОВ (*Гаманцу*). Валерий Сергеевич, ты бы пошел, присмотрел там в клубе...

Гаманец уходит.

ЛЕДНЕВ. Знаете, а мне нравится! Хорошо придумано. Хотя... Ведь и здесь заключенная вряд ли остается наедине с собой. Я бы сомневался, что я тут один.

КОРЕШКОВ (*укоризненно*). Ну, Михаил! Как сегодня Тамара Борисовна сказала? Всякое подозрение должно свое приличие иметь.

ЛЕДНЕВ. Это драматург Островский сказал. Только он имел в виду безобразие.

КОРЕШКОВ. Неуместное ощущение и есть безобразие. Приходи сюда каждый день, Михаил, хоть на полчаса, очень поможет. Здесь многие сотрудники расслабляются, да и я, грешным делом.

ШМАКОВА. Мэри, а вам я расслабляться не советую. Не носите с собой ценные вещи и деньги. Не дарите ничего осужденным. Вас могут попросить что-то пронести в зону или, наоборот, вынести. Имейте в виду, это противозаконно. Если нарушите, мы вынуждены будем прервать ваш визит...

МЭРИ. Я понимаю... У нас с этим тоже очень строго.

Клуб. Зэчки танцуют. Гаманец и НАДЗИРАТЕЛЬ (КОНТРОЛЕР) наблюдают издали, стоя в дверях.

АГЕЕВА. Вот задрипы! (*громко*) Говорят, от подглядыва-
ний катаракта развивается.

ГАМАНЕЦ. Поговори еще. Сейчас прикрою ваш бордель.

МОСИНА. Терпи, ты же мужчина. (*понижив голос*) Дрыщ
позорный!

Зэчки шикают на Мосину и Агееву. Появляется Каткова.

МОСИНА (*Катковой*). А что без америки? Или ты не в
ее вкусе?

*Каткова не обращает внимания на выпад Мосиной. Ми-
микой приглашает на танец Брысину, но та отрицательно
качает головой.*

МОСИНА (*Катковой*). Эх, кругом непруха у тебя сего-
дня. Но ты не унывай. Может, психолог на тебя клюнет.

КАТКОВА. Что ты несешь при ментах? Тебе ли меня сты-
дить, самка дятла? Всякий стыд потеряла, стучишь в откры-
тую.

АГЕЕВА. Каткова, у меня нерв оголился. Еще слово, и я
надену тебе табуретку на уши.

КАТКОВА. Детка, лови свой кайф и не отвлекайся. Хотя
какой там кайф, меня бы эти уши спаниеля не взволновали.

*Агеева хватает табуретку и решительно направляется
к Катковой с явным намерением ее ударить. Выглядит это
комично, потому что Каткова выше ее на голову. Но Мо-
сина опережает Агееву, и сама бросается на Каткову. Они
вцепляются друг другу в волосы. Контролер делает попыт-
ку вмешаться, но Гаманец останавливает его.*

ГАМАНЕЦ. Замри и наблюдай. Дай им давление сбросить, иначе они на тебя вместе накинута.

Комната релаксации.

Леднев. Николай Кириллович, я так понял, что сюда можно прийти и без сопровождения?

КОРЕШКОВ. Да, все ваши беседы с осужденными будут проходить здесь, я уже распорядился. Здесь вам никто не будет мешать. Контролер приведет осужденную и останется за дверью.

Стук в дверь, на пороге Контролер.

КОНТРОЛЕР. Товарищ подполковник, в клубе драка. Каткова с Мосиной потаскали друг друга за патлы.

КОРЕШКОВ. Мосину в изолятор – до утра. Каткову – сюда.

КОНТРОЛЕР. Она уже здесь.

Скрывается за дверью и тут же появляется вместе с Катковой. Лицо у нее поцарапано.

КОРЕШКОВ. Каткова, ты в своем уме? Впереди конкурс красоты!

КАТКОВА. Достали со своим конкурсом! Поищите себе других кукол, карабасы-барабасы!

Леднев смотрит на нее с интересом.

СТАВСКАЯ (резко). Каткова, замолчи!

КОНТРОЛЕР. Там еще Мосина требует московского гостя. Говорит, хочет сделать заявление. В случае отказа гро-

зит вскрыться.

КОРЕШКОВ. Хорошо ее обыскали?

КОНТРОЛЕР. Так точно!

КОРЕШКОВ. Глаз с нее не спускать!

ЛЕДНЕВ. Товарищ подполковник. Я могу ее выслушать.

КОРЕШКОВ. Хорошо. (*контролеру*) Пусть ждет... (*контролер уходит*) Каткова, я лучше возьму уроки фортепиано и сам буду играть, чем терпеть твои закидоны. Уйди с глаз.

КАТКОВА. Я в поблажках не нуждаюсь. Заслужила – сажайте в изолятор, как Мосину. Хотя я тоже хочу перетереть с психологом одну тему. На диссертацию потянет.

КОРЕШКОВ (*Ледневу*). Ты у нас нынче нарасхват.

В дверях снова возникает КОНТРОЛЕР.

КОНТРОЛЕР. Товарищ подполковник, вскрылась Мосина!

МЭРИ. Что значит – вскрылась?

ШМАКОВА. Вены себе перерезала!

ЛЕДНЕВ (*обращается к публике*). Да, Мосина вскрыла себе вены. Ее доставили в санчасть и наложили швы. Она их сорвала и поклялась, что перегрызет себе вену, если я ее не выслушаю.

КОРЕШКОВ. Да черт с ней, пусть выговорится!

ЛЕДНЕВ. Медсестра ввела ей успокоительное, и где-то через час нас оставили наедине.

Высвечивается уголок санчасти. На кровати – Мосина с

перевязанными запястьями.

ЛЕДНЕВ (*к Мосиной*). Продолжим. Итак, она звалась Консуэлой, твоя подруга. Почему ты начала с нее? Почему она не выходит у тебя из головы?

МОСИНА. Она села год назад за двойное убийство.

ЛЕДНЕВ. Карманница – за убийство??

МОСИНА. Застукала своего хахалю на измене, ну и мочканула обоих сонными. Получила пятнашку. Это отчасти приравнивается к пожизненному сроку. Поэтому ее она скоро придет этапом сюда. Уже маляву мне прислала. Вот.

Мосина достает их карманка платяя клочок бумаги и дает Ледневу. Тот читает.

ЛЕДНЕВ. Смерть тебя только пописать отпустила. Что это означает? Она угрожает тебе убийством?

МОСИНА. Вы удивительно догадливы.

ЛЕДНЕВ. Фая, давай без этих подковырок, если хочешь, чтобы я тебе помог. Но как я могу помочь, если через несколько дней уеду?

МОСИНА. Вообще-то, я хотела просить вас не о себе. Об Агеевой. Ее хотят отправить в колонию для тэбэцэшниц, хотя у нее болезнь в закрытой форме. А там у всех – открытая форма. То есть Гаманец хочет отправить ее на верную гибель. Вот этому вы можете помешать.

ЛЕДНЕВ. Пожалуй. Вы – подруги?

МОСИНА. Однохлебки. Вместе кушаем. Работаем вместе. Наши швейные машинки рядом. Ну и вообще... поддер-

живаем во всем друг друга. Тут особняком быть трудно.

ЛЕДНЕВ. И давно у тебя с Гаманцом такие замечательные отношения?

МОСИНА. О! Я перешла к нему по эстафете.

ЛЕДНЕВ. Можно, я включу диктофон?

МОСИНА. Включайте, я постараюсь говорить культурно.

ЛЕДНЕВ. Не обязательно.

МОСИНА. Как-то стало трудно говорить... Сейчас, соберусь... Ну, если коротко, мать у меня шила платья и продавала на рынке. А раньше это было запрещено. Ее поймали на этом, стали требовать информацию о таких же, кто шьет и продает. Ну, она и выложила... И тогда ее завербовали. Дали псевдоним. Стали подсаживать в камеры. Это называлось командировкой.

ЛЕДНЕВ. Такие называются насадками.

МОСИНА. Вот видите, как вам легко объяснять. Короче, мама вызывала подследственных на откровенность. По добытой ею информации раскрывались тяжкие преступления. По мелочам маму не использовали. За этой ей неплохо платили. Так что мы не бедствовали. Но мама подолгу не бывала дома, и мы распустились. Я и еще трое. Отец у нас умер, так что... мы оставались без присмотра. Короче, я связалась с этой Консуэлой.

Мы звали ее королевой. Ей бы в кино сниматься, а не по карманам шарить. Консуэла брала меня на притирки. Я отвлекала ротозеев, а она вынимала кошельки. На пару у нас

здорово получалось, хоть в «Смехопанораме» показывай. Гаманец тогда в угрозыске работал. Как раз в отделе, где карманниками занимались. Не мог он Консуэлу поймать с поличным. И тогда он ко мне красиво подъехал. Начал вешать мне на уши: мол, боится, как бы Консуэла не сломала мне жизнь. Бери, говорит, пример с матери. Я сначала не поверила. Бросилась к маме: «Ты стучишь ментам, это правда?» А она мне: «А как бы я вас четверых вырастила, доченька? На какие шиши?» Я заорала: «Мама, ты что, совсем больная?» А она мне: «Доченька, ты жизни не знаешь. В преступном мире грязи больше, чем в полиции».

Короче, Гаманец пригрозил: если я не соглашусь, Консуэла узнает, что моя мать – стукачка. Ну, вот что мне было делать? Я дала подписку о сотрудничестве. Мне прилепили оперативный псевдоним «Сафо». Я сообщила Гаманцу, где мы с Консуэлой будем «работать». И он взял ее на кармане! Схватил за руку и держал мертвой хваткой. А я для вида, но очень даже натурально царапала ему лицо, рвала волосы, но он не разжал хватку, пока другие опера не подоспели...

Дали Консуэле два года. Конечно, меня мучила совесть. Я писала ей, слала посылки. А потом по ее совету сама начала промышлять. Безо всякого прикрытия – не верила никому. Ездил в другие города. Там меня и взяли с поличным. Гаманец приехал ко мне в изолятор.

Теперь менты хотели использовать меня на зоне. Их интересовали нераскрытые разбойные нападения, убийства. Ну,

поработала я, куда деваться, помогла раскрыть несколько «висяков». Но суд все равно припаял мне два года. Мол, так надо, чтобы отвести подозрения.

А я поняла, что зона, как радиация, убивает в человеке все живое. Попаду еще раз – мне кранты. Решила начать жизнь заново. После освобождения шила платья, продавала на рынке. Менты знали, что я завязала, и все же требовали, чтобы поставляла им информацию. Я – ни в какую! И тогда они стали меня провоцировать на кражу. Около меня стали тереться тетки с ментовскими мордами. Я только смеялась: эй, дамочка, у вас сумочка расстегнута, смотрите, кошелек выпадет!

Тогда мне подкинули в сумку кошелек якобы потерпевшей, задокументировали это при подставных свидетелях и подставных понятых... Мамой клянусь, не хотела я для себя такой жизни. Мечтала выйти замуж за парня, с которым не скучно и не страшно. Но вместо любви меня хотели изнасиловать по пьяни свои же ребята. Я разбила окно и скинулась с третьего этажа. Врачи меня по кусочкам собирали. Меня и Гаманец не мог взять, хотя до сих пор облизывается.

ЛЕДНЕВ *(снова читает)*. «Фаечка, смерть тебя только пописать отпустила...»

МОСИНА. Гаманец точно натравит ее на меня. И тогда кому-то из нас двоих уже не жить. Но вы попробуйте все же помочь Ленке Агеевой.

Кабинет Ставской. Отрядница пьет чай с участницами конкурса красоты. Здесь же Мосина с забинтованными руками и Мэри, которая украдкой фотографирует.

СТАВСКАЯ. Так, что у нас дальше? Дефиле... Дефиле будем проводить в купальниках.

КАТКОВА. Я оголяться не буду.

СТАВСКАЯ. Купим всем бикини.

МЭРИ. Могу свой дать.

СТАВСКАЯ. Мисс Барт, гуманитарная помощь условия конкурса не предусмотрена.

КАТКОВА. Тамара Борисовна, и вы туда же. Какое дефиле при нашей диете?

АГЕЕВА (*злорадно*). При чем тут диета? У тебя паук на лытке.

КАТКОВА. Детка, паука можно заклеить. Подумаешь, паук. Всего лишь знак наркоманки... А вот длинный язык не заклеишь...

Агеева готова наброситься на Каткову.

СТАВСКАЯ. Прекратите! (*после паузы*) Что купальники! Меня больше волнует номинация «Настоящая мать». Кто из вас умеет пеленать ребенка? Кроме Катковой?

Молчание.

СТАВСКАЯ. Вы что, девушки, никогда кукол не пеленали? Ладно. А какие будем разыгрывать социодрамы?

КАТКОВА. Что-нибудь симпровизируем.

Агеева сидит с отсутствующим лицом. Кашляет, прикладывая платок ко рту.

АГЕЕВА. Если меня раздеть, жюри зарыдает. И пеленать не умею...

СТАВСКАЯ. А с кем Мосина петь будет?

АГЕЕВА. Какие, на хрен, песни? У меня этап на носу.

СТАВСКАЯ. Да что ж это такое! Вы ж меня подводите.

Стук в дверь, заглядывает Леднев.

ЛЕДНЕВ. Тамара Борисовна, можно вас на пару слов?

Ставская выходит из кабинета.

КАТКОВА (Мэри). Сигареткой не угостите?

Мэри достает из рюкзака пачку сигарет. Девушки закуривают.

МЭРИ. Здесь, наверное, нельзя курить.

АГЕЕВА. Сейчас можно. Куда Борисовна без нас?

КАТКОВА (тянет носом, улавливает запах, идущий из сумки американки, Мэри). Какой аромат... Шанель номер пять?

Мэри достает из рюкзака флакон духов.

КАТКОВА. Точно! Еще не забыла...

Мэри снимает крышечку, нажимает на колпачок, распыляет духи. Женщины с наслаждением вдыхают аромат.

МЭРИ. Могу подарить, но у вас могут быть неприятности.

КАТКОВА. По барабану. А ты чего выкаешь? Будь проще, подруга. Представь, что этапом сюда пришла... Девки, за что Мэри могла бы сесть?

АГЕЕВА. За наркоту. Да, духи – класс, торчу, как шпала.
Леднев и Ставская за пределами кабинета.

СТАВСКАЯ. Не работа у вас, а одно удовольствие. Приехали, походили, посмотрели, написали... И денежки, и слава... Привезли непонятно кого, фотографировать наш позор. Занимаетесь не теми, кем надо бы заняться. Учтите, тут некоторые могут зацепить вас очень крепко, даже ценой жизни. Это им ничего не стоит.

ЛЕДНЕВ. А вы, как я понял, по поводу Катковой особенно переживаете?

СТАВСКАЯ. Знаете, это моя мечта – чтобы Лариса освободилась раньше звонка. Отбыла уже семь лет, а впереди еще три. Она уже на пределе... боюсь, сорвется и получит очередной довесок. И уже не выберется отсюда, превратится в Мавру... Посмотрите личное дело Катковой. Сейчас она сидит за участие в лагерном бунте, числится чуть ли не главной зачинщицей, но это не так. Одной из главных была Мосина. Но им добавили одинаково – по шесть лет. Только Мосиной – за дело, а Катковой – за дерзкое поведение во время следствия. *(после паузы)* Будьте человеком, напишите о Катковой, помогите ей освободиться.

ЛЕДНЕВ. А других вам не жалко?

СТАВСКАЯ. Всех жалко, но Каткову – особенно.

ЛЕДНЕВ. Потому, что самая красивая?

СТАВСКАЯ. Знаете, красоту особенно жалко.

Кабинет начальника колонии. Праздничный стол с на-

питками и закусками. Леднев, Мэри, Корешков, Шмакова и Гаманец.

КОРЕШКОВ (*поднимая рюмку*). За ваш будущий альбом, Мэри! За ваш успех... с нашей скромной помощью. Надеюсь, и пантеры наши и мы, ужасные тюремщики, будем выглядеть достойно.

МЭРИ. Я постараюсь... (*пригубливает рюмку*) О, водка! (*выпивает*).

КОРЕШКОВ. Bravo! Есть в вас, Мэри, что-то нашенское.

МЭРИ. Так пьет моя тетка Даша... Как она говорит, одним махом.

КОРЕШКОВ. Русская душа даёт о себе знать. Ей-богу, я бы пошел с вами в разведку... Закусывайте, Мэри. Вот запеченная лосятина ...

МЭРИ. Спасибо, я не ем мяса.

ШМАКОВА. Вот свежий сиг в чесночном соусе. Сама готовила...

МЭРИ. Благодарю... (*пробует*) М-м-м... Сиг...

ШМАКОВА. У вас, наверное, накопились вопросы?

МЭРИ. Вопросов много... Зачем у вас в женской колонии столько мужчин? Представьте, что творилось бы в мужской колонии, если бы там было столько женщин в погонах.

КОРЕШКОВ. Тогда я вас спрошу. Что больше всего нужно арестанту?

МЭРИ. Свобода.

КОРЕШКОВ. А в чем заключается свобода в условиях

неволи? В справедливости, Мэри.

МЭРИ. Вы считаете, что мужчины справедливее женщин?

ГАМАНЕЦ. Чем меньше эмоций, тем больше справедливости. Чем больше строгости, тем сильнее кара. А чем сильнее кара, тем больше справедливости – за содеянное надо отвечать по всей строгости закона.

ШМАКОВА. Молодец, Валера. Красиво завернул.

КОРЕШКОВ (*поднимая рюмку*). Еще раз за нашу гостью!
За успех вашей книги!

ЛЕДНЕВ. За успех не пьют, плохая примета.

ГАМАНЕЦ. Николай Кириллович не взглянет, у него легкая рука... А я, знаете, тоже в восторге от Мэри. У нее украли духи, а она молчит.

МЭРИ. С чего вы взяли? Ничего у меня не украли.

КОРЕШКОВ. И кто это сделал?

ГАМАНЕЦ. Выясняем.

КОРЕШКОВ. Вот когда выяснишь, тогда и объявляй. А если Мэри говорит, что у нее ничего не украли, значит, так оно и есть.

ЛЕДНЕВ (*Гаманцу*). Вы весь день были рядом. Кто мог забраться в ее рюкзачок?

КОРЕШКОВ. Логично. Валерий Сергеич, прикинь, где ты прозевал?

МЭРИ. Повторяю – ничего у меня не украли. И мне бы не хотелось, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

КОРЕШКОВ. Всё! Тема закрыта до полного выяснения

обстоятельств... Чем еще можем быть полезными, Мэри?

МЭРИ. Я видела у вас в колонии беременную женщину. Она дохаживает последние дни. Нельзя ли снять роды?

ГАМАНЕЦ. Николай Кириллович, это Чижова. Она же с головы до ног в татуировках.

КОРЕШКОВ. Роддом у нас в соседней колонии... Договориться не проблема. Но как быть с правами человека? Боюсь, сама Чижова будет против. Вы заручились ее согласием, Мэри?

МЭРИ. Хотела сначала поговорить с вами.

КОРЕШКОВ. То есть, вы уверены, что Чижова не откажется. Откуда такая уверенность?

МЭРИ. Я хорошо заплачу.

КОРЕШКОВ. И каким образом собираетесь расплатиться? Наличными?

МЭРИ. Майкл сказал, у каждой осужденной есть свой счет.

ГАМАНЕЦ. Николай Кириллович, можно вас на минутку?

КОРЕШКОВ (*гостям*). Прошу прощения... Минуточку, Мэри. Джаст э минит!

МЭРИ. Нэва майнд, Николай Кириллович!

Корешков и Гаманец отходят в сторону.

ГАМАНЕЦ. Товарищ подполковник, конечно, вам решать, но нас не уроют за эту Чижову? Это ж стыдобище будет на весь мир!

КОРЕШКОВ. Ох, Валера... Этот мир в таких позах нас уже видел, в таком виде... Никакая татуированная зэчка позора уже не добавит.

ГАМАНЕЦ. Мое дело – предупредить. Ну, тогда хорошая новость. Я как-то рассказывал вам о подруге Мосиной, неуловимой Консуэле. Так вот, идет она к нам этапом за двойное убийство. Думаю, с ее помощью мы много вопросов решим.

КОРЕШКОВ. Она твой агент?

ГАМАНЕЦ. Николай Кириллович, если б даже директор нашего ведомства приказал мне раскрыть агента, я бы ему напомнил о специальной инструкции. Запрещено это.

КОРЕШКОВ. О'кей, Валера. Только смотри, как бы эта Консуэла конкурс нам не сорвала... Да, а кто тебе дунул на счет духов американки? Назовешь или я должен тебе на слово верить? Случай-то деликатный.

ГАМАНЕЦ. Хорошо, товарищ подполковник, нарушу инструкцию. Это информация осужденной Брысиной. Но, по ее сведениям, американка сама подарила духи Катковой. Про кражу это я так... чтобы припугнуть Мэри и заставить ее признаться.

КОРЕШКОВ. А она, видишь, какая.

ГАМАНЕЦ. Тут ведь что главное. Где будет хранить эти духи Каткова. В общежитии никак нельзя. Значит...

КОРЕШКОВ. Значит, Ставская будет ее прикрывать. Что ж, информация ценная. Придется, разрешить Брысиной вне-

очередное отоваривание в ларьке.

Корешков и Гаманец возвращаются к гостям.

КОРЕШКОВ. Ну что? Еще по рюмашке? Михаил, твой тост.

ЛЕДНЕВ. Выпьем за то, чтобы в вашей работе было больше ключей, чем замков.

КОРЕШКОВ. Этот тост надо запомнить. Ну, а у меня не менее остроумное алаверды... (*поднимает рюмку*) За своеобразие текущего момента! Ха-ха!

Кабинет Ставской. Леднев и Агеева.

ЛЕДНЕВ. Смотрю я на тебя, Ленка, и думаю: ну как такая Дюймовочка могла стать организатором преступного сообщества?

АГЕЕВА. Вы ж психолог. Должны знать: как раз такая маленькая и может быть большой погремушкой. Вы ведь тоже только с виду белый и пушистый.

ЛЕДНЕВ. Ты, наверное, уже знаешь. Я истории собираю. Кто как сюда попал. Так что если есть настроение, давай, исповедуйся.

АГЕЕВА. Ну, слушайте, отец мой... Только с чего начать?

ЛЕДНЕВ. С главного.

АГЕЕВА. А что главное? Фиг знает. Наверно, Брысина. Я ведь ее, считай, убила, а сейчас мы одним отряде... Я ее убила, я ее и откачала. А сейчас... Я точно знаю, что она на меня стучит оперу, но убить ее уже не могу. Хотя временами очень хочу. Наверно, трудно убивать дважды одного и того

же человека.

ЛЕДНЕВ. А за что она на тебя стучит?

АГЕЕВА. Ну, вы даете! Хотите, чтобы я вам так вот и сказала?

ЛЕДНЕВ. Да я сам догадываюсь. Материал с фабрики таскаешь, барыгам продаешь?

АГЕЕВА. Тут почти все понемногу тащат. Всем хочется чего-то помимо того, что разрешено. Но если вы такой умняк, то должны понимать, что барыги наши тоже кому-то продают краденое. *(с усмешкой)* И кто бы это мог быть, этот скупщик?

ЛЕДНЕВ. Ума не приложу.

АГЕЕВА. А вы рассудите логически. У кого есть возможность выносить краденый материал? Всех, кто в погонах, осматривают на выходе, а кого не осмеливаются? Ладно, предположим, не знаете. Тогда я скажу – режимника и опера. Кто ловит на краже, тот краденое и сбывает. Это сто десять процентов. Вот кого иногда больше хочется убить, чем Брысину.

ЛЕДНЕВ. Однако... Какие страсти тут у вас кипят... Шекспир отдыхает. Но ты все же избавь меня от мучений. Повспоминай, как сюда попала.

АГЕЕВА. Леди из меня никогда бы не вышло. Папа – алканавт, мама точно никогда не держала вилку в левой руке. Но я бы, наверное, улучшила генетику, если бы мы не переехали в неблагополучный микрорайон. Я тогда только за-

кончила восемь классов. Первое, что услышала от Ксюхи, соседки по парте: готовься, подруга, у нас пацанам попробуй откажи. И что же делать, говорю? Она рукав закатала, а там наколка с именем одного «автора» ну, уличного авторитета. Мол, покажи, если начнут приставать, – враз отстанут. Наколола я себе портачку. Училка увидела – стукнула директору. Устроили нам с Ксюхой разборку на педсовете – типа, мы общие. Вызвали родителей, велели им сводить нас к врачам. Обследовали нас и выдали справки, что мы неваляшки. Учителя за наезд извинились. Но «толпа» узнала, что мы с Ксюшкой «честные». Не только пацаны, даже девчонки разозлились. Мол, чего ради мы две на особом положении? И вот сидим как-то у Ксюхи, музон слушаем, и вваливается «толпа». Пацаны кидают Ксюху в койку, девчонки ее держат, чтобы не брыкалась, и еще при этом фотают... Потом и на меня полезли. Я схватила кухонный нож, приставила себе к горлу, говорю – если тронете, козлы, за убийство сядете.

А потом влюбилась в одного. Так сначала клёво было... Но он не мог отказать своим друзьям. Они на меня полезли, а он балдеет... Кинулась к окну, ору, что сейчас выброшусь. Повезло – менты мимо ехали...

Уехала в городок неподалеку, поступила в культпросветучилище. Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Там та же байда! И так это меня достало... Сколотила я с девчонками свою «толпу». Не только для защиты от пацанов. Денег-то ни копыа, а одеваться хочется. Начали девок раздевать. Оказалось, это просто. По-

дошли, напугали, сняли и пошли дальше. В качалку ходили, пацанов начали метелить, ладони бинтами перед дракой обматывали, чтобы костяшки не сбить. Шапочку вязаную на глаза, чтоб не узнали – и вперед!.. Я закурю?

ЛЕДНЕВ. Тебе ж нельзя.

АГЕЕВА. А! Мне теперь всё можно. (*закуривает*). На малолетке я попала на красную зону. Два часа в день строевым шагом под песню «Дан приказ ему на запад». А я в сапогах и одежке на три размера больше, как пугало огородное, с ног валюсь, пятки в крови. Хотелось забыться хоть на время. В зону въедет грузовик, открываешь крышку бензобака, макаешь туда тряпку и нюхаешь до одурения. В удавочку играли. По очереди душили друг дружку полотенцем, зажимали сонную артерию, отключались на время, тоже как бы кайф. Многие на этой зоне выслуживались, чтобы по досрочке выйти. Навалились мы на одну такую активистку, Брысину, стали душить полотенцем, только сил не рассчитали. Она вырвалась и давай нас кулачищами хреначить. Ну, мы тоже озверели, придавили ее. Когда обмякла, опомнились, начали откачивать... позвали на помощь. Это нам потом зачли на суде. Добавили по два года, меня опять посчитали организатором и отправили сюда, как особо опасную. (*кашляет*) А потом я заболела... На малолетке в карцере холодрыга, еда – вода и пайка хлеба. По молодости тэбэцэ быстро развивается. У меня пока в закрытой форме, не бойтесь, не заражу...

ЛЕДНЕВ. А как вы с Мосиной познакомились?

АГЕЕВА. На этапе в одно купе попали. Мне после суда жить не хотелось, так она меня поддержала. Стала мне как мать.

ЛЕДНЕВ. Ты из-за нее на Каткову набросилась?

АГЕЕВА. Чего вам только не наговорили...

ЛЕДНЕВ. Что произошло на этапе, в поезде? Давай уж, как на духу.

АГЕЕВА (*не сразу*). Лежу я рядом с Файкой и не могу уснуть. И вдруг чувствую, она вся горит, и все ближе ко мне, ближе... Ну, и... вот... У меня уже ничего в жизни не осталось, кроме этого.

В кабинет входит Ставская. Она взволнована, встревожена.

СТАВСКАЯ. Поговорили? Лена, иди пока.

АГЕЕВА *скрывается за дверью.*

СТАВСКАЯ. Вас ждет Каткова. Она в релаксации. Выслушайте ее, наберитесь терпения, прошу вас.

Леднев выходит из кабинета. Ставская достает из сумочки флакон духов и прячет в банку с растворимым кофе, вынимает косметичку, подкрашивает губы. За этим занятием ее застают Корешков и Гаманец.

КОРЕШКОВ. Томочка, давай не будем унижать друг друга. Выдай духи по-хорошему.

СТАВСКАЯ. Какие духи?

ГАМАНЕЦ. Которые Каткова тебе на хранение дала. Больше некому... Ключ! Ключ от двери, быстро!

Ставская отдает ключ, Гаманец закрывает дверь, профессионально быстро потрошит косметичку, обшаривает сумочку, выдвигает ящики стола, осматривает книжный шкаф, ощупывает висящее на вешалке пальто.

ГАМАНЕЦ. Извини, Тома, я должен тебя осмотреть.

СТАВСКАЯ. У нас даже зэчек только надзорки шмонают.

ГАМАНЕЦ. Так я же извинился.

Ставская встает.

СТАВСКАЯ. Гражданин «хозяин», всему есть предел. Давно я собиралась уйти, да всё как-то... Сегодня получишь мое заявление об уходе.

КОРЕШКОВ. Не стоит оно того, Тома... Ладно, если напрасно потревожили, извини. Самая знаешь, служба такая, собачья.

ЛЕДНЕВ (*к зрителю*). По дороге в релаксацию я сделал открытие, которое предполагалось – оказывается, смежная комната оборудована для наблюдения за происходящим в релаксации. Такое вы наверняка видели в детективных фильмах – кого-то допрашивают, а кто-то за этим наблюдает. В релаксации сидела Каткова – она смотрела прямо на меня, в упор, невидящих взглядом.

Леднев заходит в релаксацию, где его поджидает Каткова.

ЛЕДНЕВ. В прошлый раз тебе здесь не нравилось.

КАТКОВА. Ну, так сейчас я здесь совсем по другому поводу.

ЛЕДНЕВ. Тамара Борисовна сказала, что родители тебя очень любят. А ты их?

КАТКОВА. Я тоже их люблю. *(нервно)* А что вы хотите сказать? Что они меня больше любят, чем я их? Они за меня переживают, а я веду себя так, что меня не скоро освободят, а для них это страдание? Что я конченная?

ЛЕДНЕВ. То есть безнадежной ты себя не считаешь?

КАТКОВА. Конечно, нет. С чего вы это взяли? С какого потолка?

ЛЕДНЕВ. Но ты наркоманка.

КАТКОВА. Ну и что? Семь процентов наркоманов излечиваются. Я вхожу в это число. Уже семь лет стальной царёк надо мной не властен. Я уже забыла ощущения от ханки. Так у нас в нашей очень Средней Азии называют героин. Я вообще все уже забыла. Иногда мне кажется, что я никогда не жила на свободе.

Рукава рубашки у Катковой высоко закатаны, хорошо видны широкие шрамы на запястьях. Она специально показывает шрамы Ледневу.

ЛЕДНЕВ. Судя по шрамам, ты тоже вскрывалась. Я смотрю, это тут у вас почти хобби.

КАТКОВА. Ага, хобби. Попробуйте, может, понравится. Что-то не похожи вы на психолога. Тонкости вам не хватает.

ЛЕДНЕВ. А говоришь о любви к родителям. Каково им было узнать об этом.

КАТКОВА. Дура была страшная. Ну и от безнадёги. Чего

только с собой не делала. Даже медный купорос пила. Жить не хотелось, понимаете? Что вы вообще знаете о зоновской жизни?

ЛЕДНЕВ. Ну, давай о себе по порядку.

КАТКОВА. Не люблю этого слова. Где говорят о порядке, там обязательно насилие и беспредел.

ЛЕДНЕВ. Хорошо, начни с глупостей.

КАТКОВА. О, это пожалуйста. Все брюнетки выглядят старше своих лет... Короче, когда меня взяли в кафе официанткой, мне еще не было шестнадцати. А кафе это облюбовал Штык...

ЛЕДНЕВ. Стоп! Что тебя заставило пойти работать в этом возрасте?

КАТКОВА. Денежки. Когда родители дают детям мало денег, они толкают их на скользкую дорожку. Надеюсь, вы понимаете, для чего нужны денежки юной алёнушке? Так вот... Это кафе облюбовал братец Иванушка. Игорь Штыков приходил туда со своей бригадой расслабиться после напряженного трудового дня. Что характерно, они не пили, не курили, даже не матерились. Диету держали. У кого почки отбиты, у кого – печень, у кого селезенка. Но я же об этом не знала. Я думала, они просто на удивление хорошо воспитанные чуваки. Это я потом узнала, что они – настоящая власть для многих людей, в том числе для работников и владельца кафе. Штык –гонял на своем джипе, будто один на дороге. Едет на красный свет – гаишники честь отдают. Потерпев-

ший, кого-то угнали машину, обращается к нему, он поднимает братву и в считанные часы тачка возвращается владельцу. Закурить бы.

Леднев протягивает пачку сигарет, щелкает зажигалкой.

Когда я родила сына, Ванечку, ему повесили над кроватью золотой крест. Открыли на его имя валютный счет, чтобы ни в чем не нуждался, если, не дай бог, с его отцом что-нибудь случится. Своих детей они любят больше родителей, жен, любовниц. А в сыновьях видят будущих братков. И соответственно их растят. А жена... Что жена? Они ели, а я им прислуживала. Я была нужна Штыку, как красивая вещь – вот, мол, чем владею. И еще им нужно, чтобы дети были красивыми, чтобы кто-то встречал, подавал вкусный борщ. А я не привыкла, чтобы со мной так обращались. Устроила Игорю скандал. Думала, он что-то поймет. А он сорвался прямо при ребенке. Я стояла возле зеркала, красила губы, а он молотил меня по ребрам своими кулачищами. Ребенок плакал, а я молчала, хотя Игорь сломал мне ребро. Это его особенно завело. Запер меня в подвале и требовал, чтобы я попросила прощения. Я ни в какую. Тогда он вывез меня за город и бросил на лесной дороге... По натуре, мне кажется, он не был жестоким. Но считал себя сильным. А как можно быть сильным без жестокости? Никак.

Я чувствовала, что теряю ребенка. Кто из него мог вырасти? Такой же... А Игорь чувствовал, что теряет меня. И как-

то предложил уколоться. Я попробовала, понравилось. Ну и пошло – поехало. Когда Игорь понял, что натворил, было уже поздно, я подседа на иглу капитально. Ему самому приходилось сыном заниматься – с его-то характером. Кончилось все плохо. Летел однажды по гололеду и врезался в опору моста. Как раз той стороной, где Ванечка сидел... *(плачет)* А через месяц застрелили его прямо возле дома. А дом наш сожгли. *(после паузы)*. Так сразу все потерять... В общем, я удвоила дозы. Последние бабки быстро кончились. Влезла с другими наркошами в богатый дом. Думали, раскумаримся. А там – собака... Следствие было короткое, а срок дали длинный – пять лет. Меня это оглушило. Я вообще после смерти сына жила, как в тумане. А на зоне было все, чтобы забыться: водка, анаша, ханка. Азиатская колония, чего вы хотите? Трезвой я редко была. И вот однажды – этап из Перми. Триста новеньких. А нас, местных, больше тысячи.

Этапницы друг за дружку держались. Боялись, что мы начнем гнуть их в дугу. Ну и менты нас стравливали. Мы и пошли стенка на стенку. До смерти никого не побили, но все равно – опять суд. Нарисовали мне на деле красную полосу – «особо опасная» – и отправили в Россию. Так я узнала, что такое этап. Конвой материт ни за что – это ладно. Но могут ни за что и под зад сапогом дать. В туалет идешь – солдат за тобой. Дверь рвет на себя, заглядывает, что ты там делаешь. Предложения всякие... Начинаешь грубить – сутки на оправку не выводят.

Суд по идее сажает человека за решетку для чего? Думай, что натворил, исправляйся. На самом деле все не так. В неволе, как в матрешке, еще очень много других неволей. Неволя устроена так, чтобы человек не сидел и думал, а чтобы мучился.

Попала я на пересылке в камеру на шестерых заключенных, а нас туда затолкали шестьдесят. Да еще все курят... Ну, короче, начали мы... с одной зэчкой стучать в двери, чтобы открыли окно – оно ведь обычно задраено. Кормушка открылась – мы думали, нас выслушают, а нам брызнули в лицо «черемухой». Слезы ручьем. Кажется, ослепла и никогда уже видеть не будешь. Блин, как же я ругалась! И тогда надзорки вывели меня, связали и велели зэку из хозобслужбы остричь наголо. Зэк отказался. Тогда надзорки сами взяли за ножницы. Я орала благим матом. В камере меня услышали, и... короче, одна женщина меня поддержала. Вскрыла себе вены.

ЛЕДНЕВ. А почему ты прямо не скажешь, что это была Мосина?

КАТКОВА. Просто у нас разлад... Ладно, если вы в курсах, буду рассказывать все, как есть. Всю дорогу над нами смеялись зэки-мужики, коблухами обзывали, крысятницами.

ЛЕДНЕВ. Мосину тоже под ноль подстригли?

КАТКОВА. Да, ей тоже досталось. И на Корсунской зоне нас приняли за крысятниц – тех, кто из тумбочек ворует, кого обычно стригут наголо сами зэчки. Сто пятьдесят пантер

окружили и стали бить чем попало. Мы с Мосиной разбили окно, взяли куски стекла, только тогда нас оставили в покое. Но начали ко всему придираться. В основном к одежде. Особенно отличался начальник режима Рэкс – кликуха такая. Ходил все время с ножницами. То юбку распоросует сверху донизу, слишком длинной ему покажется, или слишком короткой, то еще как-нибудь унизит. Сам на зону наркоту приносил, расплачивался со своей агентурой. А как-то устроил повальный шмон. Я спала после ночной смены. Просыпаюсь: мама родная, надзиратели бросают в машины вышитые пододдеяльники – вышивать запрещалось, сверхнормативные гамаши – была дозволена только одна пара на два года, лишние платья – больше, чем положено – нельзя иметь.

Я бросилась на швейку. Сказала бабам, что творится в жилой зоне. Так мне приписали подстрекательство к бунту. Добавили еще шесть лет, и я поняла: это кранты. Больше жить не могу, не хочу и не буду. Кусочком зеркала вскрыла себе вены на обеих руках. Мне наложили швы – шесть внешних и четыре внутренних. Но как только медики отошли, я сорвала швы... я не хотела жить. Меня снова зашили. Врач настаивал, чтобы меня перевели в санчасть, но менты велели оставить в карцере. Руки опухли, почернели. Когда Мосина узнала об этом, она тоже вскрылась. А я сделала хороший такой глоточек медного купороса. Еле откачали...

ЛЕДНЕВ (*недоверчиво*). И где же ты взяла этот купорос?
КАТКОВА. Бог мой... Да за бабки на зону слона завести

МОЖНО.

Уголок общежития. Мавра и ее изрядно помятая жизнью подруга Жоржетта.

МАВРА. Жоржетта, дружочек, вот и пипец твоему сроку, завтра на волю. Ты закон знаешь? Полянку накроешь?

ЖОРЖЕТТА. Маврик, об чем звук? С меня гудёж. Золотую коронку вырву, но куплю у бырыги и чаю, и колеса.

МАВРА. Вреден нам уже чифирь. А от колес бы не отказалась.

Жоржетта вытаскивает из гольфа заточку.

ЖОРЖЕТТА. Зеркальце дай.

МАВРА (*выполняет просьбу*). Осторожней, деточка, не порежься.

Жоржетта пытается отодрать от зуба золотую коронку.

МАВРА. Эх, жаль мне тебя – от горячего будет зуб ломить. Но закон есть закон... (*прислушивается*). Погоди! Кого-то черт несет... Спрячь заточку, а то сроку накинута.

Появляется Мэри.

МЭРИ. Здравствуйте, дамы.

МАВРА. Чур меня! Ну, ты, америка, как привидение. Разгуливаешь по зоне, как по своему Бродвею... Где тебя надзорки потеряли? Еще пофотать меня хочешь?

МЭРИ. Я поговорить.

МАВРА. Офигеть! Ну, давай побазарим, пока все на работе. Хлебнешь чифирьку для настроения? Правда, холоднень-

кий...

Мэри берет из рук Мавры кружку с чифирьом, делает глоток, морщится.

МАВРА. Пей, не выёживайся! Чем богаты... А мы тут свои заморочки перетираем. Подруганка вот завтра откинется, а проводы справить не на что, в карманах голяк. Хочет золотую коронку вырвать, а пассатижей нет. Да, мы такие, америка: можем последнее украсть и последнее отдать. А вы? Вы не такие!

МЭРИ. Мы почти такие же, только побогаче.

МАВРА (*прищурившись*). Я вот думаю, может мне на тебе раскрутиться?

ЖОРЖЕТТА. Маврик, притормози. Дипломатического скандала хочешь?

МАВРА (*Мэри*). У меня тоже срок кончается. А куда мне? Давай я на тебе довесок получу. Сильно больно не будет. Прославишься у себя в Америке.

МЭРИ. А что вы мне сделаете?

МАВРА. Не бойсь, не убью, так тока малость покалечу... за дружбу народов... (*злоеще обнимает Мэри и пристально всматривается в ее лицо*). Вот смотрю на тебя, америка, и думаю – кого ты мне напоминаешь? (*к Жоржетте*) Ты Машку Бартеневу помнишь? Она ж на нее, царство ей небесное, похожа! Просто одна физия...

Мэри лезет в рюкзачок, достает фотографию, протягивает Мавре.

МАВРА. Ха! Что за хрень? Родня, что ли?

МЭРИ. Дочь.

МАВРА. Охренеть! А у тебя какая фамилия?

МЭРИ. Барт. Мэри Барт...

МАВРА. Барт... Бартенева! Жоржетта, ты слыхала?!

ЖОРЖЕТТА. Маврик, это просто чума, что такое...

МЭРИ протягивает МАНЕ зеленую купюру.

МЭРИ. Не надо коронку снимать, вот вам на провода.

МАВРА. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! А помельче нету?

Мэри протягивает другую купюру Жоржетте.

МАВРА. О, мля! Узнаю Машку Бартеневу, та тоже широкая была... Ладно, так и быть, не буду на тебе раскручиваться.

МЭРИ. Расскажите о маме. Где она похоронена?

МАВРА. У нас в Раше возле каждой зоны свой погост. Здесь она, мамка твоя.

МЭРИ. Может, вы и бабушку мою знали?

МАВРА. И бабка твоя здесь. Не знаю только, под какими они номерами. У ментов спроси. Мамка твоя была белой вороной среди нас, воровских пионерок, но правильная девка была... Страдалка...

МЭРИ (*эхом*) Страдалка...

МАВРА. Это мамка твоя нас так называла.

МЭРИ. А за что её сюда?

МАВРА. Использовали её домушницы. Маленькая была, в форточки лазила... А мать ее, бабка твоя, за политику си-

дела, и родила ее, мамку твою, уже в колонии. Потом умерла, кажись, от тэбэцэ.

МЭРИ. А отец мой кто?

МАВРА. Эх, девонька, не думай об этом. Мужик – сучество случайное в нашей бабьей жизни.

МЭРИ. Существо... Неужели уголовник?

МАВРА. Не обязательно, не бери в голову... Примешь пару колес? Мамка твоя иногда принимала. Когда совсем не-моготу было.

МЭРИ. Спасибо, дамы, мне пора. (*уходит*)

Кабинет Ставской. Входит Леднев.

ЛЕДНЕВ. Тамара Борисовна, можно задать вам неудобный вопрос?

СТАВСКАЯ. Я и так знаю, что вас интересует. Не завела ли я шуры-муры с Катковой? Я вам, пожалуй, так отвечу, Михаил. Все мы здесь, сотрудники, друг за другом присматриваем. А за нами и друг за другом присматривают осужденные, которые кому-то стучат. Так что тут ни один секрет долго не держится. Ни один! И для тайной любви тут никаких условий.

ЛЕДНЕВ. Зачем тогда закрываетесь с Катковой?

СТАВСКАЯ. Сидим, чай пьем. Угощаю ее чем-нибудь вкусеньким. Если дверь не закрывать, вся зона будет знать. Ну и мне просто интересно с ней беседовать. За последние два года она очень изменилась. Стала мягче, перестала нарушать режим... Могу даже сказать, я с ней часто советуясь,

как поступить с той или иной осужденной. И не было случая, чтобы ее совет не пригодился. Она умеет думать за меня, как тюремщицу, и за любую зэчку, простите мне это грубое, но более точное слово, чем слово «осужденная».

ЛЕДНЕВ. Мне нужно очень внимательно прочесть ее дело, сделать выписки.

СТАВСКАЯ. Я постараюсь договориться со спецчастью.

ЛЕДНЕВ. Разве это сложно?

СТАВСКАЯ. В отношении к Катковой – да.

ЛЕДНЕВ. Поделитесь. Я никому не скажу.

СТАВСКАЯ. Это подозрение мне самой кажется бредовым. Но как-то многовато разных наблюдений...

ЛЕДНЕВ. Что-то связанное с ее красотой?

СТАВСКАЯ. Не зря Корешков и Гаманец нервничают, что вынуждены были впустить вас.

ЛЕДНЕВ. О, бог мой! Неужели?

СТАВСКАЯ. Я ж говорю, мне самой противны мои подозрения. Если вы захотите помочь Катковой, постарайтесь сделать так, чтобы об этом никто не знал.

Стук в дверь. Входит Мэри. Ставская смотрит на американку осуждающе: ворвалась, помешала разговору. Но Мэри этого словно не замечает.

МЭРИ. Родилась девочка у нашей Чижовой. Рост полтора фута, вес восемь фунтов. Во мне было столько же.

ЛЕДНЕВ. Наверное, это будут самые впечатляющие фотографии...

МЭРИ. Пока не знаю. Все, что я вижу здесь – для меня, как сон. А сама себе я кажусь себе кошкой, которая гоняется за своим хвостом. Не знаю, чем это кончится. То ли я вырву себе хвост, то ли досмотрю этот сон до конца... и уеду с чувством, что сама тут сидела.

СТАВСКАЯ. Я здесь почти десять лет. И теперь все чаще думаю: ну вот, и отмотала свой червонец, пора на свободу. Но вы сегодня какая-то особенно странная, Мэри. Из вас буквально на глазах улетучивается американское. С чего бы это?

МЭРИ. Если я скажу, если об этом станет известно, меня тут же перестанут пускать сюда, и я не закончу работу. Я уже боюсь. Я снимаю по старинке на обычные пленки, а еще – для страховки – цифровыми аппаратами. И каждый день во время досмотра на вахте умираю от страха. Вдруг мне засветят, вдруг испортят. (*непосредственно Ледневу*) Но сегодня, ты прав, я сделала самые удивительные кадры. Немолодая женщина, погрязшая в порочной жизни, не видевшая свободы больше десяти лет, вдруг беременеет. От кого? Кому она могла приглянуться, татуированная с шеи до ног? А главное, зачем это понадобилось ей? И еще главнее: что ждет ее ребенка? Да, это еще главнее, еще главнее...

Последние слова Мэри произносит так, словно это как-то касается непосредственно нее...

Дверь распахивается без стука. Входит Гаманец.

ГАМАНЕЦ. Принимай, Тамара Борисовна, пополнение.

В кабинет входит КОНСУЭЛА. По первому взгляду – властная, жестокая женщина.

СТАВСКАЯ. Да что ж это такое! Не даешь мне спокойно последние дни доработать.

ГАМАНЕЦ. Покой нам только снится, Томочка.

СТАВСКАЯ (*Консуэле*). Кто такая? Представьтесь по форме.

КОНСУЭЛА. Кирдяшкина Консуэла Тимофеевна. Статья 158-я, часть 2-я, карманная кража, срок пять лет... Статья 105-я, часть вторая пункт А, срок пятнадцать лет.

СТАВСКАЯ. Выйди. (*повысив голос*) Выйди, сказала!

Кабинет Ставской. Те же: Ставская, Леднев, Мэри.

СТАВСКАЯ. Майор, ты что вытворяешь?

ГАМАНЕЦ. Томочка, Кирдяшкина этапом пришла. По статейным признакам, как особо опасная.

СТАВСКАЯ. Карманница – за убийство? Мрак!

ГАМАНЕЦ. За двойное убийство, Томочка, иначе бы к нам не попала. Хахаля своего грохнула и подругу свою – на блюде с ним застучала.

СТАВСКАЯ. И вот такую хорошую, обязательно нужно ко мне в отряд?! Не делай удивленное лицо. Мосина мне рассказывала, как сдавала эту Консуэлу. Ты представляешь, как они сцепятся? И думаешь, Каткова будет спокойно смотреть, как Консуэла начнет рвать Мосину? Слушай, а не для того ли ты ее и привел, чтобы заодно и Каткову раскрутить? Ну,

конечно! Для оперативной необходимости нет ничего невозможного. А необходимость есть. Тебе надо как-то вернуть власть над Мосиной. Тебе нужно наказать Каткову за то, что она не может простить тебе шесть месяцев пэкэтэ, куда ты упек ее за кусок колбасы. Ты смотришь на Каткову, а видишь в ней Маврину.

ГАМАНЕЦ. Эка ты сегодня разговорила при посторонних. Ну-ну, продолжай. Только имей в виду. Ты сейчас на меня, а в моем лице на все наше ведомство, при свидетелях, поклёп возводишь. А все из-за чего? Из-за того, что вот-вот будет разоблачена и доказана твоя некрасивая связь с осужденной. А так и будет – сразу после конкурса красоты, за который ты отвечаешь.

Дверь распахивается, вбегает зареванная Брысина.

БРЫСИНА. Начальница, беда у меня – мамка померла! Вот телеграмма. *(протягивает телеграмму).*

СТАВСКАЯ *(пробегает глазами текст)*. Этого мне только не хватало!

ЛЕДНЕВ *(к публике)*. Закон позволяет краткосрочный отпуск осужденного домой, но только на практике такую меру поощрения применяют редко. Это всегда риск: а вдруг не вернется?

Кабинет Корешкова. Здесь Ставская, Гаманец, Леднев, Мэри и Брысина.

БРЫСИНА *(плача, падает на колени)*. Да не сбегу я, гражданин начальник, вот вам крест, не сбегу! Я ж рядом

живу, деревня в шестнадцать километрах отсюда. Христом богом прошу, не откажите. С мамкой попрощаться...

КОРЕШКОВ. Встань, Брысина! Встань, кому говорю! (*Брысина встает*). Выйди, подожди за дверью.

Брысина выходит.

КОРЕШКОВ. Ну, за что мне такое наказание? (*Ставской*) Сама заварила кашу, сама и расхлебывай.

СТАВСКАЯ. То есть?

КОРЕШКОВ. Могла бы сразу ей отказать. На кой черт эти заморочки! Обнадежила – вот и вези ее теперь сама.

СТАВСКАЯ. Николай Кириллович, вы серьезно? А если сбежит? Или чего натворит? Тут контролер должен ехать.

КОРЕШКОВ. Брысина – девка со сдвигом, это точно. Но если ехать, то только тебе.

МЭРИ. Тамара Борисовна, соглашайтесь. Мы такие кадры сделаем!

СТАВСКАЯ. Ну, понятно, каждому свое. А кто будет за Консуэлой смотреть?

КОРЕШКОВ. Не понял.

СТАВСКАЯ. Гаманец привел мне Консуэлу. Это ж бомба замедленного действия!

КОРЕШКОВ (*Гаманцу*). Это как понять?

ГАМАНЕЦ. Николай Кириллович, я сам не ожидал. Консуэла пришла этапом раньше. Надо ж было ее куда-то определить! Вас не было на месте, вот мы с режимником и решили – пусть ей занимается Тамара Борисовна. Как никак,

лучшая отрядница.

КОРЕШКОВ (*Ставской*). Ну, ты же у нас самая гуманная. Поезжай с Брысиной. А мы пока определим Консуэлу в карантин. Конкурс закончится – выпустим.

МЭРИ. А нам можно на похороны?

ЛЕДНЕВ. Мы тоже за Брысиной присмотрим.

КОРЕШКОВ. Поезжайте!

Ставская, Брысина, Леднев и Мэри входят в деревенский дом. За столом – пьяные ВАРВАРА и ее муж СТЕПАН поют «По диким степям Забайкалья». Песня обрывается. Появление Брысиной производит эффект разорвавшейся бомбы.

СТЕПАН. Валька... Лопни мои глаза – Валька!

ВАРВАРА. Мать честная! Отпустили! Неужто насовсем?

БРЫСИНА. А ты, небось, думала, все теперь тебе достанется?

ВАРВАРА. Господь с тобой! Мы только что со Степкой говорили: заколотим двери и окна, и пусть ...

БРЫСИНА. Песни тут распеваете... Рано обрадовались.

ВАРВАРА. Ну, чего ты развыступалась? Психи тут устраиваешь... Людей бы, ей-богу, постеснялась... Села бы сначала, выпила за упокой души матери. Сколько горя ты ей доставила!

Брысина с надеждой смотрит на Ставскую, та отрицательно качает головой.

БРЫСИНА. Не пью я.

СТЕПАН (*хохотнув*). Хорош звездеть-то, не пьет она...

Варьк, тащи тарелки-рюмки, угощать будем, всё чин-чинарём. Проходите, гости дорогие, садитесь.

ВАРВАРА. А кто это с тобой?

БРЫСИНА (*Ставской, Ледневу и Мэри*). Это тетка моя, Варвара, и ее муж Степан. Это Тамара Борисовна, воспитка моя... Это Михаил, журналист с Москвы... А это Мэри, аж с Нью-Йорка.

СТЕПАН (*впечатлен*). Вэлкам ту Раша, Мэри. Сит даун, плиз.

МЭРИ. Сэнк'ю, сэр...

ВАРВАРА (*хлопоча у стола*). Вальк, так тебя насовсем отпустили, или как?

БРЫСИНА. Завтра вечером – обратно.

СТЕПАН (*разливая по рюмкам водку*). Озвездеть, какой нонче гуманизм!

БРЫСИНА. А чего так поздно телеграмму дали? Я бы к похоронам успела.

СТЕПАН. Телеграмму надо было заверить. Врача не было, фельдшер на охоте. Пока отстрелялся... И потом, кто же знал, что тебя на побывку отпустят? Чудеса... (*поднимает стакан*) Ну, давайте помянем рабу божью Зинаиду, пусть земля ей, значит, пухом! Не чокаясь...

Мэри и Леднев выпивают.

СТЕПАН (*Ставской*). А вам, извиняюсь, тоже не положено на грудь брать при исполнении?

СТАВСКОЙ. Именно так.

СТЕПАН. А вот Мэри поддержала компанию. Это по-нашему. Вы закусывайте, закусывайте, гости дорогие... Валюха, пить тебе нельзя, так ты поешь хотя бы, колбаска вон, сало бери...

БРЫСИНА. Мамазя тяжело помирала?

СТЕПАН. Как сказать... Неделю без сознания лежала, стонала только и бредила.

БРЫСИНА. А до того?

ВАРВАРА. А до того, тебя вспоминала. Не всегда добрым словом...

БРЫСИНА (*Ледневу*). Вы вот с другими беседуете, выясняете кто и как устроился на казенную пайку. А меня не хотите спросить? Выпейте еще, чтоб легче было слушать. (*Леднев выпивает рюмку*) Отчима своего, папу Сашу, я грохнула и отрезала ему все его хозяйство. Что было, то было. Так ведь не на ровном месте. Он же, урод, начал приставать, когда мне еще девяти лет не было. И каждый раз не просто лез, а с ножиком. Щупал, гладил, тискал, а я лежала, как деревянная, и думала: ну, погоди, тварь, погоди! И так продолжалось почти десять лет! Ему хватало, что он меня просто тискал...

ЛЕДНЕВ. Мать-то куда смотрела?

БРЫСИНА. Она телятница, доярка была. Спозаранку – на ферму, вечером – снова туда. А я целый день дома, с папой Сашей. Он надомник был, веники делал. Я не говорила мамке, боялась. Потом она сама догадалась. Но толку... Она

рада была, что хоть такому уроду нужна. Да и квасили мы, меня с малолетства к стакану приучили. Стала ограничивать себя, только когда Толик, жених мой, из армии пришел. Мне тогда еще восемнадцать не было. Решили свадьбу сыграть. Папа Саша с Толиком кабанчика закололи, мать потрошков пожарила. Выпили, и отчим вдруг давай открывать Толику на меня глаза. Мол, я такая – сякая, пока он служил, я полдеревни обслужила. Плел, короче, по пьяни че попало. Подрались они, и Толик ушел. А отчим стал приставать ко мне прямо при мамке. Повалил, начал одёжку на мне рвать, грудь ножиком порезал. И тут я просто озверела. Схватила полено и – по башке ему. Потом еще, еще... Мамка в крик... А я отрезала ему причиндалы и ору: «Хотел меня поиметь? Вот! Теперь попробуй!» Потом врачи сказали, что у меня было это... забыла, как называется... ну, типа временное ку-ку. Всю вину тогда на себя мамка взяла, но в прокуратуре ей не поверили. Следователь нашел гипнотизера. И я рассказала во сне все, как было.

А Толик после того, как меня посадили, нарочно за хулиганку загремел. На суде попросил, чтобы ему дали, как и мне, пять лет, хотя прокурор просил для него трешку... Чтобы, значит, в одно время выйти... Такой вот дурень... *(плачет)* Мамочка, земля тебе пухом, отдыхай теперь... *(всхлипывает, после паузы)*. Тамара Борисовна, а давайте заедем к Толику в колонию? Это тут рядом, по пути...

СТАВСКАЯ. Не положено. Отклонение от маршрута рас-

ценивается, как побег.

БРЫСИНА. Так я ж с вами.

СТАВСКАЯ. Вот мне и припишут, что я тебе побег устроила.

БРЫСИНА. Не любите вы меня. Каткову любите. Но все равно я вам благодарная.

СТЕПАН (*к Мэри*). А че не шелкаете? Наши слезы у вас там, поди, хорошо продаются. Ну да, это у нас похороны – конец света, «Родненький, на кого покинул?!» А вы, из машинок в черных очечках вышли, в землю сунули – и назад, в машинки, по домам ...

ЛЕДНЕВ. Ладно, Степан, в каждой избушке свои погремушки. Поздно уже. Мы поедем в гостиницу, завтра утром вернемся...

БРЫСИНА. Да оставайтесь, куда вы на ночь глядя? Ко мне пойдем ночевать.

Вахта мужской колонии. Брысина, Леднев, Мэри, Брысина, ТОЛИК и два НАДЗИРАТЕЛЯ. Толик и Брысина держатся за руки.

БРЫСИНА. Толечка...

ТОЛИК. Валечка...

БРЫСИНА. Похудел ты, Толечка...

ТОЛИК. Ты тоже ... Тебе удобо идет.

БРЫСИНА. Мы все вытерпим, Толечка. И снова мы будем вместе, и заживем ... Пить не будем, ладно?

ТОЛИК. Завяжем, Валечка. Как выйду. найму адвоката,

прошение напишем, глядишь, скинут тебе.

Брысина и Толик то и дело поглядывают на свидетель свидания, остро ощущая необходимость остаться вдвоем. Продолжают диалог шепотом. Леднев и Ставская сочувственно переглядываются.

ЛЕДНЕВ. Здесь же рядом комната для личных свиданий. Договоритесь, я заплачу.

МЭРИ. Мы заплатим.

СТАВСКАЯ *подходит к надзирателям.*

СТАВСКАЯ. Ребята, давайте уж делать доброе дело, так делать.

1-й НАДЗИРАТЕЛЬ. Ты о чем, коллега? Мы, вроде, и без того пошли навстречу.

СТАВСКАЯ. Давайте оставим их на полчасика вдвоем. Они же сколько лет еще не увидятся!

1-й НАДЗИРАТЕЛЬ. Меня за такое дело с работы турнут – куда я пойду? В тайгу грибы собирать?

2-й НАДЗИРАТЕЛЬ (*Ставской*). Как-то странно это от капитана слышать. Ты, вроде, должна пример нам подавать.

СТАВСКАЯ. Если она забеременеет, у них обоих смысл появится, ради кого нормально себя вести.

МЭРИ *достаёт бумажник, вынимает долларовые купюры.*

2-й НАДЗИРАТЕЛЬ. Не надо, уберите... Что, мы – не люди, что ли?

1-й Надзиратель *отходит к коллеге, они о чем-то шеп-*

чутся, 2 Надзиратель подходит к Брысиной и Толику, что-то им говорит, они встают и идут за ним куда-то по коридору. 1 Надзиратель возвращается к Ледневу и Мэри.

2-й НАДЗИРАТЕЛЬ. Сейчас по-быстрому воробышка поймают...

Ставская отходит в сторону, звонит по мобильному телефону.

СТАВСКАЯ. Товарищ подполковник, мы немного задержимся. Это ничего? Нет, все в порядке. Хорошо.

Леднев и Мэри тоже отходят в сторону.

МЭРИ. Майк, что с твоим очерком?

ЛЕДНЕВ. Сегодня должны опубликовать.

МЭРИ. Ты уверен, что Каткова тебя не подведет?

ЛЕДНЕВ. Конечно, нет.

МЭРИ. Ты поставил на кон свою репутацию.

ЛЕДНЕВ. У нас в таких случаях говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанское.

МЭРИ. Тогда давай купим шампанское этим надзирателям. А потом...

К ним подходит Ставская.

МЭРИ. Тамара Борисовна, мы можем заехать еще на одно кладбище?

Старое лагерное кладбище. Ни крестов, ни памятников, ни оградок, только металлические штыри с номерами на деревянных табличках. Ставская, Брысина, Леднев, Мэри и Каткова.

МЭРИ. Всех Бартеневых, которые в революцию не уехали, пересажали... как социально чуждых. Бабушку посадили беременной. Маму она родила в колонии. Первые три года мама жила в колонии, в доме ребенка. Потом ее отдали в детский дом на воле. Когда подросла, связалась с квартирными ворами. Была маленькая, лазала в открытые форточки. Меня мама родила тоже в колонии. Потом заболела туберкулезом и умерла. А мне повезло. Маму стала искать её двоюродная сестра, которая в 20-х годах уехала в Америку. Ей сказали обо мне, и она меня удочерила ...

СТАВСКАЯ. Как звали вашу маму?

МЭРИ. Мария... Маша. И бабушка была Мария... Маша.

Леднев вынимает из сумки бутылку водки, разливает в полиэтиленовые стаканчики.

ЛЕДНЕВ (*Мэри.*) Давай, Машенька, помянем. Царство им небесное. Могла бы и раньше сказать.

МЭРИ. Я только Мавре сказала. Она знала мою маму, они дружили.

СТАВСКАЯ. Значит, скоро об этом будет знать вся зона и все сотрудники.

МЭРИ. Если бы я не призналась Мавре, то не узнала бы, где похоронены мама и бабушка. Надо еще как-то узнать номера их могил. Я хотела бы увезти останки.

СТАВСКАЯ. Я постараюсь вам помочь.

ЛЕДНЕВ (*к публике*). После публикации моей статьи в га-

зете редактор обратился в Верховный Суд с ходатайством о пересмотре дела Катковой. И так получилось, что конкурс красоты и заседание выездной коллегии Верховного Суда произошли в один день....

Сцена клуба. Переполненный зрительный зал угадывается где-то за арьерсценой, куда в нужный момент разворачивает персонажей поворотный круг. За столом – члены жюри: генерал ФСИН НИКОЛЬСКИЙ, Корешков, Шмакова, два ЖУРНАЛИСТА, молодые мужчина и женщина. Позади них – сотрудники колонии, в их числе – Ставская, Мэри и Леднев. Красная дорожка, баннер с надписью «Мисс Очарование», вазоны с искусственными цветами.

На сцене – двенадцать участниц конкурса, среди них Каткова, Мосина и Агеева. Каткова аккомпанирует на пианино, женщины поют.

Милый друг, наконец-то мы вместе,
Ты плыви, наша лодка, плыви,
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.

Гром аплодисментов, ободряющие крики сзади, из «зрительного зала». Перед микрофоном – ВЕДУЩИЙ, в чьих манерах угадывается кэвээновское прошлое.

ВЕДУЩИЙ. Итак, дорогие друзья, мы продолжаем наше состязание. Из двенадцати конкурсанток в финал вышли три участницы. Следующий конкурс – соревнование в эрудиции, находчивости и чувстве юмора. Перед нами уже хорошо зна-

комая нам Елена Агеева. (*обращается к ней*) Лена, а за что ты здесь, если не секрет, такая маленькая?

АГЕЕВА. Яблоки в саду воровала.

Смех в зале.

ВЕДУЩИЙ. Ну вот... А нам сказали, что тут особо опасные.

АГЕЕВА. А я два раза в один сад лазила.

Снова смех в зале.

ВЕДУЩИЙ. Bravo! В чувстве юмора тебе не откажешь... (*заглядывая в листок*) Так... Следующие Лариса Каткова и Фаина Мосина. У них совместный номер.

Аплодисменты. На сцену выходят Каткова и Мосина.

МОСИНА. Посвящается нашей американской гостье Мэри Барт! Итак... Америка. В камеру приговоренной к смертной казни на электрическом стуле приходит начальница тюрьмы...

КАТКОВА (*Мосиной*). Завтра вас ждет серьезное испытание, друг мой. Я пришла поддержать вас морально... Скажите, что бы я могла сделать для вас в самую трудную минуту вашей жизни?

МОСИНА. О, я тронута до глубины души! Пожалуйста, когда включают ток, держите меня за руку, чтобы мне не было так одиноко!

Смех и аплодисменты в зале.

ВЕДУЩИЙ. Что ж, мне кажется, это было смешно, хотя и отдавало черным юмором, не так ли? (*члены жюри поднима-*

ют карточки с номерами) Итак, по мнению нашего уважаемого жюри, в финал выходят Фаина Мосина и Лариса Каткова.

КАТКОВА. У нас есть еще одна интермедия, мы хотели бы ее показать.

Мосина скрывается за ширмой и тут же выходит в судейской мантии, на носу очки, точно такие, какие носит Шмакова, она широко улыбается, демонстрируя изготовленные из фольги золотые коронки, точно такие же, как у Шмаковой. В зале раздаются смехи, чей-то выкрик из зала: «Глянь, девки, Шмакова!»

«СУДЬЯ» МОСИНА (*строго*). Слушается дело осужденной Катковой. Злостно нарушает режим содержания. Шесть рапортов за косынки. Не хочет носить белую косынку. Шесть рапортов за гамаши, носить которые не разрешается.

КАТКОВА (*робко*). А мужские кальсоны можно?

«СУДЬЯ» МОСИНА. Да! Кальсоны – пожалуйста. Запись воспитателя Катковой: «Рекомендовано воспитывать у себя честность».

Шмакова склоняется к уху Корешкова.

ШМАКОВА (*негромко*). Прекратите это, пока не поздно.

КОРЕШКОВ (*посмеиваясь*). Вера, ты посмотри, сколько народу, журналисты... Включи юмор.

КАТКОВА. В чем моя нечестность, гражданка судья?

«СУДЬЯ» МОСИНА. Вот, тут написано: «Над самовоспитанием не работает. Жизнь на свободе для нее в тягость.

Живет одним днем, не имея никакой цели». Почему бесцельно живете, Каткова?

КАТКОВА. А хрен его знает, гражданка судья.

«СУДЬЯ» МОСИНА. Каткова, вы обвиняетесь в том, что ударили осужденную, активную общественницу за то, что она сделала вам замечание. Вы ужинали не в столовой, а в жилой секции, ели колбасу. Признаете?

КАТКОВА. Что? Что ударила? Или что ела колбасу?

Брысина ерзает на стуле. Это о ней речь.

«СУДЬЯ» МОСИНА. Колбасу.

КАТКОВА. Да, ела, было дело. Да, ударила. Дала пощечину, чтобы не выслуживалась, не мешала жить. Ну и что? В ад меня за это?

«СУДЬЯ» МОСИНА. Суд приговаривает вас к шести месяцам пребывания в ПКТ – помещении камерного типа. Это, конечно, не ад, но близко к тому. Шести месяцев хватит, Каткова?

КАТКОВА. Как скажете, гражданка судья. Большое спасибо. Только почему суд без адвоката?

«СУДЬЯ» МОСИНА. В данном случае адвоката не положено.

Смех и аплодисменты в зале. Корешков, перестав улыбаться, переглядывается с Гаманцом. Шмакова сидит с окаменевшим лицом. Леднев напряженно следит за происходящим, перешептывается со Ставской, Мэри безостановочно снимает. Ведущий растерянно оборачивается на жю-

ри, не зная, как реагировать, Генерал Никольский снисходительно отмахивается – пусть продолжают!

ВЕДУЩИЙ (*уклончиво*). Должен заметить, что наши курсантки настроены сегодня весьма... своеобразно...

КАТКОВА (*перебивая*). Прошу тишины, мы еще не закончили! ПКТ – это помещение камерного типа, такая тюрьма в колонии. Маленькое оконце, решетка и еще сетка, которая пропускает совсем мало воздуха. Зато трудно получать записки по тюремной почте. Чем меньше воздуха, тем меньше записок. Злые языки говорят, что сетку эту придумала женщина, в погонах. Еще злее языки говорят, что она сидит в этом зале...

Шмакова выходит из зала.

МАВРА. Вешаться пошла.

МОСИНА. Температура здесь не больше 15 градусов. Но теплую одежду тут изымают – не положено. Положено мерзнуть. Даже газеты отбирают – ведь ими можно заткнуть щели или укрыться вместо одеяла. Стирка запрещена, потому как горячей водой можно согреться. Начнете возмущаться – отопление вообще отключат. Зимой на стенах иней. Ложимся спать, обнимаем друг дружку, засыпаем только к утру. Утром – ломтик хлеба, соль, кипяток. В обед – пайка хлеба, соль и суп без картошки. На ужин – пайка хлеба, соль, кипяток. И таким макаром – шесть месяцев... Нет, я понимаю – мы преступницы, нам и должно быть несладко. Но что с нами здесь делают – перевоспитывают или убивают?

Корешков поглядывает на генерала Никольского, выражение лица которого с благодушного сменилось на непроницаемое.

КАТКОВА. Когда приходят сотрудники, нужно обязательно вскочить. Как в армии. И доложить: я, такая-то, сижу за то-то... И не дай бог встретить гражданина начальника сидя или лежа. Нет, он никогда не ударит без повода. Только когда есть за что!

ГАМАНЕЦ выходит из зала.

МАВРА. Исправляться пошел? Горбатого только могила исправит.

Смех и аплодисменты в зале.

ВЕДУЩИЙ. Переходим к соревнованию в декламации. Стихи о любви.

МОСИНА. Мне уже не страшно в страшном мире,
Оттого – себя не узнаю!

Как мишень игрушечная в тире

Весело сыграю смерть свою.

ВЕДУЩИЙ. Девушки, помилуйте! Неужели о любви нет ничего повеселей?

КАТКОВА. Мы любим по земным законам,

И соблазняешь ты меня

Не яблоком одним, зеленым,

А сразу спелыми двумя.

Бурные аплодисменты и одобрителльные выкрики в зале.

ВЕДУЩИЙ. Bravo! Где еще такое может быть? В каком

исправительном учреждении мира?.. Но, увы – наш конкурс подошел к концу, пора подводить итоги. Слово председателю жюри, генералу ФСИИ Алексею Никольскому. Прошу, Алексей Федорович!

ГЕНЕРАЛ (*под аплодисменты подходит к микрофону*). Пусть кому-то покажется, что сегодняшний конкурс принял не то направление ... Возможно. Но женщины говорили о том, что у них наболело. И мы обязаны это понять.

Изолируя преступника, государство дает ему возможность испытать ужас перед неволей. Поэтому до раскаяния дело часто не доходит, этому мешает само наказание. Чем больше оно унижает заключенного, тем меньше оно меняет его к лучшему. Механизм наказания нужно совершенствовать, делать его более гуманным. Не всё пока получается, но прогресс налицо, и этот конкурс тому подтверждение. Есть пословица: «Неважно, как далеко вы ушли по неправильному пути – все равно возвращайтесь...» Вот в этом смысл нашей работы – помогать вернуться.

МАВРА. А если не было в жизни ничего хорошего, к чему тогда возвращаться, начальник?

ГЕНЕРАЛ. Как вас зовут, уважаемая?

МАВРА (*смело*). Мавра... Маврина я, Анна...

ГЕНЕРАЛ. А по батюшке как?

МАВРА. Анна Ивановна...

ГЕНЕРАЛ. Тогда нужно творить добро из того, что есть в человеке, Анна Ивановна. И в этом должен помочь воспита-

тель, если он настоящий профессионал. Я вот недавно прочел интересные слова немецкого поэта Гете. «Если мы принимаем людей такими, какие они есть, мы делаем их хуже. Если же мы видим их такими, какими они должны быть, мы помогаем им стать такими, какими они способны быть».

Аплодисменты и одобрительные крики из зала.

ВЕДУЩИЙ. А сейчас после короткого перерыва мы объявим победителей конкурса...

Конкурсантки поют: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»

Комната релаксации. Генерал ФСИН, Леднев и Мэри, сотрудники администрации, среди которых Шмакова и Гаманец, журналисты. Отдельно от всех – Агеева, Мосина и Каткова.

КОРЕШКОВ (входит). Прошу встать, суд идет.

Входят члены коллегии Верховного Суда (СЕРГЕЙ ПОПОВ и двое ЗАСЕДАТЕЛЕЙ), занимают свои места за столом.

КОРЕШКОВ. Заседание выездной коллегии Верховного суда Российской Федерации в составе судьи Попова (*на отчествах звук плывет*) и заседателей Петровского и Николаевой объявляется открытым.

ПОПОВ. Фаина Мосина! Начнем с вас...

Мосина встает.

ПОПОВ. Вы обратились в Верховный суд с заявлением... Изложите сами его суть.

МОСИНА. Гражданин судья...

ПОПОВ (*поправляет*). Ваша честь...

МОСИНА. Ваша честь, меня вынуждают стучать на других осужденных. Прошу избавить меня от этого. Иначе я что-нибудь с собой сделаю!

ПОПОВ. К сожалению, гражданка Мосина, это не в нашей компетенции.

НИКОЛЬСКИЙ (*Попову*). Ваша честь, я займусь этим делом лично. (*Мосиной*) Фаина, вы можете назвать фамилии тех, кто вынуждает вас доносить?

МОСИНА (*показывает на Гаманца*). Вот, он. Майор Гаманец!

ГАМАНЕЦ. Кого вы слушаете?! Это рецидивистка-карманница. На ней пробы негде ставить!

НИКОЛЬСКИЙ. Спокойно, майор. Ваша честь, по заявлению Фаины Мосиной будет проведено специальное внутренне ведомственное расследование.

АГЕЕВА (*встает*). Ваша честь, я тоже хочу сделать заявление. У меня туберкулез, но стадия не опасная, я не заразна, а майор Гаманец отправляет меня в спецбольницу из-за того, что я не доношу ему на Мосину.

ГАМАНЕЦ. Ваша честь, это ложь с целью скрыть правду. Агеева и Мосина воруют со швейной фабрики материал. Есть доказательства.

ПОПОВ. Это правда, Агеева? Воруете?

Агеева молчит.

МОСИНА (*встает*). Это я утащила три метра ткани. Хотели Ленкину днюху отметить. Кража-то копеечная, ваша честь. Государство на нас больше наживается.

ПОПОВ. Кража есть кража, гражданка Мосина. Садитесь, гражданка Агеева.

Агеева садится на стул. Мосину колотит дрожь. Агеева пытается ее успокоить.

ПОПОВ. Переходим к главному. В Верховный суд поступило ходатайство уважаемой газеты в отношении Катковой. Но мы при этом столкнулись с необычным фактом. Об освобождении осужденной Катковой также ходатайствует ее воспитательница, капитан Ставская... (*ищет глазами, кто тут Ставская*)

СТАВСКАЯ (*встает*). Я здесь, ваша честь.

ПОПОВ. Однако администрация колонии ее в этом не поддерживает. Изложите, Тамара Борисовна, ваши мотивы.

СТАВСКАЯ. Ваша честь! Вы читали дело Катковой. Последние пять лет она удерживается в местах заключения незаконно. Но мои коллеги не хотят это признать. Более того, они считают: если ее освободить, она снова совершит преступление, потому что когда-то была наркоманкой. То есть: я говорю о бесспорной незаконности, а мои коллеги – о том, что им якобы подсказывает их замечательная интуиция. Видимо, кого-то из нас нужно отстранять от работы за профнепригодность. У меня все.

Корешков порывается что-то сказать.

ПОПОВ. Подождите, подполковник, у вас еще будет возможность выступить.

КОРЕШКОВ. Ваша честь, я хочу только заметить, что приказ об увольнении капитана Ставской уже подписан.

ПОПОВ. Основание?

КОРЕШКОВ. Злоупотребление служебным положением, укрывательство преступления.

ПОПОВ. Ваши претензии к Ставской будут рассмотрены в другой инстанции. А сейчас давайте попробуем объективно оценить ее позицию в отношении Катковой. Тамара Борисовна, продолжайте...

СТАВСКАЯ. Администрация отказывается дать Катковой положительную характеристику, как злостной нарушительнице режима. Но все нарушения режима, которые инкриминируются Катковой, никак не связаны с наркоманией. У нас очень активно работает оперчасть. Факты проноса в зону наркотиков достаточно редки. Как правило, о них становится известно заранее, и они пресекаются. Осмотрите Каткову. Если найдете хоть один след от укола, можете судить меня за укрывательство.

ПОПОВ. Возможно, нам придется это сделать.

СТАВСКАЯ. Единственное грубое нарушение, которое Каткова допустила за последние пять лет – ударила по лицу осужденную Брысину, нашу активную общественницу. За что понесла строгое наказание – отсидела в ПКТ шесть ме-

сяцев. Все другие взыскания были наложены на Каткову исключительно за нарушение формы одежды. Да, у нее непростой характер. Но это не означает, что она неисправима. На свободе миллионы людей с куда более непростыми характерами.

ПОПОВ. Майор Шмакова, вам слово.

ШМАКОВА (*встает*). Ваша честь, я была воспитательницей Катковой до того, как отряд у меня приняла Тамара Борисовна. У меня тоже было больше ста человек. Но никем я так не занималась, как Катковой. То ее ловили с теофедрином, то она с кем-то враждовала и дралась...

ПОПОВ. Это вы написали о ней в дневнике наблюдений? (*цитирует*) «Над самовоспитанием не работает. Рекомендовано выработать у себя честность. Жизнь на свободе для нее в тягость».

ШМАКОВА. Да, это мои записи.

ПОПОВ. А откуда такой вывод: жизнь на свободе для нее в тягость?

ШМАКОВА. Она сама сказала. Это ее слова.

ПОПОВ (*Катковой*). Каткова, вы говорили так?

КАТКОВА. Да, мне хотелось проверить чувство юмора у начальницы.

ПОПОВ. Вас действительно ловили с теофедрином?

КАТКОВА. Это не наркотик, ваша честь, а безобидное сосудорасширяющее средство, которое повышает тонус.

ПОПОВ. Но теофедрин входит в число запрещенных пре-

паратов, не так ли?

КАТКОВА. Как и нижнее женское белье, и предметы косметики.

ПОПОВ. Вам не нравятся условия содержания осужденных, Каткова?

КАТКОВА. Людям, которые придумывают условия содержания, было бы неплохо примерить их на себя.

ПОПОВ. А как бы вы воздействовали на осужденных?

КАТКОВА. Я бы не давала женщинам больше двух лет. Через два года зона начинает убивать в женщине женщину, а потом убивает в ней человека.

ПОПОВ. *(заглядывает в бумаги)* Вы находитесь в местах заключения уже семь лет. Значит, и в вас убит человек?

КАТКОВА. В какой-то степени, да.

ПОПОВ. Вы отрицаете, что были зачинщицей бунта в колонии. Зачем же пять лет назад вы признали на суде свою вину? На вас оказывалось давление?

КАТКОВА. Нет, ваша честь. Признание было добровольным. Просто сказалась чисто женская психология. Хотелось, чтобы этот подляк, в смысле, суд, поскорее кончился. Ведь приговор был ясен до суда.

ПОПОВ. Вам было безразлично ваше будущее?

КАТКОВА. Видимо, да.

ПОПОВ. А сейчас?

КАТКОВА. А сейчас я хочу домой, к маме и папе. Они меня заждались...

Попов поворачивается к начальнику колонии Корешкову.

ПОПОВ. Итак, Николай Кириллович... Каткова не поддается исправлению и портит вам показатели. Почему же вы против ее освобождения? Где тут логика? Если вы уверены, что она непременно совершит рецидив, предоставьте ей эту возможность.

КОРЕШКОВ *(в смятении)*. Какая-то странная постановка вопроса, ваша честь.

Руку поднимает Шмакова, судья кивает: говорите!

ШМАКОВА. Рецидив уже есть, ваша честь. Буквально на днях Каткова украла духи у нашей американской гостьи!

МЭРИ *(вспыхивает)*. Это неправда! Ваша честь, я сама подарила духи Катковой.

Поднимается гам.

ПОПОВ. Суд удаляется для вынесения приговора.

Члены коллегии выходят из релаксации. Гаманец выскакивает следом. Неподалеку его ждет Консуэла, пристегнутая наручниками к надзирательнице. Гаманец отстегивает наручники, отводит Консуэлу в сторону.

КОНСУЭЛА. Я у тебя, начальник, как засадный полк. Только ты до сих пор не сказал, что я буду иметь за твою победу.

ГАМАНЕЦ. Чего ты хочешь, чудовище?

КОНСУЭЛА. Быть смотрящей на зоне.

ГАМАНЕЦ. Так и быть... Если сейчас все пойдет по сценарию.

Корешков подходит к Ледневу.

КОРЕШКОВ. Кот у меня сидит целыми днями у окна, за птичками охотится, которые на подоконник с той стороны садятся. Бросается на них, хотя знает, что все равно не поймает – стекло мешает. Однажды залез на форточку – прыг за воробышком! Стекла-то нет. И полетел вниз с пятого этажа. Сломал себе лапу, зубы разбил, долго болел. Но удивительная вещь – продолжает в том же духе!

ЛЕДНЕВ. Ладно, порадую тебя – скажу банальность. Человек посложнее кота устроен, Николай Кириллович.

КОРЕШКОВ. Потому и за задницу его взять куда труднее. Форточку закрыл, и кот уже никуда не прыгнет. И журналюгу не подобьёт в Верховный суд маляву накатать. А с человеком, особенно женского пола, – это сколько геморроя! Это ж сколько вокруг него плясать надо, чтобы подход найти! Не проще ли: не встал человек на путь исправления – на волю не выпускай!

ЛЕДНЕВ. А кого вы считаете исправившимся? Того, кто выполняет ваши садистские режимные требования? Того, кто вам стучит?

КОРЕШКОВ. Без стукачей с тысячной массой отъявленного бабья не управисься. Я просто обязан знать, кто чем дышит! Случись что – своей башкой отвечу.

ЛЕДНЕВ. Вы же учителем были, если вам здесь не в кайф, зачем же вы...

КОРЕШКОВ. Кому-то надо дерьмо выгребать. А ежели ты

честно выгробаешь, не может оно к тебе не прилипнуть! Нос морщишь – запах мой тебе не по нутру! А ведь ты психолог, криминолог! Ты лучше меня должен понимать, с чем и с кем мы дело имеем! (*машиет рукой*). Э, да что с тобой... Жизнь нас рассудит и, очень скоро. Глядишь, постельное белье Катковой даже не успеют поменять...

ЛЕДНЕВ. Вот как?

В релаксацию возвращается судья и заседатели.

ПОПОВ. Прошу всех встать.

Присутствующие встают.

ПОПОВ. Именем Российской Федерации выездная сессия Верховного суда Российской Федерации в составе председательствующего Попова (*на отчествах звук плывет*), заседателей Петровского и Николаевой ...

Голос судьи становится тише...

ЛЕДНЕВ (*к зрителям*). Ну, вот так... это произошло.

ПОПОВ. ...признать лишение свободы Катковой Ларисы Михайловны ... сократить ей срок до отбытого и освободить из зала суда немедленно после оглашения настоящего приговора.

Каткова закрывает лицо руками. Ставская обнимает ее. Мосина и Агеева наблюдают за ними враждебно. Каткова хочет подойти к Ледневу, но ее окружают журналисты. Корешков жестом подзывает к себе Гаманца и что-то решительно говорит ему.

Генерал, Ставская, Шмакова, журналисты, судья и за-

седатели выходят из релаксации. Мосиной, Агеевой и Катковой преграждает путь Гаманец.

ГАМАНЕЦ. Подождите здесь, с вами хочет переговорить генерал. Сейчас он перекурит и вернется...

Агеева, Мосина и Каткова возвращаются в релаксацию.

Затемнение. Леднев снова на авансцене.

ЛЕДНЕВ. Что-то затевалось, я это чувствовал, в воздухе словно собиралось электричество... Те, кто сегодня проиграл, примириться с этим никак не мог...

Релаксация. Там Мосина, Агеева и Каткова.

АГЕЕВА (Мосиной). Ну, вот и всё... Не знаю, увидимся ли когда еще. Долго я не протяну...

МОСИНА. Не говори так...

АГЕЕВА. С тэбэцэ шутки плохи. Вспоминай меня, Фаечка...

МОСИНА. Ты все-таки пиши.

АГЕЕВА. Писатель из меня еще тот...

МОСИНА (вдруг). Стоп! Погоди...

На одном из кресел лежит дамская сумочка. Мосина встает, вынимает платок, обматывает им руку, тянется к сумочке. Неожиданно слышится голос Катковой.

КАТКОВА. Файка, не будь душой, это прихват. На слабо взять хотят, неужели не понятно?

МОСИНА. Да и хрен с ним, ответчу. Ленке на этап идти, а она пустая. Лепилам заплатит...

КАТКОВА. Это тебя лечить будут – от kleптомании. Учти, я тебя сейчас от раскрутки спасаю.

АГЕЕВА. Фаечка, она права.

Мосина с неохотой закрывает сумочку и кладет ее на место.

МОСИНА. Ты-то чего здесь?

КАТКОВА. Гаманец же сказал, генерал с нами потолковать хочет... Давненько я с генералами не общалась...

АГЕЕВА *(в лицо Катковой)*. Везет же тварям...

КАТКОВА. Ленка, я тебя понимаю. Я бы тоже обзавидовалась... Вы можете нести меня по кочкам, как вам нравится. Только для того нас тут и свели, чтоб мы порвали друг друга. Не доставим им этого кайфа, девочки, давайте попрощаемся по-хорошему...

АГЕЕВА. Не получится.

КАТКОВА. Фая, а у нас получится? Были же у нас с тобой и хорошие ночи-денечки... Не на что тебе обижаться, Фаечка, это же ты меня бросила, а не я тебя. Дай я тебя обниму – на прощание...

Каткова и Мосина обнимают друг друга. Агеева отворачивается.

КАТКОВА. Прости меня за всё.

МОСИНА. И ты меня прости.

Поворотный круг разворачивает релаксацию другим боком, и теперь мы видим происходящее в соседней комнате.

Корешков, оставаясь незамеченным, через стекло наблю-

дает за женищинами. Стук в дверь. Корешков задергивает на окне шторку и открывает дверь, запертую изнутри на ключ. Входит Леднев, в руке у него плоская бутылка.

ЛЕДНЕВ (с деланным простодушием). Не помешал?

КОРЕШКОВ. Помешал. А как ты сюда попал?

ЛЕДНЕВ (весело). А я думал, ты настоящий мужик. Найдешь в себе силы выпить за успех другого мужика, даже если этот другой... ну кто ты мне, а я тебе? Ну, не друзья мы, это уж как пить дать. (показывает бутылку) Вискарик, Ирландия, двенадцать лет выдержки. А как я узнал про этот наблюдательный пункт? А как только ты показал релаксацию, тогда и почувял, что тут что-то не так. Ну, не может наша система сделать что-то хорошее и при этом не сделать чего-то немножечко плохого.

КОРЕШКОВ. Выйди, Леднев, или я сейчас позвоню, и тебя отсюда вынесут!

ЛЕДНЕВ. А ведь это странно, Николай Кириллович, почему тебе так тяжело с ней расстаться? Красивая, да? Согласен. Очень красивая. Но ведь порочная, судимая, хитрая, самовлюбленная... тварь. Меня осуждаешь, что зря ее освободил. А тебе она зачем здесь нужна? На что-то надеешься? Но этого не будет никогда, даже если ты сейчас помешаешь ей выйти на свободу. Она может разыграть взаимность, но только для того, чтобы грохнуть тебя. Она никогда тебе не простит, что ты не дал ей освободиться. Как это до тебя не

доходит? Или у тебя крыша съехала? *(после паузы)*. Николай Кириллович, отменяй спектакль. Звони Гаманцу и говори: спектакль отменяется...

КОРЕШКОВ. И не подумаю.

ЛЕДНЕВ. Тогда я приведу сюда генерала Никольского.

Леднев направляется к двери.

КОРЕШКОВ. Постой.

Леднев останавливается. Корешков достает сотовый телефон. Звонит – ответа нет.

ЛЕДНЕВ. Это все от волнения. Ты забыл, что здесь хорошая звукоизоляция.

Поворотный круг разворачивает к нам релаксацию. Агеева, Мосина, Каткова.

КАТКОВА. Вот сейчас я птица... Только какого хрена меня здесь закрыли, я свободный человек? Не знаю, как вы, а я пошла. Мне еще обходной подписывать... вещички собирать.

Подходит к двери. В тот же момент дверь распахивается, на пороге – Консуэла. Вид ее не сулит ничего хорошего.

Консуэла надвигается на Каткову.

КОНСУЭЛА. Ты куда, кума, устремилась?

КАТКОВА. Это ты кума, а не я. Ты с кумом ворковала. Не все надзорки падлы конченные – шепнули.

КОНСУЭЛА. Тварь! Ты за базар отвечаешь?

МОСИНА. Консуэла, так тебя Гаманец сюда пригнал? Не сама же ты из карантина выскочила?

КОНСУЭЛА. Ты о чем, подруга?

МОСИНА. Я давно должна была догадаться...

КОНСУЭЛА. Да о чем ты, в натуре? Чего трясешься?

МОСИНА. Сколько лет я мучилась... Считала, что вина-
вата перед тобой...

КОНСУЭЛА. А что, не была?

МОСИНА. Дала слабину. Но я мучилась, а ты...

КОНСУЭЛА. А я... Что я?

МОСИНА. Сочинила себе легенду, что такая вся из себя
неуловимая. Как же я раньше не догадалась!

КОНСУЭЛА. И ты можешь это доказать?

МОСИНА. Если ты способна помешать другой зэчке вый-
ти на волю, значит, ты способна на все. Дай ей выйти.

Мосина встает между Катковой и Консуэлой.

МОСИНА (Консуэле) Отойди!

*Консуэла делает шаг в сторону. Каткова подбегает к
двери, отчаянно стучит в нее руками и ногами.*

КАТКОВА (кричит). Эй, выпустите меня! Я свободный
человек! Вы не имеете права меня держать! Вы обязаны вы-
пустить меня до двенадцати ночи.

*Неожиданно Консуэла с силой несколько раз бьется ли-
цом по стоящему рядом столу и падает на пол.*

*Каткова и Мосина подходят к неподвижному телу Кон-
суэлы, склоняются над ним.*

*В этот момент Консуэла проводит рукой по окровавлен-
ному лицу и мажет кровью Каткову.*

КОНСУЭЛА. Все! Кирдык твоей свободе!

В комнату вбегают Гаманец и надзиратели. Поворотный круг снова приходит в движение, перед нами комната с Ледневым и Корешковым.

ЛЕДНЕВ (*в сильнейшем волнении*). Вот как было бы... За нанесенное Консуэле увечье Каткова получила бы новый срок. Но теперь срок получишь ты, Николай Кириллович, в компании с Гаманцом.

Через окно мы видим происходящее в релаксации: надзиратели надевают Катковой наручники, Мосина что-то кричит надзирателям...

Корешков подходит к пульту, нажимает на потайную кнопку и орёт в микрофон.

КОРЕШКОВ. Отставить! Отставить, говорю! Отставить!

Надзиратели снимают наручники с Катковой.

ЛЕДНЕВ (*к публике*). Я думал, самое страшное уже позади, но я ошибся. Гаманец лично вел Мосину в ее локалку. Слово за слово... Он ударил ее, а она неожиданно отвесила ему пощечину. И это на виду у других зэчек. Мосину заперли в карцер. При ней оказался крохотный кусочек бритвенного лезвия. В общем, она перерезала себе артерию. Ее обнаружили мертвой в луже крови... Узнав об этом, отряд Ставской взбунтовался.

Общезитие отряда Ставской. Вопль сотни женских глоток. Гаманец сидит связанный. Со стороны зала у решетки – Шмакова. Шум постепенно стихает.

МАВРА (*зло напевает*). «Мечты сбываются, иль не сбываются». Рас-кру-чива-юсь! Мавра свое дело сделала.

Появляются Корешков и Ставская.

ЖОРЖЕТТА. Девки, отрядницу привели!

СТАВСКАЯ. Девочки, ну что ж вы не даете мне спокойно уволиться? Мне ж могут приписать организацию массовых беспорядков. Меня посадить могут!

ЖОРЖЕТТА. Разве вам не сказали, из-за чего мы? Файка Мосина кончила себя.

МАВРА. Хватит балаболить? (*кричит*) Хозяин, где генерал? Ты обещал генерала!

КОРЕШКОВ. Приехал генерал. Идет.

Появляется генерал Никольский.

ГЕНЕРАЛ. Женщины прежде, чем бунтовать, надо разобратся.

ШМАКОВА (*негромко, генералу*). Товарищ генерал, их только спецназ угомонит.

МАВРА. Кто-то должен за Файку ответить. «Хозяин» Корешков, его замша Шмакова и опер Гаманец должны пойти под суд. Гаманец – за то, что довел Мосину до самоубийства. «Хозяин» и его замша – по статье «знал – не сказал». Переговоры на этом прекращаем. Требуем прессу. Не привезете журналистов, начнем вскрываться. Я буду первой. Даем два часа. Время пошло!

Снова невероятный гвалт.

ЛЕДНЕВ (*выходит на сцену*). На этот раз, слава богу, обошлось без пальбы. Генерал посоветовал Корешкову и Шмаковой написать заявления об уходе по собственному желанию, что они благоразумно и сделали. На Гаманца завели уголовное дело о злоупотреблении служебным положением.

СТАВСКАЯ (*выходит на сцену*). Тамара Ставская назначена исполняющей обязанности начальника колонии. Она нашла в архиве колонии номера могил матери и бабушки Мэри.

КОРЕШКОВ (*выходит на сцену*). Корешков вернулся в среднюю школу и снова стал директором.

ШМАКОВА (*выходит на сцену*). Вера Шмакова теперь работает у Корешкова заместителем по воспитательной работе.

ГАМАНЕЦ (*выходит на сцену*). Валерий Гаманец получил условный срок два года и работает теперь охранником в школе, где директорствует Корешков. Доказательств его связи с лагерными барыгами (*подмигивает*) не нашлось.

БРЫСИНА (*выходит на сцену*). Валька Брысина родила в колонии сына. Администрация во главе со Ставской ходатайствовала о ее досрочном освобождении. Валька соединилась со своим Толиком. Пара славится в своей деревне образцовым и в то же время подозрительно трезвым образом жизни.

АГЕЕВА (*выходит на сцену*). Ставская отменила отправку Лены Агеевой в колонию для больных туберкулезом, ее

вылечили здесь. После случившегося с Мосиной Лена ведет себя замкнуто, все свободное время проводит в библиотеке.

КАТКОВА (*выходит на сцену*). У Ларисы Катковой после освобождения был срыв. Родители хотели определить ее в наркологическую клинику. Но она справилась сама – после того, как вышла замуж и родила дочь.

КОНСУЭЛА (*выходит на сцену*). Консуэла Кирдяшкина погибла на зоне якобы от удара током во время пользования кипятильником. На самом деле причина была другой. Ее поймали с поличным на оперативной связи с приемником Гаманца в должности опера...

МАВРА (*выходит на сцену*). Заслуженная рецидивистка Мавра единственная была осуждена за бунт в отряде. Точнее, за захват в заложники Гаманца.

ЖОРЖЕТТА (*выходит на сцену*). Ее подруга Жоржетта тоже не захотела свободы. Куда она без Мавры?

МЭРИ (*выходит на сцену*). Мэри Барт издала в США книгу, озаглавив ее по-русски «Страдалки». В английском языке подходящего синонима не нашлось.

ЛЕДНЕВ. Леднев увидел эту книгу на книжном развале на Манхэттене. Издание ее в России как-то странно застопорилось. Точку в дальнейшем раскрытии этой темы ни Леднев, ни Мэри Барт ставить не собираются...

Каткова берет за руку Ставскую, подводит к Ледневу. Теперь она стоит перед ними.

КАТКОВА. Наверное, я должна встать перед вами на ко-

лени.

ЛЕДНЕВ. Да ладно тебе.

СТАВСКАЯ. Лариса, не сходи с ума.

Каткова все же пытается опуститься на колени, но Леднев не дает ей сделать это.

ЛЕДНЕВ. Лариса, прекрати. *(в зал)* Хотя я ее понимаю. Теперь я знаю, что такое освободить человека. А вы представляете, каково вдруг вот так нечаянно-негаданно освободиться целой и невредимой?

Я полюбил свои страдания

Драма

Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович – 44 года, врач, он же архиепископ Лука.

Ланская Анна Васильевна – 38 лет, жена Войно.

Михаил -14 лет, сын Войно.

Лена – 13 лет, дочь Войно.

Алексей – 12 лет, сын Войно.

Валентин – 8 лет, сын Войно.

Белецкая Софья Сергеевна – операционная медсестра.

Дрёмова Капитолина (Капа) – 20 лет, студентка медицинского факультета, затем врач.

Ошанин Лев Алексеевич – профессор медицины, друг Войно.

Патриарх Тихон.

Патриарх Сергей.

Архиерей Андрей.

Сталин Иосиф Виссарионович – вождь советского народа.

Карпов Георгий Григорьевич – 24 года, уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви.

Петерс Яков Христофорович – 36 лет, начальник Восточ-

ного отдела ОГПУ.

Фомин Артемий (Тёма) – 23 года, студент медицинского факультета, воинствующий безбожник, следователь ЧК.

Чуев Иннокентий (Кеша) – милиционер из Енисейска.

Массовка: больные, санитары, студенты-медики, чекисты, заключенные, прихожане

Амвон кафедрального собора. На амвоне Войно-Ясенецкий.

ВОЙНО. О, Мать моя, поруганная, презираемая Мать, Святая Церковь Христова! Ты сияла светом правды и любви, а ныне что с тобой? Тысячи и тысячи храмов твоих по всему лицу земли Русской разрушены и уничтожены, а другие осквернены. В кафедральных соборах театры и кинематографы. Кто же повинен в твоём поругании? Только ли строители новой жизни, церкви земного царства, равенства, социальной справедливости и изобилия плодов земных? Нет, не они одни, а сам народ.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина. Сидя за письменным столом, Сталин рассматривает небольшую икону Казанской божьей матери. Стук в дверь. Сталин прячет икону в столе. Входит Карпов, совсем молодой человек.

КАРПОВ. Георгий Карпов, товарищ Сталин.

Сталин встает из-за стола. Подходит к Карпову.

СТАЛИН. Здравствуйте, товарищ Георгий. Я буду краток. Вы поедете в Ташкент. Якобы как альпинист. А на самом деле... Меня беспокоит Петерс. Он сделал немало полезного

для революции. Но эти латыши, прибалты... да и грузины... Все хороши. Все они думают, что без России им бы жилось лучше. А напакостить нам можно и там, в Средней Азии. Петерс преследует там некоего Войно-Ясенецкого. Хирурга, преподавателя университета. Но хирург этот необычный. Ходит в рясе, проповедует против нашей «живой церкви». Верующие его любят, и если Петерс его прижмет, боюсь, могут взбунтоваться. Недовольных там хоть отбавляй. Задачу формулировать?

КАРПОВ. Задача ясна, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Тогда действуйте, товарищ Георгий. И с этой минуты считайте себя моим особо доверенным лицом в нашем отношении к церкви. Не скрою, мне много чего не нравится. Эти живоцерковники – такие приспособленцы. Это же предатели. Полезные, но предатели. Продажные душонки. Разве в трудную минуту им можно верить? Нас не должна ослеплять идеологическая выгода. Главное – здравый смысл, Георгий. Здравый государственный смысл!

Осень 1921-го года. Ташкент. На каждом углу лоточки, продающие фрукты и лепешки. В толпе преобладает мусульманская одежда. Но немало усаых мужчин в военной форме без погон. Противники советской власти съезжают сюда с фронтов гражданской войны. Сюда же привозят эшелонами раненых красноармейцев. Здесь спасаются от голода жители Поволжья. После истерзанной России здесь суций рай. Хотя и тут голодно.

Здание больницы. На стене плакат «Белый офицер, помещик и поп – злейшие враги советской власти». Пациенты греются на солнышке, «забивают козла». К приемному покою подкатывает лимузин. Из него выскакивает чекист в кожанке. Это глава Туркестанского ОГПУ Яков Петерс.

Чекисты выносят из авто молодого человека в грязном, изорванном костюме альпиниста.

КРАСНОАРМЕЕЦ. О, сам Петерс! Какую-то шишку привез.

Из больницы встречать Петерса выходит профессор ОШАНИН.

ПЕТЕРС (*профессору*) Наш товарищ пострадал, ответственный работник Совнаркома. Совершал восхождение, упал в расщелину, множественные переломы.

ОШАНИН. Товарищ Петерс, я не возьмусь. Надо послать за Войно-Ясенецким.

ПЕТЕРС. Ошанин, в чем дело? А если Войно нет дома? Вы ж сами профессор!

ОШАНИН. У меня узкая специализация, товарищ Петерс. А у Войно – широкая. Но главное – он мастер по излечиванию незаживающих ран. (*окликает молодого парня-санитара*) Фомин, быстро за профессором Войно!

Дом Валентина Войно-Ясенецкого. Профессор собирает докторский саквояж. В столовой завтракают жена профессора и четверо его детей.

ВАЛЕНТИН (*хнычет*). Мама, не буду я эту похлебку с ка-

пустой.

АЛЕКСЕЙ. Никто не будет.

АННА. Ребятки, ну это же только сегодня. Завтра, бог даст, будет другая еда.

МИХАИЛ. У мамы эта похлебка каждый день. Ешьте без капризов!

Появляется санитар Артемий Фомин, или Тёма. Бойкий, симпатичный.

ТЁМА. Профессор, вас ждет очень важный пациент. Сам Петерс привёз. А вот скальпели.

ВОЙНО. Ты молодец, Тёма, никто лучше тебя не точит скальпели.

ТЁМА. Стараемся, профессор.

ВОЙНО. Но с учебой у тебя не ахти. Чураешься черной медицинской работы.

ТЁМА. Замолим этот грех, профессор. Исправимся.

Тёма Фомин уходит.

АННА (*покашливая, мужу*). Валентин, дальше так продолжаться не может. Тех денег, что ты получаешь, хватает только на неделю. Я знаю, больные предлагают тебе овощи, фрукты, лепешки, даже мясо. Почему ты не берешь? Если у детей не будет полноценного питания, их ждет моя участь.

ВОЙНО. Анечка, у меня самого сердце разрывается. Но ты же знаешь – не могу я что-то брать у больных. Это медицинская подлость. Прости, я спешу, привезли какого-то советского вельможу.

Надев рясу священника, профессор Войно-Ясенецкий пешком идет в больницу. На него оглядываются прохожие.

ПРОХОЖИЙ. Ряженный!

ДРУГОЙ ПРОХОЖИЙ. Поп – толоконный лоб.

ПРОХОЖИЙ. Кто тебя из психушки выпустил?

Войно не реагирует.

Больничный двор. Здесь студенты медицинского факультета. Выглядят они странно. Лица у парней и девушек размалеваны сажеей, на головах самодельные рога, сзади свисают веревочные хвосты. Среди них выделяется Капитолина (Капа). Девушка яркой народной красоты. В руке у нее книжка, в которую она время от времени заглядывает.

КАПА (*громко оглашает*). Мы – члены общества воинствующих безбожников. Проводим антирелигиозный карнавал. Сейчас будем сносить крест с церкви.

ПЕТЕРС. Что умудряетесь при этом читать, красавица?

КАПА. Самоучитель английского языка. Пригодится во время мировой революции.

Гвалт. Студенты решают, кому лезть на купол, и как лучше свалить крест.

ОШАНИН (*не в полный голос, чтобы не слышал Петерс*). Непростая у вас задача, молодые люди, если учесть, что при прогнившем строе люди все делали на совесть.

Появляется Тёма Фомин. В руках у него ножовка по металлу. Мероприятие безбожников готовы освещать фотограф и корреспондент пролетарской газеты. Тёма старает-

ся попасть в кадр.

ОШАНИН *(в зал)*. Похоже, студент Фомин не собирается всю жизнь точить скальпели. Он мечтает о карьере, правда, сам еще не знает, какой именно. Но он считает себя революционером, а какой революционер без перспективы карьеры?

Появляется Войно.

ОШАНИН *(Войно)*. Пациент долго пролежал в глубокой расщелине, во льду, обморозил ноги, началась гангрена. Но держится молодцом.

Появляется Белецкая.

ВОЙНО. Софья Сергеевна, готовьте операцию.

Операционная. Санитары ввозят на каталке Карпова. Следом входит Петерс. Вид главврача Войно-Ясенецкого в белом халате поверх рясы его коробит. Но еще больше возмущает висящая на стене операционной икона.

ПЕТЕРС. Я в курсе ваших фокусов, профессор. Но должна же быть мера. Хотите молиться – молитесь дома.

ВОЙНО. Икона здесь не только для моих молитв.

ПЕТЕРС. Церковь у нас отделена от государства. А операционная – помещение государственное. Немедленно снимите!

ВОЙНО. Хорошо. *(снимает икону)* Не могу же я в знак протеста отказать пациенту в помощи. Но после операции икона будет возвращена на свое место. Этого у меня требуют тяжелые пациенты. Не встречал среди них ни одного атеиста. Впрочем... *(смотрит на Карпова)* вы тоже тяжелый

товарищ.

КАРПОВ. Яков Христофорович, пусть икона останется.

Войно возвращает икону на место.

Капу, которая находится у входа в операционную, поведение Карпова приводит в смятение. Она вполголоса делится своими мыслями с другими студентами.

КАПА. Выходит, чтобы выжить или не лишиться ног, идейный коммунист может пойти на сделку с богом?

СТУДЕНТ. А может, это не сделка? Может, даже у самых больших большевиков атеизм – ненастоящий?

ДРУГОЙ СТУДЕНТ. Зачем тогда сбивать крест с церкви?

В это время Тёма уже забрался на купол церкви и начинает надпиливать крест.

Войно выглядывает в окно и видит, что выдывает Тёма.

ВОЙНО (Белецкой). Софья Сергеевна, погодите-ка с наркозом.

Войно сбрасывает белый халат, бежит к храму и вырывает из рук комсомольцев веревку, которой они собирались сдернуть надпиленный крест с купола церкви. Тёма слезает с купола и решает отличиться.

ТЁМА (грубо шутит). Профессор, ну вы и контра!

Войно отвечает Тёме подзатыльник и возвращается в операционную.

ВОЙНО (Белецкой). Давайте наркоз, Софья Сергеевна.

КАРПОВ. Погодите, профессор. Успокойтесь, у вас дро-

жат руки. Давайте поговорим. А где же ваше христианское смирение? Стоило ли так бурно реагировать на глупые выходы юнцов? Забавники, перебесятся.

ВОЙНО. Извините, что вмешался. На минуту забыл, что так вы воспитываете нового человека. Софья Сергеевна, наркоз!

Белецкая делает Карпова два укола в обе ноги, а Войно рисует йодом на каждой ноге Карпова по кресту. Затем осеняет крестным знаменем сначала себя, потом Карпова.

КАРПОВ. А если бы я был узбеком?

ВОЙНО. Бог один, товарищ, только люди по-разному его называют.

Студенты наблюдают, как мастерски оперирует Войно.

КАПА (Тёме). Тёмка, ты извинишься перед профессором.

ТЁМА. Еще чего!

КАПА. Не извинишься – даже не подходи ко мне.

ТЁМА. Что я слышу!

Операция заканчивается. Войно выходит из операционной.

ТЁМА (Войно, кривляясь). Профессор, извиняйте, погорячился.

ВОЙНО (Капе). Бес в тебе сидит, Фомин. Извиню, пожалуйста, только после ста перевязок. (Капе) Барышня, научите юношу делать перевязки.

Войно уходит. Капа показывает Тёме, как делать перевязку.

Капа отвлекается на других раненых, Тёма вдруг видит под повязкой у красноармейца нечто неприятное.

ТЁМА. Фу! Капа!

КАПА. Тёма, давай сам. Сам!

Брезгливо морщась, Тёма накладывает на рану красноармейца свежий бинт...

Университет. Медицинский факультет. Студенты в белых халатах. Войно – на кафедре.

ВОЙНО. Прежде всего, вы должны знать, что хирургия, как и вся медицина, должна быть человеческой. Но – еще более человеческой. Не просто так я говорю вам о хирургической душе. Вы должны быть с каждым пациентом в личных отношениях. Должны знать его в лицо, знать его имя и фамилию, держать в голове все подробности его операции и послеоперационного периода. Он должен чувствовать ваше сопереживание. Только в этом случае вы по-настоящему сможете страдающему человеку. Нельзя, молодые люди, лечить тело и не врачевать при этом душу. Такое врачевание непрофессионально по своей сути. А теперь я продемонстрирую вам классический распил пятки при остеомиелите...

В аудиторию ввозят каталку с больным. Войно моет руки, на него надевают чистый халат, и он делает показательную операцию.

Отдельная палата, где лежит Карпов.

КАРПОВ. Профессор, я как-то странно быстро пришел в себя после наркоза.

ВОЙНО. Я только для краткости говорил про наркоз. На самом деле я оперировал вас под регионарной анестезией.

КАРПОВ. Ваше изобретение?

ВОЙНО. Отчасти, да. Регионарная анестезия во многих отношениях предпочтительней наркоза. Наркоз – это отключение света во всем городе, тогда как нужно отключить один дом. А здесь один укол новокаина в седалищный нерв – и вся нога теряет чувствительность. Одна инъекция в срединный нерв – и можно оперировать на кисти руки. Нужно только точно попасть иглой шприца в нервные стволы.

КАРПОВ. Как жаль, что идейно вы не с нами.

ВОЙНО. Вашу революцию я поначалу принял. Сколько было правильных лозунгов. Но потом вы убили царя с его детьми... Это убийство – раковая клетка. Она будет незаметно разрастаться... Вы даже не будете чувствовать.

КАРПОВ. Гнусный варвар. Нет, это я не о вас. Помните, так назвал царя художник Репин. Подделом ему, хозяину земли русской. А вот детей, согласен, жаль.

ВОЙНО. Да как же вы не понимаете? Вы нарушили самую главную заповедь всех религий – не убий. И с этим я никогда не смирюсь. Как и с глумлением над церковью. Вы вознамерились создать свою нравственность, но это же самообман. (с сарказмом) Этих слов достаточно, чтобы меня расстрелять?

КАРПОВ. А ваш бог разве не убивал детей? А ваш бог разве не злопамятен? Ну и нравственность... Почти все наши заповеди взяты у вас, христиан. Будет вам, Валентин Фе-

ликсович. Не такие уж мы вурдалаки. По крайней мере, не все из нас.

ВОЙНО. Вы лично, может быть, и не вурдалак. Но сколько невинных осуждено и лишено жизни... во имя вашего рая на земле. А ведь не будет вашего рая. Сами устанете от вашего террора, вашего обмана и самообмана, и не будете знать, как жить дальше, к чему вести народ.

КАРПОВ. Зря вы так переживаете за православие. Авторитет вашего духовенства начал катастрофически падать еще в середине 80-х девятнадцатого века, а к двадцатому веку вы уже пали ниже некуда. Ну, что я вам буду разжевывать? А сказка Пушкина о попе разве ни о чем вам не говорит? По-моему, у нас разногласии только в терминологии. Вы говорите – бог, мы говорим – природа.

ВОЙНО. Молодой человек, что у вас с головой? Перед тем, как начать операцию, я молился за вас. И вы выжили, хотя у вас была безнадежная гангрена. Думаете, это вам природа помогла? Природа отозвалась на мои молитвы. Я духом своим предстоял на небе у престола божия во время молитвы, а вы мне про природу.

Стук в дверь. На пороге Петерс.

ВОЙНО. Людям сегодня особенно нужны утешения и молитвы, а вы что делаете? Вы утешаете обещаниями вашего рая. Но вашего рая не будет никогда. Даже через сто лет.

ПЕТЕРС (*Карпову*). Видишь, как разрешать ему иконку. На глазах борзееет.

Войно выходит. В дверях он сталкивается с Белецкой. Войно идет дальше, а Белецкая, услышав, что в палате посетитель, прислушивается к разговору.

КАРПОВ. Спасибо, Яков. Вовремя вы меня сюда доставили. Знаешь, а ведь я уже мысленно похоронил себя. Даже если бы отняли ноги... Жизнь без ног – разве жизнь? Я бы застрелился. И вот – Войно воскресил меня. Оставил бы ты его в покое. Не ради меня. Он *нам* еще пригодится. *Нам* будут нужны тысячи хирургов. Если даже он передаст свой опыт сотне студентов, а те – еще тысяче...

ПЕТЕРС (*перебивает*). Георгий, напомни мне, кто это сказал? «Необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать и расстреливать беспощадно. *И как можно больше*. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады». Или для тебя Ильич не авторитет?

КАРПОВ. Но Войно только изображает попа в знак протеста против нашей политики.

ПЕТЕРС. Как же ты ошибаешься! Он хуже настоящего попа. Но я скоро покончу с православием в Средней Азии одним махом. Взорву к чертовой матери Ташкентский кафедральный собор. Только не надо мне про Герострата, не надо, Георгий!

КАРПОВ. Надеюсь, это не ваша личная инициатива?

ПЕТЕРС. Жду «добро» из Москвы.

Больничным коридор.

Белецкая тихонько передает подслушанный разговор Войно.

ВОЙНО. Софья Сергеевна, вы не могли чего-то не так понять? Может быть, это была плохая шутка?

БЕЛЕЦКАЯ. Разве такими вещами шутят?

ВОЙНО. Тогда у меня к вам большая просьба, Софья Сергеевна. Немедленно сообщите эту новость архиерею Андрею. Страшно мне вас посылать через весь Ташкент, но мне надо домой. Очень надо. Только будьте осторожны. Вы знаете, сейчас здесь скрываются оренбургские казаки. Чекисты устраивают на них облавы.

Двор больницы. Белецкая выходит из больницы и тут же попадает под обстрел. Шальная пуля ранит ее в бедро.

Операционная. Войно вытаскивает пулю. Белецкая нервничает.

ВОЙНО. Не стесняйтесь меня, уважаемая коллега. Не исключено, что и меня вам придется лицезреть в непривычном виде. Тем более, что и стесняться вам нечего. Совсем наоборот...

БЕЛЕЦКАЯ. Ах, Войно! Совсем не умеете делать женщинам комплименты.

ВОЙНО. Это от смущения, любезная Софья Сергеевна.
Входит Ошанин.

ОШАНИН. Валентин, ты не забыл? Я должен осмотреть Анну.

Дом Войно. Анна лежит на кушетке. Появляются Войно

и Ошанин.

АННА. Что-то случилось? (*Ошанину*) Я уж думала, не придете.

ОШАНИН. Небольшое недоразумение.

АННА. У вас, Лев Алексеевич, недоразумение? Или у Валентины?

ВОЙНО. У нас. Белецкая ранена, шальная пуля. Пришлось вытаскивать. Анечка, ну ты же знаешь, пулю нельзя оставлять в теле.

АННА (*Ошанину*). Интересно, а почему не вы? Почему не вы вынули пулю?

ВОЙНО. Лев Алексеевич был занят.

АННА. Каждый день я слышу, что нет более занятого доктора, чем ты. Но оказывается...

ВОЙНО. Анечка, просто ты не знаешь... Я послал Софью Сергеевну, можно сказать на смерть, а когда она получила пулю... не мог же я отдать извлечение пули Льву Алексеевичу?

ОШАНИН (*перебивает*). Я готов осмотреть вас, Анна Васильевна.

АННА. Нет уж, спасибо. Я накрыла вам, господа, в столовой. Хотя... накрыла – сильно сказано. Но уж чем богата... приятного аппетита. (*уходит в другую комнату*)

Войно и Ошанин проходят в столовую, садятся за стол. Перед ними тарелки с похлебкой.

ВОЙНО. Похlebка с капустой без хлеба. Боюсь, меня

стошнит. Но можно выпить по глотку разведенного спирта, и тогда суп будет не едой, а закуской. *(наливает в стаканы)*

ОШАНИН. Войно! Что с тобой? Ты ж не пьешь!

ВОЙНО *(прекращает наливать)*. Сколько ей осталось, Лев? *(Ошанин пожимает плечами)* Я плохой муж, просто чудовище... А ведь, помнится, я очень рекомендовал тебя Анне, тогда, в Читинском госпитале... Но она не послушала. Ты все же осмотри ее, а я пока сбегаяю к своим церковным братьям. Нутром чую, я им нужен.

ОШАНИН. Душа есть страсть. Теперь я понимаю, вся твоя страсть ушла в религию.

Конспиративная квартира. Собрание священнослужителей.

АРХИЕРЕЙ АНДРЕЙ. Братья! Группа священников в Москве объявила о создании так называемой «живой церкви». Они провели так называемый собор, на котором лишили сана патриарха Тихона. Живоцерковники ходят в гражданской одежде, коротко стригут волосы, сбрасывают бороды.

ВОЙНО. Раскольники – это вепрь, дикая свинья. Единственным городом в стране, где этот вепрь еще не взял верх, остается Ташкент. Но этой свинье нельзя уступать.

АРХИЕРЕЙ АНДРЕЙ. Доктор, из вас вышел бы хороший проповедник.

ВОЙНО. Ваше священство. Я отчасти мистик. Повеления Господа приходят ко мне, как видения. Очень жалею, что у меня нет духовного образования.

АРХИЕРЕЙ АНДРЕЙ. Вам вовсе не обязательно вести богослужения. Достаточно, если вы будете выступать с проповедями. Ваше призвание – скажу словами апостола Павла – не крестити (вести богослужение), а благовестити» (проповедовать). Однако, для того, чтобы возглавить Ташкентский собор, нужно иметь сан архиепископа, а прежде быть просто епископом, а еще раньше – пройти монашеский постриг. На это требуется время, а времени нет. Н я готов для начала провести обряд рукоположения, а вы?

ВОЙНО. Я готов.

Дом Войно. Войно работает за письменным столом. К нему подходит старший сын.

МИША. Отец, я кое-что нашел в сарае.

ВОЙНО. Что значит нашел? Я и не прятал. Я готов объясниться, сын.

МИША. Это ужасно.

ВОЙНО. Ужасно, когда не в чем похоронить близкого человека. Здесь практически невозможно найти древесину.

МИША. Отец, ты лучший хирург. Ты спасаешь людей. Неужели для тебя такая трудность – найти гроб?

ВОЙНО. Я нашел. Ты же видел. Подвернулась возможность, и я заказал, и мне сделали. Привезли и положили в сарае, рядом с дровами.

МИША. Но мама еще жива. Я тебя не понимаю! Совсем не понимаю!

ВОЙНО. Сын, я рассуждаю, как взрослый. А взрослые со

своей рассудительностью иногда выглядят очень цинично.

Громкий стук в дверь. Нарочный ЧК привозит благодарность от Карпова. Фрукты, овощи, картошка, вяленое мясо и кожаный сосуд с вином. Анна смотрит на мужа: неужели не возьмет?

ВОЙНО. Пируем.

Семья садится за стол.

АННА (*плача*). Мы могли бы питаться так каждый день...

Пиршество внезапно прерывается. Появляется нарочный ЧК.

НАРОЧНЫЙ ЧК (*Войно*). Вас требует к себе товарищ Петерс.

Кабинет Петерса.

ПЕТЕРС (*Войно*). В больнице обнаружен раненый красноармеец с личинками под бинтом.

ВОЙНО. Ну и что? Эка невидаль! Расстреляете за это?

ПЕТЕРС. Слушай, Войно, ты что, совсем страх потерял? Я тебя на показательный процесс выведу.

ВОЙНО. Это на здоровье.

ПЕТЕРС. Слушай, а что это ты такой спокойный?

ВОЙНО. Это я зубы сцепил, чтобы не рассмеяться.

Возле кабинета Петерса сидят Тёма и Капа.

ТЁМА. А почему Белецкая не обратила внимания на эти личинки? Между прочим, муж Белецкой был белым офицером. Спелась парочка, баран да ярочка.

КАПА. При чем здесь муж Белецкой? При чем здесь сама

Белецкая? Она операционная сестра. Она не делает перевязки, подлая твоя душонка. Неужели ты сам не видел личинок? По глазам вижу – видел! Тогда зачем забинтовал их?

ТЁМА. Я тебя звал, хотел спросить, но ты у нас такая занятая.

КАПА. Ах, вот как! Это я, стало быть, виновата! Сейчас зайдешь и во всем признаешься, понял?

ТЁМА. И не подумаю. Уволят из санитаров – вышибут с факультета. И тебя вышибут за то, что не подошла, когда тебя звал.

КАПА. То есть и меня сдашь?

ТЁМА. Проявлю революционную сознательность. Иначе по законам революционного времени, сама знаешь...

Показательный процесс прямо в больнице. Приковывлял на костылях Карпов. Петерс выступает главным обвинителем.

ПЕТЕРС. Случившееся имеет не столько медицинский, сколько идеологический вред. На допросе профессор Войно утверждал, что английские медики не вычищают личинки из ран, считая, что они помогают заживлению. Но наши советские медики так не считают, хотя тоже не видят в личинках никакого вреда. У нас другое этическое отношение к подобным вещам. В нашем советском представлении это проявление безобразного отношения к советскому человеку. И если это где-то случается, значит, это скрытый саботаж, то есть вредительство.

ВОЙНО. Никакого преднамеренного вредительства не было. Имела место всего лишь, халатность младшего медперсонала, за что я готов понести ответственность. Но если я останусь в своей должности, то непременно проведу служебное расследование, установлю виновного или виновных и приму меры дисциплинарного характера.

А тот, кто увлекается обвинениями во вредительстве, должен иметь в виду, что в какой-то момент в том же самом могут обвинить и его. Никто сейчас не имеет права сказать, что вредно, а что полезно для России. Только время покажет, кто на самом деле оказался вреден.

ПЕТЕРС. Кажется, вы перешли в контратаку. Что ж, тогда мне придется вывернуть вас наизнанку. Скажите нам, Войно, как вы, доктор, лучше других знающий, что такое смерть, можете верить в воскресение Христа? Это же обман с преступной целью овладеть душами невежественных людей. Какие доказательства существования Бога вы можете привести? Попы говорят, что Бог в сердце человека. Вы его там видели? Отвечайте суду!

ВОЙНО. Бога в сердце я не видел. Но я не видел и совести. А ума у многих я подавно не видел.

ЧК. Перед Петерсом сидит Тёма.

ПЕТЕРС. Стало быть, молодой человек, вы обуреваемы жаждой мести?

ТЁМА. Жаждой справедливого возмездия, товарищ Петерс. Так будет точнее.

ПЕТЕРС (*саркастически*). Кто же вас обидел, кроме ма-тушки-природы?

ТЁМА. Зря вы так со мной. Я еще пригожусь.

ПЕТЕРС. А ведь годишься. Ох, уж это второе поколе-ние революционеров. Мы – романтики, вы... Кто вы, Арте-мий Фомин? Вы – наши палачи и могильщики. Такова неот-вратимая эволюция революции, прости господь мою душу грешную.

Телефонный звонок. Петерс поднимает трубку.

ПЕТЕРС. Слушаю, товарищ Дзержинский. Докладываю. Очаг сопротивления церковников возглавляет профессор медицины Войно. Налицо смычка реакционного духовен-ства с гнилой интеллигенцией. Это надо выжигать каленым железом, тов.... Подробности изложу письменно. Есть, Фе-ликс Эдмундович.

(*Тёме*) Подрывное дело ты, конечно, не знаешь... (*презри-тельно*) Что ты вообще знаешь... Хотя, смотря в каком смысле. Ладно, поработаешь у нас сначала агентом, потом посмотрим, как тебя лучше использовать.

ТЁМА. Могу подсказать, как меня лучше использовать.

ПЕТЕРС. Вот как! Ну и?

ТЁМА. Моя девушка Капа Дрёмова увлечена профессо-ром Войно.

ПЕТЕРС. Ну и дура. Погоди... А ты, однако, способный малый. Ты считаешь, что она может...?

ТЁМА. Нет, не так. Но ее можно застукать с ним

Больничный двор. С фронтов гражданской войны привозят очередную партию раненых. Поповский вид Войно раздражает вновь прибывших, которые еще не получили его помощи.

РАНЕНЫЙ. Это что за чучело?!

ДРУГОЙ РАНЕНЫЙ. Мы за это умирали?!

КАПА (*Войно*). Профессор, такой вал! А вы без Софьи Сергеевны. Возьмите меня операционной сестрой.

ВОЙНО. Не имею права, Капа. Закончите учебу, тогда... Но тогда вы будете уже врачом...

КАПА. Я готова буду работать при вас медсестрой и будучи врачом.

ОШАНИН (*подходит и – на ухо*). Привезли тяжело раненого офицера атамана Дутова.

КАПА. Что нужно для следующей операции, профессор? *Войно оказывает офицеру хирургическую помощь.*

КАПА. Это у вас сегодня уже восьмая операция, профессор. А норма – четыре.

Санитары вносят еще одного раненого.

КАПА. Снимите халат, профессор, я принесу вам свежий.

Ординаторская. Войно и Капа после очередной операции пьют чай.

ВОЙНО. А ты молодец, Дрёмова. Быстро учишься. Я тоже в твои годы таким был.

КАПА. И чему вы быстро учились?

ВОЙНО. Топографической анатомии оперативной хирур-

гии. На трупах. Из неудавшегося художника стал художником в анатомии.

КАПА. Мамочки!

ВОЙНО. Хотел стать мужицким врачом и стал им. Земским врачом. По-моему, я родился народником. И заступником. Один студент на нашем курсе ударил другого, только из-за того, что тот был евреем. Так я такую обличительную речугу закатил... Вспомнил даже Сократа, которому сварливая жена вылила на голову грязную воду. Хотя причем тут Сократ? В общем, был слегка того... не от мира сего.

КАПА. А вы таким и остались.

ВОЙНО. Дрёмова, не забываетесь!

КАПА. Нда, демократом вас не назовешь. У вас ведь, церковников, все (*насмешливо*) с вашего благословения, с вашего благословения... Так въелось в народ, что и нам, коммунистам, передалось.

ВОЙНО. Капа, по-моему, наш разговор принял неподобающий характер.

КАПА. Тогда давайте поговорим о том, что вам ближе. Давайте исповедуем меня.

ВОЙНО. А ты занятная. Ну и какие же у тебя грехи?

КАПА. Хорошие у меня грехи.

ВОЙНО. Наверное, Христос сейчас улыбнулся. Он же на исповеди невидимо стоит рядом.

КАПА. Ой! И мысли читает? Тогда все, больше не исповедаюсь. Лучше халаты отнесу в стирку. А можно еще во-

прос? Откуда у вас такая истовость?

ВОЙНО. От отца, наверное. Он был очень благочестивым католиком. Все-таки поляк... А я прочел книжку Толстого «В чем моя вера» и увидел в ней издевательство над православием.

КАПА. Ясно. Заступник по всей жизни. Что ж, это вызывает уважение. Но вопросов не становится меньше. Вот вы можете коротко и убедительно доказать мне существование бога?

ВОЙНО. Нет ничего проще. Чувство вины. Чувство благодарности. Это и есть присутствие бога в человеке. Или его отсутствие в нем. А самое простое, я бы сказал, механическое присутствие – память. Ты что-то забываешь, и вдруг, иногда в самый критический момент вспоминаешь. Это тебе бог подсказывает. Память, как свойство нашего мозга, и есть присутствие бога в каждом человеке.

Дверь резко открывается. В ординаторскую входит Тёма и чекист в накинутом на плечи белом халате. Оба разочарованы. Они надеялись застать профессора и студентку не за безобидным чаепитием.

ЧЕКИСТ. Чаи гоняете?

ТЁМА. А там больные...

КАПА. Что больные? Профессор только что закончил девятую операцию. Ты в себе?

ТЁМА. Я-то в себе, а вот ты... У тебя есть своя комната

ВОЙНО. Настоящий доктор должен уверенно чувство-

вать себя в нескольких смежных отделах медицины. Тогда только он может быть хорошим диагностом.

ТЁМА. Это вы к чему, профессор? Договаривайте.

ВОЙНО. Плохой я доктор, Тёма. Никак не могу поставить тебе точный диагноз.

Дом Войно.

АННА (*говорит задыхаясь*). ВалЕ... ВалентИн! Валюша! Я тебя умоляю. Ты играешь с огнём. Тебя расстреляют или посадят. Детей отправят в детские дома, они могут потерять связь друг с другом. Неужели борьба с большевиками для тебя дороже? В таком случае, ты тоже фанатик.

ОШАНИН. Все снимают с себя кресты, а ты надел. Церковники бреют бороды, а ты отрастил. Не понимаю, чье сопротивление ты хочешь возглавить. Для нашего народа религия – всего лишь соблюдение церковных обрядов и традиций. Никак не внутренняя духовная жизнь человека. Почему наше христианское сознание так быстро раскрошилось? В народе нет нравственного стержня, страха божия. И уж тем более нет веры истинной. Вера – это способность духа, а у нас дух другой, нерелигиозный. В нас сидит язычество.

От Войно ждут ответа Анна и дети, но он молчит. У него нет сил что-то доказывать. Все уходит, остается только Ошанин.

ОШАНИН. Легкие у Анны практически уже не работают. (*кладет на стол коробочку*) Вот морфий. Больше я ничего уже не могу сделать. (*пауза*) Интересно, ты просил хоть раз

бога сохранить жизнь твоей жене?

Не дождавшись, ответа, Ошанин направляется к дверям.

ВОЙНО. Для меня нет вопроса, есть ли Бог или его нет. Для меня это не имеет никакого значения. Для меня важно совсем другое: нужен мне бог или не нужен? Нужен! И потому рясу с меня сдерут только вместе с кожей.

Ошанин уходит. Появляется Анна. Она едва передвигает ноги. Ложится на кушетку.

АННА. Валечка, я не хочу умирать. Боже, зачем я приходила в этот мир? Чтобы так рано уйти? Неужели так угодно Богу? Зачем вообще рождаются люди? Неужели безо всякого смысла – как кошки, собаки, лошади, коровы? Мне страшно. Я задыхаюсь в холоде.

В дверях появляются дети. Анна делает предостерегающий жест – чтобы не подходили. Осеняет их крестным знаменем на расстоянии.

АННА. Идите к себе.

Дети уходят.

МИША. Отец, можно тебя на два слова?

Войно выходит следом за детьми.

МИША. Отец, ты просишь бога, чтобы мама выздоровела?

ВОЙНО. Конечно. Конечно.

МИША. Почему же бог не помогает? Ты плохо молишься? Или бога нет?

Дети смотрят на Войно.

ВОЙНО. Давайте об этом потом. Сейчас не время. Мне как раз нужно сейчас молиться.

Дети идут к себе. Войно встает у ног жены и читает псалтырь.

Утро. Бездыханное тело Анны лежит на кушетке. Войно читает псалтырь. Дети безмолвно плачут за его спиной. Входит Белецкая.

БЕЛЕЦКАЯ. Анна просила... *(подает корзину)*

Войно увлекает Белецкую в соседнюю комнату.

ВОЙНО *(он не в себе)*. Софья Сергеевна, вы так кстати. Я только что наткнулся на 112-й псалом. Это божье повеление, Софья Сергеевна. Не согласитесь ли вы заменить?

БЕЛЕЦКАЯ. А что там, в этом 112-м псаломе?

ВОЙНО. «Неплодную вселяет в дом матерью, радуящеюся о детях». Ведь у вас не может быть детей, Софья Сергеевна. Или...?

БЕЛЕЦКАЯ. Как неожиданно... Как... Но я готова, Валентин Феликсович. У меня действительно не может быть детей. А вы посоветовались со своими? Боюсь, я не полажу с вашим старшим, Мишей. А он будет настраивать остальных.

ВОЙНО. Конечно, я посоветуюсь. А Миша... Да, он совсем не похож на меня. *(все так же лихорадочно)* Видимо, самому Господу не нравится повторение, потому что повторение – это не нечто новое, это остановка, а жизни требуется движение, обновление.

БЕЛЕЦКАЯ. Это вам так хочется думать. Я знаю, что буду

для ваших детей всего лишь служанкой, домработницей. Но я стерплю любое к себе отношение. Я это уже решила. У вас свой крест, у меня свой.

ВОЙНО (*совсем нервно*). Только должен вас предупредить, Софья Сергеевна. Я прошу вас стать детям второй матерью, не больше того. Скоро меня объявят настоятелем Ташкентского собора. А я не из тех церковников, которые прелюбодействуют тайно. Но и это не все. Я могу погибнуть вместе с собором, и тогда вы останетесь с моими детьми... Я знаю, вы их не бросите.

Кафедральный собор. Войно на амвоне в рясе с епископской панагией на груди. Его слушает Софья и дети. Капа стоит у самого входа, боясь войти вглубь храма, но она слышит каждое слово. Возле собора появляются мальчишки с кипами газеты в руках.

МАЛЬЧИШКА. Читайте разоблачительную статью «Недолго печалился наш батюшка».

ГРУППА КОМСОМОЛЬЦЕВ (*скандирует*). Чу-дик! Чу-дик! Чу-дик!

А в это время в подвальном помещении храма Тёма с подрывниками укладывает заряды тротила.

Москва. Кремль. Карпов входит на костылях в кабинет Сталина.

КАРПОВ. Здравствуйте, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Здравствуйте, товарищ Георгий. На какую высоту вы поднялись в горах Тянь-Шаня?

КАРПОВ. Четыре тысячи метров, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Никого там не встречали?

КАРПОВ. Только горных козлов, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Бухарин все собирается пострелять там козлов.

Жестокий человек наш Николай Иванович. Знаете, товарищ Георгий, а я еще в духовной семинарии начал подозревать, что господь бог ни на какую высоту к нам не опускается. Ну, а как вам Войно-Ясенецкий?

КАРПОВ. Лучшего военного хирурга у нас нет, товарищ Сталин. Я побывал у него на лекции в мединституте. Это второй Пирогов.

СТАЛИН. Он хирург, но какого-то широкого спектра, так?

КАРПОВ. Долго перечислять, товарищ Сталин.

СТАЛИН. А я никуда не спешу.

КАРПОВ. Войно оперирует в области урологии, ортопедии, онкологии, гинекологии, стоматологии, нейрохирургии, отоларингологии. А в молодости начинал с лечения глаз и очень в этом преуспел, впрочем, как и во всем остальном.

СТАЛИН. В Сибири как раз трахома... Что ж, надо побороться за нашего Войно. За его сознание. Пусть даже репрессивными способами.

КАРПОВ. Петерс уже вцепился в него.

СТАЛИН. Вот именно, что вцепился. Петерс не видит дальше своего носа. Будущее страны, видимо, ему безразлично. Между прочим, мы до сих пор не знаем точно о его

происхождении. В автобиографии пишет, что сын батрака, а в интервью американской журналистке признается, что сын сельского барона. И нутро у него какое-то странное. Вроде, большевик, а жена – дочь британского банкира... Ладно, дойдет и до него черед. Что же касается Войно-Ясенецкого, то будем его исправлять... с божьей помощью. Пусть немного посидит. Немного, но так, чтобы прочувствовал. Очень ценный для нас кадр, этот Войно. Взятся за самый неприятный участок медицины – гнойные раны – и добился большого успеха. Внедряет региональную анестезию – тоже большой шаг вперед. А международная обстановка, сами понимаете, какая. В общем, товарищ Карпов, (*Карпов встает*) с этой минуты за Войно будете отвечать лично вы, как мое особо доверенное лицо. Тем более, что у вас тоже за спиной духовная семинария. Вот такая у нас будет троица.

Карпов уже у двери, когда слышит за спиной голос Сталина.

СТАЛИН. Интересная, между прочим, коллизия. Я отверг бога, в которого верил. А Войно начал служить богу, хотя как доктор, не должен верить. Он ведь делает вскрытия. Если у человека есть душа, он должен был бы ее увидеть. Медицина – самая атеистическая из наук, а он... (*Карпов озадаченно молчит*) Вы идите, товарищ Георгий, идите. Это у меня всего лишь мысли вслух.

КАРПОВ (*в страшном волнении*). Что это со мной? Товарищ Сталин, я же не доложил вам о самом главном. Петерс

собирается взорвать Ташкентский кафедральный собор.

СТАЛИН. И это единственный его недостаток, который вы обнаружили? Идите, товарищ Георгий. Я вас услышал.

Конспиративная квартира.

АРХИЕРЕЙ АНДРЕЙ (*Войно*). Теперь для того, чтобы возглавить кафедральный собор, вам нужно стать епископом. Для совершения хиротонии требуются два епископа. В Ташкенте их нет. Они прячутся в таджикском городке Пенджикенте. А это не ближний свет. Едва ли кто-то повезет вас по горной дороге. Можно наткнуться на басмачей.

ВОЙНО. И все же я поеду.

Чайхана. Встреча Капы и Темы. Тёма под градусом. На Капе модное платье в горошек.

ТЁМА. Ну, как там твой профессор? Пришел в себя?

КАПА. Ты о чем?

ТЁМА. Эта контра поехала через горы в Пенджикент. Ну а там же полно басмачей. Перехватили на горной дороге твоего Войно.

КАПА. И что с ним?

ТЁМА. Вопрос неправильный. Прежде всего, ты должна была спросить, откуда мне об этом известно.

КАПА. Что с ним?

ТЁМА. Вместо того, чтобы отрезать ему голову, главарь повез его в свой аул. Оказывается, беременная жена главаря не могла разродиться. Войно сделал кесарево сечение. Его отпустили, и он поехал дальше.

КАПА. Зачем – в такую даль?

ТЁМА. Два ссыльных епископа в Педжикенте провели с ним хиротонию. Ты хоть знаешь, что это такое?

КАПА. Понятия не имею.

ТЁМА. Хиротония – он посвящение в монахи и в сан епископа. Теперь наш профессор – настоятель нашего кафедрального собора. И теперь у него церковное имя Лука. В честь святого Луки, иконописца и врачевателя. Он же у нас еще и художник.

КАПА. Я поняла. Ты стал работать на Чека. Не удастся выучиться на врача – станешь чекистом. Нормальный ход.

ТЁМА. Я рад, что ты это поняла. Я в любом случае не пропаду. Так что держись меня, Капочка, не прогадаешь. *(пытается ее обнять)* Ну, чего ты брыкаешься, как горная козочка? Устав комсомола знаешь? Что может и должен каждый комсомолец?

Капа молчит, понимая, к чему ведет Тёма.

ТЁМА. Каждый комсомолец может и должен удовлетворять свои половые стремления.

КАПА. Удовлетворяй на здоровье, кто тебе мешает.

ТЁМА. По уставу, каждая комсомолка обязана идти навстречу, иначе она мешанка.

КАПА. Мешанка я, Тёма. Но кандидатом в члены ВКПбэ принята. А в уставе партии про половые стремления ничего не говорится.

ТЁМА. Проглядели тебя в партии, Дрёмова. Ну, ничего,

ты сама себя выведешь на чистую воду. Эх, что-то разболтался я сегодня. Наверно, от волнения. Сегодня в 8 часов вечера, Капочка, кое-что произойдет.

КАПА. По-моему, ты больше хочешь сказать, чем я услышать. Давай уж, выкладывай.

ТЁМА. Выпытываешь? Ладно, считай, что у тебя получилось. Сегодня взлетит на воздух кафедральный собор.

КАПА. Тёмочка, ты перебрал.

ТЁМА. Я перебрал в своем чувстве к тебе. Но теперь я трезв, как стеклышко. Я далеко пойду, Капочка. Так что не прозевай меня. А на профессора... пожалуйста, заглядывайся. Считай это моим поручением. Хотя... имей в виду: монах он теперь у нас. Нельзя ему.

КАПА. Иди, Тёмочка, проспись. Мне тоже пора, а то мама ругать будет.

Капа оставляет Тёму и бежит к Войно домой.

Дом Войно.

МИША. Отец в соборе.

Собор. Капа подходит к собору. Он закрыт изнутри. Капа отчаянно стучит.

КАПА. Профессор, я знаю, что вы здесь? Почему вы не открываете? Ведь вы не знаете, кто я и зачем стучу. Да в чем дело, ч... (у нее чуть не вырывается «черт побери»)

Двери собора открываются. В проёме стоит огромный Войно-Ясенецкий.

ВОЙНО. Уходите немедленно! Немедленно!

КАПА. Почему? Что вы задумали? Вы знаете? Нет! Это глупо! Ваша самопожертвование бессмысленно.

ВОЙНО. Я требую уйти!

КАПА. Тогда я с вами. Пусть это будет на вашей совести.

ВОЙНО. Что ж это такое?! Вы фанатичка!

КАПА. Профессор, ну давайте вместе уйдем. Ну, я вас умоляю. *(опускается на колени)*

Войно делает шаг и собора. Капа хватает его за руку и тянет за собой.

Страшный грохот. Зрители видят, как падающие обломки едва не погребают под собой Войно и Капу.

Появляются чекисты, наблюдавшие за происходящим со стороны. Они подхватывают Войно и ведут его в ЧК.

ЧК. Кабинет Петерса.

ВОЙНО. Еще одно подтверждение, что бог есть, гражданин Петерс. Хотя...

ПЕТЕРС. Что хотя? Договаривайте. В данном случае ваш бог пришел к вам в платице в горошек. Хоть мне не морочьте голову, Войно, с вашим божьим промыслом. По агентурным данным с вами свели счета оренбургские казаки. Плохо их лечили. Двое сдохли.

ВОЙНО. И что? Из-за этого я здесь?

ПЕТЕРС. А помощь головорезам атамана Дутова?

ВОЙНО. Как врач, я обязан помогать любому человеку. Даже личному врагу. Вот случись с вами что, я бы и вам помог, хотя мне пришлось бы сделать над собой известное уси-

лие.

ПЕТЕРС. Войно, вы будете привлечены к суду за связь с контрреволюционным подпольем.

ВОЙНО. Можно полюбопытствовать, в чем же эта связь заключалась?

ПЕТЕРС. Мы убиваем классового врага – вы его спасаете, чтобы он продолжал убивать нас. Это ли не связь? На этот раз вам не выкрутиться.

ВОЙНО. Смерть – штука страшная, когда видишь ее впервые. Но когда работаешь среди смертей... Ваши угрозы не производят на меня того впечатления, на которое вы рассчитываете.

ПЕТЕРС. Хорошо, что сказали. Я подумаю, как лучше поразить ваше воображение.

Стук в дверь. Входит чекист.

ЧЕКИСТ. Телефонограмма из Москвы, товарищ Петерс.

ПЕТЕРС. Читай.

ЧЕКИСТ. Срочно отправить профессора Войно-Ясенецкого в Москву. Карпов.

ПЕТЕРС. Что за чертовщина? Надеюсь, отправить в «стопылине»?

ЧЕКИСТ. Нет, здесь в инструкции Карпова уточнение – в обычном пассажирском вагоне.

Старенький дом. Семью Войно переселяют из отдельного дома в крохотную полуподвальную каморку.

МИША. Спать будем на двухъярусных полках, как в тюрь-

ме.

С Войно приходит проститься Ошанин. Здесь же Капа. Бытовые условия потрясают ее.

КАПА (*запальчиво – Войно*). Вы меня простите, профессор, но создается впечатление...

ВОЙНО. ... что Бога я люблю больше, чем своих детей? (*Капа смотрит на него так, будто он прочел ее мысли*). Что ж, спасибо за откровенность, Дрёмова. Ответ у меня будет такой: «благословенны препятствия, ибо ими растём».

БЕЛЕЦКАЯ. Поезжайте, Валентин Феликсович, с богом, и не думайте, что я осуждаю вас. Я знаю заповедь апостола Павла: «Служитель Бога не может ни перед чем остановиться в своей высокой службе, даже перед тем, чтобы оставить своих детей».

Перрон вокзала. Проводить Войно приходят сотни прихожан. Капа дает Войно какую-то бумажку.

КАПА. Это мой адрес. Я хочу, чтобы меня при распределении отправили туда, где будете вы. Пожалуйста, я прошу вас, сообщите мне свой адрес. И простите меня за резкость. Наверно, я чего-то не понимаю, но я стараюсь понять.

Гудок отправления. Зрители слышат, как поезд, загремев колесами, резко тормозит.

ЧЕКИСТ (*другому чекисту*). Совсем охренели, на рельсы легли.

Чекист стреляет в воздух. Безрезультатно.

ЧЕКИСТ. Ну, ты глянь! Лежат. Ну, это нормальные люди?

ВОЙНО (*обращается к людям*). Встаньте и освободите путь. Завещаю вам неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас. Против власти, поставленной нам Богом *по грехам нашим*, никак не восставать и во всем ей смиренно повиноваться. Подчиняться силе, если будут отбирать у вас храмы и отдавать их в распоряжение раскольников. Но внешностью богослужения не соблазняться и богослужение, творимого раскольниками, не считать богослужением.

Москва, Кремль. Кабинет Сталина.

КАРПОВ. Товарищ Сталин, Войно-Ясенецкий едет в Москву.

СТАЛИН. Петерс доложил, что профессор пишет учебник по гнойной хирургии. Пусть пишет. Пригодится для студентов медвузов. У него четверо детей, проследите, чтобы не увольняли из больницы женщину, которая с ними осталась. Пусть определяют ей жалованье не менее двух червонцев. Дети за отцов не отвечают. Что касается срока ссылки, дайте понять Войно, что чем быстрее он осознает свои ошибки, тем быстрее вернется к детям.

КАРПОВ. А может Войно вести в ссылке богослужения?

СТАЛИН. Это на усмотрение местных властей. Только кто будет слушать его проповеди? В Сибири народ малорелигиозный.

КАРПОВ. Вы не определили место ссылки, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Войно-Ясенецкий выдает себя за христиани-

на-абсолюта. Вот мы и проверим, какой он абсолют. Пусть поживет немного в тех краях, куда царь-батюшка меня сослал. Может, тогда что-то поймет.

Москва, кабинет Карпова.

Входит Патриарх Тихон. По сравнению с Карповым древний старик. Чувствуется, что этот выезд для него нелегкая прогулка.

КАРПОВ. Гражданин Белавин... (*осекается, увидев осуждающий взгляд патриарха*) Ну, хорошо, ваше святейшество, вы что-нибудь слышали о Войно-Ясенецком?

ПАТРИАРХ ТИХОН. Этот доктор из Ташкента? Говорят, его рукой хирурга водит сам Господь. И, кажется, вы могли в этом убедиться.

КАРПОВ. Да, он помог мне. Но я сейчас не об этом. Скажите, ваше святейшество, рукоположение Войно-Ясенецкого в епископы законно? Вы его утвердили?

ПАТРИАРХ ТИХОН. Видите ли, по законам церкви я должен сделать, или не сделать это только после личной встречи.

КАРПОВ. У вас будет встреча. Войно-Ясенецкий завтра приедет в Москву.

Карпов поднимается из-за стола и достает из шкафа сверток.

КАРПОВ. Это, ваше святейшество, скромный подарок к вашему дню рождения. Парча. А то, я смотрю, вы совсем поизносились. Подчеркиваю, это не мой личный подарок. Это

презент от руководства Цэка и лично от товарища Сталина.

Резиденция патриарха. Секретарь вводит Войно. Патриарх Тихон поднимается из-за стола и идет ему навстречу на нетвердых ногах. Они тепло здороваются и с интересом разглядывают друг друга.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Сколько вы ехали, профессор?

ВОЙНО. Больше недели, ваше святейшество.

Тихон делает знак, что их подслушивают. Лука понимающе кивает.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Что привело вас в столицу?

ВОЙНО. Скорее всего, я здесь транзитом. Думаю, мне решили показать, как велика наша страна.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Право, не знаю, смогу ли я вам помочь. Но в сане епископа я вас утверждаю. Я уже немало лет копчу небо, меня трудно чем-то удивить. Но вы – особая статья. Скажите, как вы пришли к Богу?

ВОЙНО. Очень просто. Когда я горделиво думал, как ловко я работаю скальпелем, у меня бывали неудачи, но как только я начал перед операцией молиться и просить Всевышнего о помощи, не ошибся пока ни разу. Разве это само по себе не божественное проявление? Верить в себя – это нескромно. А вот верить, что бог помогает...

ПАТРИАРХ ТИХОН. Как вы прониклись... Не зря мне говорили о вас, как об удивительном проповеднике. Теперь я вижу, что это не преувеличение. Если вы скажете эти слова людям, то каждый примерит их к себе, каким бы делом он

не занимался, и тогда Господь поможет каждому.

ВОЙНО. Я должен вам сказать, ваше святейшество... Я просто обязан поделиться с вами одним подозрением. Оно не дает мне покоя. Временами я кажусь себе безумным. А ведь я очень трезвый и очень жесткий человек. Раньше я резал трупы, а сейчас режу живых людей. Во мне нет ни капли сентиментальности. К тому же у меня все в порядке с головой. Я сознаю, что вера в Господа в том виде, в каком он предстает в нашей религии, требует известной наивности и легковерия. А у меня нет ни наивности, ни легковерия, ни сентиментальности, ни глупости. Почему же я в таком случае верую? Я не могу найти этому ни разумного, ни эмоционального объяснения. Это сидит во мне, будто это кто-то вживил в меня. И это меня мучает. Я не принадлежу самому себе целиком. То малое, что заставляет меня верить в Господа, намного перевешивает все остальное, и заставляет меня чувствовать себя чужим среди людей. Я не чувствую в них родства и близости с собой. Вы меня понимаете?

ПАТРИАРХ ТИХОН. Ваше преосвященство, ну как же мне не понять вас, если я сам такой?

ВОЙНО. Как же мало нас!

ПАТРИАРХ ТИХОН. А дальше будет еще меньше. Вот в чем беда-то.

ВОЙНО. И к чему же все придет?

ПАТРИАРХ. По-моему, это отчасти медицинский случай из области психологии.

Москва. Кабинет Карпова.

КАРПОВ. Валентин Феликсович, скажите уж откровенно: кто вы для нашей власти: друг или враг?

ВОЙНО. Отчасти друг, а отчасти ... не друг. Но не враг — это точно.

КАРПОВ. Что ж, тогда мы поступим с вами, как с недругом, который может передумать и стать другом. Мы не лишаем вас врачебной практики и священнической работы, более того, дадим возможность писать вашу научную книгу, но при этом вы будете изучать географию и станете в некотором роде этнографом.

ВОЙНО. Сибирь, тунгусы? Места, куда сослали революционеров?

КАРПОВ. Других мест у нас нет. И в ту сторону вы тоже поедете не в пассажирском вагоне.

ВОЙНО. А как же быть с изучением географии?

КАРПОВ. В вагонзаке тоже есть оконца. Если будут обижать блатные, обратитесь к конвою. А если будет холодно... вот, *(Карпов берет один из лежащих в куче полушубков)* жена Горького прислала для... узников совести, возьмите, пригодится.

ВОЙНО. Вы совсем растрогали меня.

КАРПОВ. Вы можете пожить в Москве неделю. Потом явитесь. И поедете. Поверьте, я благодарный человек, я сделал для вас все, что мог. И еще сделаю. Теперь мы с вами надолго в одной связке. Партия доверила церковь моей заботе.

Бутырка. Камера, где в основном политические. Но хватает и шпаны. Вор-законник лет 50 громко стонет – его мучает сильная боль.

Войно в рясе. Откуда сокамерникам знать, что он доктор? К доктору бы было совсем другое отношение. Шпана посмеивается над Войно. Молодой блатарь Гога припоминает библию.

ГОГА. А ведь первым в рай вошел не Христос, а разбойник!

ВОЙНО. Ты считаешь, разбойник лучше самого Господа? Ты так понял, читая библию?

ГОГА. Ну, так.

ВОЙНО. Послушай, как было на самом деле. Один из двух разбойников, которые были рядом с Христом, злоречил и хулил Господа. Другой же признал себя достойным казни за злодеяния свои, а Господа считал страдальцем невинным. Именно самоукорение и раскаяние отверзло ему очи души, и в невинном страдальце-человеке увидел он страждущего за человечество всесвятого Бога. Так одного разбойника за грех богохульства, тягчайший из всех прочих грехов, Господь низвел в ад на вечную муку. А разбойника, который искренне осудил себя и признал бога во Христе, ввел в рай. Церковью история эта истолковывается, как готовность Бога даровать прощение умирающему в последний момент его жизни, и как пример быстрых перемен в человеке.

Старый вор стонет все громче. Войно подходит к нему.

ГОЛОС ГОГИ. То есть можно всю жизнь грешить, а под конец вымолить прощение? А если человек людей расстреливал и сажал тысячами? Его тоже в рай, если покается? Человек может творить все, что угодно, но если признает бога, то ему все спишется?

Не отвечая, Войно расспрашивает старого вора, как давно начались боли, где именно болит, щупает живот. Стукает в дверь камеры. Открывается кормушка.

ВОЙНО. Человеку требуется срочная операция.

Появляется тюремный фельдшер. Осматривает заключенного.

ФЕЛЬШЕР. Не нахожу оснований не то, что для операции, но даже для перевода в тюремную больницу.

ВОЙНО. У старого человека острое воспаление селезенки. Если не сделать срочную операцию, он умрет в течение ближайших двух часов.

ФЕЛЬДШЕР. В Бутырке в настоящий момент нет хирурга. А вы, собственно, кто?

ВОЙНО. Я хирург. Поручите мне.

Войно совершает свой обычный ритуал. Спрашивает, пациента, верит ли он в Бога, и можно ли нарисовать на его теле крест. Получив утвердительные ответы, молится и проводит операцию.

Приехавший хирург, не скрывая удивления, подтверждает, что имело место именно острое воспаление кроветворного органа – селезенки.

Войно тоже отправляют на этап, в Красноярск. На прощание он отдает свой замечательный полушубок вору, которого прооперировал. Вор становится перед ним на колени.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

КАРПОВ. Товарищ Сталин, Войно подхватил тиф.

СТАЛИН. Ну, чем мы ему поможем? Медицина против тифа бессильна. Будем уповать на то, что Всевышний ему поможет. Велите только, чтобы его не выбросили с поезда, когда ему станет совсем плохо. Не трогать Войно, как бы хреново ему ни было! Ясно?

КАРПОВ. Ясно, товарищ Сталин.

Один в тифозном вагоне, Войно пишет письмо другу Ошанину.

ВОЙНО (*его голос*). Дорогой Лев! Теперь, когда у меня относительно много свободного времени, я могу посвятить тебя в некоторые подробности своего жития. В свое время я не хотел и не мог сказать тебе о предыстории смерти Анны. К нам приехала ее сестра, похоронившая умершую от туберкулеза дочь. Привезла ее роскошное ватное одеяло. Я тогда сказал: «В этом одеяле смерть». Но Анне и ее сестре жалко было выбрасывать такое одеяло. В результате Анна заразилась, а дети наши были инфицированы. Сейчас я могу сказать тебе честно – этого я не мог простить Анне. У детей до сих пор положительная реакция на туберкулез.

Чтобы помочь им всем, я по ночам молился, но Бог не слышал мои молитвы. Что-то не так было в моей вере в Бога.

Именно в это время мне впервые явилась мысль, что нельзя в страданиях страдать. Надо страдания любить. Ведь история Христа учит именно этому. Если Христос, как простой смертный, прошел через муки, чтобы стать Богом, то и я, Войно-Ясенецкий, простой человек, не должен страдать от мук, если хочу иметь Бога в душе своей...

ОШАНИН (*читает письмо Войно*). Дорогой Лев! Наконец, я в Енисейске Город в 400 км севернее Красноярска, столица золотопромышленного района. Добротные особняки купцов, приисковых рабочих и служащих. Мощные улицы, одиннадцать церквей. Но сегодня в церквях хранится картошка, а вместо уехавших опытных докторов врачуют фельдшера. Мастера своего дела всех профессий либо высланы, либо уехали сами. Из 15 тысяч жителей осталось 6.

Отношение к религии и к священникам в этих краях откровенно хулиганское. Единственная действующая церковь в руках воинствующих безбожников. Одна комсомолка при мне уселась, задрав юбки, на престол...

Но все равно я хочу вести богослужения. И хочу лечить людей. Захожу в местную больницу, называю себя. Заведующий встречает с недоверием. Как такое может быть – профессор в рясе? «У нас плохой инструмент, нечем делать операции», – врет заведующий. На самом деле инструментарий в больнице на едкость замечательный. И я все же уговариваю заведующего разрешить мне оперировать.

В местном ГПУ подозревают, что я получаю большие го-

норары, и подсылают к мне пациентов – разведчиков. Но я говорю им, что подношения мне не нужны. «Это Бог вас исцеляет моими руками, молитесь ему, и в этом будет ваша благодарность, – говорю я им». Чекисты злорадно потирают руками: ага, ведет агитацию!

ОШАНИН (*продолжает, отложив письмо*). Войно делает операции семье тунгусов, страдающих врожденной катарактой. Из семи человек шестеро обретают зрение. Слух об этом облетает огромные просторы края, превращая ссыльного врача почти в божество. К нему едут сотни тунгусов, страдающих врожденной трахомой, мешающей им хорошо стрелять. Войно получает прозвище Белый шаман.

Однако Енисейск – это не конечный пункт ссылки, определенный Сталиным. Войно отправляют дальше на север, в Туруханск. Перед отъездом его предупреждают, что председатель Туруханского местного совета Бабкин люто ненавидит священников.

Передвижение Войно опережает молва. В Туруханске толпа встречающих на берегу опускается перед ним на колени, его везут в храм в повозке, покрытой коврами. Крестьяне ждут от него проповеди.

Бабкин в ярости. В городке и округе великое множество больных людей. Ну и пусть умирают, лишь бы не стали снова ходить в церковь.

По приказу Бабкина, молодой милиционер Кеша Чуев везет Войно еще севернее на 1500 верст. На вопрос Войно, ку-

да они едут, Кеша отвечает: «К Ледовитому океану». Кеша ненавидит профессора только за то, что ему самому приходится ехать в такую даль в начале зимы.

Кеша издевается над Войно. Сбрасывает с саней его чемодан, заставляя нести несколько верст по глубокому снегу. Неожиданно начинается пурга, дорогу замечает. Войно останавливается в надежде, что Кеша вернется за ним. И милиционер возвращается, но при этом сбивается с пути. У Войно одна надежда – он обращается к богу с молитвой. Помог ли бог, или Кеша натывается на Войно случайно, но они благополучно добираются до цели своего смертельно опасного путешествия.

Местные жители станка Курейка вносят Войно в избу на руках и отогревают в енотовой шубе под оленьими шкурами. Но он не может согреться. Оконные рамы «остеклены» при мороженными пластинами льда. Железная печка топится и днем, и ночью, но вода в избе все равно покрывается коркой льда, а перед дверью не тает сугроб снега.

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ. Сталин жил здесь три года.

ОШАНИН. Избавление приходит в марте. В Туруханске от острого аппендицита умирает крестьянин. Местные жители устраивают Бабкину скандал: этак завтра еще кто-нибудь умрет, зачем усладил доктора? Бабкин мог бы отмахнуться и разогнать смутьянов, но у него самого брюхо болит. За Войно приезжает все тот же Кеша Чуев.

Обратный путь в Красноярск напоминает добрые старые

времена, когда архиереев встречали колокольным звоном. На всех остановках Войно служит молебны и проповедует.

После возвращения Кеше подносят большую чарку водки. Но милиционер отказывается.

КЕША. Во хмелю я груб, вдруг нахамлю владыке. Нет!

Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

КАРПОВ. Войно и не думает исправляться, товарищ Сталин. Напротив, все больше входит во вкус... Святитель, проповедник...

СТАЛИН. Ну и черт с ним. Ладно, что выжил. Верните его в Ташкент. Пусть греется. Вроде, умный человек. Неужели не понимает, к чему идут события в мире? Как до него не доходит, что он нужен не в рясе, а в белом халате, не с крестом, а со скальпелем.

Ташкент. Прихожане и люди, которых он вылечил, встречают Войно с восторгом. Он купается в своей славе.

ОШАНИН (Войно). Я давно хочу сказать тебе одну гадость. Но это не моя гадость. Я хочу сказать, что о тебе думают и говорят люди. По-моему, ты должен это знать. Для тебя твой сан – это власть. А власть – это удовольствие, услада. Да, тебя третируют, временами ты очень страдаешь, но после страданий люди поклоняются тебе еще больше, а значит, у тебя еще больше власти. Еще больше услад.

ВОЙНО. Интересно, почему ты не сказал мне это раньше?

ОШАНИН. Я боялся, что эти слова что-то убьют в тебе.

ВОЙНО. Да уж. Ты сейчас будто выпустил в меня очередь

из автомата. Если я так выгляжу... то это ужасно. Ужасно, потому что это не так. Я просто несу свой крест... без самолюбования. А если бы я раньше знаю, что так выгляжу, то нести мне этот крест было бы еще тяжелей. Спасибо, друг, за откровенность.

ОШАНИН. А ты прости меня.

ВОЙНО. Зачем же извиняться за правду?

ОШАНИН. Я сказал то, что чувствуют низкие люди. Это правда низости. Хотя... это как раз та правда, которая и существует чаще всего... Однако пора сказать. На днях я уезжаю в Москву. Мне предложили место в кремлевской клинике, и я не мог устоять. Между прочим, предложил – кто бы ты думал? – Карпов! По-моему, так он поддразнивает тебя. Ему очень хочется, чтобы ты отказался от своего сана.

ВОЙНО. По-твоему, или он тебе это прямо сказал?

ОШАНИН. Да, он сказал прямо, ссылаясь на то, что война с Германией неизбежна, а значит, ты будешь нужен. Ты им нужен, Валентин, но фанаберия не позволяет им тебя уговаривать. У этой народной власти гораздо больше спеси, чем это было при нашем царе горохе. Может, все-таки поедем вместе?

Появляется сын Михаил, за ним Алексей и Валентин. Он слышали разговор и теперь показывают, что заодно с Ошаниным. Войно напряженно думает, а они смотрят на него хмуро, но с надеждой.

ВОЙНО. Я не могу принять милости от убийц и хулителей

бога. А за тебя, Лев, я рад. Здесь слишком жаркий климат для твоего слабого сердца.

Дом Войно.

ВОЙНО (*Белецкой*) Хотел вернуться на кафедру – отказали. Нет для меня места и в больнице. Там другой главврач. Что ж, буду заниматься частной практикой.

БЕЛЕЦКАЯ. И все так же бесплатно?

МИХАИЛ (*появляется*). Зато сколько славы.

ВОЙНО. Миша, могу повторить то, что писал тебе. Ты малочувствителен. Неправда не пронзает твоего сердца. Не загорается оно святым негодованием против зла. Не пламенеет восторгом, когда слышит о прекрасном и возвышенном...

МИХАИЛ. Какой слог! Какая выпренность! Но ты не на амвоне и не на кафедре, отец. Чем красивей говоришь, тем меньше это трогает.

ВОЙНО. Соня, что было не так в моем воспитании? Миша отрекся от меня. Алексей не отвечал на мои письма месяцами. Валентин... Ну, ладно. Ему простительно. Он в депрессии, он инфицирован, бедный мальчик.

БЕЛЕЦКАЯ. Но у фтизиатров неплохой прогноз.

ВОЙНО. Сонечка, моя метода не сработала. Получается, родительский пример – не метод воспитания. Плевать они хотели на мой пример.

БЕЛЕЦКАЯ. Огрубели вы, профессор.

ВОЙНО. Соня, я в отчаянии. Бог отвернулся от моих детей.

БЕЛЕЦКАЯ (*Войно*). Валентин, в жилах ваших детей течет ваша кровь. Достоинство и самолюбие не позволят им стать негодными людьми. А если кого-то не туда заносит... Это временно. И здесь положитесь на меня. Для чего существую я?

ВОЙНО. Соня, Соня... Святая вы женщина.

АЛЕКСЕЙ (*появляется*). Верующие...они какие-то убогие. Я не хочу быть среди них.

ВОЙНО. Бог – это нечто грандиозное, непостижимое. Попробуй объяснить, почему все живое на свете сделано будто по индивидуальному замыслу. И попробуй доказать, что это произошло в результате хаотичной эволюции.

ВАЛЕНТИН (*появляется*). Ты живешь в своей скорлупе, в своем мире, и не хочешь видеть, что происходит вокруг. Создается новая цивилизация. Оказывается, можно быть братьями и сестрами без твоего бога.

ВОЙНО. Все происходящее вокруг двойственно. Одно делается в угоду идеалистической идеологии, больше похожей на религию. А другое делается обычными людьми, которые вот уж точно живут каждый в своем мире или мирке, стараясь приспособиться к тому, что навязывает эта идеология и эта религия, по принципу «плетью обуха не перешибешь».

Капа очень изменилась, стала взрослой женщиной. Она работает на медицинском факультете, читает курс физиологии. Тёма, ставший сотрудником ГПУ, не теряет на-

дежды получить ее в жены. А Капу по-прежнему тянет к Войно.

Она находит предлог для встречи.

КАПА. Валентин Феликсович, меня беспокоит состояние моего коллеги Михайловского. Похоже, он свихнулся на своей идее изобрести эликсир бессмертия. После смерти от скарлатины 12-летнего сына Михайловский покупает для него вещи, сладости...

ВОЙНО. Капа, но я не специалист по душевным болезням.

КАПА. Но вы непревзойденный диагност. Понаблюдайте Михайловского.

Зрительный зал. Михайловский выпускает у собаки кровь и вводит ее обратно в особом растворе. С помощью такого промывания он обещает в недалеком будущем излечивать самые разные болезни. Незатейливый фокус подается им как всесилие советской науки. Зрители заходятся от восторга. А шарлатан уже обещает, что впереди – воскрешение из мертвых. Мол, советская наука все может!

МИХАЙЛОВСКИЙ. Наслышан о вас. Это правда, что вы пересадили сибиряку почки теленка? Пойдемте ко мне. Я вам покажу свое чудо.

Квартира Михайловского. Он показывает Войно мумифицированное тело сына.

МИХАЙЛОВСКИЙ. Вот он, мой любимчик. Я держал его тело в формалине, а потом высушил. Теперь он готов

к оживлению. Осталось закончить разработку эликсира бессмертия.

Нервы у Войно не выдерживают. Он тут же уходит. Капа поджидает его во дворе.

КАПА. Что скажете, профессор?

ВОЙНО. А что я могу сказать? Я могу только поздравить вас с всесилием советской науки.

КАПА. Михайловский свихнулся?

ВОЙНО. Конченный псих.

Из квартиры Михайловского доносится выстрел.

ЧК. Комната для допросов.

ТЁМА. Вы были у Михайловского?

ВОЙНО. Был.

ТЁМА. Отлично! Значит, это вы убили его.

ВОЙНО. Бог с вами!

ТЁМА. Нет, гражданин Войно-Ясенецкий, бог с вами. А с нами – пролетарское правосудие. Наконец-то, вы попались! Мотив налицо. Опыты Михайловского подрывали основы вашей религии.

В комнату врывается Капа.

КАПА. Михайловский застрелился.

ТЁМА. Какого черта? Кто тебя пустил? Какое твое дело?

КАПА. Во время выстрела я стояла с профессором во дворе. Я – свидетель!

В дверях уже стоит Петерс.

ПЕТЕРС. А мы и не сомневались, что профессор Войно

не может быть убийцей. Просто у нас к нему на этот раз совсем другие вопросы. (*Тёме*) Проводите девушку до выхода. (*Войно*) Профессор, ваши родственники служили при дворе польских и литовских королей. Вы же не будете с этим спорить, было дело?

ВОЙНО. Ну, было, и что?

ПЕТЕРС. А то, что отец ваш дворянин и католик.

ВОЙНО (*он вне себя*). И что? И что?

ТЁМА (*он вернулся*). А то, что ты тоже дворянин, а значит неисправимая и на все способная контра.

ВОЙНО. Что опять будете шить?

ТЁМА. Твое священство, что ж ты по фете ботаешь?

ВОЙНО. Скоро у вас вся страна будет ботать. В чем вы меня обвиняете?

ПЕТЕРС. Вы обвиняетесь в создании контрреволюционной церковно-монашеской организации, ставящей целью свержение советской власти, в шпионаже в пользу иностранной разведки и преднамеренных убийствах больных во время операций.

ВОЙНО. Церковно-монашеской – это понятно. Убийства больных – тоже неплохо придумано. А вот шпионаж... Можно сразу узнать, в чью пользу, чтобы не ломать голову?

ТЁМА. Как в чью? Ватикана. Ведь твой отец католик. Зачем ты скрывал это?

Войно смеется. Смех его, сначала нервный, переходит в почти истерический хохот.

Петерс наливает в стакан воду из графина, подает Войно. Войно не берет. Тогда Петерс льет воду ему на голову.

ПЕТЕРС. На конвейер его.

Тюрьма.

Войно допрашивают методом «непрерывки», или конвейера. Следователи, сменяя друг друга, ведут допрос днем и ночью, не давая спать.

Войно заставляют стоять в углу. Он объявляет голодовку. От истощения и нервного переутомления часто падает.

У него зрительные и тактильные галлюцинации. То ему кажется, что вокруг него бегают цыплята, то он чувствует, что под рубахой у него шевелится змея. Цыплят он пытается поймать, а змею – сбросить с себя.

ТЮРЕМЩИК. По-моему, он чокнулся.

ДРУГОЙ ТЮРЕМЩИК. Точно, глючит.

ВОЙНО. Мне не в чем признаваться. Но вы меня замучили, я готов выдумать признания, только бы прекратились издевательства. Вас это устроит?

ТЁМА. Пиши. Может, что-то и пригодится.

ВОЙНО. Я объявляю вторую голодовку.

ТЁМА. А мы начинаем следующий «конвейер».

Наряженный шутком, Тёма врывается в комнату, где ведется допрос Войно.

ТЁМА-ШУТ. Старик с белой бородой, который сидит на облаке, это твой бог? И ты, материалист, веришь в такого бога? Твоего бога родила девственница без участия в этом

мужика – и ты в это веришь? Твой бог навестил своего друга Лазаря, который был уже трупом, и оживил его, уже смердящего? И ты в это веришь? Твой бог любит людей и в то же время у него есть огненное место, где грешники, с точки зрения твоего бога, вечно горят и рыдают, что очень нравится твоему богу. Мелочный ревнивец, злопамятный деспот, женоненавистник, убийца детей и народов – это твой замечательный бог? Отвечай! Отвечай! Отвечай!

Войно закрывает глаза и затыкает себе уши.

ВОЙНО. Прекратите это святотатство! Хорошо, я подпишу любые показания, кроме признания в покушении на Сталина, но прежде мне нужно прийти в себя и хорошо поесть. У вас найдется кусок жареного мяса?

Войно приносят жареное мясо. Он просит нож. Ему приносят нож. Уставший от допросов Тёма дремлет за столом.

Войно пытается перерезать себе ножом височную артерию. Но нож оказывается совершенно тупым. Тёма просыпается и начинает избивать Войно. Вбегают другие чекисты.

ТЁМА. Хотел перерезать себе височную артерию, гад. Но я не зря учился на медика. Со мной такие фокусы не пройдут.

Заседание особого совещания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ. Особое совещание приговаривает Войно-Ясенецкого к пяти годам

ссылки в Красноярский край. На этап его!

Войно выводят из тюрьмы. И он застывает в удивлении.

Тёма Фомин усаживает в «воронок» Якова Петерса.

ВОЙНО (Тёме). Вот так раз!

ТЁМА. А чему вы удивляетесь? Для нас прошлые заслуги не имеют значения, если мы видим, что к нам затесался враг.

ВОЙНО (*председателю Особого совещания, который тоже выходит из помещения*). Если мое дело вел враг народа, как вы могли вынести мне такой приговор?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ. У нас оправдательных приговоров не бывает. Пролетарское правосудие не ошибается.

ТЁМА (*Войно*). Просто мороз по коже.

ВОЙНО. Тебе-то чего бояться?

ТЁМА. Эх, профессор. Уж кому как не мне знать товарищей.

Красноярский край. Село Большая Мурта.

ОШАНИН (*читает письмо Войно*). Дорогой Лев! В местной больнице мне разрешают работать только за еду и кров. Выгляжу я сейчас, как дряхлый старик. Но постепенно начинаю делать сложные операции и становлюсь среди простого народа знаменитостью.

Хочу продолжить книгу «Очерки гнойной хирургии», но для этого нужно поработать в медицинской библиотеке, которой в Красноярске нет. Звонил Карпову. По его словам, Сталин велел не чинить препятствий: «Пусть пишет. Нам его

работы скоро пригодятся». Меня отпустили в Томск, где хорошая медицинская библиотека. Как только закончу рукопись, сразу пришлю ее тебе, иллюстрированную моими рисунками.

ОШАНИН (*в зал*). Я обратился к наркому обороны Ворошилову с просьбой ускорить выпуск книги. Добавил: «Товарищ маршал, Войно-Ясенецкий осужден по ложному обвинению. Петерс, который его посадил, три года как расстрелян. А профессор все еще томится».

Реакция Ворошилова: «Петерса мы правильно наказали. Но не один Петерс решал, виновен ваш друг или не виновен. Еще неизвестно, что он там понаписал в своей рукописи. Я велю проверить».

Записываюсь на прием к Карпову.

КАРПОВ. Наш общий друг сам нарывается. Работал бы тихо, и никто бы его не трогал. В славе и достатке бы купался. Его ряса – это ж, как красная тряпка. Зачем? Ведь и вы наверняка не раз спрашивали его: зачем ему это? Знаете, даже если Бог есть, я думаю, он его тоже не понимает.

Село Большая Мурта. Скромная операционная. Войно делает операцию. Работает радио.

ГОЛОС МОЛОТОВА. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на

то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Войно уходит в другую комнату. Боится, что окружающие прочтут на его лице совсем не подходящее к такому моменту выражение. Он понимает, что наконец-то будет нужен своей стране.

Москва. 6 ноября 1941 года. Карпов в кабинете Сталина.

СТАЛИН. Открою вам секрет – завтра парад. Мы должны поднять дух нашего великого народа. Но не только парадом. Возьмите у Местоблюстителя Сергия икону Казанской божьей матери, передайте ее нашим авиаторам. Пусть облетят с ней Москву. Это будет небесный крестный ход. И подготовьте такую же икону для Ленинграда. Говорят, всякая власть от Бога. Вот мы и увидим, с нами ли Бог. А народу пока знать об этом не надо. Если Бог действительно есть, народ это и так почувствует.

КАРПОВ. Товарищ Сталин, Войно-Ясенецкий просит дать ему возможность работать в госпитале.

СТАЛИН. До Красноярска семь тысяч километров... Сколько идут санитарные эшелоны? Недели две, а то и три. Представляю, что за это время происходит с ранеными. Сколько их в эвакогоспитале? Десять тысяч? Поставьте Войно главным хирургом. И заодно консультантом всех госпита-

лей Красноярского края. Он спасет нам десятки тысяч бойцов

ОШАНИН читает письмо Войно. Дорогой Лев! С приказом о моем назначении прилетал генерал медицинской службы. Увидел, что я живу в холодной комнатке, где до войны ютился дворник, причем живу впроголодь. На довольствие в госпитале меня не ставят. Как можно? Я же обычный ссыльный.

Санитарные поезда привозят запущенных раненых. Особенно много остеомиелитов от костных ран. Персонал зачастую работает непрофессионально. Я часто срываюсь. Чтобы снять раздражение, пью бром. *(в сторону)* Ну, бром он пил и раньше, и не от раздражения.

Наиболее тяжелых раненых он отыскивает сам. Если же его вмешательство запаздывает, и он замечает при обходе, что прооперированного им увезли в морг, уединяется в своей камерке и отмаливает свой невольный грех.

И вот последнее письмо. Войно пишет. Лев, это какое-то чудо. В одном из санитарных поездов привезли с передовой... кого бы ты думал? Капу Дрёмову! У нее тяжелое ранение. Сделал ей сложнейшую операцию. Несколько суток она находилась в коме, но сейчас пошла на поправку.

Госпиталь. Отдельная палата, где лежит Капа. Входит Войно.

КАПА. Присядьте, профессор.

Войно садится на стул у кровати.

КАПА. Представляю, как вы меня искромсали.

ВОЙНО. Женщин не должно быть на войне. Но вы не должны переживать. Не вижу повода. Я зашил вас очень аккуратно.

КАПА. То есть не противно будет смотреть?

ВОЙНО. Я монах, Капа. Мне нельзя видеть то, что видят другие.

КАПА. Как же вы живете?

ВОЙНО. Терпением, Капа,

КАПА. Ну и зачем это вам? Может, вы презираете женщин так же, как презирал ваш бог? Учтите, я дважды перечитала оба Завета. От меня ничего не укрылось.

ВОЙНО (*теплым тоном*). Поправляйся, Капа, и не хули господа всеу.

КАПА. Неправильно. Правильно – поправляйся скорее, Капа. (*протягивает руку*) Господи, как же я рада, что меня так ранило, что меня привезли сюда. Разве это не провидение?

ВОЙНО. Поправляйся скорее.

КАПА. Я жду тебя с нетерпением, Капа. Ну, скажите так! Назовите меня по имени. Человеку так нравится слышать свое имя.

ВОЙНО. Я буду ждать твоего выздоровления... с нетерпением, Капа

КАПА. Вот теперь правильно. Ну, встаньте же со стула. Сядьте сюда, на краешек. (*Войно встает и садится на край*

кровати) Обнимите меня. Ну, как сестру во Христе. Господи, ну что вы такой серьезный, такой деревянный. Как же мне вас оживить?

Войно делает движение, чтобы встать. Капа решительно привлекает его к себе и целует. Войно пытается встать, но Капа держит его крепко.

ВОЙНО (*отстраняется*). Мне пора. Я зайду попозже, а вы... а ты пока поспи.

КАПА. Спать? Ну, нет! Вдруг просплю твое появление.

Войно выходит из палаты, где лежит Капа. Сталкивается в коридоре с медсестрой, которая подслушивала разговор.

МЕДСЕСТРА. Что делается! Я вас не узнаю, профессор. Вы буквально на глазах возвращаетесь в свой возраст.

Комнатка Войно в госпитале. Войно и Капа пьют чай.

КАПА. Я дважды молилась Богу. Когда попала под сильнейший артобстрел на передовой. И когда везли в санитарном поезде – боялась, что не довезут.

ВОЙНО. А ведь я мог умереть до войны. Одиннадцать лет в ссылках, на пересылках, в тюрьмах. И не помог бы сейчас тысячам. До чего же глупый твой бог Сталин, Капа. А еще гений.

КАПА. Давай выпьем за наших богов. Какие бы они ни были, мы с верой в них и с их именем ходим на смерть. А значит... они нам нужны. А если бог нужен человеку, это и оправдывает его существование. Не кори себя, Валентин.

Бог должен понять и простить тебе всё, даже без молитв. Ты этого заслужил. Сегодня я останусь у тебя. И мы пойдём дальше по жизни вместе. Я тоже буду гонима. Но я все стерплю. Я тоже заслужила право быть рядом с тобой.

Войно наливает из фляжки в стаканы. Они чокаются. Но тут – стук в дверь.

ПОЧТАЛЬОН. Вам телеграмма.

Войно расписывается в получении. Почтальон уходит.

ВОЙНО (*прочтя текст*). Митрополит Сергей приравнял мое лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел меня в сан архиепископа.

КАПА (*она убита этой новостью*). Простите, ваше высокопреосвященство. Я забыла, что вы владыко Лука. Кажется, я вас очень серьезно скомпрометировала. Но, слава богу, не успела скомпрометировать еще серьезней.

ВОЙНО (*в сильнейшем волнении*). Архиерейское облачение шьется из парчи. Где взять парчу?

КАПА. Какая же вам парча во время войны, да еще в Сибири? Здесь даже ситчик – роскошь. Но я найду вам парчу. Вот оклемаюсь чуток и непременно найду. Чего не сделаешь для любимого ... архиепископа.

ВОЙНО. Капочка, я мистик. Ну, что я с собой поделаю? Таким уж уродился. Будь ко мне снисходительна.

Москва. Кремль. Приемная Сталина. Здесь Карпов и митрополиты: Ленинградский, Киевский и Галицкий. А также местоблюститель Патриаршего престола Сергей. Они вхо-

дят в кабинет Сталина, где уже находится Молотов.

СТАЛИН. Из нас только Молотов не имеет духовного образования. Поэтому мы пока не дадим ему слова. Пусть как глава правительства только слушает и на ус мотает. Какие у вас вопросы? Давайте обсудим и решим.

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ. Иосиф Виссарионович, вопрос по сути один. Когда соберется архиерейский Собор и изберет Патриарха?

СТАЛИН. Надоело вам быть местоблюстителем? Шучу. Конечно, вопрос созрел. Причем, чего греха таить, созрел давно. Открою вам один секрет. Перепись населения 1937 года зафиксировала, что половина населения Советского Союза – верующие. И сегодня к нам поступило более 12 тысяч коллективных обращений об открытии церквей. 700 из них мы готовы поддержать. Итак, иерархи, что требуется для проведения архиерейского Собора?

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ. Прежде всего, транспорт.

СТАЛИН. Давайте свезем в Москву всех членов Синода самолетами. Ведь многие, наверное, никогда не летали. Пусть приблизятся к Богу. Только архиепископа Луку не будем вызывать. Далековато.

Хочу вас проинформировать. Все вы знаете товарища Карпова, как нашего сотрудника, который помогает нам поддерживать связь. Но теперь он выйдет из тени и возглавит Совет по делам Русской православной церкви при Совнарком. Нет, он не станет чем-то вроде обер-прокурора Сино-

да, боже упаси. Напротив, всей своей деятельностью он будет подчеркивать самостоятельность нашей церкви.

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ. Но товарищ Карпов... (*осекается*)

СТАЛИН. Вы хотите сказать, что мы назначаем человека, который вас преследовал? Что ж, такое бывает. А теперь он будет вашим ангелом-хранителем. Я знаю Карпова, он очень исполнительный работник. Будет ремонтировать вам церковь. Повесит в кабинете карту и будет по ней следить, как идет восстановление. Сколько в стране скорбей по погибшим, скольким людям нужно утешение.

Февраль 1953-го года. Собор. Архиерей Лука заканчивает богослужение. К нему подходят люди в штатском.

ЧЕЛОВЕК В ПЛАЩЕ И ШЛЯПЕ. Мы за вами.

Войно усаживают в самолет, и через несколько часов он в Москве. На аэродроме его ждет правительственный лимузин.

Дача Сталина. Сталин поднимается из-за стола и идет навстречу вошедшему в кабинет Войно.

СТАЛИН. Вот вы какой, товарищ и брат мой Войно! Самые добрые отношения иногда начинаются с недоразумений. Вот и у нас так случилось. Но я всегда учитывал, что у нас много общего. Вы всего на год старше меня. Я тоже имел одно время отношение к религии. И вы однажды сказали, что, если бы не стали священником, то стали бы коммунистом. Вы за то, чтобы государство наше было сильным, иначе его

сомнут. Мы оба проповедники. В юности решили стать мужицким, считай, пролетарским доктором. Ну и вы побывали там, где бывал я. Кстати, как вам там, на нашей российской Голгофе?

ВОЙНО. Путь в ссылку хуже самой ссылки.

СТАЛИН. Это точно. Особенно, если на тебе надето то, в чем тебя арестовали. На мне, как на зло, была то грузинская чоха с кармашками для патронов, то легкое пальтецо. Но мало одежды – это еще терпимо. А вот плохие эскулапы... Я мучился зубами. Фельдшер положил мне в гнивший зуб мышьяк, но не сказал, в какой-то срок вынуть. Боль прошла, но вместе с больным зубом выпали два здоровых.

ВОЙНО. Понимаю. С тех пор вы невзлюбили медикусов.

СТАЛИН. Вот именно, что медикусов, гореть им в аду.

ВОЙНО. Знаете, а я полюбил свои страдания. Всюду, куда бы меня ни сослали, со мной был Бог. Это не вы привезли меня сюда, говорил я конвоирам, это сам Господь привел меня сюда.

СТАЛИН. А я любил коммунистическую идею. И эта любовь тоже давала мне силы. Сталиным я стал там, в шести ссылках и в восьми побегам. Знаете, а ведь любить хорошую идею – это лучше, чем любить себя. Вы наверняка думаете сейчас, зачем же я вас пригласил. Сейчас поймете. Во время американской бомбежки Милана взрывами бомб снесено все здание со знаменитой картинной галереей, всё в крошку. Осталась только стоять стена с картиной Леонардо «Тайная

вечеря». Вот фотография, взгляните.

Войно с волнением рассматривает снимок. Он ничего об этом не знал. Он ищет глазами стул.

СТАЛИН. Садитесь. Я тоже этим крайне удивлён. Даже больше скажу – этот факт заставил меня усомниться. Может, напрасно я разочаровался в религии? Может, мы, большевики, зря преследовали церковь? Надо было завоевать ее на свою сторону.

ВОЙНО. Завоевать – значит, использовать. А использовать бога – это само по себе кощунство.

СТАЛИН. Хорошо сформулировано. Но что из этого следует? Мы никогда не будем заодно?

ВОЙНО. На равных – никогда. Вы этого не позволите.

СТАЛИН. С кем на равных? Ведь вы такой – исключение, редкость. А другие? Неужели вы считаете этих других равными нам с вами?

ВОЙНО. Сказав людям, что религия – дурман, вы сказали, что дурман – сама мораль.

СТАЛИН. Что же вы повторяете антирелигиозную макулатуру?! Ни один мыслящий человек не может однажды не задуматься, откуда это все взялось? Природа. Мироздание. Но природа – это и есть бог! Но не в том виде, в каком подаете его вы.

ВОЙНО. Значит, все-таки вы допускаете существование бога.

СТАЛИН. Черчилль прав: русские умеют хранить тайны,

даже от своих. Значит, вы ничего не знаете о небесном крестном ходе над Москвой, над Ленинградом, Сталинградом? Я не могу утверждать, что именно икона помогла. Но ведь не сдали немцам эти три города. И это такие же три факта, как уцелевшая «Тайная вечеря». Но это не весь ответ на ваш вопрос. Последние дни я чувствую, что мне осталось совсем мало. И меня все время тянет исповедаться. Но кому? По моему, вы – лучшая кандидатура.

ВОЙНО. Бог с вами, как я смею.

СТАЛИН. Всякая власть – от бога. Вот власть вам поручает – исповедать товарища Сталина. Подчиняйтесь.

ВОЙНО. Это какая-то игра, а я не люблю игр.

СТАЛИН. Ну, какая это игра, все всерьез. Не хочу я лежать мумией в мавзолее. Хочу, чтобы прах мой упокоился в сырой земле. Но ведь не позволят. Ни соратники, ни народ. Как быть? Что сделать, чтобы похоронили по-человечески?..

Московская квартира Ошанина. Здесь Войно, Капа, Ошанин.

ОШАНИН. Значит, он почувствовал край. Даже в богочеловеке можно узнать просто человека. Как только на краю... так подавай бога. Карпов говорит, великий вождь своей рукой вписал твою фамилию в список лауреатов его премии. Уж как только тебя не ублажали, как только не искушали – ты стоял, как скала. И вот... принял эту премию. Мой тебе совет, друг. Прими его исповедь, а потом проводи до самых врат... сам знаешь, чего. Ладно, ребята, я вас покидаю. У

меня сегодня операция.

Ошанин уходит.

КАПА. Интересно, перед тобой стоит вопрос, как жить дальше? Или тебе достаточно прислушаться к голосу божьему? *(после паузы)* Хорошо, что молчишь. Я боялась, что скажешь – как богу будет угодно. Тебе не бывает скучно с твоим богом? Прости, это, наверно, ревность. Хотя... ревновать к богу – что может быть глупей? Надеюсь, он, бог, это понимает... *(после паузы)* Сегодня ночью мне пришла мысль. Одна любовь делает ненужной другую любовь. Мне стала не нужна любовь к партии, к идее. Мне нужен ты. Но тебе нужнее твой бог. Как все просто, даже примитивно. А смысл жизни – в любви, к кому-то или к чему-то. Что же мне делать? Спросить совета у партии?

ВОЙНО. Как это ужасно.

КАПА. Что ужасно?

ВОЙНО. То, как я поступаю с тобой. Как поступаю с чувством нашим друг к другу. Ведь в этом чувстве нет ничего греховного. Я тоже не сплю ночами, думаю, ищу выхода. И – не нахожу. Спрашиваю себя, почему не нахожу. И на ум приходит только одно объяснение. Я стал упрямым, твердолобым фанатиком. И если это так, то как я могу осуждать Сталина или тем более исповедовать его?

КАПА. Да леший с ними, Сталиным! Нам-то что делать?

ВОЙНО. Дай мне еще один день и еще одну ночь.

Квартира Войно. Здесь Белецкая и Войно. Дети Войно –

совсем взрослые мужчины – в соседней комнате.

ВОЙНО. Я отлично понимаю, что теряю своих детей. Чем старше становятся, тем больше отворачиваются от меня. Вы их вторая мать. К вам они, исключая Михаила, прислушиваются. Подскажите, как мать, что мне делать?

БЕЛЕЦКАЯ. Боюсь, что поезд ушел. К богу они не придут точно. А если так, то между вами не может быть ничего общего.

ВОЙНО. Но все трое пошли в медицину. Скоро станут профессорами. Разве это не общее?

БЕЛЕЦКАЯ. Нет. В медицине они будут сами по себе, отдельно от вас. Тем более, что вы ушли из медицины в работу святителя. И эта ваша священническая работа выпадает из существующей системы ценностей. Ее как бы нет. Ваша работа нужна ничтожно малому числу людей. Души большинства врачует – или только делает вид, что врачует – государственная мораль и ее государственные проповедники. Для вас выход один – ждать, когда существующая мораль исчерпает себя. Тогда к народу вернется ваша церковь. Но боюсь, что к тому времени народ у нас будет совсем другой. Будет в своем большинстве атеистом по сознанию, хотя и уважительно относящимся к церкви. Во всем мире религиозность пойдет на спад. Но нас к тому времени точно не будет. А вам ведь нужно знать, как жить сегодня.

ВОЙНО. Да-да, именно так. Говорите. Договорите до конца.

БЕЛЕЦКАЯ. Ради бога вы оставили без своего попечения и своей благодати своих четверых детей. И убили плотскую любовь к вам двух женщин. Вам было множество явлений, но скажите, было ли хоть в одном из них повеление не делать этого? Можете не отвечать. Не было таких повелений, иначе бы вы их исполнили. И что же из этого вытекает? Бог не пожалел ни одного из самых близких вам людей. Но вы продолжаете его любить, ему служить. Это что такое?

ВОЙНО. Это ужасно.

БЕЛЕЦКАЯ. Да, это ужасно. Но могу вас утешить. Это ужасно только для ваших детей, для Капы, для меня. Но не для вас. В вашем служении медицине и Богу найдется немало чудес. Вы будете причислены к лику святых. Потомки поставят вам памятники. О вас напишут книги, поставят фильмы и пьесы. Так что, как видите, все не так уже плохо.

Белецкая уходит. Появляются сыновья Войно.

ВОЙНО. Вы стояли у двери, и все слышали. Вы согласны с тем, что сказала ваша вторая мать?

МИША. Абсолютно. Ты странный, отец. Как ты мог верить в своего бога, если он не отвечал на твои молитвы? Когда он не спас нашу маму?

АЛЕКСЕЙ. Религия – это всего лишь плохо продуманная ложь не очень умных писак древности. А как можно верить в написанное неумно, да еще черт знает, когда? Как можно из этого неумного сотворить себе веру?

ВАЛЕНТИН. Для этого требуется опьянение рассудка.

Опьянение верой. Таким человеком нужно родиться. Но мы не родились такими.

Дети выходят. Появляется Капа.

КАПА. Ты до сих пор считаешь, что по-настоящему нравственным может быть только религиозный человек. Но если так, со мной как быть? Я влюбилась в тебя еще девчонкой. А сейчас мне уже... Но я до сих пор верна своему чувству к тебе. Разве я не нравственна?

Капа уходит.

ВОЙНО. Человек с духовной жизнью не может не слышать повелений Господа. Бог служит человеку больше, чем человек Богу. Бог говорит с человеком чаще. Намного чаще. Надо только уметь слышать. Но сейчас я ничего не слышу. Ничего! Но почему? Господи, почему??